

Юлия Славачевская, Марина Рыбицкая

Зачем вы, девочки, красивых любите, или Оно мне надо?

Мы сердечно благодарим всех, кто помог нам при создании этой книги. В первую очередь — наших близких, которые терпеливо сносили временами долгое исчезновение писательниц из священного ложа семьи.

Земной поклон Светлане Копьевой за вычитывание и правку первого варианта, а также огромная признательность Елене Захаровой за ее фанфики и любовь к героям.

Благодарим наших друзей: Марину — Клеопарду, Троля Подстрочного, многоуважаемого Блика, Киру Александрову, Брутальную Старушку, Клару, Дарисенту и многих-многих других.

Пролог

Легче всего переводят стрелки те, кто на самом верху.

В полутемной пещере высоко в горах, между двумя игроками, азартно режущимися в замусоленные карты, состоялся странный разговор.

— Что ты несешь, ненормальная? И это я должен вставлять как пророчество?! — покрывая бубновую даму козырным королем, возмущался молодой мужчина, одетый лишь в красное замызганное трико с буфами.

— Да! — непререкаемым тоном отрезала партнерша, держась за перетянутую клетчатым платком голову одной рукой и другой стягивая на груди засаленный халат без двух верхних пуговиц, вырванных с мясом.

— И остальные должны в него верить? — выслушав категоричный ответ, сменил тон на скептический блондин, сдавая карты заново и отчаянно жульничая.

— Да! — повторила собеседница и, нащупав в объемном кармане, вытащила на свет курительную трубку с длинным мундштуком. Хозяйская трубка обладала изящной чашечкой под табак и несла на себе заметные следы частого употребления — изгрызенный загубник.

— Драгоценная, ты ничего на ночь глядя вчера не употребляла? — вкрадчиво поинтересовался красноколготочный, с явным интересом наблюдая за энергичными поисками кисета.

Поиск активно велся под столом. В стороны летели найденные огрызки, пустые бутылки и скорлупа колотых орехов.

— Да! Нет!!! — взвизгнула вторая половина, набив себе пару шишек на больную со вчерашнего дня голову. Она вылезла с кисетом в руках, попутно наградив спутника жизни злобным и многообещающим взглядом.

— Понятно. Ладно, я запишу эту белиберду, но под твоим именем, чтоб меня монахи тухлыми яйцами потом не закидали, — не стал спорить мужчина со злобной фурией и, достав откуда-то из-под себя пергамент, перо и чернильницу, принялся прилежно скрести пером, сочиняя текст пророчества, в то время как женщина яростно раскуривала трубку.

Вскоре пещеру заволкло клубами терпко пахнущего табачного дыма...

Глава 1

Кто-то в историю входит, а я влипаю.

Эрика

День не заладился с самого рассвета. Хорошее настроение испарилось от одного взгляда на календарь: пятница, тринадцатое...

Обычное утро превратилось в настоящий кошмар. Начиная заболеть и явно ощущая грозные симптомы гриппа, я хлюпала носом, выслушивая претензии. Сначала муж начал бубнить:

— Где мои носки? Я их вчера тут оставил.

— Может, поставил? — издевательски поправила его, лихорадочно носясь по кухне. Одновременно с традиционными беседами о поиске нужных предметов я успевала многое: сооружала бутерброды, жарила яичницу, будила ребенка, привычно отвечая на телефонные звонки и отпихивая ногой возжелавшего ласки кота.

— Неважно, — отмахнулся ненаглядный, упорно преследуя жену по пятам и заглядывая мне через плечо, чем бесил неимоверно. — Должны быть тут! Я хотел надеть их второй раз!

— Уверен? — Я по опыту отлично знала удручающую невнимательность своего благоверного. — Если должны, — философски заметила, подавляя раздражение, — значит, ищи — я ничего не трогала и не переставляла...

В это время понадобился бекон. Распахнула морозилку... глазам предстало дивное зрелище: на розовом с прожилками сале торжественно возлежали грязные носки. Небось муж ночью решил попировать тайком запретным продуктом, но вот как туда же приبلудились носки?.. Тайна века!

Наверное, тоже за салом пришли. Не зная, смеяться или плакать, я спросила нейтральным тоном:

— Муж! Как это понимать? — двумя пальцами вытаскивая ту самую искомую часть мужского гардероба из морозилки. — Ты где их оставлял?

Супруг задумчиво почесал затылок и неуверенно сообщил:

— Вроде бы в спальне...

— А сюда они сами дошли? Телепортом? — ехидно поинтересовалась я. Конфисковала голодающих беженцев и гордо вручила мужу новую пару, метко забрасывая комок замерзшего, практически стеклянного трикотажа в стиральную машину. По ходу дела успела спасти подгорающую яичницу, вот какая я молодец!

Дальше я включила «пятую передачу», по ходу заслужила статус жестокой и невнимательной, недрогнувшей рукой выпроводив мужа на службу и бдительно не давая втянуть себя в занудный треп о характеристиках новых моделей автомобилей. Первый этап пройден. Вздохнув с облегчением, следом быстро собрала и отправила сына по маршруту: «школа-я-не-хочу-быстро-пошел-знания-сила». Ура! Путь свободен! Не сбавляя темпа, стрелой помчалась на работу.

На мою голову продолжили сыпаться всяческие неприятности, словно разверзлись хляби небесные. Пришло сообщение о внеплановой финансовой проверке. Подал заявление об уходе ведущий специалист отдела. В рабочую систему пробрался вирус, и нужный файл не открывался...

В общем, день прошел... плодотворнее не бывает! Биясь головой о клавиатуру и умоляя неисправный компьютер выдать запрашиваемую информацию, нужную к завтрашнему утру, я висела на двух телефонных линиях одновременно. На одной ругалась с техническим отделом, на другой уговаривала спеца повременить. Иногда линии путались:

- Когда исправите?
- Ну не стоит так спешить...
- Это я не вам! Вам как раз нужно поспешить...
- Как — завтра? Сейчас!
- Извините, может быть, на следующей неделе?
- Да нет же! Я сказала — СЕЙЧАС!

Засидевшись допоздна и не решив даже сотой доли проблем, домой я притащилась с температурой за тридцать восемь, в совершенно расклеенном состоянии. И вот когда, смирившись с неизбежным увольнением и убедив себя в необходимости отправиться в кровать и отоспаться, приняла необходимые лекарства, то заснула в обнимку с ноутбуком.

Во сне я тонула. По-настоящему. Вода тяжким покрывалом смыкалась над моей головой, заливаясь в нос и открытый в беззвучном крике рот. Жгучей резью распирало легкие. Болью в груди перехватывало дыхание...

Сконцентрировавшись, я вынырнула на поверхность и, пошатываясь, с трудом добралась до стенки бассейна. Отплевываясь и низвергая потоки воды, ушибла локоть о бортик. И тут моя отрезвленная болью голова вдруг поняла: Я НЕ СПЛЮ!

Провела ладонями по лицу, стирая остатки сонной одури. Совершенно голой, по грудь в воде, меня выкинуло в небольшой округлый бассейн или купальню, раньше такие делали в общественных банях, чтобы можно было охладиться после парной. Глаз резало белорозовое мраморное великолепие и обилие позолоты на ручках и любых металлических изделиях вроде перил лесенки.

Оглядев громадное помещение, протерла глаза. Пораженно цокая языком на окружающее богатство а-ля обитель шейха, я погладила ноющий локоть. Глюки не отпустили. Еще раз умылась. Поковыряла камень. Пока плавала в состоянии легкого грогги, взгляд вдруг выцепил изменение цвета ногтей на руках.

«Кто посмел испортить мой экстравагантный маникюр с ручной росписью и стразами от Сваровски, переокрасив ногти в цвет взбесившегося поросенка? Ну вот это уже подлость и безобразия!»

Изучила новый маникюр. Подумала... И заорала:

— Мама! Я сплю!!!

Не помогло. Обстановка не изменилась, разве что добавилось гуляющее от стенки к стенке эхо. Потрясла ничего не соображающей головой и додумалась: «Надо бы одеться. Как-то стремно встречать опасность в... э-э-э... костюме Евы. Очень, я бы сказала, неприлично».

Большим выбором судьба меня не одарила. В этом шикарном сарае мне оставили из одежды только лишь веселенькую розовую тряпочку, валявшуюся на одной из каменных скамеек, расставленных вдоль стен. Ни тебе полотенец, ни иного сервиса! Я ж говорю — сарай!

По случайности мраморная лавочка находилась практически напротив меня. Зато вульгарная в своей роскоши лестница — на противоположном конце бассейна.

«И как хозяйева руки о стразы не царапают? От души налепили. Не пожалели добра».

Желания плыть на другой конец бассейна не возникало. Хотелось поскорее проснуться дома. Или в крайнем случае — одеться. Подпрыгнула, опираясь на руки и закидывая ногу на бортик. Тут же по спине и «мадам сижу» меня весомо шлепнуло мокрым и тяжелым. От неожиданности руки дрогнули, соскользнули с бортика, и я снова ушла под воду.

Вынырнув и отфыркавшись, я сообщила всему миру:

— Я, конечно, говорила, что от такой жизни можно утопиться... но не буквально же! И две попытки подряд — заметный перебор.

Благоразумно не став повторять подвиг десанта водолазов, добрела до лесенки. Убедилась — ничто не царапает, не кусается и не дерется. Уже хорошо. Вцепившись за перила, начала подниматься из воды и... снова нечистая сила рванула мою голову назад.

— Да что же это такое?! — возмутилась я, предусмотрительно не отцепляясь от перил одной рукой, другой полезла проверять наличие якоря, тянущего мой затылок. Ну не приклеили же меня к этой мраморной ванночке на веки вечные! Я тут плавать до скончания века не хочу!

Гадство! Даже претензии высказать некому!

Лап-лап... Я полезла ощупывать голову, молча удивляясь — длина руки уже закончилась, а волосы все еще нет. Интересно, меня эликсиром Рапунцель, часом, не напоили? Отлепившись от перил, я уже двумя руками вытаскивала мокрую тяжелую мочалку, попутно выкручивая оную и с мазохистским любопытством исследуя ее длину.

Ждать пришлось долго. Вес ощущался приличный, когда я увидела, где же подобное богатство заканчивается. Пригорюнилась.

— И как мне с этим теперь жить? — обратилась в никуда, потрясая достоянием.

В том, что оно мое, убедилась еще до того, в спешке пару раз нечаянно дернув рукой и чуть не сняв с себя скальп. Мокрые патлы представились мне цепями, на кончиках которых было наплетено видимо-невидимо мелких, перепутанных между собой косичек, закрепленных крошечными заколками.

— Мне их так и носить, намотав на руку? — продолжила бредни сумасшедшего. — Видимо, да. Иначе рискую торчать здесь до скончания века, совмещая функции якоря и поплавка.

Представила. Впечатлилась... и с негодованием отвергла подобную трудовую деятельность.

— Неженское это дело! — заявила больше для себя, раздумывая, как же выбраться без особого ущерба, причем имея свободными обе руки.

Перед глазами возникла запись в трудовой:

«Место работы: неопознанный бассейн.

Кем: снизу якорь, сверху поплавков.

Причина увольнения: размокла».

Какой ужас!

Отмахнулась от кошмарного видения. Надо скорее выбраться отсюда, пока еще чего-нибудь не примерещилось. Скинув волосы с руки, я их отжала, как могла, и повесила через плечо. Экстравагантно получилось.

Добравшись до вожделенного кусочка ткани, оказавшегося ночной рубашкой в пене кружев, поморщилась от кукольно-розовой расцветки в стиле Барби и натянула на мокрое тело. Пока выпутывала волосы — лихорадочно размышляла, пытаюсь нащупать логическое и рациональное объяснение: «Это на самом деле? Бред какой-то! Или, скорее, дурацкий розыгрыш. Ну если так, то сейчас этому шутнику крепко не поздоровится! Говорят, все женщины по сути — чистые ангелы, но ангельская суть женщины лучше всего проявляется в полете на метле!»

Сидеть на каменной лавке в тонкой сорочке и клацать зубами — здоровья мне это не прибавит, да и пришла пора выяснить, что тут творится и кому это надо. Явно «надо» не мне!

Покрутив головой и узрев выход, решительно направилась к двери. Я хотела быстренько проскочить босыми ногами по мраморному полу, но запуталась в длинной ночной рубашке и поскользнулась. Изобразив ветряную мельницу и, к огромному сожалению, не удержав равновесие, шлепнулась с криком:

— Черт! Уже полетела?! Где моя метла? — чувствительно приложившись тем местом, которое деликатно принято называть мягким. Так вот, у меня оно мягким не было. Увы и ах, к филейным костям амортизаторы в комплекте не шли. Уяснив этот факт и внимательно ощупав себя, окончательно укоренилась в мысли о собственном сумасшествии.

В голову уже настойчиво стучались крайне скверные предположения на тему полнейшего абсурда происходящего. «Да-да! Войдите!»

«Во внезапное увеличение моей гривы с трудом, но верится. А вот как за одну ночь можно потерять десять килограмм и приобрести грудь на размер больше? Или это не одна ночь? Стоп!»

Я четко помнила, где и при каких обстоятельствах заснула вчера, так что никаких неожиданностей типа кирпича или аварии.

Все! Мое терпение закончилось не начавшись! Я уже достаточно пострадала и обзавелась кучей дополнительных «украшений», происхождение которых мне придется объяснять мужу. Что я ему отвечу на вопрос: «Дорогая, откуда у тебя на заднице большущий синяк?» Скажу: «Потеряла управление, не справившись с копной волос»? Замечательно! Скандал с дикой сценой ревности мне обеспечен.

Дернув на себя дверь, я попала в помещение размером чуть поменьше, стены которого буйная фантазия дизайнера увешала зеркалами высотой от потолка до пола.

— Как непрактич... — начала комментировать я и тут же заткнулась. На меня из зеркала уставилась девушка в мокрой, облепившей тело рубашке, с кошмарно длинными волосами, волочащимися по полу. У нее было мое лицо и... длинные, острые уши. — Эльфа, — прошептала, вспоминая картинки из прочитанных ранее книг. — Я — эльфа?! МАМА!!!

За дверью зашебуршило, стали слышны шепотки и хихиканье. Потом дверь тихонечко приоткрылась, и в узкий проем пролезли три тетки, отличающиеся от меня цветом волос и кожи будто день и ночь: смуглые, жгучие брюнетки в темно-синих платьях с золотистой отделкой и в серых передниках. На головах прислужниц красовались сложенные фигурой крендели с одиноко торчащими слоновьими булавками и массивными гребнями. Ими же (булавками в смысле) к прическе были намертво приколочены аккуратные вуальки наподобие испанских. На ногах мягкие бархатные туфельки, у поясов — веера, груди дамочек украшены массивными цепями та-аких форм и размеров... видела я на фотографиях похожие на рэперах из разбогатевших негров... Так вот — рэперские цепи на этом фоне отдыхали.

— Это что? — спросила я у них, дергая себя за лопухие украшения.

— Уши, — негромко ответила ближайшая ко мне дама, потихоньку отодвигаясь. У остальных заметно увеличился разрез глаз.

— Да?! — Я никак не могла успокоиться. — Вижу, что уши! А какие?

— Красивые, — еще тише заверила меня та же смелая тетя.

— Лучше бы я утонула, — пробормотала я, не в силах поверить в реальность происходящего.

— Ваше величество, неужели вы все еще не оправились после вашего трагического падения? — вылезла вторая, увидев, что не кусаюсь, и внезапно осмелев.

— Класс! Я еще и на голову стукнутая! — прокомментировала. И добавила погоду: — На всю и с детства! У меня нет слов!

— Ваше величество, не губите! — бухнулись три... хм... девы на колени и гулко

приложились лбами об пол. — Нам не положено знать таких подробностей о царственной семье!

— Ик! — отреагировала я на их выходку. — Мне дурно! Кто у нас царь?

Женщины переглянулись, нахмурили лбы, изобразив мыслительную деятельность, и выдали:

— Ваш муж, Повелитель дроу.

— Кто-о? Муж? Нет, ну я так не играю! — выпалила я, смертельно обиженная. Пояснила публике: — Это не по штампам! Где романтика? Почему вместо жениха сразу мужа подсовывают? А где «букетно-конфетная» стадия, робкие вздохи, трепетное пожатие рук, нежные влюбленные взгляды украдкой? Совместно зарубленные шашками недруги и сокровища с артефактами? Магические академии, квесты верхом на лошадях и ночевки с романтическими привалами? — На минуту заткнулась под ошарашенными взглядами женщин и, пригорюнившись, пожаловалась: — Плохие вы! Нехорошие. Все, ну буквально все зарубили на корню. И какая зараза нарушила причинно-следственную связь: перемещение, чужое тело, эльфы, дроу, королевский статус, жених? Зачем мне муж? Мне мужа тут не надо, у меня свой есть! Кому нужен этот — дарю безвозмездно!

Дроу тихонько отползли под мои причитания и, сбившись в кучку, принялись шептаться. Чуткие уши уловили «безумие», «катастрофа», «лекарь». До чего-то докумекав, тети опасливо попятнулись от меня к двери, словно от кровожадного хищника, разгуливающего на свободе. Поскольку в мои планы не входило окончить свои дни в местном отделении дурдома, я строго рявкнула:

— Стоять!

Троица замерла, уставившись на меня в ожидании. Постаравшись сгрести расплавленные мозги в кучку, я горестно потеревила «мочалку» и задумалась теми остатками серого вещества, которое могло еще как-то соображать. Все факты указывали на перемещение в другой мир. В жизни бы не поверила в фантазии старичка Толкиена, если б сама не носила сейчас украшения в виде двух довольно симпатичных лопухов (это я сама себя уговаривала) и не наблюдала воочию дроу.

Тут же возникли вопросы: как? почему? и кому это все надо?

Решила, что подобной информацией прислужницы вряд ли обладают, следовательно, выяснение придется отложить на потом. Впрочем, по законам жанра сюда должен ввалиться некто и срочно оповестить меня, что я должна сделать, выполнить, предпринять (ненужное зачеркнуть), дабы попасть домой. Следует только подождать... я надеюсь.

— Так! — очнулась я от раздумий. — Начнем по новой! Я — кто?

— Вы — побочная дочь Эльфийского Владыки, — получила разъясняющий ответ.

— Приблудная, значит... — уяснила. — Что я здесь делаю?

Тетеньки помялись и выдали на-гора местные сплетни по этому поводу, постоянно приседавая и кланяясь:

— У вашего отца других дочерей нет, и когда возникла необходимость скрепить договор между дроу и светлыми эльфами...

— С этого момента поподробнее, — заинтересовалась я. — Какой договор?

— Мирный... — вставила реплику самая молоденькая из дам.

— И?.. — с намеком на продолжение объяснения подняла я брови.

— Сегодня решается судьба мирного договора между дроу и эльфами, — поправилась рассказчица.

— Пусть себе решается! Я-то здесь каким боком? — недоумевала моя персона. — Или вы

хотите, чтобы я эту розовую жуть как флаг доброй воли пожертвовала? Так забирайте. Отдам с радостью, для хорошего дела не жалко! — решив проявить себя миротворцем, продемонстрировала им полную готовность расстаться с единственной деталью туалета.

Прислужницы побелели, затем посерели, потом их кожа обрела дивный голубоватый оттенок, и под конец дамы пошли красными пятнами (авангардисты исходят черной завистью и нервно намыливают галстуки).

— По соглашению между вашим сиятельным отцом, Владыкой светлых эльфов, и вашим мужем, доблестным Повелителем дроу, договор вступает в силу после рождения наследника. Маги предсказали, что сегодняшний день самый благоприятный для зачатия, и вы должны выполнить свой священный долг... — выдавила на последнем издыхании одна из них.

Выслушав предстоящее общественное задание, я в недоумении хмыкнула, сделала круглые глаза, зачем-то почесала нос, осмыслила и...

— ...!!! Вот это удружили! — эмоционально выдала, расцветая блаженной улыбкой идиотки. — Вот это я понимаю! Спасибо, папочка, вовек не забуду! — И бухнулась в обморок.

Просыпалась я тяжело. Болело все, что могло болеть. Что не могло — болело тоже. Воняло чем-то неприятным и резким. Забеспокоившись и заворочавшись в постели, тело вдруг ощутило дискомфорт. Потому что я никогда в жизни бы не постелила шелковое постельное белье зимой (холодно, непрактично и неудобно!) и никогда бы не легла спать на пуховую перину (вредно для моей больной, измученной постоянным сидением у компьютера спины). Приличия ради еще раз пощупав ткань, осторожно приоткрыла тяжелые веки, пытаясь подсмотреть в щелочку и сохранить остатки сна, но после увиденного глаза сами собой широко распахнулись от изумления.

Надо мной дерзко розовело шелковое полотнище, свисающее по бокам резной деревянной рамы красивыми складками.

«Упс! Это что за грязная тряпочка модного для лентяек оттенка «пыльная роза»? Как же эта пакость называется? А-а-а, вспомнила! Балдахин!» — размышляла я, принципиально не обращая внимания ни на то, что меня кто-то держит за руку, ни на царящий вокруг переполох. Мне просто-напросто необходимо было зацепиться за какую-то деталь окружающей обстановки и не сойти с ума. Продолжила рассуждения: «Применялось сие приспособление раньше, чтоб во сне аристократам от холода в помещениях с печным или каминным отоплением не околеть. И еще балдахин являлся своеобразной защитой от падающих сверху насекомых... например...» Я вздрогнула.

— Ваше величество, как ваше самочувствие? — прервали поток моего энциклопедического познания на самом интересном месте.

Я перевела взгляд с пылесборника на спрашивающего о таких пустяках мужчину и серьезно ответила вопросом на вопрос:

— Чем вы травите клопов?

Теперь с умственной деятельностью стало плохо у всех остальных. Тетки-близнецы и очкастый унылый дядечка-лекарь с клиновидной бородкой задумались над насущной проблемой выведения кровососущих. Пока они совместно решали, какой способ наиболее действенный, я успела высвободить правую руку, сесть на кровати и поделиться мироощущением:

— На вашем балдахине полно пыли, обсуживающему персоналу снять квартальный бонус! — В доказательство дотянулась до одного из шнуров и подергала. — Апчхи!

Присутствующие переключились на другую проблему и уставились, выскывая пыль. Но меня уже занимало другое.

— Какая гадость это ваше шелковое постельное белье! Мало того что скользкое и холодное, так еще и розовое, в сердечках и амурчиках, вышитых красной нитью. Фу, какая пошлость! Где-то здесь в таком случае должны быть фиалки и герань в горшочках, а еще вышитые салфеточки на мебель, — поведала в тайной надежде: вдруг я им не

понравлюсь, меня оставят в покое и освободят от «супружеского долга»?

Но не с моим счастьем на такой подарок рассчитывать. Лекарь повернулся в мою сторону и, выглядывая из-за очков, настойчиво повторил, в очередной раз щупая на запястье пульс:

— Ваше величество, с вами все в порядке? У вас сегодня до чрезвычайности эпохальный и ответственный день!

— Нет! — заявила я, лихорадочно выискивая неоспоримые причины отказа. — Не в порядке! Далеко не в порядке! — Умного ничего в голову не приходило, и я брякнула: — У меня тиф, холера, диарея, родильная горячка и женские недомогания!

Для пущего наглядного эффекта попыталась побиться в конвульсиях и похрипеть в агонии, заодно пустив слюну. Не подействовало.

Вернее, подействовало. Но не так, как ожидалось. Мужчина снова присел на кровать и, ласково глядя на меня добрым взглядом дядечки-психиатра, начал заливаться соловьем:

— Ваше величество, договор, подписанный шесть месяцев назад и скрепленный вашей свадьбой, нерушим и должен быть исполнен. Повелителю тоже не нравятся условия, но таков ваш обоюдный долг!

— Подумаешь, какой чувствительный! — фыркнула супруга, оскорбленная подобным выпадом. — Я тоже не в экстазе!

Мое мнение не сочли существенным и продолжили:

— Время и дата первой брачной ночи и зачатия наследника установлено магами. И это сегодня...

— Погодите, — невежливо перебила я для уточнения, — свадьба полгода назад, а брачная ночь сегодня? Я правильно поняла?

Все дружно кивнули, радуясь прозрению, наступившему у спятившей новобрачной. Просветление длилось недолго, у меня возникли новые вопросы:

— Чего ваш Повелитель полгода ждал? Ресурсы копил? Янь совершенствовал? Нефритовый пестик... столбик полировал, доводя до кондиции?

— Традиции и этикет — главное в жизни дреу... — ответил мне дровский сводник поучительным тоном.

— Как все запущено!.. Отсталая нация, — закручинилась. — Я похожа на производителя элитного темноэльфийского потомства?

Дреу согласно закивали, жестами уверяя, что лучшей кандидатуры просто не найти. Верилось в это с трудом и неохотно.

— Еще варианты есть? — любопытствовала я, понимая одну крайне неприятную вещь: Я ПОПАЛА!

Вредные ушастые особи молча помотали головами.

— Понятно, — подвела я черту. Подумала о последствиях, прикинула возможности и отказалась: — Не согласна! Можно передоверить предложенную честь?! Я обеими руками «за»!

Ой! А что такого я сказала? Эти монстры-заговорщицки переглянулись и бросились на несчастную девушку. Я честно пыталась спастись бегством, благо космодром, ошибочно названный кроватью, это вполне позволял. Подвели непривычно длинные лохмы. Запутавшись в них, я рухнула и мигом попала в руки довольных преследователей, после чего была безжалостно вынута из занавешенного пространства на белый свет.

И тут моим эльфийским очам предстала комната во всей красе. Я даже присвистнула от удивления, чем застопорила этап утаскивания моего тела куда-то вглубь. Задержка позволила насладиться необычайно колоритным зрелищем.

Мы находились практически в центре актового зала, зачем-то декорированного в гламурном розовом цвете. По крайней мере, на Земле назвать спальней данное помещение точно никто не осмелится.

— У вашего дизайнера было безрадостное детство? — сглотнула я набежавшую слюну и сфокусировала зрение. У меня в глазах крутился унылый розово-сиреневый узор калейдоскопа.

— А? — отвлекся лекарь. — Вы о чем?

— О том! — хмыкнула я. — Ну вот какой нормальный человек, будучи в своем уме, додумается оклеивать стены и высокий потолок розовыми шпалерами, тисненными серебром, и тут же мостить ярко-сиреневый ковер, оснащать будуар дамы всем розово-сиреневато-лиловым и вдогонку привесить на окна все те же шторы незабываемого ярко-розового колера?! А ширма, не хочу уточнять ее оттенок? А ночники? А люстра под свечи, прикрытая щитками из ткани, не хочу повторять какой?

— Неужели вам не нравится? — с изумлением воззрилась на меня одна из теток-близнецов. — Это же последний крик моды!

— Скорее, писк умирающего, — поправила ее. — Уже в глазах до голубизны порозовело! Сказала б я «художнику» от слова «художно» пару-тройку ласковых слов по поводу чрезмерного использования нервирующего оттенка и реализации детских комплексов.

Видимо, им сравнение не понравилось. Активизировавшись, они друженько доволокли меня до... ванной?

— Эй! — запротестовала я. — Мы так не договаривались! Я там уже была!

Вопль вопиющего в пустыне услышан не был, и меня заволокли внутрь.

— Бог троицу любит, — мрачно пробормотала я себе под нос, ожидая третьего утопления за день.

Топить меня, правда, на этот раз не стали. Зато выпроводили за дверь мужчину и, засучив рукава, взялись за меня основательно. Замочили в ароматной воде, замариновали в благовонных маслах, смазали благоухающими кремами.

— Забыли, — на последнем этапе сообщила я усердным теткам.

— Что? — Меня не поняли.

— Говорю, яблоко в зубы забыли дать, бумажные розочки в уши вставить — и на стол! — (Про «в попу перышко» я благоразумно упоминать не стала. Все равно неправильно поймут.)

Не говоря ни слова, на меня мстительно вылили целый ушат мерзких приторных духов.

— Надеюсь, моего драгоценного супруга от парфюма стошнит раньше, чем он ко мне подойдет, — откашлявшись, угрюмо пожелала добрая жена.

Когда меня извлекли из ванной комнаты и, усадив, взялись за укладку волос, ничего хорошего от сей процедуры я не ждала. И правильно делала. Окружив мое кресло и застив белый свет, доморощенные садистки дергали волосы, плели, наматывали, закалывали, поддерживая мою несчастную голову. Закончив издеваться, отошли в сторону, открывая зеркало. Я ошалела...

Видит бог, эти дамы построили из моих волос Пизанскую башню, утыкав ее жлобскими блестящими железками! Почему Пизанскую? Да потому, что ее сразу перекосило!

— Если у вас принято мужей встречать в таком виде, то как они еще не вымерли, подобно динозаврам? — ужаснулась я, поддерживая отяжелевшую (хотелось сказать — падающую) голову двумя руками. — От одного лишь взгляда получишь пожизненное заикание, нервный тик плюс импотенцию в придачу!

Мало того, вместо розовой ночнушки они пропихнули меня в необъятный балахон с

рюшечками и оборками такого же противного цвета, абсолютно одинаковый по длине и по ширине! А чтобы взор не тосковал однообразием, по жуткому савану шли разводы лилово-розово-бордового, сделанные на манер батика.

— Какой ужас! — прошептала я, жестоко страдая от созерцания нового предмета туалета. — Зачем столько ткани?

Девы, громко сопя, молча наматывали простыню, декорировали чудовищные складочки и не разменивались на лишние пререкания.

— А-а-а, дошло! — злопыхательски начала я комментарий. — Это чтобы меня там искать было дольше и веселей! Точно! Как же я могла забыть! — Высвободив руку, хлопнула себя по лбу. — В этом же деле главное не результат, главное — напряженный поиск! Ну-ну!

Под мое неласковое бормотание: «Посмотрим! Будет ему выполнение договора, когда русалка на шпагат сядет!» — вокруг ввели хороводы, убедились в плодах рук своих. Пошушукались за спиной и наконец пришли к заключению о моей готовности. Одна из дам выскользнула за дверь. Куда это она дернула? Что мне еще уготовлено?

Гадать и ждать пришлось недолго. Дверь в комнату распахнулась, и внутрь начала заваливать толпа крайне странного вида. Впереди шел жгучий брюнет, смуглолицый мужчина с обнаженной грудью, задрапированный в черное с золотом полотнище на манер дхоти и демонстрирующий всем окружающим довольно стройные ноги. Не волосатые. По количеству драгоценностей, шнурочков, тряпочек и перышек он меня в два раза перещеголял. Натуральная сорока мужского рода.

Приглядевшись, я поменяла мнение: не в два, в три раза. Минимум. А хорошо у них тут жрецы зарабатывают, если могут себе такую роскошь на шею повесить и в шевелюру повтыкать.

В том, что это жрец или служитель культа, я нимало не сомневалась. У него в руках присутствовала штукавина, похожая на маршалский жезл с блестящей фиговоиной наверху. Рукоять и наверху «волшебной палочки» щедро утыкали перьями. Выражение физиономии жреца было сосредоточенным, он выглядел глубоко погруженным в себя. И что там в себе ищет? Или оно упало на дно и нужен фонарь?

За ним следовали десять женщин, укутанные в полупрозрачную ткань по самую макушку и разукрашенные перьями различных расцветок. Каждая тащила в руках по треножнику. Треножники, сделанные из драгметалла, даже на вид смотрелись очень тяжелыми. Несчастные женщины перли их изо всех сил, пыхтя и отдуваясь. Во! И у них на баб самую тяжелую работу скидывают! Мужчинка вон палочкой помахивает и козликом скачет, а дамочки еле тащатся, обливаясь потом. Мрак!

Ни слова не говоря, вся эта процессия начала расставлять свое оборудование. В центре комнаты поместили большое кресло и окружили его треножниками. По завершении жрец мрачно зыркнул на моих прислужниц и указал жезлом на кресло в середине. Они тут же подхватили меня под белы ручки и водворили мое седалище в требуемое место. Я пока молчала, выжидая, «чем дело кончится и чем сердце успокоится».

Мужчинка посверлил темными глазами мою невозмутимую физиономию и заскакал вокруг треножников, завывая на непонятном языке и направляя оперенную железяку на каждый из них. После этих манипуляций в треножниках загорелся огонь и повалил густой, сладко пахнувший дым.

Служители культа бухнулись на колени, воздели руки к потолку и завыли. Что они там выли, дословно сказать определенно не могу, но по звуку напоминало следующее.

Жрец: «Вилли тили! Вилли мыли! Вилли дили!»

Помощницы: «Дам вилли, трам вилли, тили-тили!»

Прислужницы: «А то, а то! Хадаба-хадаба-задаба!»

— Сгинь, нечистая сила! Это я где? — Протерла глаза руками, убеждаясь в реальности происходящего. — Какого так много дымить?.. Никотин вредит цвету лица. Фу, как

воняет!

Через несколько минут отравления моего организма вредными воскурениями мозги напрочь отказались нормально работать и только жалели бедного незнакомого Вилли, которому доставалось от души: «И дам, и трам». Ужас!

Кажется, я проспала часов пять или шесть. Потом немножко очухалась.

С остекленевшими глазами наблюдала за выделяющим различные танцевальные па жрецом и тихо отъезжала мозгами. Спустя какое-то время меня пробило на жалость к Вилли, которого «тили-тили», и я прослезилась. Мое неменяемое состояние углядел жрец. Подойдя ко мне и подбоченившись одной рукой, он поелозил у меня перед лицом пучком перьев и грозно провыл:

— Махавыть — тудыть!

— Апчхи! Тудыть! — немедленно согласилась я, глядя на него влюбленными глазами. — И неоднократно!

— Махавыть! — удовлетворенно проорал мужчина и завел свою шарманку по новой: — Вилли тили! Вилли мыли! Вилли дили!

— Руки прочь от Вилли! — завопила я, не выдержав издевательства над собой и над Вилли, которого уже считала близким другом.

— А? — вдруг остановился жрец и вполне нормальным языком спросил: — С вами все в порядке?

— Ё-о-о, так ты и нормально разговаривать умеешь! — восхитилась я и пожаловалась: — Нет в вас милосердия! Задолбали вы нас своими «хадаба-задаба»! Сколько можно над нами издеваться? — закончила я прочувствованную речь, проникновенно заглядывая жрецу под длинную челку.

Как он удивился, словами не передать! Покрутив черную прядь и растерянно поморгав на меня карими глазами, начал извиняться:

— Так сегодня же...

— Знаменательный день, — перебила я его, — знаю, утром сказали! И поэтому надо издеваться над Вилли? Без этого никак обойтись нельзя?

Абсолютно ничего не поняв, он тем не менее спросил:

— А как же благословление богов?

— Считаю, они уже нас услышали и обласкали, — утешила я духовное лицо. — А теперь, может, вы все удалитесь и дадите мне помедитировать перед встречей с мужем на свежем воздухе?

— А ваше самочувствие? — не отставал жрец чуждого мне культа. — Успокоение?

— О как! — вылупилась я на него. Снисходительно заверила: — Не волнуйтесь. Все в порядке. Меня успокоят, только когда упокоят. — Перекрестила. — Иди с миром, сын мой!

Спорить со мной не стали. И, быстренько собрав свои причиндалы, вымелись из комнаты, поглядывая на меня с недоумением и опаской. Это я в их глазах выгляжу опаснее их самих? Беда...

Да и ладно!

Меня перебазировали с кресла на кровать, бережно подпихнув под плечи и голову со злополучной прической высокие подушки. Накрыв одеялом, прислужницы откланялись и удалились, бдитительно не забыв напомнить:

— Отдыхайте, ваше величество, скоро вас навестит супруг.

— Конечно-конечно... — счастливо улыбаясь, заверила заботливых тетенок. — Я непременно познакомлю его с новой птичкой в вашей фауне: «обломинго» называется.

Дождавшись звука захлопнувшейся двери, я решительно откинула одеяло и попыталась подняться. Пирамида из волос будто приклеилась к подушке. Я попробовала еще раз. С тем же результатом. Но как нормальный русский человек я точно знала: если нельзя выйти в дверь, то можно использовать окно. Или в крайнем случае выломать часть стены.

Немного проанализировав скромные возможности, я перевернулась на бок — прическа двигаться не пожелала. Тогда, с превеликим трудом, я умудрилась перевернуться на живот, полностью закрыв себе обзор, и поползла с кровати. Главное было не промахнуться с краем. Потому как на другой конец кровати ползти ой как далеко.

Мне повезло. Сторона оказалась правильной, и вскоре я нащупала ногами пол. Вернее, ковер. А вот дальше начались эквилибристические этюды. Передвигаться без посторонней помощи у меня получалось лишь на четвереньках и волоча за собой металлизированную гриву. Которая, кстате, весело побрякивала, как связка жестяных банок на хвосте у собаки, жертвы злых хулиганов.

Несмотря на трагизм положения, я представила, как это выглядит со стороны, и чуть не засмеялась: пыхтящая, красная от натуги девица в необъятной рубашке, ползущая раком и звенящая бубенцами. Периодически я прекращала марш-ползок и выглядывала из «окопа», поднимая голову и тут же роняя ее обратно. Меня интересовало что-то режущее...

Когда я проползала мимо низкого, инкрустированного перламутром столика, мне на глаза попался симпатичный ножичек для чистки фруктов. Возрадовавшись ему, словно манне небесной, я уселась и начала выпутывать железяки. Там, где они не выпутывались, помогала себе ножиком и злобно хихикала, представляя «радость» настоящей хозяйки волос. Счас я ей такую градуированную прическу сбачаю! Век не забудет!

Кучка блестяшек на полу росла вперемешку с прядями волос, а голове и шее становилось легче с каждой снятой безделушкой. Наконец настал тот знаменательный миг, когда я смогла держать голову прямо и даже оказалась в состоянии встать на ноги... ненадолго. Розово-лиловый мешочек для облачения новобрачных дамочек сильно затруднял передвижение.

Проблему балахона я решила кардинально: оторвала подол выше колен, вместе с большинством мерзких оборок. Ширину побороть удалось только с помощью оторванной от подола полоски. Мне сейчас позавидовал бы самый креативный модельер, до такой степени экстравагантно я выглядела, сверкая голыми коленками.

Обретя таким образом свободу действий и возможность двигаться без ущерба для здоровья, добралась до туалетного столика с зеркалом. И долго чесала в затылке, пытаюсь опознать во взъерошенном чучеле хоть какие-то знакомые черты. Потом вспомнила: это же не я! И успокоилась.

Усевшись в кресло, я схватилась за расческу и занялась выпутыванием оставшихся деталей украшений. В пылу творческого процесса я так увлеклась, выдергивая и отрезая, что, когда случайно глянула в зеркало, взвизгнула от неожиданности.

— Вы кто? — подскочив в кресле, обернулась я к синеглазому красавцу.

Мужчина, словно сошедший с обложки глянцевого журнала, молча смотрел на мой убогий наряд и прическу последней модели «воронье гнездо» с откровенным недоумением. А меня заклинило...

Бывают такие мужские экземпляры, глядя на которые понимаешь: вот он, твой идеал...

— Кавай! — выпалила я и, пулей выскочив из кресла, пощупала красавчика на предмет подлинности.

А что? Вдруг обманывают? Благо вырядился жгучий брюнет в белую просвечивающую батистовую рубашку, демонстрирующую окружающим мускулистую грудь. Как говорит

моя соседка: «Очень эротишно».

Обкапав остолбеневшего мужчину слюной и полапав широкие плечи и грудь, я задалась целью выяснить — настоящие там мускулы или мыльные пузыри, с помощью анаболиков надутые. Его талия была тонкой, на прессе прощупывались кубики. Я даже вокруг пару раз обежала. Ну чтоб сзади тоже полюбоваться. Особо приглянулись с того ракурса шикарная толстенная коса до пояса с кудрявым кончиком и подтянутая... хм, узкие бедра, обтянутые черными штанами. Высокие кожаные сапоги на стройных ногах.

Мужчина терпеливо изображал мраморную статую и не мешал мне любоваться произведением искусства. Правда, дернулся раза три, когда я с нажимом потыкала в разные места его тела и провела кончиками пальцев по ребрам. А на нем таблички не висело «Руками не трогать»! И руки я мыла сегодня... три раза.

Сразу видно, для природы незнакомец был сыном, а не пасынком. Высокий — где-то за метр восемьдесят семь — рост. Я рядом с ним смотрелась моськой, прыгающей вокруг слона. Но слон был краси-и-ивый... Нельзя так женскую психику травмировать!

Но больше всего меня притягивали острые симпатичные уши, украшенные пирсингом, поблескивавшим маленькими драгоценными камнями. Стильно мужик выглядел, всего в меру. Поднявшись на цыпочки, я нежно погладила манящие уши. Глаза у красавчика стали квадратными. И по-моему, он перестал дышать...

А мне не было стыдно! Ни капельки! С огнем в глазах я щупала, поглаживала, рассматривала. Вздыхалась грудь от частых подпрыгиваний, затуманились глаза, сходясь к носу (если рассмотреть надо было поближе)...

— Прелестно, — бормотала я, с вождением наглаживая чужие органы слуха.

— Вы себя нормально чувствуете? — вдруг подала голос моя женская мечта, с силой отрывая мои руки и спасая уши от покушения. Он обвинил мою талию рукой и отстранил от себя, сразу отпустив.

Я не спятила! Платье от модельера, очки от дизайнера, мужчина мечты... На картинке красиво, а в жизни в основном подделка и фуфло!

— Это вы мне? — оторвалась я от составления ассоциативной логической цепочки.

— Да! — повысил он на меня голос и грозно нахмурился, сложив руки на груди. — Кроме вас, тут никого нет! И хочу вам заметить — ведете вы себя непозволительно!

Точно, фуфло! Не успели познакомиться, как уже голос повышает и жизни учит. Вот так и гибнут мечты под обломками суровой действительности, разбитой руками идеального мужчины.

— А вы имеете право делать мне замечания?! — возмутилась я, обиженно надув губы.

Эйфория начала спадать, как только он открыл рот. Я поняла! Самые идеальные мужики — это статуи в музее. Стоят на месте, молчат, есть не просят, и смотри на них сколько влезет, согласно оплаченным билетам.

Брюнет от заданного вопроса почему-то побелел и с отвращением выдавил сквозь зубы:

— Вы — моя жена!

— А-а-а!.. — До меня дошло, какого черта он тут делает. Мечта мечтой, но в койку я не полезу. Кто-то просчитался. Отойдя на приличное расстояние, я попробовала решить дело миром: — Может быть, обсудим сложившуюся ситуацию?

— Что? — У дроу аж пар ушами повалил. — Да как вы?.. Да что вы?..

— Не поняла, — поморгав, быстро призналась я. — Это согласие или отказ?

Оказалось, вежливость на красавцев не действует. Они от нее звереют и впадают в раж. Новобрачный сжал кулаки и стал надрываться:

— Вопиющее нарушение этикета! Почему вы в столь неподобающем виде? Что за

странная позиция? И зачем вы испортили ритуальное платье и прическу?

Сделав еще пару шагов назад, я быстро кинула взгляд по сторонам в поисках тяжелых предметов для самозащиты на случай атаки. Таковых поблизости не оказалось. С сожалением вздохнув и отринув в принципе хорошую идею, фигурально выражаясь, я пошла ему навстречу:

— Если вам станет легче, то я могу пару реверансов сделать, книксенов там... или поясной поклон отвесить...

— Вы! — заорал бешеный мужик. — Должны встречать меня лежа в кровати!

Я кивнула, сонно соглашаясь.

— На спине!

Вновь согласилась, вспоминая вес той жуткой прически.

— С закрытыми глазами! — продолжил просвещать меня жаждущий супружеских объятий дроу.

Подняла брови, удивляясь столь странной эротической фантазии.

— Подняв платье выше колен! — закончил он, красноречиво уставившись на обрывки балахона. Поднимать, собственно, было уже нечего. Интрига кончилась.

— Я что должна сделать?! — задыхнулась я от возмущения, сложив его крики в единую картинку и представив. — Какую-какую позу принять?.. Лежа на спине, задрать юбку?!!

Теперь уже кивнул он, подтверждая.

— А бобром тебе не завернуться? — сатанея от подобной наглости, начала заводиться я. — Может, еще прикроватный столбик погрызть?!

По задумчивому выражению лица определила — высказанная вслух бредовая идея прижилась. Точно, извращенец! У меня перед глазами заплясали красные точки бешенства. Так меня еще никто не оскорблял!

Убью! Счас найду что-нибудь увесистое и компактное и вколочу в дурную голову правила приличия! Как говорят: «Звон в ушах пробуждает совесть, а искры в глазах просветляют ум»? Я ему и пробужу, и просветлю! С ходу и навечно. Во мне начала просыпаться дикая злоба, по венам пробежала волна огня, и... в руках оказался огненный шарик.

— Ой! — взвизгнула я от неожиданности и со страху задулила... как его... фаербол, кажется, от себя подальше.

За красивым полетом незапланированного фейерверка внимательно следили уже вдвоем. Жаль, кровать помешала. На дороге оказалась. Снаряд, брошенный неверной рукой разозленной женщины, встретился с будущим брачным лежбищем. Запахло паленым...

— О боги! — взвыл слабонервный дроу, призывая мифических существ на подмогу. — За что?! — Сделал пасс рукой в сторону тлеющего ложа и погасил огонь.

— Зато клопов не будет, — попыталась я утешить мужика. — До-олго...

— Женщина! — завопил брюнет, разворачиваясь ко мне. — Да я тебя!..

— Кто?! Ты?! — заорала в ответ. — Мал еще меня пугать!

Мужчина рванул ко мне с не до конца понятными, но явно опасными намерениями, и в моих руках снова возник фаербол. Страшно было — жуть! Но если выбирать между огненным шариком и озверевшим мужиком, то я выберу... Выбрала первое.

Муженек, вторично увидев шаровую молнию, мигом тормознул с выполнением супружеских обязанностей.

— Я совсем не угрожаю... — рассудительно поделилась я, чувствуя осязаемое моральное преимущество. Понизив тон, нейтрально добавила: — Но хату спалю!

Остановились друг против друга. Поизучали. Подумали.

— Значит, за супружеским долгом пришел? — ласково поинтересовалась я, будто невзначай перекидывая пылающий шарик с руки на руку.

— Да, — прошипел разочарованный супруг, дергая правой щекой.

— Спасение мира тебя не устраивает? — задала второй интересующий вопрос.

К дерганью щеки прибавился нервный тик и мотание головой.

— Все с вами ясно, — подвела черту. — Считаю до трех, потом стреляю на поражение! «Два» я уже сказала!

Мужчина оказался с понятием. Посверкав бешеным взглядом, сулящим райские наслаждения, шустро вымелся за дверь на счет «три».

Но фаербол я все равно метнула. И руки освободить надо, и чтоб добро не пропадало! И розовый цвет ненавижу с рождения...

В коридоре раздались сладостные звуки ужасающих проклятий. Прямо бальзам на измученную супружескими обязанностями душу!

С чувством выполненного долга я оглядела комнату, нашла что-то похожее на кочергу и заклинила дверь. На всякий случай притянула к входу еще трюмо и пару тумбочек. Кто их знает, извращенцев, вдруг вернуться надумает? А я спать хочу.

Оглядев подпорченную кровать, зашла с другого бока. Места для одной хрупкой девушки вполне достаточно. Плюхнувшись на перину и сладко потянувшись, подвела итоги: абсурд полнейший! А по поводу магии и своих новых способностей я подумаю завтра. После курительного дымка все равно до сих пор ничего не соображаю. С этой мыслью завернулась в одеяло и уснула.

Глава 2

Женщина бывает так мила, что иногда трудно представить ее женой...

Дарниэль, Повелитель дроу

Наша вражда с эльфами началась много веков назад. По нашей версии, Сирванэль Лучезарный, Владыка светлых эльфов, не поделил с Аллодаром Черным, Повелителем темных, клочок земли, пригодный для охоты. Участок тот, добавлю, по сведениям картографов, размером чуть больше моего дворцового парка.

Согласно приглашенному, совершенно неправдоподобному, но весьма романтичному варианту светлоэльфийских историков — Аллодар жестоко отверг любовь Милониэль Прекрасной, племянницы Сирванэля, и разгневанный дядя вступился за поруганную честь родственницы.

Вранье чистой воды, все королевства знают: Милониэль хоть и была дева вся из себя приятная, голубоглазая и златокосая, но девичью честь потеряла так давно, что и сама о том не помнила, а к свадебному возрасту в ее покоях перегостили ночь-другую все сколько-нибудь пригодные для постельных утех знатные мужчины. Никого сия госпожа щедрой любовью не обделяла, и ссориться из-за этой... дамы, один-единственный раз в жизни лишенной внимания определенного сорта, не стал бы даже самый последний тяжело ударенный по голове и сильно пьяный эльфийский замухрышка.

Это верно, родственники девушки когда-то предлагали ее нашему тогдашнему Повелителю, но истинно также и то, что в жены ни одному правителю, даже трех бродов и четырех хат, она не годилась по причине необыкновенной блудливости, лживости и сказочной глупости. И если с первым и вторым смириться при желании можно, то с последним категорически нельзя.

Так или нет, с тех пор обе стороны несли огромные потери и никак не могли договориться между собою. Гибли сотни, тысячи. Уходили лучшие, едва достигшие совершеннолетия, те, кто никогда уже не оставит в своем потомстве памяти о великих подвигах. Дроу докатились до присутствия алчных наемников в наших подразделениях, отчего количественно армия выглядела пристойно, а качественно... к демонам таких солдат, позорно дезертирующих при малейшей угрозе!

Я тоже не оставался в стороне. Меня трижды выносили с поля боя и собирали по кусочкам. После последнего, третьего сражения я впал в отчаяние. Да, формально мы победили, выиграли. Толку-то? Если полегло почти все темноэльфийское войско...

Наконец старому хитромудрому интригану... прошу прощения, Светлейшему Владыке эльфов пришла в голову гениальная мысль скрепить мирный договор нерасторжимым династическим браком с условием, невероятно постыдным для нас, дроу. Расчет шел на то, что следующим Повелителем будет сын, рожденный от меня и светлой эльфийки, полуэльф. Иначе говоря, полукровка, расположенный к эльфам.

Полагаю, о политической обработке дочери Владыка позаботился заранее.

Меня загнали в угол. Нам позарез необходим этот договор: слишком большой кровью давалась нам самоубийственная война. Темные эльфы никогда не были многочисленными, а из-за постоянных сражений мы оказались на грани полного вымирания.

Я, скрипя зубами и поминая всю окрестную нечистую силу, подписал документ, питая смутную надежду на чудо.

Кто ведает пути богов? Может, мне удастся привить сыну любовь к своему народу, прежде чем его мать начнет отравлять детский ум ненавистью? Или разумным выходом будет отнять у эльфийки ребенка под предлогом дальнейшего обучения? И вырастить настоящего воина-дроу, невзирая на примесь светлой крови. Наш гордый народ редко шел на мезальянс с другими расами, в нашей культуре это не принято. Мы строго блюдем темноэльфийскую наследственность и верны своим законам, но, видно, пришло время меняться.

Первый раз я увидел будущую супругу на свадебной церемонии. Нас представили, и я пытался понять, с кем свела меня судьба. Что могу сказать о своей невесте, а затем и супруге? С благородными чертами лица, это у нее не отнять, но какая-то вялая, полудохлая и апатичная блондинка с зелеными глазами, она скользила по паркету или, ссутулясь, молча сидела в кресле. Всегда безгласная и забытая, всегда с опущенными глазами. Даже во время свадебного ритуала она по-прежнему не поднимала взгляда, будто ей все равно, с кем свели ее боги, кому она клянется стать спутницей и рожать детей.

Она наводила на меня тоску и одним своим видом поселяла в моей душе глухую безысходность. Я не просто терял свою независимость, я по рукам и ногам оказался связан со снулой рыбиной, которую не в силах даже расшевелить. И отказаться от проклятого союза не мог, потому что тогда под армейский призыв пойдут уже совсем малолетки, а это станет закатом государства дреу.

Успокаивало только одно важное обстоятельство: начать супружеские отношения мы могли, по совету магов, не раньше чем через шесть месяцев. Оставалось время узнать жену поближе, попытаться открыть ей душу и перетянуть ее на свою сторону. Но всем правильным расчетам и планам не суждено было сбыться. Эльфийка все такой же молчаливой тенью уходила от общения. Скользя по коридорам дворца, она не обращала ни малейшего внимания на многочисленные попытки завести разговор и полностью игнорировала мое присутствие. И я с печалью сдался перед лицом Судьбы, оставил все как есть. Видно, так уж решили боги: мне предстоит принять в семью врага.

Настал определенный астрологами день свершения. У меня с самого утра было отвратительное настроение, а еще нужно идти выполнять свой долг перед народом дреу. Ну вот как можно его выполнить, не испытывая ни малейшей симпатии к супруге?

Гхрanni! Чем спать с нею, скорее бы согласился податься в отшельники! Лучше бы меня казнили! Да я бы лучше дрался на дуэли против троих равных мне в фехтовании противников! Тогда оставался бы призрачный шанс победить...

Проигнорировав многочисленные жалобы придворных дам и лекаря на странное поведение будущей супруги, не стал отменять неприятное событие. Просто не позволил увлечь себя тенью возможной отсрочки. Не в обычаях дреу трусливо увилывать от судебного приговора, а для меня эта ночь станет именно казнью без права помилования.

Я заставил себя переступить через отвращение и решил все же относиться к ней с любовью и уважением, как к достойной женщине и любимой супруге. Наглотавшись афродизиаков до одури, до лиловых пятнышек перед глазами, вечером я мужественно пошел в покои супруги.

И тут начало твориться нечто невообразимое. В предпоекое я неожиданно услышал задорный женский голосок. Этот милый, нежный голос, которому пристало бы петь сладкие любовные песенки под аккомпанемент арфы, он... озвучивал такие затейливые обороты, что я оторопел. Многие выражения были в новинку даже для меня.

Каково мне было, когда я с изумлением обнаружил — оказывается, столь виртуозно изъясняется моя жена! Она яростно вытаскивала из волос священные амулеты, попутно оставляя на расческе целые блондинистые клоки, и при этом та-ак необычно ругалась! Я заслушался.

Нет! Это не моя жена! Это обман зрения! Я сплю, я сплю... Не может знатная эльфийка так со своей прической обращаться, у светлых же ухоженные волосы — предмет культа! Эльфийская дама скорее даст отрубить себе голову, нежели состричь прядку, а тут... Еще раз глянул на пол. Должно быть, отрезанными под ногами валяются не меньше двух третей ее великолепной гривы!

Я поднял взгляд чуть выше и едва не поперхнулся слюной, прикусив язык. И хорошо, что так. В любом случае у меня пропали слова.

О боги! Видели бы вы, что она с платьем сделала! Так у нас даже девицы легкого поведения в трактирах не одеваются. Хотя, надо признать, смотрится гораздо лучше. Я застыл на пороге, не в силах справиться с постигшим меня шоком. Эльфийка, полгода прожившая у меня под носом и выглядевшая записной ханжой и скромницей, самым

безбожным образом нарушала этикет. Чему, добавлю, я по-своему рад. Лучше драки, ругань и скандалы как проявление супружеских взаимоотношений — я стерплю! — чем вынужденная некрофилия.

Теперь мой выход. Я шагнул в спальню. И чуть с позором не бежал обратно. На меня с таинственным воинственным кличем: «Кавай!» — набросилось лохматое чудовище.

Супруга с редким энтузиазмом тыкала в меня пальцами, будто я магический фантом, щупала, гладила и чуть ли не облизывала. И все это с таким щенячьим восторгом! Я не знал, что и думать. Мое тело ей, похоже, понравилось. Удивление сменили определенный женский интерес и симпатия, в этом я не мог ошибиться. У меня наконец-то получилось разглядеть цвет глаз своей благоверной: они не просто зеленые, они изумрудно-золотистые, как летняя листва под солнечными зайчиками.

Терпение мое лопнуло на издевательстве над ушами. Она к ним буквально прилипла. Эти ее «прелестно» в отношении моих драгоценных органов слуха... прямо жутковато стало. Уши дроу... довольно-таки чувствительное место. Далеко не всякая жена додумается брать их в руки или прикоснуться. А моя новобрачная (смешно сказать!) набросилась на них так, словно впервые видела. Спаси боги, она на них так плотноядно уставилась, вдруг откусит? Я отодрал опасную хищницу от своих «листочков» и на всякий случай спросил:

— Вы себя нормально чувствуете?

— Это вы мне?

Ступор сменился озверением. Так меня еще никто не разыгрывал! Я сложил руки на груди, начиная заводить, и довольно нейтрально высказался в том плане, что других собеседников тут нет.

— А вы имеете право делать мне замечания?

Кровь начала потихоньку вскипать. Эльфийская тварь, наверно, издевается надо мной! Боги, не дайте ее убить в первую брачную ночь, а ведь так сильно хочется! Я прикусил губу, чтобы вкус крови и легкая боль немножко отрезвили мою ярость:

— Вы — моя жена! — «Только бы не сорваться, только не сорваться!» Я прикрыл глаза и ритмично задышал, перегоняя гнев в форму энергетической подпитки. Мы перебросились еще несколькими фразами — и я понял, что перестал владеть ситуацией. Или я сошел с ума, или она, или мы оба в плену необоримого безумия. Слово со стихийным духом разговариваешь: слова одни и те же, но значения у них разные!

Дальше — больше. На мое, в сущности, невинное замечание по поводу этикета моя дама реагировала диковинным образом:

— А бобром тебе не завернуться?..

Видят боги, мои мозги уж точно завернулись! Или протекли на землю... Учительница по этикету битых полгода ей талдычила про наши обычаи! Где была тогда эта набитая ду... это существо?!!

Возмущение, обида и ярость сменялись калейдоскопом на лице моей супруги, а вслед за тем она соорудила фаербол и запустила в... думаете, в меня? Нет, в кровать! И сама того испугалась. Положим, мне сильно переживать не стоит — драконьи браслеты-накопители энергии всегда при мне, но все же...

— О боги!.. — простонал я. — Еще инициации необученной волшебницы в ночь зачатия мне и не хватало! За что?! — Загасил пламя на остатках брачного ложа.

— Зато клопов не будет!

Моя голова взорвалась окончательно. Клопы? Какие клопы?! При чем здесь это? Никаких вредных насекомых во дворце отродясь не водилось, все заколдовано на совесть!

— До-олго...

Нет, не выдержу! Или рехнусь, или придушу это светлую эльфочку, меня потом любой суд оправдает. Это что за саботаж — супружеское ложе в брачную ночь жечь и разговорами про клопов вместо нежных объятий потчевать!

— Женщина! — завопил будущий вдовец, поворачиваясь к женушке (еще живой, но скоро покойной). — Да я тебя!..

— Кто?! Ты?! — заорала Темным демоном в голову стукнутая. — Мал еще меня пугать!

Я решил заткнуть ей рот самым действенным способом — поцелуем. Но не успел.

Эта мерзавка опять создала огненный шар, после чего стала вести малопонятные, но угрожающие разговоры, причем — исключительно сама с собой.

— Значит, за супружеским долгом пришел? — ласково поинтересовались у меня, поигрывая огнешаром.

— Да, — ответил я, гневно кидая срочный ментальный вызов доверенному магу.

С этой ненормальной я мозгами двинусь! Это она к чему? Или дело в травме головы при падении с лошади, которое приключилось из-за недосмотра конюхов? Им же ясно было тогда сказано: лошадь княжне не давать! — а эти идиоты пошли у нее на поводу. Мало ли что светлые эльфийки ездят верхом! Кроме них, в нашем мире больше никто из женщин верхом не ездит! Седло не подошло, а дамского не оказалось... и вот результат! Спорю с бешеной козой, которая напрочь забыла, кто она такая!

— Спасение мира тебя не устраивает?.. — В голосе подозрительное урчание. С такими интонациями у нас убивают.

Вот, я прав. На свет появился чудный фаербол дивного ярко-голубого цвета. Высшая категория и зачет на магистра.

Горько поздравил сам себя. Моя разведка просмотрела под носом сильнейшего мага Пламени. А вот это уже серьезно! Попахивает или беспросветным безумием, или вселенским заговором против правителя и государства дроу. Присмотрелся к жене внимательнее: полноте, да она ли это?! Рисунок ауры абсолютно неузнаваем. Точно, не она. Или все-таки ошибся? Как бы удостовериться?

— Все с вами ясно, — в очередной раз взбрыкнула спятившая супруга (или совсем не супруга?). — Считаю до трех, потом стреляю на поражение! «Два» я уже сказала!

Хотелось спросить: «Почему не пять или десять?» На всякий случай приготовился парировать драконьими накопителями. Если она не прекратит злиться и подпитывать плазменный шар, то спалит к халурам и браслеты, и меня. Я, конечно, смогу оказать ей достойное сопротивление, но...

Устраивать магическое побоище в такую ночь на радость вражеским шпионам и злобствующим сплетникам? Мало мне неприятностей, чтобы так позориться? Сдается, довольно. На сто лет вперед хватит. Не стал провоцировать супругу и вышел. И все равно за дверь мне прилетело фаерболом. Гхранн!

Нет, как вы себе это представляете? Моя. Жена. По мне пальнула. В первую брачную ночь!!! Да расскажи кто посторонний, смеялся бы до колик! А теперь не смешно. Ничуть. А еще... светлая эльфийка и неукротимая сила огненной стихии? Еще одна загадка. Кто же она на самом деле?

Послышался скрежет. За дверь кто-то (жена, разумеется) перетаскивал мебель, баррикадируя дверь. Ночь зачатия на сегодня откладывается (кто бы сомневался!).

Я дождался учителя, нервно меряя шагами узкий коридор. Во дворце дроу чрезвычайное положение. Никто, кроме штатного волшебника, о моей ссоре с Эланиэль знать не должен.

По моему указанию перед ее дверью организовали скромный стол. Обсуждая с магом поведение ушибленной темной силой жены, я дождался утра. Глодали тревога и беспокойство. Может, ее околдовали? Опоили? Но ни одно питье не дает способностей к

чуждой магии... Темные подозрения плодились в моей голове с бешеной скоростью. А ну как жена окажется оборотнем? Вдруг светлые подсунули в жены одержимую? Или того хуже — демоницу? А вдруг наш брак — фарс, стратегия по уничтожению государства дрой? Тысячи вопросов, один другого неприятнее. И некому излить душу, не с кем посоветоваться или разделить колоссальную ответственность. Кто окружающие меня дрой? Всего-навсего слуги и исполнители. За любую ошибку, любой недочет, малейшую оплошность правитель всегда в первую очередь должен спрашивать с себя. Предстояла долгая бессонная ночь...

Глава 3

Плохо, когда не сбывается то, чего хочешь, но куда хуже, когда сбывается то, чего не ждешь.

Эрика

Бамц! Я начала съезжать на пол. В попытке затормозить пошарила руками и тут же брякнулась на мягкое. Моментально проснувшись, открыла глаза и расстроилась. Кошмар оказался действительностью. Он окружал меня со всех сторон, ослепляя розовым цветом, душил посыпавшимися сверху одеялом и множеством подушек.

— Что такое «не везет» и как с ним бороться? — задала я риторический вопрос, выползая из вороха постельных принадлежностей и прощаясь с надеждой.

Шмыгнув носом, я запретила себе реветь и рвать волосы и полезла рассматривать причину падения. Все оказалось банально. У прогоревшей кровати подломились ножки.

— Ясно, — подвела итог, поднимаясь и следуя в ванную.

Краем глаза увидела с правой стороны страшного домового — лохматого, чумазого и в рванине.

— Мама! — пискнула с перепугу, разворачиваясь.

Домовенок развернулся тоже. Прелестно! Я сделала шаг в сторону. Он повторил.

— Дразнишься? — Хмуро погрозила пальцем и поняла: передо мной зеркало, а в нем я.

Это не ужас и даже не кошмар — это вселенская катастрофа, с одним лишь положительным результатом: мужчины должны меня обходить за версту.

— Кто ж меня так сильно любит? — Я уселась в кресло рядом с туалетным столиком. С другими персонажами драмы общаться не хотелось.

Помолчала, с остервенением выдирая колтуны. Ничего не придумывалось, кроме как устроить истерику с битьем посуды или хотя бы пореветь громко и со вкусом.

— Неконструктивно, — с сожалением отменяла заманчивую перспективу.

Откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза и помечтала о чашке натурального кофе. Ароматный запах свежееобжаренных зерен щекотал воображение, дразня изголодавшийся по кофеину организм.

Мое желание вкусить вожделенный напиток было столь велико, что в моих руках внезапно материализовалась кружка с обжигающей жидкостью. И которую от неожиданности я чуть было не перевернула.

Обрадовавшись неожиданному подарку, отпила глоток, посмаковала и зажмурилась от удовольствия. Именно такой кофе я люблю! Для полного комплекта не хватало лишь сигареты... Как только вспомнила, сразу начал ощущаться никотиновый голод. Сильна многолетняя привычка начинать утро с чашки крепкого кофе и сигареты! Как мне этого сейчас не хватает! И тут на столешнице появился «набор курильщика»: пепельница, сигареты моей любимой марки, зажигалка и мятная жевательная резинка.

— Спасибо! — поблагодарила. — Маленькая компенсация за огромные неприятности. — Отхлебнула ароматный напиток и застыла. — О чем я думаю? Если желания могут материализовываться, то... — Я зажмурилась, сжала руки в замок до побелевших пальцев и громко пожелала: — Домой!

Открыла глаза и с горечью обнаружила: ничего не изменилось — где была, там и осталась. На глаза навернулись слезы.

— Нет! Так быстро я не сдамся! — сообщила неведомому врагу, запулившему меня в этот мир.

Довольно! Грех предаваться унынию, когда есть другие грехи. Вытерев слезы, я встала и отправилась осматривать владения. Возмутилась:

— Где были глаза у эльфийки, позволившей испоганить интерьер до такой степени? — Я задрала голову вверх. — Потолок должен быть белый!

На моих глазах поверхность начала бледнеть, расплзаясь из центра белыми щупальцами, сменила окраску и остановилась на требуемом колере.

— Ик! — отреагировала на смену цвета. Потом мысленно довольно потерла руки: «Приступим!»

По окончании художественного конструирования пол и мебель приобрели теплый медовый оттенок, стены — нежный светло-голубой с объемным тиснением под шелковые шпалеры, ковры стали коричнево-бежевыми, как и драпировки, и украсились бледно-голубым геометрическим орнаментом с элементами фриформинга. У меня даже кровать починилась и преобразилась, став не такой гигантской и более комфортной.

Закручинилась:

— Итак! Что я знаю сегодня о перемещениях? И где эту информацию можно достать? Где-где... в... библиотеке!

Оглядела свой экстравагантный наряд и образно представила, как в этом прелестном укороченном negligé пристаю к прохожим с актуальным вопросом: как пройти в библиотеку?

Воображение живо нарисовало картину — мумия, замотанная в смирительную рубашку, с торчащими из-под слоев ткани острыми ушками. Не понравилось. Свободу я ценю!

Нужно переодеться. Во что? И если главные вопросы русских прогрессивных мужчин всегда просты и незатейливы: «Кто виноват?» и «Что делать?», то извечный женский вопрос куда обширней, чем некоторым умникам кажется, и звучит: «Что надеть?»

Я нашла гардеробную и углубилась в изучение предлагаемого ассортимента:

— Это носить нельзя! Опасно для жизни! На выбор: задавиться пудовым весом наряда, сломать шею, запутавшись в многослойном подоле, или удушиться тугим корсетом.

Говорят, на отрез индийского сари необходимо от пяти до двенадцати метров ткани. Если сари златотканое — весить будет килограммов восемь как минимум. Плюс накидка поверху, кофточка вместо лифчика и юбка на поддевку. Не считая необязательных шаровар, где-то метров пятнадцать в сумме наберется. С полным комплектом золотых украшений расчудесное праздничное убранство потянет на двадцать пять — тридцать килограммов. Много? Ну так вот, в сравнении могу заверить — это сущая ерунда, дешево отделались! Консервативные индийские женщины слишком разнежались на своих жарких югах и отстали от прелестей цивилизованной жизни!

— Зачем закрывать ноги и при этом вываливать грудь наружу? — стенала в отчаянии, понимая бесполезность поисков. — Для проветривания? Да я в таком платье и шага не сделаю, не став прилагательным к полу.

Для снятия стресса я потоптала разноцветные кучки на полу и пошлепала в ванную. Отмыв грязь и копоть, долго и нервно чистила зубы, когда на меня снизошло открытие века:

— Я же могу здесь магичить!

Сосредоточилась и представила на себе любимые джинсы, майку и кроссовки.

— Класс! — Одевшись в привычные вещи, начала чувствовать себя человеком. Хорошо... почти человеком, только с острыми ушами. Осталось причесаться — и вперед, к знаниям.

С грехом пополам я заплела подобие косы. Теперь волосы спускались чуть ниже спины и не так сильно мешали. Покрутившись перед зеркалом, пришла к выводу:

— Я готова на героические свершения во славу науки и штурм знаний! Главное, чтобы наука и знания не сбежали раньше, чем я до них дойду!

Весело напевая, разблокировала дверь, открыла — и застыла на пороге. У противоположной стены, с удобством устроившись в креслах, разделенных журнальным столиком, сидели двое мужчин. Судя по запаху, они дули спиртное из высоких металлических бокалов и внимательно сверлили покрасневшими от бессонницы глазами дверь, а теперь и меня в обрамлении дверного проема. Плохо было то, что одним из караульчиков являлся мой выданный в нагрузку к телу супруг. Второго мужика мне до того не представляли, но его вид вызывал если не доверие, то уж расположение точно. Эдакий ласковый седой дедушка с обязательной конфеткой в кармане для внучат (да-да, как завязнет «внучка» зубками в леденце, так и бери ее тепленькой...).

— Здравствуйте, — вспомнила о необходимости вежливо поздороваться. — Вы ко мне?

Мужчины синхронно кивнули, не вставая.

— Вынуждена огорчить, — призналась я, мелкими шажками семеня от двери в правую сторону. Почему-то она мне больше нравилась (наверное, потому, что была противоположной от Повелителя). — У меня сегодня неприятный день. Внимательно читайте часы работы на двери... — Я махнула рукой в сторону двери и застыла в изумлении.

На двери мигала неонов табличка: «Выдача трупов с двух до четырех ежедневно». На русском языке! Дроу завороченно пялились на светящийся огнями текст, откровенно не понимая смысл надписи. Оно и к лучшему! Пришлось еще раз помахать в сторону этого декаданса. Убрала. И попутно развесила макаронные изделия на очень удобные для этого огромные эльфийские лопухи:

— А еще лучше — согласуйте время своего визита с моим секретарем... — Я старательно удалялась от парочки. Они поворачивали за мной головы, не выпуская жертву из виду. — Оставляю вас, дети мои, в цитадели похмельного зеленого змия. — (Засада навестила уши.) — И вообще: у меня сегодня литературный день...

— Стоять! — рявкнул благоверный, вскакивая с кресла.

— И чего орать? — вежливо спросила у второго. — Я прекрасно слышу. Вы не подскажите, как пройти в библиотеку?

— Прямо по коридору, второй поворот направо и третий налево, ваше величество, — доброжелательно ответил дедуля, поправляя сползающие с носа очки и нечаянно сбрасывая широким рукавом мантии со стола кусок недоеденной птички.

— Мерси, — отреагировала я. — Приятно иметь дело с воспитанным че... дроу. Ну так я пошла?

— Куда?! Стоять, я сказал! — завопил не привитый от бешенства муж и рванул в мою сторону.

— У меня временная глухота, — поведала я ближайшей статуе и кинулась наутек. — И мне некогда! Я подрабатываю кактусом, сливаясь в экстазе с окружающей средой!

Потом мы чуточку побегали наперегонки по извилистым коридорам, играя в салочки. Гоняла я, как выяснилось, очень даже хорошо, можно будет пробовать сдать на мастера спорта в дисциплине «бег с барьерами». Но вот на местности ориентировалась из рук вон плохо. И куда мне бежать?

— Стой, эльфийская грызomla! — прервал размышления очередной вопль-приказ супруга. Он висел у меня на хвосте с маниакальной привязанностью фашистского самолета-истребителя и теперь уже вовсю употреблял незнакомые, предположительно — нецензурные слова.

Стоп. Пора остановиться, тем более — появился повод от души поскандалить. Резко затормозив, я встретила врага лицом к лицу, уперла руки в бока и вызверилась:

— Ты как меня назвал, огрызок империи?

— Что-о? — остановился мужчина и принял горделивую позу, глядя на которую мне страшно захотелось его пнуть.

Руки сложены на груди (снова мускулы подчеркивает, соблазнитель ушастый!). Правая нога выдвинута вперед (прекрасная демонстрация стройности и длины ног). Голова откинута назад (а вот шея у мужика — совсем не главное в организме!). Очи презрительно прищурены (у меня размер глаз и длина ресниц ничуть не меньше!). Одним словом, красавец-мужчина: волосы густые, длинные, волнистые. Глаза синющие. Черты лица... тяжелая челюсть, брови прямые, губы чувственные. Лицо сосредоточенное и злое. В самом деле, с чего бы, а?

— Ничего! Забодал ты меня со страшной силой! — выпалила, прижимаясь к стене под яростным взглядом. Но все равно добавила: — Если рога мешают, почеси их об косяк! И нечего по любому поводу свои отростки в дело пускать!

Повелитель подавился ответом и издал горлом булькающий звук, подкрадываясь к намеченной самке. Жертва приготовилась к активному сопротивлению, заметив:

— Где тебя только вежливости учили?! Ни «здрате» тебе, ни «до свиданья». Думаешь, если выше на голову, то уже все позволено? А о природе поговорить, о погоде? Совсем без женщин одичал?

— Сейчас я расскажу тебе о погоде все, что знаю! — заявил справившийся с маленькой хрупкой девушкой амбал, закидывая ее на плечо. — А природу ты у меня увидишь через окошко тюремной камеры!

— Облезешь! — убежденно заявила я, болтаясь на плече и испытывая первые признаки морской болезни. Предупредить или не стоит? Интересно, как он будет обтекать, когда начнется вторая стадия?

— У меня прекрасная наследственность, — просветил ушастый гад, таща меня в обратном направлении. — Не успею. И магии мои волосы не поддаются.

— Не твоя заслуга, — вяло отреагировала, чувствуя подкатывающий приступ тошноты. — Но не волнуйся: я помогу, не переломлюсь!

— Не стоит себя так утруждать, — пропел мерзкий дроу и похлопал по мягкому месту, на котором цвели синяки.

Тут я не стерпела: извернувшись ужом, пнула куда смогла. За что и пострадала. Меня стиснули, пошатали вверх-вниз и обласкали нежным словом. Единственно понятное мне из всей длинной тирады было:

— О-у-у!

— До свадьбы заживет! — хрипло проворковала сплющенная жертва семейного насилия. — Не цеплялся бы ко мне — не пострадал в неравных боях за право собственности!

— Хочу тебе напомнить... — отдышался благоверный. — Свадьба уже случилась, и ждать мне нечего! По крайней мере, ничего хорошего!

— Сам виноват! — не сдавалась я. — Выбирать получше надо было. Я девушка нервная!

— Взял что дали! — рыкнул муж, скидывая меня около столика в свободное кресло и нависая сверху. — Кто знал, что с изъязном подсунут!

— На себя посмотри! — вякнула в ответ, устраиваясь поудобнее. — Ты тоже не подарок судьбы! Нервный, пугливый и грубый! Такими мачо не бывают! И отодвинься! Ты мне воздух загораживаешь!

— Ваше величество, — тронул меня за руку дедушка, привлекая внимание, — успокойтесь, пожалуйста.

— Я спокойна, как удав на пачке дуста! — заявила, устраивая гляделки с благоверным.

Он бесславно проиграл и надулся хомячком-переростком. У меня, наоборот, настроение повысилось, и я повернулась ко второму собеседнику. Окинув уккоризненным взглядом художественный беспорядок на столике: грязную посуду и обглоданные кости, — поинтересовалась:

— Квасите? Третьей возьмете? Посидим рядком, поговорим ладком... только, чур, этого припадочного от меня подальше и в наморднике!

На мой выпад дроу никак не отреагировали. Ноль внимания, фунт презрения. Гр-р-р!

— Ваше величество, — развел руками дедуля, вытаскивая себя из кресла и склоняясь в поклоне, — как маг — я бессилен. Но! Можно попробовать Шар Судьбы!

— Не самая плохая идея, — пробормотал Повелитель, постукивая носком сапога об пол и в задумчивости потирая подбородок. — Решено! Пошли! — приказал, обращая на меня высочайшее внимание.

— Уже бегу и падаю! — воспротивилась, забираясь с ногами в кресло.

— Прикажу — побежишь! — гадюкой прошипел супруг, наклоняясь к моему лицу.

Я сжала враз похолодевшие ладони, но непримиримо заметила:

— Сам-то в это веришь?

— Как с тобой тяжело! — признался Повелитель и совсем не царственным жестом выдернул меня из кресла и взгромоздил на плечо.

— А кому сейчас легко? — философски отозвалась я. Завизжала: — Да что ты цеплючий такой?! Свободу попугаям!

Меня в который раз проигнорировали, лишь легонько подкинули на плече, сбив дыхание. Не на ту напал! Меня заткнуть еще никому не удавалось!

— Чтобы у тебя уши с тапочками срослись! — высказала милое пожелание.

Скандал не удался по причине отсутствия заинтересованности второй стороны. Так дело не пойдет! Я попробовала еще раз:

— Чтоб у тебя глаза на затылке встретились!

С тем же успехом. Тогда я прибегла к последнему средству, пытаюсь достучаться до мозга похитителя невинных девушек:

— Может, укусить? Против санитарии, негигиенично — зато действенно...

Меня сняли с плеча. Раздался злобный рев:

— О боги! Мое терпение небеспределельно!

Мою персону сильно сжали и хорошенько потрясли. Муженек совершенно не обращал внимания на семенявшего вокруг нашей колоритной парочки дедули-мага, приговаривавшего:

— Ваши величества! Не будьте детьми!

— Это вы не мне! — выстучала я зубами. — Это вы ему расскажите! Детский сад, штаны на лямках!

Видать, крепко мы супруга на пару с обстоятельствами достали, если он лишь рычать мог нечленораздельно. Блин! Не задушит, так затрясет. Ладно, жизнь дороже принципов.

— Как насчет переговоры провести? — пошла на уступки.

Меня не слышали. Или не захотели услышать. И трясти не прекратили. Пришлось прибавить громкости:

— Эй, уважаемый, я вам не груша! Не надо меня околачивать!

М-да, а воз и ныне там. Ой, он точно меня сейчас сломает! Набрала воздуха в легкие и заорала:

— Уймись, живодег долговязый!!! Что, сила есть — ума не надо?! Руки убери!

Кажется, я переборщила. Как-то он странно притих. Это что скрипит? Мозги? Мамочка, это он так зубами. Прощайте все... Я закрыла глаза и вдруг услышала:

— Кто ты? Как ты здесь оказалась? Почему ты выглядишь как Эланиэль? Где она? Что происходит?

Ага, самый умный нашелся. Если б я знала, что здесь происходит, меня бы здесь уже не было.

— Тебе как, на все вопросы сразу отвечать или по очереди? — ехидно поинтересовалась. — Я — это я. Мне, думаешь, обо всех чудесах персонально докладывают?! Найди свою закомплексованную ушастую дуру, которую в супруги получал, ей вопросы и задавай!

Отпустил, побуравил взглядом. Тоже мне, уцененная буровая установка для домашнего пользования. Его пристальный и подозрительный взгляд вызвал у меня ответные эманации плохих предчувствий, заставляя ежиться от неизвестности. К сожалению, не ошиблась. Да что ж такое! То как мешок волочил... теперь руку оторвать мечтает!

— Ты куда меня тянешь, маньяк эльфийский? Поставь где взял! — завопила я, вырываясь и тормозя ногами. Ну да, ну да... «Ока» против БелАЗа! Включила сирену: — Отпусти меня!!! Что вцепился, как в родное? Не твое — не трогай!

Тут он споткнулся, повернулся ко мне и спокойно так сообщил:

— Почему не мое? Очень даже мое! По закону ты моя жена. Могу делать что хочу и трогать везде где хочу.

Я от такой наглости прямо растерялась. И что особенно добило: ведь прав, гад... со своей точки зрения. А с моей? Тело, в котором я нахожусь, принадлежало его жене, но душа и сознание-то мои, к нему не относящиеся никоим образом. Супружеский долг он будет требовать с тела, но чувствовать-то буду я! Бог мой, как все запутано и двойко!

От философствования очнулась в пустом помещении с постаментом посередине, на котором покоился большой, переливающийся разноцветными искорками шар. Маг подошел к нему, поводит поверху руками, что-то бормоча под нос. Шар загорелся матовым белым светом. Потом свет начал играть оттенками спектра: красный, оранжевый, желтый, зеленый... Уже дошел до фиолетового... Волшебник бодро побегал вокруг шарообразного монумента, побрызгал водичкой во все стороны света и вскоре помахал рукой, приглашая подойти.

Благоверный потащил меня к пьедесталу, приговаривая:

— Мне нужно кое-что проверить. Положи руки на этот шар.

— Я сейчас совершенно свихнусь! — заорала, выдергивая руку. — Мы спиритический сеанс устраивать будем или на печени гадать? Любит, не любит, плюнет, поцелует?

В ответ на меня оглушительно рявкнули:

— Делай что я велел!

Что-то мне, однако, все меньше это нравится... Нет, я не против, только не согласна! Сделав недоуменное лицо и поковырвав в ухе, спросила:

— Ты что-то сказал? Извини, за ревом иерихонских труб не расслышала.

— Я сказал — клади руки на шар!!! — У Повелителя начался нервный тик.

Подумав о грядущих последствиях, ответила:

— Тебе надо, ты и клади. Откуда я знаю, вдруг этот шарик меня убьет или током дербалызнет?..

— Я тебя сейчас сам убью!!! — завопил припадочный, протягивая к моей шее руки и вживаясь в роль Отелло.

— У, какие мы нервные! — резво отпрыгнула, спасая жизнь, и подошла к шару. — Кладу я уже руки, кладу.

Хотите узнать человека? Доведите его до кипения и посмотрите, что из него испарилось. Но смотреть мне было уже некогда. Лучше бы он меня убил!

Шар будто затягивал, показывая мой дом, сына, мужа и меня... Меня?! Я перестала что-либо понимать. Мыслимо ли это? Кто занял мое место? Почему я здесь и там одновременно? Стоп! Эльфийка! Ну конечно, если я здесь замещаю ее, то, по логике вещей, она там замещает меня. Вот дрянь!

Пока я бесилась, на меня соизволили обратить внимание:

— Здравствуй, Эрика. Я — Эланиэль.

От злости меня затрусил как в лихорадке. Имела бы возможность дотянуться — свернула бы шею на раз-два-три!

— Представь себе, я как-то догадалась! Почему ты с ними? Зачем ты это провернула? Немедленно верни все обратно! Я хочу домой! Там мой сын! СЫН! Ты меня слышишь?

— Так нужно, не сердись! Мы должны были поменяться по воле богов. Теперь все правильно, души на месте. Тебе со временем объяснят — твой дом там. Не беспокойся, на Земле ничего не заметили. Я обещаю любить твоих мужчин и сделать их счастливыми. Извини, но тебе назад дороги нет. Душе Эрики не вернуться сюда больше никогда. Прощай!

И эта мерзавка ушла.

Пришло осмысление услышанного. Назад дороги нет? Душе Эрики не вернуться больше никогда?.. Из глубины души вырвался крик отчаяния:

— За что?! Не-э-э-эт!!!

Отчаяние сменила боль, сжала в объятиях, обернулась вокруг меня. Засмеялась, рассыпая смех ранящими серебряными колокольчиками, запустила свои щупальца вовнутрь, вывернула наизнанку душу, добираясь до самых потаенных уголков сердца. Рвалась в клочья душа, выдирали с кровью, с мясом тоскующее сердце, лопались с треском натянутые нити, оставляя после себя пустыню. Я не выдержу больше этой боли! Отпустите или уничтожьте меня!

Боль отступила, отдавая меня во власть непроглядному мраку. Уйди. Зачем ты пришла, тьма? Оставь меня, я сгорела в этой боли. Меня уже нет, пусто внутри, лишь хлопья черного пепла, кружась, погребают под собой любовь и привязанность. И только память жива...

Темноту рассеял свет, формируясь в женскую фигуру, излучающую волны доброжелательности и беспокойства.

— Зачем ты мучаешь меня? Что тебе нужно, свет?

— Тебя.

— Меня? Для чего?

— Ты мое дитя.

— Кто ты?

— Я — Иаола, богиня жизни и любви, создатель этого мира.

- Богиня? Что со мной происходит?
- Ты вернулась домой, девочка.
- Если это дом, почему же так больно?
- Это рвутся связи с тем миром. Потерпи. Скоро ты забудешь все. Тебя ждет другая жизнь, другая судьба и другая дорога.
- Я не хочу другой жизни. Это жестоко — отобрать у меня единственного сына.
- Смирись! Он потерян для тебя. Загляни в себя, есть ли там боль и тоска?
- Нет, везде пусто. Но я же помню...
- Это пройдет со временем, наберись терпения.
- Отпусти меня, верни обратно, пожалуйста! Кому я нужна тут?
- Ты нужна этому миру, девочка. Ты нужна мужчине, который держит тебя на руках.
- Этот мир не нужен мне! Мне никто не нужен! Я не хочу этого, я устала. Хочу заснуть и не просыпаться.
- Это пройдет! Ты поймешь потом, много позже. Пока еще рано, ты не готова. Иди, дитя. Это твоя доля и твое предопределение! Иди!

Свет рассеялся. Вернулся уютный полумрак. Подступая неслышно на мягких лапах, укрыл меня своим пологом, нежно спрятал ото всех. Темно и тихо. Одиночество... Что есть одиночество? Иногда оно дарит глоток воздуха, а иногда забирает почти весь кислород. Мне нечем дышать...

Корка равнодушия внезапно потрескалась под напором злости, ярости, обиды. Кто дал вам всем право так поступать со мной? Выбирать и решать за меня? Я не кукла! Почему никто не спросил меня, что Я хочу?! Ненавижу... вы не спросили меня, я не спрошу вас! Вы изменили мою жизнь, отобрав любимых и вышвырнув в другой мир. Говорите, «другая жизнь»? Пусть так! Но это будет МОЯ жизнь, и у нее будут МОИ правила! Кому не нравятся мои правила, не суйтесь в мою жизнь! Я приму тебя, мир, навязанный мне, но держись — я тоже умею быть беспощадной!

Меня закрутил вихрь и вытолкнул из мягких объятий сумрака. Открыв глаза, встретила с обеспокоенным синим взглядом. Странно, а мне уютно у него на руках.

- Как ты себя чувствуешь? — тихо спросил дроу, укачивая словно ребенка.
- Жить буду. В этом мире разводы бывают? — быстро задала интересующий вопрос, чтобы не разнюниться.

Беспокойство в синих глазах сменилось тревогой. С чего бы?

— Нет!

Вот оно как! Весело мне предстоит начать свою новую жизнь.

- Сделаем! Ну и как тебя зовут, муж? — устало поинтересовалась я.
- Дарниэль.
- Дар, значит... подарок.

Да, подарочек мне тот еще подкинули. Что ж мне с ним делать-то? Ладно, потом разберусь, ибо сил нет как спать хочу. Нужно в комнату топать, пока на полу не уснула.

— Э-э-э... а дедулю куда дел? — обнаружила отсутствие третьего персонажа. — Под шариком прикопал по-быстрому?

Черные брови удивленно взлетели вверх.

— Зачем? — недоуменно поинтересовался муж, разглядывая мою физиономию. — Просто отпустил...

— С девятого этажа? — пробило меня на старые шутки.

А в ответ — тишина...

— Ладно, не заморачивайся. — Сползла с рук Дара и, сделав шаг к выходу, почувствовала — штормит на море сильно. Нормальным языком говоря, заносит меня основательно. Ноженьки подкашиваются и заплетаются. Не дойду даже из принципа, придется помощи у муженька просить. В конце концов, бугаюшка не переломится, а польза хоть какая-никакая будет. — Я спать хочу, Дар. Помоги мне до комнаты добраться, пожалуйста. Я сама не могу.

И снова оказалась у него на руках. Понятливый у меня супруг. Мелочь, а приятно. Последняя мысль в голове, перед тем как вырубилась окончательно: «Наконец сбываются все мечты! Лучший мой подарочек будешь ты! Сбылась мечта идиотки!»

Сон. Забери меня, сон. Заставь забыть боль и обиды. Дай мне покой. Спасибо...

Глава 4

Поздно замечать следы, когда уже протоптал дорожку.

Дарниэль, Повелитель дроу

В сложной обстановке оправданы экстренные меры. Я решил обратиться к единственному, кроме учителя, волшебнику, которому всегда могу спокойно довериться, — однокласснику-артефактору. Он лучший из лучших в своей области.

— Закэри? Привет, дружище! Я тебя ни от чего не отвлекаю?

Неожиданно услышал разъяренную женскую реплику:

— Негодяй! Еще и дружков пялиться сюда созвал?

Магический кристалл отобразил возмущенную физиономию моего единственного друга — оборотня Закэри. Громкий звук пощечины закрыл возможные вопросы. Дракон стоял полуголый и огорченно смотрел, как мимо него стремительно промелькнул стройный девичий стан в облаке огненных волос. С грохотом захлопнулась дверь спальни, ведущая в коридор.

— Дарниэль, чтоб тебя светлые эльфы вместе с оборотнями по ночам драли! А в другое время позвонить не мог? Из-за тебя у меня такой роман с драконицей сорвался... — раздраженно попенял оборотень.

Пришлось «вилять хвостом» и проявлять дипломатию:

— Извини, не хотел. А светлые, загрэнзац им в печенку, меня и без того дерут. Причем так, как тебе и не снилось...

— Не извиняйся, — великодушно заметил Зак, постепенно оттаивая (за что его люблю — на меня никогда долго зла не держит!). Он подсел ближе к передающему кристаллу и оперся локтями на столешницу. — Все, что ни делается, — по воле Судьбы. Оно и к лучшему. Я совсем голову потерял. Если бы ты вовремя не вломился, я бы не смог остановиться. — Повеселел: — Зато к алтарю теперь не потащат...

Я вздохнул: счастливый и не ведает меры своего счастья!

— Ладно... прости, что вспылел. Слушаю, — любознательно поблескивая ало-огненными зрачками драконьих глаз, приготовился к свежим новостям Зак.

Сколько его знаю, ему, как той сороке, — только сплетни слушать, хлебом не корми!

— Давай признавайся, зачем среди ночи скромный дракон понадобился Повелителю дроу? — По примеру нашего застолья Закэри налил себе в хрустальную кружку темного драконьего пива и цокнул о кристалл. — О, и господин Шарратас с тобой? Здравствуйте, учитель! — Прозвучал гост: — Будем!

— Будем! — отозвались мы с учителем. Вино пригубили, но пить не стали.

Я осторожно начал:

— Видишь, какое дело... мне понадобилась твоя помощь.

— Всегда к твоим услугам, Дарниэль! — повеселел дракон.

Я, не отрывая глаз от браслетов, спросил приятеля:

— Зак, мне нужно точно знать — сколько огнешаров могут впитать твои накопители? Предельное количество...

Напуская веселость мгновенно слетела с лица моего Друга.

— Зачем тебе это понадобилось?

— А ты как думаешь? — уныло отозвался я.

— Так плохо? — посочувствовал Зак.

Учитель крикнул и подавился фазаньим крылышком.

— Еще хуже, — признался я с огромным сожалением. — Ты мне когда-то дарил восемь, со времен последней битвы осталось только два. Остальное не могу тебе сейчас рассказать... — Оттянул мизинцем левое веко. Я много раз показывал Закэри тайный знак дроу «нас подслушивают», должен понять. — Но как-нибудь потом — обязательно!

Дракон пожевал губу:

— Запомни! Если шары малой мощности, то десять — пятнадцать. Средней, мю эдак в восемьсот, — не больше восьми. Ну а огнешары ударной мощности, которые потянут за тысячу, — тех не больше пяти. При самом лучшем раскладе. А в чем дело? Проблемы?

Я огорченно взлохматил шевелюру:

— Да. В моем доме завелась придурочная эльфийка с большим магическим потенциалом. Кидается огнешарами по сторонам почему зря и пугает окружающих дроу жутким криком «Кавайи-и!».

— Ну так в чем дело? — засмеялся дракон. — Ты повелитель там или нет? Гони ее взашей!

Я тоскливо вздохнул:

— Э-э-э... не могу. Ведают боги — хочу, нет мочи! Но... не получится. Видишь ли... — Перешел на шепот, чтобы эльфа от двери не услышала: — Она моя жена!

У маэстро (я видел!) заиграли смешинки в глазах.

Зак, подлец, долго хохотал. Ага! Хорошо ржать над чужим несчастьем. Я тоже умею. Подождем, когда его женят... насильно... вот тогда и повеселимся на славу!

Отсмеявшись, Закэри не стал откладывать в долгий ящик и проявил великодушие: согласился мне помочь, существенно увеличив мощность накопителей. Дракон в прямом эфире помагичил слегка над браслетами, используя в качестве проводника моего уважаемого учителя... теперь мои любимые накопители способны выдержать боевую четверку демонов. А это, я вам скажу, не халуров за хвост дергать!

Я теперь к появлению супруги готов. Сидел с тяжелой головной болью после дюжины вчерашних настоек (я про зелья, не алкоголь!) и пытался прийти в себя...

Измучившись вопросами и проведя бессонную ночь, утром надеялся убедиться: вдруг показалось? Удрученный размышлениями, углядел, как из-за двери чудо мое невиданное появляется. Меня аж оторопь взяла.

Э-э-э... потерял дар речи. Это что на ней надето? Она в купальном костюме или в заграничном negligé?

Женушка вздумала мужскую половину разом соблазнить? Ей это легко удастся. Далеко идти точно не потребуется. Необычные, невиданные мною раньше материалы обтягивают тело, как вторая кожа, не говоря уже о штанах, не оставляющих простора фантазии. С ума сойти, Повелительница дроу разгуливает по дворцу в таком вызывающем виде! Ладно молодежь, дак хоть бы маэстро Шарратаса пощадила! Или моих советников престарелых. Из старичков песок сыплется, их же удар на месте хватит. Меня — и то едва не хватил.

Подобное одеяние на моей леди возмутительно и весьма интригует. А еще злит. Даже не просто злит — бесит! Валтасар зеленый! Вот прикую ее к постели, и, пока не забеременеет, оттуда не встанет! Будет тогда знать, как своего господина дразнить ЭТИМ и будить ревность! А портного, который ей это нашил, я... я... четвертую! Показательно. Прилюдно!

А перед наказанием расскажу супруге о дворцовых правилах и своде приличий. Пускай знает: я не жестокий, но строгий. А потом запру на год в спальне. Будем с ней упорно трудиться на благо родины и моих подданных. (И почему впервые в жизни я так рад исполнить тяжкие государственные обязанности? Надеюсь, это не действие вчерашних декоктов?)

Слава богам, она, видимо, не ожидала узреть своего господина с утра пораньше в узком коридоре и от моей перекошенной рожи с перепугу застыла на месте. Потом неожиданно понесла та-акой вздор! Любой сумасшедший обзавидуется.

— Вынуждена огорчить, у меня сегодня неприятный день. Внимательно читайте часы работы на двери...

При мысли о приеме мужчин меня прошиб холодный пот, следом кинуло в жар. Прием? Темную дьяволицу через колено, я сейчас устрою ей прием! Потом неделю не сядет!

А светящиеся руны просто восторг. Боги, неужто я неискоренимый грешник? За что вы прислали мне мое личное несчастье?

Я шепотом обратился к учителю:

— Маэстро, теперь вы мне верите?

Он кивнул, наблюдая за феноменом моих личных бедствий.

— А еще лучше — согласуйте время своего визита с моим секретарем... — Она ловко попятилась. Мы потрясенно наблюдали театр одного актера. — Оставляю вас, дети мои, в цитадели похмельного зеленого змия. И вообще: у меня сегодня литературный день...

Совсем спятила! Цитадель Зеленого змия в пятистах верстах севернее! Любой ребенок о том знает! Литературный день — это нечто вроде женских лунных дней? Тогда почему она столь открыто обсуждает подобные тонкости? Это неприлично!

А моя жена, забалтывая нас до смерти, тем временем дала деру!

— Стоять! — крикнул ей, вскакивая.

Шоу продолжалось со страшной силой!

— И чего орать? — вежливо спросила моя... мое горюшко. — Я прекрасно слышу. Вы не подскажите, как пройти в библиотеку?

В БИБЛИОТЕКУ?! Как вам это нравится?!!

Маэстро несколько растерянно озвучил маршрут:

— Прямо по коридору, второй поворот направо и третий налево, ваше величество.

А дальше как следствие:

— Ну так я пошла?

«Мать-мать-мать!!!»

— Куда?! Стоять, я сказал! — воскликнул я и рванул за ней.

По дороге наслушался таких реплик, что сам дозрел до обители умалишенных:

— У меня временная глухота... И мне некогда! Я подрабатываю кактусом, сливаясь в экстазе с окружающей средой!

БОГИ! ЗА ЧТО?!!

Потом мы носились как угорелые... долго. Я мчался и бухтел:

— Я догонял на охоте оленей, снежных коз и диких кабанов. Но эту козу на открытом месте я бы не догнал! Хоть сейчас отдавай в отряд горных егерей, пусть их бегать по

пересеченной местности научит!

Мое злосчастье внезапно ускорилось.

— Стой, эльфийская грызomla!

К счастью, дворца она не знала. Только поэтому удалось загнать жену в тупик. Пока в тупичке размышляла, куда бы сдернуть, я до нее добрался. Думаете, испугалась?

— Ты как меня назвал, огрызок империи?

Таких ругательств я еще не слышал! У драконов набралась, что ли?

— ...Забодал ты меня со страшной силой! Если рога мешают, почеси их об косяк! И нечего по любому поводу свои отrostки в дело пускать!

Нет, виден почерк демонов. Это у них рога вечно чешутся.

— Где тебя только вежливости учили?! Ни «здрaсте» тебе, ни «до свиданья». Думаешь, если выше на голову, то уже все позволено? А о природе поговорить, о погоде? Совсем без женщин одичал?

Эльфы! Светлые негодяи, мамой клянусь!

Утешил нахалку:

— Сейчас я расскажу тебе о погоде все, что знаю! — Заявил: — А природу ты у меня увидишь через окошко тюремной камеры!

Вот, любая женщина станет покорной и ласковой, нужно только уметь взять ее в руки. Ташу ее на плече и сам себе удивляюсь...

— Облезешь! — безапелляционно сообщили мне, выкручиваясь ногами по ребрам.

— У меня прекрасная наследственность, — парировал ее угрозы, придерживая ноги. — Не успею. И магии мои волосы не поддаются. — Если бы еще сам в эту чушь верил!

Мне с ходу наобещали:

— ...Не волнуйся: я помогу, не переломлюсь!

— Не стоит себя так утруждать, — торжествующе похлопал ее по заду. Надо же отплатить, не одному мне после женитьбы синяки носить! — О-у-у! Да чтоб тебя, пакость мелкая! Больно же!

Что ж ей спокойно-то не висится? Конечности... ножки так ходуном и ходят. Возникает навязчивое желание придушить свою женушку по-тихому, а уж потом как-нибудь перед ее папенькой оправдаться.

Но неугомонное создание, как выяснилось, до того только разминалось в словесных прениях.

— До свадьбы заживет! — Мне на ухо. — Не цеплялся бы ко мне — не пострадал в неравных боях за право собственности!

— Хочу тебе напомнить... — Я еле отдышался. Хотелось пустить в ход руки. — Свадьба уже случилась, и ждать мне нечего! По крайней мере, ничего хорошего!

— Сам виноват! Выбирать получше надо было!

Уйду, уйду в монастырь! И пусть дровскую династию без меня строят.

— Взял что дали! Кто знал, что с изъязном подсунут!

И все в том же духе. Вот уж нескучный брак предвидится...

— Ваше величество, — примирительно заворковал маэстро, — успокойтесь, пожалуйста.

И ты, предатель... а еще учитель называется... Я свалил буйнопомешанную в кресло и отхлебнул вина. Совсем умотала! Будто целый день с ребятами тренировался.

— Я спокойна, как удав на пачке дуста!

Держите меня семеро!

А этой только удар по башке поможет:

— Квасите? Третьей возьмете? Посидим рядком, поговорим ладком... только, чур, этого припадочного от меня подальше и в наморднике!

Учитель от ее монолога совсем поник и тихонько сообщил:

— Как маг я — бессилён. Но! Можно попробовать Шар Судьбы!

Решено!

— Пошли! — приказал жене.

— Уже бегу и падаю! — воспротивилась эта идиотка. Забилась с ногами в кресло — и попробуй достань!

Или ее придушу, или сам повешусь. В сущности, зачем мне корона правителя, лучше в цирк пойду работать! Даже на каменоломнях мне будет лучше, чем сейчас.

— Как с тобой тяжело! — воскликнул я и поволок прочь свою неподъемную ношу.

— Да что ты цеплючий такой?! Свободу попугаям!

Я примерился: может, по дороге незаметно уронить с лестницы? Жаль, что не уронил...

— Чтобы у тебя уши с тапочками срослись!.. Чтоб у тебя глаза на затылке встретились!.. Может, укусить? Против санитарии, негигиенично — зато действительно...

Слушая ее визг, перемежаемый унижительными репликами, прикинул: а если помочь ей ненароком выпасть из окна? Несчастный случай, никто не виноват... Маэстро пойдет за свидетеля... Столь заманчивая мысль прервалась очередными воплями эльфийки. Как странно она выражается! И тут наконец-то до меня дошло окончательно...

Боги всесозидающие! Я удостоверился — это не Эланиэль! Пришлось признать невероятный факт: в теле моей жены пребывала другая, крайне пакостная сущность. Я негромко засмеялся, потом вспомнил вчерашнее и заскрипел зубами.

Тогда кто она? После ряда уточняющих вопросов мелкая вредина прищурилась и разразилась проникновенной речью, сводящейся к одному: а не пошел бы я к богам?!

Да, прежней Эланиэль подобная свобода яркого самовыражения не под силу... Но какая же это сущность? Несет ли она созидательный свет или грозит вселенской тьмой? Необходимо срочно проверить во избежание ненужных проблем. Прав маэстро — Шар Судьбы! Артефакт непредсказуем, но всегда точно определяет внутреннюю суть. Схватив девчонку за руку, я поволок ее по коридору, получив в ответ яростное сопротивление и новые вопли.

В конце концов девчонка заткнулась. Хоть что-то хорошее. Пока она молчала, я успел дотащить ее до Комнаты Судьбы. После того как учитель провел необходимый обряд, я вежливо попросил положить руки на шар. И дождался целой серии нелепых упреков и обвинений. Пришлось немного повысить голос и привести к покорности.

Вот же характер, все поперек! Боги, одарите меня терпением! Видимо, боги заняты, у них обеденный перерыв, а я сейчас взорвусь. Но тут она сделала то, о чем просили.

Маэстро резкими выверенными пассажами окутал Комнату Судьбы нитями своей силы, запитывая капризный артефакт. Пошли всполохи.

Девушку окутало золотистое сияние. Мы с учителем сразу поняли, что у нас особо крупные неприятности: таким сиянием пользуются исключительно боги нашего мира. А

боги подобру не приходят. Не было ни видений, ни голосов. Лишь тонкая фигурка в золотом коконе света. Сколько времени это продолжалось? Не знаю, не заметил. Маэстро ушел спать, переутомленный мощным вливанием в магическую структуру артефакта, а я стоял и замороженно смотрел.

Потом девушка покачнулась и упала... еле успел поймать и застыл истуканом с ней на руках. Ну и как ее в чувство приводить? Ароматических солей и курений в Комнате Судьбы не держу. Слуги далеко. Пока размышлял, жена открыла глаза. Ударом молнии пронзили чужие эмоции.

Прожив почти семьсот лет, всякое довелось пережить. Много испытал на своем веку, разного повидал, но с такой болью и разрывающей душу тоской, как в ее глазах, сроду не сталкивался. Это что-то запредельное. Бедная девчушка, сильно же ее скрутило!

— Как ты себя чувствуешь?

Это я спросил? С чего вдруг правителя дроу взволновало чье-то самочувствие? Впрочем, несвойственное чувство жалости мгновенно растворилось после вопроса о разводе. Такой дорогой ценой вырвать передышку и потерять по бабской прихоти? Я не стану расторгать договор со светлыми, как бы ей ни хотелось упорхнуть отсюда вольной пташкой. Мало ли что кому хочется?! Перехочется.

Развестись с ней я просто-напросто НЕ МОГУ! И ничтожному состраданию тут не место. Если взвешивать на весах жизни сотен тысяч подданных и личное счастье двух правителей, то и вопрос даже не стоит. РАЗВОДА НЕ БУДЕТ.

Пришлось соврать и ответить отрицательно. «Залог мира» злорадно пообещала со временем решить данную проблему, чем вызвала у меня внутреннее содрогание. Потом грустно вздохнула и поинтересовалась:

— Ну и как тебя зовут, муж?

От неожиданного вопроса онемел. Она даже имени моего не знает. А я?..

— Дарниэль, — ответил поспешно.

— Дар, значит... подарок.

Интересное сокращение. Хорошо, Дар так Дар, потом разберемся.

Эльфийка, или уже не эльфийка, выкрутилась из моих рук и попыталась куда-то уйти. Я с интересом наблюдал, получится ли: она едва стояла, шатаясь и постоянно отклоняясь от нужной траектории.

О! Все же разумное поведение супруге не чуждо. Повелительница соизволила попросить и даже произнесла волшебное слово «пожалуйста». Ну если вежливо просят, то почему бы и нет? Могу доставить куда нужно.

Бедняжка так устала, что уснула у меня прямо на руках. Я донес жену до покоев. И был приятно поражен изменившимся видом комнаты. Надо же... когда успела? Впрочем, так намного лучше. Что ж, к упрямству и вредности можно добавить наличие некоторого вкуса и магический дар, кстати довольно сильный.

Не без труда раздел спящую девушку, сражаясь с непривычными застешками. Раздел и обомлел. Еле-еле, всеми силами напоминая себе о мужской гордости и чести правителя, удержался от соблазна совершить то самое зачатие. Уж больно жаркие фантазии будило в нормальном здоровом мужчине белье с кружевом тоньше паутинки.

А сейчас спи, чудо мое. Бережно уложив на кровать и накрывая одеялом, вдруг отчетливо понял, что мне хочется погладить ее по голове, словно котенка. Я сошел с ума? По всей видимости — да. Иначе как объяснить несвойственные мне ранее порывы? Бред какой-то.

Вернувшись к себе, налил бокал вина, уселся в любимое кресло перед камином и начал размышлять... Все сводилось к пророчеству.

Нет, ну чисто теоретически знал я о существовании невнятного пророчества. Его настолько давно написали, что не осталось ни одного полного текста. Все сводилось к одному: придет девушка из другого мира и выйдет замуж за правителя дреу. Она остановит вражду и объединит все расы.

Верилось в это с трудом. Слишком долго мы враждуем. Последняя война безжалостно отняла жизни всей моей семье: отца, мамы, братьев. Нельзя сказать, чтобы мы так уж обожали друг друга. Скажу только — я тосковал и до сих пор сожалею о потере родных. Чувство ответственности не заменит близких дреу, не вернет тепла рук, не оживит их улыбки. Это все так. Но если моя обязанность Повелителя ради мира на наших землях стерпеть дурной характер жены и удержать этот брак — я выполню свой долг.

А пророчество... в него уже давным-давно перестали верить. Мало ли бреда очумелые пророки, светящихся грибочков до отвала наевшись, в пещерах на сытый желудок сочиняют? Первый раз, что ли? Если бы все пророчества исполнялись, давно ни одной живой души на наших землях не осталось бы и в помине. Даже вечноживущих демонов с драконами.

Будь моя воля, я бы законодательно этот вредный элемент — оракулов с пророками — навсегда запретил. Сволочи, вечно изгаляются как могут, и никто их не прищучит, зар-раз этаких. Напридумывают всякого, а мы страдай.

Вот ждало это божественное послание три тысячи лет, не могло и дальше подождать?! Так нет. Нате, господа хорошие. Святое пророчество спит в моем доме. Боги, почему им оказалась именно моя жена?

Я вышел за дверь и кликнул стражу. Не стоит девчонке бегать по дворцу. Мне пока еще дороги мир и покой моих подданных.

Глава 5

Умная женщина не спорит с мужчиной... она просто ставит его перед фактом.

Эрика

Утром я проснулась жутко раздраженная. Дело прозаическое: банально хотелось есть. Даже не так — «Жрать!», с заглавной буквы.

— Нет, ну вы подумайте, какие они здесь экономные! — громко пожаловалась кровати, сотворив чашечку кофе. — Торчу тут уже двое суток, и никто не удосужился меня накормить или хотя бы спросить: «Не желаете ли откусать?» — Допила кофе и добавила с обидой: — Ага, счас, уже бегут с подносом! Бросили сиротинушку на произвол судьбы! Мошенники! Даже животных-производителей и то подкармливают, а меня диетой изводить решили? Тьфу на вас!

Кофеин, вольготно устроившись в организме, потребовал дозу никотина. Пришлось встать за сигаретами и пепельницей. Откинув одеяло, сообразила: а с меня вчера супруг джинсы и кроссовки стащил! Позаботился, стало быть. Хихикнула, представив, как он вытряхивал сонную девушку из тесных, в облипку штанишек. Это ему еще повезло... я джинсы со «змежкой» не напялила! Те он бы с ножом снимал. Вряд ли у них так далеко шагнул прогресс.

— Интересно, впечатлило ли дроу земное бельишко? — хмыкнула, но тут же понадеялась, что нет. (Воображение резво понесло меня вперед, но я цыкнула на него и поприветствовала чересчур бурную фантазию.)

Сбегала за пепельницей, закурила и продолжила сольное выступление:

— Муженек рассчитывает за мой счет одним махом государственный бюджет поправить? Я так много ем? — Пощупала впалый живот. — Да... еще немного, и можно устраиваться наглядным пособием по анатомии. Он мечтает уморить жену голодом и остаться вдовцом? Не дамся!

Скрутила фигу. Посмотрела по сторонам, оценила и скрутила еще одну. Хорошо бы знать — это детство играет или мозги разжижаются? Ладно, если мыслить логически, то:

— Избавляться ему от меня невыгодно. Хотя... Если правильно запомнила болтовню дамочек — это политический брак, навязанный договором о мире. Судя по категорической реакции супруга, соглашение с эльфами ему жизненно необходимо. Из чего определяем методом дедукции: я ему нужна в живом виде и с пузом. Или в мертвом. Но не в разведенном. Хреново!

Надувшись как мышь на крупу, завалилась на кровать. Помечтала о благе цивилизации — компьютере с выходом в Интернет. Захотела их намагичить — ничего не вышло. Сдулась от разочарования. Мысли вернулись к насущным нуждам. Ощутимо не хватало собеседника или хотя бы слушателя, которому можно было поплакаться в жилетку. Собственно, попаданке-перемещенке положен ехидный внутренний голос, уверенно ведущий героиню к нужному финалу и постоянно подталкивающий на те или иные неординарные действия. Словом — и алкоголик-собеседник, и хулиган-надомник в одном лице.

— Внутренний голос, ау! — позвала, особо ни на что не надеясь.

И как в воду глядела! Подобной роскоши мне не досталось. Видно, от природы мои ехидство с язвительностью под ручку выделяются исключительно наружу, поэтому для внутреннего пользования их не остается. Так и запишем.

— С другой стороны, — успокоила себя, — это и к лучшему. Раздвоение личности — верный шаг к шизофрении!

Посидела, выкурила еще одну сигарету. Разложила проблемы по полочкам.

— Итак, что имеем... Во-первых, — загнула палец, — муж. Чтоб ему икалось беспрепятственно! Что ему от меня нужно — я в курсе, но миротворец хренов пока не ведает

— ничегошеньки ему не обломится! Удумал! На чужом горбу в рай въехать! Щас!

Заткнулась, иначе бы меня понесло и выдаваемые эпитеты до вечера вряд ли бы закончились. Загнула следующий палец:

— Во-вторых, возвращение домой. Что бы там, как ее... Йаола... ни выдумывала, а мне нужно в семью! Значит, будем изыскивать возможности. Тоже мне, додумалась тетка... «Ты вернулась домой, девочка», — передразнила. — Вот сама в таком доме... хм... дурдоме!.. и живи! А мне обратно к сыну нужно!

Смахнула набежавшие слезы, клятвенно пообещав себе зверски отпинать эльфийку по возвращении. Взяла себя в руки. Не хотелось демонстрировать свои слабые места. По ним всегда бьет больнее.

— И, третье, следует решить проблему питания, — бурча вполголоса, соскочила с кровати и пошлепала в ванную.

Там устроилась в маленькой ванне, найденной в соседнем с бассейном помещении. Накидала в воду ароматных и пенообразующих средств, подтащила столик. Я сервировала его кофейными принадлежностями, стаканом апельсинового сока, тарелкой с разнообразными бутербродами. Улеглась сибаритствовать, не забыв придвинуть к двери самую маленькую скамейку. Хотелось бы помассивнее, но сил не хватило! Как первый заслон от неожиданных визитеров вполне сойдет.

В качестве отступления: зачем я жалуясь, если сама вполне способна себя любимую прокормить? Да из принципа!

Почему-то меня не покидало стойкое ощущение неправильности ситуации. Перечитав кучу фэнтезийных романов, я могла с уверенностью заявить об этом.

— В большинстве сюжетов героиня попадает в мир помогать бороться со злом, — рассудила, со вкусом откусывая кусок от бутерброда с сыром и ветчиной. — Причем обязательно в то время, когда это самое рогатое махровое зло уже нашинковало почти всех положительных туземных героев мелкими кусочками. — Прожевала, запила соком и продолжила умозаключения: — И только хрупкая девушка-иномирная, вооруженная высшим образованием или негативным жизненным опытом, или и тем, и другим вместе взятым, то есть необъятной грудью и бездонным интеллектом, способна остановить всемирную катастрофу и урезонить то самое зло, третирующее местное население. — Посочувствовала злу от души, вспомнив героинь фэнтезийных романов. — Иначе говоря — прибить или, как альтернатива, женить на себе, чтобы бессовестный злодей закончил жизнь в ужасных муках совести если не по содеянным правонарушениям, то по ошибкам молодости.

Мне послышался шум за дверью. Я замолчала, прислушиваясь. На всякий случай спросила:

— Кому нейдется в ночь глухую? Нашлись желающие получить по шее?

Никто не отозвался. То ли прониклись, то ли мне показалось. Подождав еще немного, вернулась к прерванному завтраку и рассуждениям:

— Все понятно и закономерно, но никоим образом не подходит под мой расклад. Мне по какой-то неведомой причине светит начать с финальных аккордов драматического сюжета, то есть с постели.

Поморщилась, вспоминая потуги нынешнего претендента на мою руку. Красавчик, но манеры... оставляют желать лучшего. Правда, ему со мной тоже повезло! Со страшной силой! Только он еще до конца это не прочувствовал... И мой долг ему в этом помочь!

— Всегда готова! — салютовала, припоминая далекое пионерское детство. — Я его поближе познакомлю с кузькиной матерью, чтобы кастинг на место жены до самой смерти никому не устраивал. — Сстроив зверскую рожицу, погрозила кулачком. Вздохнула и призналась сама себе: — Можно хорохориться до бесконечности, но на его стороне сила и власть. Мне против него не выступать, и в моих прямых интересах убраться отсюда подобру-поздорову побыстрее. Так, где у них тут библиотека?

Закончив водные процедуры и разбаррикадив выход, прошествовала в комнату, где и привела себя в относительный порядок. Проблема расчесывания шевелюры уже грозила перерасти в глобальную по причине абсолютной невозможности самостоятельно разобраться с копной волос непривычной длины и объема.

— Ужас! Кошмар! — Это уже относилось к ушам.

Застряла перед зеркалом, пристально разглядывая доставшиеся мне в наследство «лопухи», от которых отказалась бы с превеликой радостью. Никогда до того не задумывалась: зачем они (уши) должны быть такой формы и размера? И только не нужно мне говорить, что они должны крутиться, как у собаки, во все стороны.

— Этого я точно не переживу! — пробормотала, приступая к опытам.

Проведя серию экспериментов, поняла ошибочность догадки. Успокоилась. И подпрыгнула, сраженная новой гипотезой:

— Может, я просто не умею ими управлять? Не дай бог! Я не хочу!

От столь увлекательного занятия меня оторвала трезвая мысль о библиотеке. Тяжело вздохнув и бросив последний взгляд в зеркало, я потопала на выход. Беззаботно распахнула входную дверь и застыла на пороге, обозревая двух вооруженных дроу, отирающихся поблизости. Вот так сюрприз! Это почетный эскорт? Парни вполне симпатичные... Я бы сказала, очень даже! Но я их не заказывала и платить за вечеринку мальчикам-зайчикам заранее отказываюсь. Ладно, вступим в диалог.

— Мальчики, а что вы тут делаете?

Мне ответил тот, который показался старше на вид:

— Со всем почтением, ваше величество, доведу до вашего сведения — вам запрещено покидать свои покои.

Во как! Запрещено, значит. Чудненько! Я разглядывала собеседника. Интересный мужчина средних лет с легкой проседью в длинных волосах, собранных в сложные косички. Охранник чуть выше меня ростом, довольно коренастый. Сложен пропорционально. Уши проколоты, мочки ушей оттянули тяжелые серьги. Шея прикрыта широким ошейником темно-синего металла с инкрустациями из черного мориона. Рубашка, удлиненный, до колен, камзол без рукавов и лосины. Камзол отделан скромным серебряным галуном и украшен аксельбантами. Сапоги. Полно оружия.

Насчет остального... могу сказать: натуральный дроу — смуглый, темноволосый и кареглазый. Если б не гипертрофированные уши, походил бы на типичного испанца. Такой же гордый и надменный. Очевидно, он из двоих старший по званию. И кто болтал, дескать, дроу — блондины с лиловыми глазами?..

— Кем запрещено? Почему? На каком основании? — Я настойчиво принялась выяснять новые обстоятельства.

Второй страж перерос первого, но выглядел больно хлипким — молодой, худенький, аж прозрачный. Мордаха словно у жеребенка — гм... лошадиная. И сам такой же нескладный, словно жеребенок. Волосы цвета воронова крыла стянуты у лопаток синей лентой в низкий хвост. В одной ухе серьга с черным жемчугом, зато пирсинг в носу. Массивные браслеты на предплечьях и наручи, куда более скромная одежда: замшевые бриджи и жилет на голое тело. На ногах нечто вроде мокасин. Оружия на мелком тоже немало, просто находка для пионера-активиста, сдающего металлолом родной школе.

Сердешного во дворце голодом морят, наверно, в точности как меня. Витаминок на завтрак недодают, на калориях экономят. Глаза у мальчонки голо-о-одные... Хочется погладить по курчавым волосам и сострадательно провить: «Сиротинушка!» Кусочек колбаски и печеньку, что ли, ему в знак дружбы протянуть? Посмотрела на него искоса — сразу передумала. Не стоит, еще не так поймет... Вон как зыркает своими карими зенками, того и гляди дыру прожжет.

— Повелителем. Во имя вашей безопасности. — Младая поросль уверенно влезла в нашу взрослую беседу. И такое всезнание в орлином дровском взоре... ни капли сомнения.

Истина в последней инстанции.

Ути-пути, какие мы страшные! Уже дрожу и прячусь за плинтусом! С трудом подавила желание сделать малому «козу». Мысли лихорадочно метались: «Повелитель — гад! Нет! Вселенский гад. Чертовски умный мерзавец! И предусмотрительная сволочь. И... слов нет! Цензурные давно кончились! Стало быть, не выпустят?.. Женщина голодная и взаперти — исключительно взрывоопасная перспектива. Они еще меня узнают!»

Улегшиеся было подремать злость и раздражение вновь заняли свои исходные позиции. Под наплывом ярких страстей мое воспитание отступило вглубь, удобно свернувшись калачиком, и поставило табличку: «Не беспокоить. Ушло на курсы повышения квалификации». Меня понесло:

— Передай высокопоставленному озадаченно-озабоченному супругу дословно: если днем не будет обеда, я... отрину принципы и встану на путь каннибализма! Все ясно? — С треском захлопнула дверь, успев заметить, как побледнел парнишка.

«Неужели я настолько страшная?» — хихикнула, зажимая рот ладонью. Сразу вспомнилось: «Ну что ж ты страшная такая? Ух и страшная!.. Ты не накрашенная страшная. И накрашенная».

«Может, в Хеллоуин поиграем? У меня сейчас настроение как раз под Фредди Крюгера. От бодрящего настроения впиться кому-то в горло когти плавно отрастают. Только до нужного объекта меня не допустят, а ребятишки — существа подневольные. Солдаты. Им приказали стоять — стоят. Что с них возьмешь, кроме оружия? Которым я, кстати, и пользоваться-то не умею. Нет, можно, конечно, на ногу уронить, но это, как я понимаю, не смертельно... к сожалению». — В раздумьях шастая по «спортзалу», наткнулась на выход во внутренний дворик, скрытый драпировкой. Я отворила стеклянную дверь и вышла.

Сад представлял собой чрезвычайно живописное место. На мой взгляд, дизайнер-эстет чуток перестарался. Налицо явный перебор. Искусственная геометрическая красота совсем не радует. Деревья и кустарник высажены в идеальном порядке и безукоризненно подстрижены под кубы, шары и пирамиды. Стоят словно по ранжиру. Мрак! Цветы подобраны по оттенкам спектра — не газон, а сплошная клумба имени торжества физики и евклидовой геометрии. Трава неестественно изумрудного цвета. А бабочки... я нигде не видела таких странных бабочек. Они словно по команде взлетали и садились: одна половина взлетела, другая в это же время села. Ать-два! Интересно, а бабочек-то природолюбыв длинноухие тоже заколдовали? Или бедные насекомые с перепугу сами живут по уставу, пока ушастые до них не добрались?

Мертворожденное стерильное великолепие вызывало зудящее желание слегка напакостить. Мусор по газону живописно раскидать, нацарапать на скамейке «Здесь был Вася» или хотя бы плюнуть на безукоризненно чистый песочек. Раз пять. Из вредности.

Отведенное мне пространство для прогулок тоже изолировали, но использовали вместо монументального забора живую изгородь. Ура-а! Живем! И на том спасибо. Беспокойное воображение нарисовало картину: колючая проволока, вышка и на ней остроухий Повелитель в обнимку с автоматом. Ухохотаться можно!

Прошествовав по саду, я удалилась на значительное расстояние от дворца. К слову, недурственно тут Повелители прибрахлились, отхватив для проживания впечатляющих размеров пятиэтажный домишко. Укрывшись за деревьями, приступила к отысканию собачьей лазейки в кустарнике, зная по опыту, что обязательно должен быть проемжухок. Ага, вот и он, мой путь на волю.

— Нет, ну где логика? — бормотала, вставая на четвереньки и втискиваясь в узкий лаз. — У дверей, выходит, в четыре глаза бдит охрана, а здесь — нагнулся, пролез... извиняюсь, прополз под кустиком — и свобода. Ай! — зацепилась волосами за колючку. — Хотя... с их гардеробчиком фиг протиснешься. М-да, умеют же люди, пардон, дрю себе проблемы на ровном месте создавать: на кой леший, спрашивается, бабам на себя капустой столько ткани наворачивать?

Застряв на середине лаза и завернувшись буквой «зю», я отцепляла волосы от веток и ворчала:

— Не, я, конечно, понимаю... в этом многослойном великолепии дамочки яркие цветочки напоминают. Ага. И мужики шмелями вокруг вьются. Тычинки-пестики. Безусловно, для мужиков в высшей степени удобно — в таком количестве юбок от них быстро не сбежишь. Упрощает себе мужской пол жизнь...

Все, пролезла. Свобода! Лишь только я оказалась снаружи, то отряхнулась от налипших травинок и стала озираться по сторонам, куда попала.

Как же я люблю настоящий лес! Для меня он живой, разумный, любящий и понимающий. Детская память избирательна, в ней остается все самое светлое. Мое детство прошло под Казанью, на маленькой узловой железнодорожной станции под названием «Юдино». В воспоминаниях детства главенствовал лес, начинавшийся практически через дорогу от дома, где жили бабушка и бабушка. Все самые яркие впечатления того периода относятся к лесу. Проводя там немало времени вместе с дедушкой, я научилась понимать лес, такой многоликий и всегда необыкновенный. У меня захватывало дух от красоты белоствольной березовой рощи. Я вдыхала звенящий воздух соснового бора, наслаждалась бодрящим хвойным запахом ельника. Грибной горьковато-лиственный аромат почвы под теплым летним дождем не променяю ни на одни духи!

Лес не отвергнул меня и повзрослевшую. Я приходила к нему со своими бедами, проблемами и горестями, делилась ими и всегда находила понимание и облегчение. Пролетело много лет, но потребность побыть наедине с природой осталась и по сей день.

Поблуждав между хвойными деревьями, я забрела на узкую тропинку, ведущую к роднику. Хрустальный струящийся волосок нашел себе пристанище между корнями могучего дерева. Присев рядом и погрузив ладони в кристально чистую и обжигающе холодную воду, я слушала ее мелодичное журчание и очищалась душой. Чуть позднее, обхватив колени заледеневшими руками, поведала природе о приключившемся несчастье, с криком, жалобами и слезами выплескивая из себя боль и горечь. Лес принял меня и помог, подарив спокойствие и безмятежность, пусть недолгие, но столь драгоценные и необходимые сейчас.

Внезапно за моей спиной раздалось фырканье. От неожиданности я подскочила и обернулась. Обалдеть! Вот это лошадка! Ой, простите... конь. Я подобных красавцев в жизни не видела. Другой вопрос, где я могла их лицезреть... На Земле кони стали скорее экзотикой, чем обыденными домашними любимцами. В самом деле, в техногенном социуме редко кто может позволить себе содержать лошадь. Только конезаводчики или очень богатые люди. Правда и то, что в местах проката животные выглядят жалкими и заморенными, напрочь лишенными радости бытия.

Не то что этот красавец! Мощный, сильный. Свободный как ветер. Шкура черная, прямо переливается, мускулы под ней ходуном ходят. Стройные сильные ноги, изящно выгнутая шея с грациозной головой. Огромные черные глаза опущены густыми длинными ресницами. Грива и хвост необычного сверкающего цвета — белоснежно-серебряные. У меня зуд в пальцах пошел, так приспичило эту красоту потрогать.

Что ему предложить, чтобы подпустил? Эврика! Яблоки! Я вообразила корзину, наполненную душистыми, сочными красными яблоками, и, проворонив момент ее возникновения, чуть не выронила.

Взяв яблоко и вытянув руку, я продвигалась робкими черепашьими шагками. Животное наблюдало за моими телодвижениями с безмятежным интересом, явно не собираясь срываться с места и убежать. Напротив, его, похоже, забавляла моя неуклюжая попытка подружиться. Конь спокойно стоял на месте, насмешливо разглядывая подбирающуюся бочком двуногую. В конце концов мне надоело. Плюнув на осторожность, открыто спросила:

— Хочешь?

Зверь сделал шаг навстречу, обнюхал яблоко и милостиво взял его с ладони, скользнув по ней мягкими теплыми губами. Схрупав фрукт, конь переступил ногами и вопросительно воззрелся на меня. Я рискнула закрепить отношения:

— Понравилось? Дать еще? Можно я тебя потрогаю?

Жеребец склонил голову набок, словно обдумывая просьбу, фыркнул и... кивнул. Обалдеть! Складывалось впечатление о его феноменальной разумности. Впрочем, абсолютно не обладая никакими знаниями о местной флоре и фауне, утверждать, так ли это, я не могла. Время пролетело незаметно. Я увлеклась поглаживанием теплой бархатистой шкуры и расчесыванием гребнем прядей мягкой шелковистой гривы. Слопав яблоки, конь положил голову мне на плечо и довольно жмурился, потираясь храпом и невольно напоминая большого сытого кота. Оторвавшись от увлекательного занятия и обнаружив, что солнце начало клониться к горизонту, я принялась прощаться:

— Мне, к сожалению, пора уходить. Ты не будешь возражать, если приду еще завтра? Ну пожалуйста!

Конь наклонил голову и, лукаво кося на меня иссиня-черным глазом, громко всхрапнул.

— Полагаю, это в знак согласия? До завтра!

Я возвращалась в прекрасном настроении.

В комнате меня ждал медленно остывающий обед.

— Аг-га, струхнули, мокрые суслики! — потрясла я сжатыми кулаками. — Или остатки совести закусали?

По дороге в ванную, куда я направилась вымыть руки, взгляд задержался на отражении в зеркале. Я не удержалась от восклицания:

— Господи помилуй! М-да, в недалеком будущем надо мной нависает реальная угроза колтунов. — Вздохнув, рассмотрела следующую модификацию вороньего гнезда, уже с комплектующими: веточками, листиками, травинками, жучками... — Ай! Пакость какая! — Сбросила с волос наглое насекомое. — Я же этими патлами леди Годиву за пояс заткну!

В голову пришла гениальная мысль, как совместить два в одном. Решив не откладывать на потом, начала реализовывать план. Я подошла к двери, дернула створку и... наткнулась на обнаженный меч, преградивший дорогу. Мало того, в мою сторону этим мечом еще и потыкали, словно желая насадить на шампур и сделать люля-кебаб. Радости мне вседозволенность стражи не прибавила, а вот разозлила изрядно. Выяснив, кто тут такой чересчур исполнительный, и посверлив разъяренным взглядом новенького дроу subtilной наружности, я указала на мелкого пальцем:

— Ты! Заканчивай размахивать своим дурацким вертелом и сгоняй к начальству! Мне дуэнья нужна! Правильная! Уразумел?

Пацан с идиотским видом захлопал глазами:

— Нет, ваше величество.

А что такого непонятного я изрекла? Пришлось повторить, тщательно выговаривая каждое слово:

— Я сказала, чтобы ты прекратил баловаться острыми предметами, отдал оружие старшему боевому товарищу и рысцой сбежал к моему мужу. Когда ты до него доберешься, то вежливо попросишь прислать мне милую и добрую помощницу. Теперь дошло?

Юный наглец уяснил, покивал и... категорически отказал:

— Да, ваше величество, но я не могу покинуть свой пост.

Все, я злая! Буйная, опасная и очень-очень голодная!

— Слышь, гоблин, я плохо объяснила? Мне еще раз повторить? — Повернулась ко второму и пожаловалась, выдавливая крокодилью слезу и трогательно шмыгая носом: — Хромает у вас воспитание! Ай-яй-яй! Отвратительно вырастили мальчишку! Абсолютно выпустили из виду одно важное правило, которое следовало вдолбить в пустую голову: разъяренным женщинам и быкам поперек дороги становиться нельзя! Опасно для

жизни! — Последние две фразы я уже выдавала прерывистым тоном, припав на грудь старшего охранника и скрывая рвущийся наружу хохот.

— Ваше величество, я не гоблин! — встрял мелкий.

Я закусила губу. Пришлось успокоиться, настроиться на нужный лад и разъяренно прошипеть:

— Не проблема! Щас станешь, если сию минуту не пошевелишься. Время пошло!

После этого снова уткнулась в широкую грудь старшего стража уже оттого, что заметила занесенную над моей головой руку. Это он мне подзатыльник хочет отвесить за фиглярство или пожалеть, как сироту казанскую?

— Ваше величество, с вами все в порядке? — тихо поинтересовался дроу, замирая и не дыша.

Ух ты, за истекшие два дня это уже второй мужчина, которого я до асфиксии довожу! Мое портфолио стремительно увеличивалось!

— Да, спасибо, — оторвалась я и сделала шаг назад, — все прекрасно! А вам не стоит таскать на себе столько вшитого в одежду металлолома. Дамы, падая вам на грудь, рискуют разбить лоб! К тому же хозяину тяжести грозит надорвать спину и заработать межпозвоночную грыжу! — Постучала пальцами по бригадине, замаскированной под кафтан.

Мой теперь уже близко знакомый мужчина весьма удивился и вежливо склонился в поклоне:

— Благодарю за искреннюю заботу, ваше величество. Я непременно учту ваше замечание и буду предупреждать дам заранее.

— Какой вы милый и предупредительный! — устроила я стрельбу глазами.

Во время нашей светской беседы мелкий снова порывался пару раз вставить свои пять копеек, но каждый раз осекался под тяжелым взглядом старшего по званию.

— Юноша, — обратила я внимание на маявшегoся пацаненка, — ты бы сходил, куда я попросила. Будь любезен. Пожалуйста.

— П-п-пожал-л-лста, — выдавил мелкий и умчался к Повелителю.

— Гран мерси! — крикнула вслед. Потом обласкала взглядом оставшегoся, заявив: — С вами так замечательно проводить время! Нам непременно нужно повторить наше незабываемое рандеву! Засим позвольте откланяться. Да и обед, знаете ли, стынет...

Одарив напоследок многообещающим взглядом изумленного моим выступлением дроу, я аккуратно прикрыла за собой дверь. Прижалась к ней спиной. Весело хихикнула. И вернулась к почти остывшему обеду.

Качество еды оказалось отменным. Настроение стремительно улучшалось. Насытившись, я собралась расслабиться с сигаретой, но раздался стук в дверь. В комнату вошла молодая дроу. Склонилась в низком поклоне:

— Ваше величество, мое имя Манвэлиэль из Дома Тьмы, и мне оказали великую честь прислуживать вам.

Господи, как они выговаривают свои имена? Тренируются, поди, денно и ночью. Манв... Тьфу, имечком челюсть вывихнуть можно. Я начала ворочать языком в ответ:

— Чрезвычайно рада вас лицезреть. Спасибо за изъявление желания прийти на выручку. Мне крайне необходима ваша помощь, коль вас не затруднит.

Нет, с этими словесными выкрутасами нужно что-то экстренно делать! Не то скоро потеряю способность говорить по-человечески.

«Не соблаговолит ли многоуважаемый джинн...»

Поклон стал глубже, и практически от самого пола донеслось:

— Моя жизнь к услугам вашего величества.

«О как! Если она наклонится еще ниже, то обязательно ткнется лбом в пол и набьет шишку. Может, немного подождать?»

Мне надоело общаться с черноволосым затылком и рассматривать затейливую прическу. Стоически закусив губу, я продолжила терзать свой язык заковырыстыми фразами:

— Не соизволили бы вы оказать любезность и выпрямиться, а лучше всего — присесть?

Девушка наконец-то поднялась и мелодично произнесла:

— Как будет угодно вашему величеству.

Компаньонка отличалась худощавым телосложением, резкими, правильными чертами узкого лица. Еще она могла похвастать смугло-матовой кожей, носиком с едва заметной горбинкой и небольшим алым ртом. Крутой изгиб соболиных бровей подчеркивал миндалевидные светло-карие глаза.

Я продолжила гнуть свою линию, истекая злостью по отношению к дворцовому этикету:

— Видите ли, после злополучного падения у меня возникли некоторые проблемы с памятью.

«И самая существенная проблема — это навязанный супруг».

Услышала в ответ:

— Я предупреждена о вашем недуге.

Тут мне срочно потребовалось закурить, скрывая внезапно поднявшееся раздражение. Вот ведь в каждой бочке затычка! Повелитель везде успевает свой нос сунуть. Зажав губами сигарету и щелкнув зажигалкой, я обратила внимание на изумленное лицо собеседницы. Ее явно заинтересовало необычное поведение, но девушка не осмеливалась спросить.

— Вас беспокоит дым? — пришла ей на помощь.

Девушка помялась в стеснении и поинтересовалась:

— А что это вы делаете?

Постоянно забываю о другом мире. Естественно, мои привычные действия для них в диковинку. Пожав плечами, пустилась в разъяснения:

— Ничего особенного. Это вредная привычка, именуемая курением. Механизм достаточно прост: внутри бумаги содержится специальное растение в высушенном виде. Вдыхание дыма иногда способствует успокоению нервов.

«А также болезням легких, инфаркту и раку простаты. Слава богу, хоть последнее мне не угрожает». Но мы отвлеклись. Вернувшись к насущному вопросу, я попросила:

— Поскольку вы уже в курсе моих проблем, то я бы хотела называть вас Мария или Маша, если не возражаете.

На этот раз девушка присела в реверансе, отозвавшись:

— Все, что пожелает ваше величество.

«И как долго мы эти китайские церемонии разводить будем? Я уже челюсть вывихнула высокопарными фразами, от реверансов и поклонов в глазах рябит».

— Маша, у меня свои порядки. Будь добра, прекрати называть меня вашим величеством и обращай на «ты». Меня зовут Эрика, или Рика. И еще: вовсе не обязательно постоянно кланяться и приседать.

Кажись, она в ступоре: рот буквой «О», глазки навывкате и стеклянные, ресницы усиленно хлопают. Ку-ку! Ни одной разумной мысли во взоре. Ладно. Будем реанимировать:

— Это мой каприз.

Угадала. Дева отмерла. Понятное дело, у аристократов причуды в порядке вещей. Соответственно, царской особе вменяется в прямую обязанность для поддержания высшего статуса обзавестись максимальной придурью. Практически на грани шизофрении. Что ж, не будем нарушать традиций. Я вам тут покапризничаю слегка... от широкой русской души. Потребуется — изыщем резервы! Будем надеяться, дворцовый комплекс уцелеет.

— Ва... — Под моим тяжелым взглядом девушка осеклась.

— Говори!

Сразу исправилась:

— Эрика, какие у меня обязанности?

Молодец, быстро учится! Со временем будет толк. И я начала перечислять желаемые услуги:

— Первое, мне срочно необходима помощь для ухода за волосами. Второе, поскольку выход за пределы комнаты для меня ограничен, ты будешь снабжать меня книгами из библиотеки и отвечать на различные вопросы. И, последнее, иногда составлять мне компанию. Мне нужна помощь не слуги, а компаньонки. Полагаю, мои просьбы не слишком обременительны?

— Ваш... Эрика. А прочие обязанности: купать, одевать?..

«...Заносить хвост и деликатно поддерживать рога на поворотах. Это не ко мне, это к супругу...»

— А все прочее, Маша, я целиком и полностью в состоянии делать сама, — лучезарно улыбнулась новоявленная Повелительница.

Вроде бы разобрались... или нет?

— Эрика, я жду твоих распоряжений, — уточнила компаньонка, не зная, с чего начинать.

— Хороший вопрос. — Я размышляла вслух: — Уже вечер, в библиотеку поздно. С местными чахлыми светильниками ни черта в потемках не разглядишь, только глаза угробишь. — Привычным жестом постучала пальцем по губам. — Методом исключения начнем с первого и второго пунктов: расчеши мне волосы, пожалуйста, и расскажи, чем вы занимаетесь, когда скучаете.

Компаньонка распутывала мою шевелюру и повествовала о местном укладе сиротливого женского быта. Слушая рассказ, я мотала на ус сведения, иногда вклиниваясь для уточнений.

— Маша, погоди, — прервала «плач Ярославны», — если я правильно поняла, то кроме нарядов, причесок, соревнования в красоте остается лишь музыка для культурного досуга, сплетни вместо новостей и вышивка, чтобы руки не простаивали?

— Да, — согласилась девушка, продолжая рассказ. Когда она добралась до отношения полов в обществе, я снова прервала:

— Стоп! Что значит — нельзя противоречить мужчине? У вас мужик — пуп земли? Царь и бог, высший судия и кара в одном лице?

— А разве где-то живут по-другому? — удивилась компаньонка.

Я пропустила ее вопрос мимо ушей, прокомментировав:

— Положено есть глазами начальство и слушаться беспрекословно.

Раздраженно хмыкнула. Кто говорил «у дроу матриархат», а? Или он гостил у них при первобытнообщинном строе?

— И что-то это мне напоминает... Такое родное и знакомое... Ага! «Пункт первый: муж всегда прав! Пункт второй: если муж неправ, смотри пункт первый!»

— Ой! — воскликнула Маша, захлопав в ладоши. — Как ты хорошо выучила наш «Кодекс жены»!

— Ик! — Теперь уже я взирала на нее в изумлении. — Кое-что остается неизменным в любом мире! И я знаю — что! Вернее, кто — мужчина!

Дроу прекратила выражать неуместные восторги по поводу знания кодексов и уставов. Прослушав еще часть лекции, пришлось застопорить камеристку. Я принялась перечислять:

— Маша! Вы, в смысле — благородные дамы, не дружите. У вас нет близких отношений. Внутри Домов существует иерархия старшинства и отношения строятся на подчинении и послушании, а также соперничестве между единокровными братьями и сестрами за право быть первым и достойным. Я правильно излагаю?

— Да, — кивнула компаньонка, недоумевающая, к чему я клоню.

— Итак, — продолжила свою мысль, — более-менее тесные связи объединяют родителей и детей до совершеннолетия последних. В редких случаях бывает духовная близость между мужем и женой. Какие-либо близкие контакты с другими Домами... скажем так, не приветствуются. Все верно?

— Да. — Снова кивок в знак согласия.

— У вас страшно жить! — подвела я итог. — Ни дружбы, ни доверия, поголовное одиночество. Сдуреть можно!

Мы недолго помолчали, думая каждая о своем.

— Эрика, я закончила. Хочешь, сыграю что-нибудь? — Машин вопрос вырвал меня из раздумий о нелегкой доле женщин.

Музыку я люблю. Выборочно, правда, но о вкусах не спорят. Да и с местной культурой не мешает ознакомиться. Поэтому с энтузиазмом согласилась:

— Да, пожалуйста.

Она сбегала к стражам, о чем-то пошептала, и вскоре нам принесли музыкальные инструменты на выбор. Была там пан-флейта, еще разнообразные дудки, две конструкции с разным количеством струн, похожие на ситар, и что-то вроде виолы, с ручкой, будто у шарманки. Звучала «виолина» ровно глас Господень. Это по громкости. А сам звук... тоже не подкачал... напоминал резкостью и неприятностью иерихонскую трубу или взбесившуюся скрипку. От ее рева мы в момент оглохли.

Изо всех предложенных вариантов я заприметила один, по внешнему виду напоминающий гитару. С той разницей, что у него было лишь незначительное различие в отделке и породах дерева. Ни в тембральном окрасе, ни в манере игры других отличий я не увидела. Открытие меня порадовало: всегда была равнодушна к гитарным переборам и с уважением относилась к людям, владеющим инструментом в совершенстве. У меня-то имелись навыки игры, но, так сказать, на дворовом уровне.

Дорогу профессионалам! Я уселась поудобнее в предвкушении незабываемой музыки. А как иначе? Повсеместно в книгах пишут о чарующих неземных песнях эльфов.

Хм... Ощущение, что кто-то умер и его прямо сейчас хоронят под тоскливый собачий вой. Разочарование свернуло мои уши в трубочку. Через пять минут мне захотелось ползть на стенку. Неужели монотонно-заунывные нанайские напевы по стилю «что вижу, то пою» — и есть музыка дроу? Сейчас зарычу от злости.

— Машенька, а повеселее, поэкспрессивнее можешь сыграть?

На меня так воззрились... Я сразу сообразила — глупость сморозила. Ужас! Как это слушать? Хорошо, пусть я не эксперт и не музыкальный критик, но свои уши дороже телу. Пришлось внести предложение:

— Если я напою, сможешь подобрать мелодию?

В ее глазах мелькнула растерянность, да куда ж деваться: Повелительница капризничать изволят. С видом обреченной на смерть жрицы храма искусств девушка кивнула в знак согласия. Замечательно. Я напела мотив, она подыграла. Молодец! Вот и любопытство у нас проснулось:

— Спой что-нибудь, пожалуйста.

Прикрыв глаза, я перебрала в уме названия песен и, определившись, улыбнулась.

— Это одна из моих любимых. — И запела:

У беды — глаза зеленые, не простят, не закричат...

В чем уж точно не обмануло меня печатное слово, так это в том, что голоса у эльфов изумительные. Такой вокал... я и рассчитывать не смела на столь роскошный подарок.

Красивое, сильное, чистое сопрано легко струилось под сводами комнаты. Я пела, стоя у открытого окна, и смотрела на звезды. Пела и не видела, как по щекам Маши катились слезы.

Песня закончилась. Я тихонько попросила:

— Оставь меня, Маша, я устала.

Она ушла, притворив за собой дверь, а я долго стояла у окна и смотрела на звездное небо... чужое небо, под которым мне теперь жить. Стояла, пытаюсь сладить со сдавившей сердце тоской... по дому и сыну.

Глава 6

Будь собой. Прочие роли уже заняты.

Дарниэль, Повелитель дроу

Светало. Я стоял над кучей гниющего мяса. От ее вида мутило. Не так давно эта куча носила имя Армаир Гзарр и была смертельно опасным убийцей-вампиром, которого прислали по мою голову. А сейчас... в оковах серебра, в помещении специальной тюрьмы для таких, как он, где найти темный угол далеко не просто, доблестный наемник превратился в сочащуюся сукровицей мерзость.

— Говори, чем ты хочешь выкупить свою жизнь?

Урод оскалил пасть:

— Я могу шепнуть на ухо пару слов о твоём брате.

Я отрезал:

— Все мои братья умерли!

Армаир гаденько захихикал:

— Все, да не все! Я о Тхареше, третьем наследнике... Ты думал, он погиб во время неудачного посольства к оркам, да?

Меня проняло:

— Ты что-то знаешь о нем? Он жив?

Вампир прикрыл опухшие глаза-щелки ресницами, слипшимися от гноя, и провел исхудавшей рукой по остаткам волос:

— А что мне будет, если скажу? — Над Гзарром появился сизый дымок — его пятки коснулся лучик света.

Я распорядился:

— Закройте окно ставнями! — Присел на корточки рядом с телом. — Почему ты обратился именно ко мне?

— Пусть остальные выйдут!

— Пошли вон! — По моему приказанию стражи покинули нас. Когда за последним из стражей захлопнулась массивная, обитая серебром дверь, я уточнил у кровососа: — Теперь объясни, отчего тебе понадобился именно я?

Вампир зашипел:

— Некоторым старейшим известна ваша родовая тайна — способность к абсолютной эмпатии...

Сдерживая рвущееся грязное ругательство, я спросил его:

— Кому еще, кроме тебя?

Вамп усмехнулся:

— Армаир Гзарр — последний, кто знает ваш секрет. Остальное ты в состоянии почувствовать сам, Повелитель дроу.

Я осторожно настроился на чужие эмоции, освобождаясь от привычной глухой защиты и точно зная, что пожалею не раз и не два о снятии эмпатических блоков. Как давно я этого не делал! Последний раз сверхмощные блоки мне ставили приятели-драконы тридцать лет назад, в годовщину гибели моей семьи. Я тогда чуть не свел с ума эманацией ненависти окружающих дроу. Впоследствии пришел к выводу: панацея — не

чувствовать.

Ну-ка, ну-ка... Эмоции вампира, несмотря на его крепкую ментальную защиту, считывались на удивление легко. Шибануло режущей сердечной болью, сладковато-гнилостной горечью от чужого предательства и чем-то... терпким... Я со свистом втянул воздух. Вампир хочет достойно жить или умереть. Ради этого он согласен сказать правду.

И почему вампиры, знаменитые телепаты и гениальные кукловоды, совсем не обращают внимания на эмпатию, которая кажется им чем-то примитивным и незначительным в сравнении с талантом читать мысли? А зря... невзирая на бытующее заблуждение, в мыслях можно легко солгать. Опытные телепаты зачастую так и делают. Фальшивые донесения, выуженные менталистами у носителей, мастерски владеющих телепатией, отнюдь не редкость. Именно благодаря такого рода дезинформации начались пятая война дроу с эльфами и локальный конфликт драконов с демонами.

С эмоциями сложнее... те можно заморозить и не чувствовать вообще, или они будут истинными, такими как есть. Их не подделать.

Умиравший вампир молча, неподдельно страдал. И он не лгал.

— Убедился? — тихо сказал клыкастый.

— Что тебе надо? — резковато спросил я, скрывая мучительную боль от излучаемых им страданий, моральных и физических.

— Жизнь, убежище, работу, — по-военному коротко ответил вампир, — и каплю крови Повелителя в подтверждение честности твоих намерений. Видишь ли, я не обладаю твоими способностями, но уж по вкусу крови способен многое определить, в том числе отличить правду от вранья.

Стилет проколол палец. Алая капля повисла на остром кончике и тут же упала в открытый рот изголодавшегося вампира. Как бы то ни было, я не такой кретин, чтобы позволить наемному убийце хлебать свою кровь кружками. Вздыхнул, морщась от удушливой тюремной вони:

— Если информация заслуживает внимания, я дам тебе все это. Но даже если нет, — честно признался, — возьму с тебя кровную клятву больше не воевать с дроу, не трогать членов моей семьи, да и отпущу восвояси. Заказ ты провалил. Я отлично вижу: ты не желаешь нам зла лично от себя. И... похоже, тебя грызет какое-то чувство вины.

— Вины... — кривовато усмехнулся кровосос. — Дарниэль, Повелитель дроу, позволь рассказать тебе одну сказочку. Двести лет назад жил-был один демон. У него был приятель дроу. Как они познакомились и подружились — Йаола его знает, а я нет... Так вот... однажды им пришлось в голову... вот уж понятия не имею, с какого перепугу... в общем, дроу и демон побратались особым обрядом и стали кровниками. Необычно? Да, конечно! Противоестественно? Согласен.

— Дальше! — потребовал я, выгибаясь от чужой боли и прикусывая мизинец, чтобы не застонать.

— А дальше все просто, — хмыкнул клыконосец. — У демона и дроу завелись могущественные враги. И кто-то очень хитрый, а может быть — очень дальновидный, решил одним махом избавиться от обоих. По поручению одного демона... ныне покойного, — сразу оговорил наемник во избежание взаимных недоразумений. Просветил: — Да-да, покойного не без моего участия... Ну так вот, демона-кровника с помощью состряпанной фальшивки убедили в том, что его брат-дроу — предатель. В ярости он пришел в стойбище орков убивать дроу. Тот... Я следил за исполнением, — признался вампир. — Тот посмотрел на демона, как вы, дровские повелители, умеете... Сказал: «Я вижу, ты не виноват, тебя обманули». И проклял того, кто обманул демона. А потом... — еле промолвил свистящим шепотом Армаир Гзарр, — потом твой брат, истекая кровью, куда-то переместился. Исчез в особом портале, который даже матерый демон не смог перекрыть. Твой братец, оказывается, у нас был Ходящим-между-мирами. О как!

Я пришибленно молчал.

— Хочешь знать, надо ли убивать демона-побратима? — ехидно ощерился вампир. — Нет. Не придется. Очень скоро он узнал обо всем правду.

— И?..

— Он не смог жить дальше. Добровольно ушел к Йолару. Стал его рабом битвы.

Я встал. Выпрямился, разминая себе кисти и плечи:

— Не понимаю, какое это отношение имеет к тебе, убийца?

— Такое... — Вампир опустил взгляд. — Тем наемником, который подсунил демону фальшивку, был я...

— Что с того? — как можно равнодушнее спросил я вампира, еле-еле удерживаясь, чтобы не придушить.

— А то... во-первых, твой брат жив, я точно знаю... вампиры чужую смерть хорошо чувствуют, а во-вторых, меня с той поры преследует проклятие. Хочу его снять.

— При чем тут я? — холодно поинтересовался.

— Снять проклятие королевского рода под силу только члену того же рода, — невыразительно произнес Армаир Гзарр. — За это я согласен служить тебе вечно. Жизнь, кровью и могуществом клянусь не причинять вреда королевству дроу и всем его жителям! Но если передумал отпускать, тогда добей своей рукой — и мы квиты.

Я еще раз глянул на вампира и передернулся от сильнейшего отвращения. Добивать это?.. Увольте.

— Хорошо. Я дам тебе свободу и работу королевского убийцы, если захочешь. — Громко прочел три раза формулу снятия проклятия рода. Сгибаясь от рвотных позывов, вывалился из камеры, повелев накормить и освободить Гзарра.

Если б я мог, еще долго не заходил бы в отравленные миазмами боли и отчаяния тюремные подвалы. С абсолютной эмпатией здесь находится — пострашнее любой пытки. Хочу света, радости, живого участия! Слишком поднабрался удушливых, мучительно безнадежных эмоций заключенных. Завтра же свяжусь с Закэри, пусть срочно изготовит для меня защитный амулет до той поры, пока удастся уговорить драконов восстановить эмоциональную блокировку.

Потащился досыпать, на ходу вспоминая утреннюю беседу. Не приведи боги судьбы проклятого вампира... лучше сразу умереть.

Через пару часов меня разбудили. С помощью жены я в очередной раз окунулся в театр абсурда. Сперва примчался один из воинов ее охраны... (Для ее же блага! И моего спокойствия.) Сообщил: мол, супруга изъявили желание получить обед или пообещали закусить стражниками, если не выполнят ее требование. При этом ему ужасно хотелось прямо спросить: а моя жена не каннибалка? На лице телохранителя читался и второй вопрос. Его до дрожи под коленками интересовало, чем еще моя женушка их порадует.

Хороший мальчик. Не спросил. Побоялся.

А спросил... и что бы я ему ответил? Я о характере и прежних условиях жизни новобрачной понятия не имею, кроме того, что она не из этого мира. Даже настоящего имени не достоин. Кстати про обед: досадное упущение.

Как же она целых два дня голодная просидела? А мне-то какой стыд: правитель не смог накормить жену! Безмерно терпеливое создание: закатить скандал под предлогом неудобства через двое суток! Не каждая монахиня так долго продержится. Забыл осведомиться, как девчонка восприняла заключение и охрану. Впрочем, это не к спеху, будет время, сам зайду и выясню.

После обеда примчался второй страж. Трясаясь как осиновый листок, поведал:

Повелительница затребовала служанку незамедлительно или обратит его в гоблина. Кто бы знал, каких трудов мне стоило не заржать! Молодец, госпожа, развлекается в силу возможностей. Довести воина-дроу до паники — это подвиг, достойный быть занесенным в анналы. Забавная девушка досталась мне в жены. Главное — живая, а не бессловесная тень. Все-таки очень сильно влияет внутренняя сущность! Одно тело, а такие разные личности. Словно огонь и лед. Поразительно!

Беспокоит лишь непредсказуемость супруги. Судя по негативному отношению, мысль о замужестве не доставляет ей особого удовольствия. Кто знает, какой вздор взбредет в ее прелестную головку? Как это отразится на состоянии дел моей страны? И главное — что мне с ней делать?

У меня будет время понаблюдать за новой «игрушкой». А там разберемся. Насилие над женщиной не в моих правилах, да и необходимости особой в том нет. Groш мне цена, если после прожитых семи веков не сумею красиво соблазнить собственную жену. К тому же все незамужние придворные дамы к моим услугам, стоит ли мучительно заострять внимание на одной?

Кого же отправить к эльфийке? Я, кажется, знаю кого. Манвэлиэль из Дома Тьмы, единственная из семьи, оставшаяся в живых. Она не болтлива, преданна. Ни с кем из придворных дам не сошлась, при дворе нищенствует. Да и не помешает иметь лишнюю пару глаз и ушей, наблюдающих за женой. Обдумав как следует подходящие варианты, утвердился в выборе и вызвал Манвэлиэль. Пришедшей на зов сироте я милостиво предложил вакансию доверенного лица при Повелительнице. Девушка радостно приняла известие. Заручившись согласием, изложил ей кое-какие тайны моей супруги, не вдаваясь в детали. И под конец уведомил о дополнительных обязанностях.

Не думаю, что ей они пришлись по вкусу, но выбора я не оставил. Новой служанке Повелительницы вменялось ежевечерне докладывать мне обо всем происходящем. Или сообщать немедленно, если случится что-то экстраординарное. Дал подробные инструкции и отпустил Манвэлиэль, занявшись обычными, рутинными делами, требующими внимания. Но мысли то и дело возвращались к эльфийке. Она занимала меня все больше и больше. Отвлечшись в очередной раз, плюнул и решил сходить к ней в гости, раз так нейметя. Подойдя к двери в покои супруги, выслушал подробный доклад караульных и уже собрался было войти, как прозвучала просьба Манвэлиэль:

— Спой что-нибудь, пожалуйста.

Что удержало меня на месте? Не знаю. Я замер, вслушиваясь в дальнейшую беседу.

— Это одна из моих любимых.

И эльфийка запела. У эльфов идеальный слух и хорошие голоса, но она не просто пела, она вкладывала душу, а текст... я никогда не слышал подобных песен. Простые, незамысловатые слова складывались в судьбу, рисовали картину жизни и страданий, которых мы, дроу, не ведали. Почему же обычная песня вызвала столь сильный отклик в наших сердцах? Почему воины, прошедшие не одну битву и не дрогнувшие перед лицом мучений и смерти, сейчас низко опустили головы, скрывая недостойные эмоции? Что было такого в голосе, чувствах, словах или музыке, заставляющее забытья?

Ту песню никто из нас уже не сможет забыть. Как ты делаешь это, девочка? Зачем вынуждаешь вспоминать, что у нас есть сердце?

Песня стихла, за дверь выскользнула Манвэлиэль. Подняла на меня глаза, полные слез, и сказала:

— Эрика. Вашу жену зовут Эрика.

Теперь я знаю твое имя. Но что значит имя твое? Что оно несет мне — горе или радость?

Глава 7

Я не буду проще, и не надо ко мне тянуться!

Эрика

Утренняя побудка не доставила мне радости. Уснула я вчера поздно, ворочаясь с боку на бок, и дико тосковала, не в силах расстаться с мыслями о доме. Не исправил ситуацию даже принесенный Машей аппетитный завтрак, состоящий из свежесдобитых булочек с фруктовым джемом и сока. Оглядев роскошный поднос с едой, я пригласила свою дуэньку составить мне компанию в уничтожении продуктов:

— Присоединяйся!

Немного развеселило выражение священного ужаса на ее лице после озвученного предложения.

— У нас так не принято! — попяtilась Мария. Девушка отмахивалась от моего предложения, будто черт от ладана.

— У них, видите ли, так не принято! — передразнила я, начиная подозревать подвох. — А мне плевать, что у вас принято, а что — нет!

Девушка молча внимала.

— Несомненно, лучше давиться куском в одну харю под голодным взглядом истощенной компаньонки! — вещала я, бегая по комнате. Вскоре мне это занятие надоело, я остановилась, вперилась в дреу и полюбопытствовала: — Маша, скажи на милость, вот отчего у тебя истощенный вид?

Мария смутилась и, опустив голову, начала объяснять местные порядки:

— Понимаешь, мой Дом погиб в пламени ночного пожара. Орки... Почему при дворе я плохо выгляжу?.. — Девушка погрузилась. — Приживалку никто не обязан особо кормить, а быть на побегушках у придворных дам аристократке не положено по статусу. Ныне я принадлежу Повелительнице и по этикету обязана есть лишь после тебя и только то, что останется.

— Ой, мамочки мои, вот условия работы! — возмутилась я до глубины души. — И ты согласилась на этакое неравноправие?

— Доверенное лицо вашего величества — это почетная должность! — гордо выпрямилась Мария, но тут же сникла под моим взглядом.

— Серьезно-о-о? — издевательски протянула я. — Давай-ка разберемся... Если я сейчас сожру все это, — указала рукой на поднос, — то ты будешь поститься до обеда в надежде наесться объедками, которых может и не быть? Выходит, попросить себе отдельную порцию ты не имеешь права? Я не ошиблась?

Получив в ответ подтверждающий кивок и несчастный взгляд, мне срочно потребовалось успокоиться. Что и сделала с помощью чашки кофе и сигареты.

— М-да, не стать мне идеальной Повелительницей при всем моем желании, — пригорюнилась, жалуясь компаньонке. — У меня, видимо, мозги скудоумные... Ваши изуверские порядки для них непостижимы.

Девушка пригорюнилась вместе со мной. У меня хандра прошла раньше.

— Садись и ешь, я приказываю! — надавила авторитетом. Так сказать, не мытьем, так катаньем.

Полузадушенный писк:

— А ты? — был окончательно задушен зловещей ухмылкой.

Многозначительно хмыкнув, я сообщила наивной девушке, никогда не давившейся в

километровых очередях за вареной колбасой, не ночевавшей с родителями в очереди под магазином, когда твой номер тысячадцатый, а нужных вещей завезли всего штук сто:

— Не дрейфь, уж о себе-то я не забуду! Подскажи мне, кто у нас заведует кухней?

Прожевав булочку, компаньонка сообщила:

— Йармионэль из Дома Кладези Мудрости.

— Какая прелесть! — обрадовалась я. — Сейчас поглазеем на этот «кладезь»! — И направилась к двери.

— Эрика, ты куда? — с тревогой поинтересовалась Маша.

Я ткнула сигаретой в сторону выхода и оповестила:

— Туда.

— В таком виде? — поразились она, разглядывая вполне приличную пижаму.

— И чем тебе мой вид не нравится? — усмехнулась Повелительница, красуясь перед зеркалом. — Обычная пижама: широкие штаны и короткая майка милого бежевого оттенка. А то, что на груди надпись: «ТЫ — бесконечно доброе, феноменально умное, чертовски привлекательное, божественно красивое, исключительно порядочное и кристально честное, беспрецедентно талантливое, гиперсексуальное, бесподобно бесподобное ЧУДОВИЩЕ»... так полиглотов здесь нет.

Услышав перевод длинной красочной надписи, девушка сначала старательно скрывала улыбку, потом уже хихикала, а по завершении ржала в голос, утирая слезы.

— Вот видишь, — улыбнулась в ответ, любуясь миленькими пушистыми тапочками с помпонами, — день нужно начинать с улыбки! Тогда все неприятности покажутся сущими мелочами. — Отлепившись от зеркала, пошлепала к выходу и, распахнув створку, обозрела пучеглазых караульных. — О, все те же милые лица! — расплылась я в улыбке, делаясь зарядом бодрости и хорошего настроения. — Привет, бойцы! Как жизнь? На мозги не давит?

Мне ответил старший дроу, сгибаясь в приветственном поклоне:

— Доброе утро, ваше величество. Чем могу служить?

А по глазам вижу — мы с ним сработаемся!

Прищурившись, я выдвинула предложение:

— Давайте для начала познакомимся. Так уж вышло, я вчера была невежливой и не представилась. Меня Эрикой зовут, а вас? — запоздало припоминая, что меня тут вообще-то по-другому кличут. Вычурно и зубодробительно. А и бог с ним, пусть называют привычным именем...

Мужчина выпрямился. Если он и удивился, то виду не подал. Дроу склонил голову и представился:

— Айлонор из Дома Стражей. К вашим услугам.

— Исключительно приятно, — подпустила меда. — А второго, который глазенки забыл в районе моей... хм... талии, как величают?

— Малагдаер из Дома Стражей, ваше величество. Мой племянник, — ответил за мелкого Айлонора. — Простите его за вчерашний инцидент. Молодой, неопытный...

Прислонившись плечом к косяку и затягиваясь, я милостиво кивнула:

— Прощаю, так и быть, но не просто так, а за услугу. Задам пару вопросов. Вопрос первый: сколько по времени длится ваше дежурство?

Дроу удивленно переглянулись и ответили:

— Сутки.

— Чудесно. Вопрос второй: как вы питаетесь эти сутки?

— Никак, по этикету...

— Ой, у меня сейчас планку сорвет! — На губах проступила пена, глаза начала заливать алая дымка. — Какая, блин, помешанная на голодной диете сволочь выдумала столь дивный распорядок?

В ответ — настороженное молчание.

— Ребята, хотите тишины и покоя? — вкрадчиво поинтересовалась рассерженная жена Повелителя. Дружелюбно покивала: — Вижу, хотите! Так вот, для этого не упоминайте в моем присутствии слово «этикет» и вызовите ко мне... Йо... Черт! Опять забыла имя! Главного по кухне.

— Йармионэля? — пришел на помощь Айлонор. И добавил с извиняющимися нотками: — Он... не придет.

— Это еще почему? Я не жена вашего Повелителя или это он особенный? — делано изумилась, нахально загасив сигарету об косяк. — Ну! Я жду ответа!

Айлонор с тоской во взоре обозрел порчу вверенного ему имущества и постарался максимально деликатно донести до моего сведения:

— Йармионэль не придет, потому что... Повелитель не дал прямого распоряжения повиноваться вам. Госпожа... вы... у вас нет права ему приказывать.

Переварив поступившую информацию и окончательно потеряв терпение, я все же уточнила:

— То есть я здесь никто? Фикция? Рабыня за решеткой?

Под моим яростным взглядом стражи с несчастным видом кивнули, виновато опустив глаза. Я взорвалась:

— Ну это мы еще посмотрим! Повелителя сюда! Живо! Или я за себя не ручаюсь!

— Повелитель приказал его не беспокоить! — пискнул мелкий, расширившимися глазами рассматривая среднего размера фаербол у меня в руках.

После этого заявления Повелительница стала еще злее, а фаербол еще больше и ярче. Его цвет из тускло-желтого стал бело-голубым.

— У вас есть выбор: или ваш драгоценный господин притащит свою сиятельную задницу сюда, или я, как его единственная, горячо любимая супруга, навещу его лично! — прошипев сквозь зубы и перекинув шар из руки в руку, свирепо уставилась на охрану, ожидая решения. — Или... — Выдержав паузу, приобщила: — Начну крушить дворец... Тоже сгодится!

Злость мне вообще-то обычно не присуща. Сержусь я редко, но... метко! И уж если разозлюсь, то ховайся кто может! Причин беситься у меня набралось более чем достаточно! Черт-те что творится! Притащили бог знает куда! Держат взаперти! Предъявляют немыслимые требования! Этикетом под нос тычут! Еще и в грош не ставят! У кого тут терпения хватит? Гр-р-р!

Терпения у меня не хватило. Я пошла в народ! Представляю, какую изумительную картину наблюдали воочию мои стражи: разъяренная, взлохмаченная, сверкающая глазами эльфийка, одетая непонятно как и укомплектованная огненным шаром. Разумеется, они безотлагательно прониклись и впечатлились. И главное, предпринять мужчины ничего не могли: этикетом такие случаи не предусмотрены. Все, на что их хватило, — это следовать за мной на расстоянии, пока я рыскала по коридорам в поисках благоверного, и стыдливо уговаривать:

— Ваше величество, соблаговолите, пожалуйста, успокоиться и вернуться в свои

покои! — Первая попытка сотрудничества.

— Ваше величество, пожалуйста, поверните назад! У нас приказ!

— И что? Вы меня расстреляете? — полюбопытствовала, спугивая занятную парочку из алькова. (Дама тут же упала в обморок.) — Что стоишь? — попеняла я кавалеру. — Пользуйся моментом! Сама легла, даже уговаривать не надо!

— Ваше величество, вам приказано... — завел Айлонор заезженную пластинку.

— Ха! — возмущилась, явно демонстрируя отношение ко всяким приказам в мой адрес. — А я прям вся из себя овца послушная!

— Вы не овца, но...

— И на том спасибо! Тогда не будьте баранами! — перебила, укоризненно глядя на стражников. — Ребята, пожалуйста, не лезьте под горячую руку. — Я выразительно продемонстрировала лучистый фаербол. Помолчала и с угрозой добавила: — Будете надоедать — запишу в группу поддержки! Вручу каждому по пучку лент, и будете акробатические кренделя выделывать и речевками мои выступления сопровождать!

Охране такое времяпрепровождение пришлось не по нутру. Они заткнулись и угрюмо следовали за мной молчаливыми тенями. Впрочем, на подмогу они тоже временами приходили... несколько дам было перебазировано в сторону от торной дороги, паре мужчин оказали первую помощь: одному нос вправили, когда я его нечаянно дверью прищемила, другому сломали, когда ручонки свои не по делу протянул. Вот так мы и гуляли...

Когда мне окончательно надоело безрезультатное шатание по дворцу и до помраченного гневом сознания достучалась разумная мысль — можно элементарно спросить местонахождение объекта у местных, я так и поступила.

— Молодой человек, подождите нас, пожалуйста! — прокричала я мужчине, спокойно шествовавшему на приличном отдалении впереди по коридору.

Кавалер, видимо, не обладал хорошим слухом и продолжал идти дальше, совершенно не реагируя на вполне вежливую просьбу. Пришлось добавить скорости и добежать рысцой.

— Молодой человек, — пропыхтела я, любуясь стройной фигурой и шикарными волосами, уложенными в сложную высокую прическу, — не подскажите...

В это время до мужчины дошло: обращаются именно к нему. Он оглянулся и куртуазно ответил:

— Ик!

После чего сделал попытку бесславно удрать. Но был остановлен недрогнувшей дланью. Моей, естественно. Нашел с кем соревноваться в беге! От меня еще никто не уходил!

Вцепившись в рукав сиреневой шелковой рубашки, я жалобно сморщилась и тонким голоском произнесла:

— Не будете ли столь добры и не соблаговолите ли указать направление, следуя коему я смогу осчастливить венценосного супруга своим появлением.

— Че? — разродился пространной речью придворный и свел глаза к носу (мозги, видимо, сошлись там же), исказив некрасивой гримасой тяжкого раздумья не тронутое печатью интеллекта симпатичное лицо.

— Через плечо, — тихо пробормотала я, не отцепляясь от заложника.

Тут ко мне подошел Айлонор и прошептал, склоняясь к уху:

— Ваше величество, отпустите Мартинуэля, пожалуйста...

— Это почему? — проявила я небрежный интерес, сдувая прядку, щекотавшую нос. Прядка упорно возвращалась на место, вызывая желание чихнуть.

— Он жених дочери кузена советника по безопасности, который приходится двоюродным дядей советнику по обороне и состоит в четвертой степени родства с советником по финансам.

Страж основательно заморочил мне голову родственными связями... Пытаясь сообразить — кто, кому, когда и кем приходится, я машинально впихнула в руки пойманному дроу фаербол. И со словами: «Подержите, будьте добры», нервно поправила волосы. Отнимая назад свое имущество, я даже успела за него повоевать. Потому что мужчина к шарiku приклеился обеими руками, мучительно не желая расставаться. — И?.. — Вернув назад любимый шарик, повернулась к Айлонору. — То, что он чей-то там родственник, ограждает его от простых вопросов и любезности в отношении дам?

— Нет, — зашептал страж, — просто его невеста — девица крайне резкая и любому горло за жениха перегрызет...

— Ого! — окинула я взглядом замершего пленника. — Бедненький, какую ж тебе стерву подыскали! Поесть — и то нормально не может! Так, где у нас Повелитель проводит свободное от должностных обязанностей время?

— Ва-ва-ва... — задолдонил молодой человек, показывая рукой направление.

Рука тряслась и указывала каждый раз другую сторону света: мне стало непонятно, куда следовать на развилке — направо или налево.

— Мое величество, — пришла я на помощь (Чип и Дэйл стояли за спиной и бдили), — желает, чтобы вы нас сопроводили.

В этой ситуации я проявила эгоизм. В самом деле, сколько можно пугать народ и гонять по вражеской территории, чтобы высказать свое «фи»? Обойдемся малой кровью...

Настоятельно подталкивая несчастного в указанную сторону, я убедительно втолковала ему свое горячее желание:

— Многоуважаемый Коньякуэль, окажите скромную, но неоценимую помощь и доведите даму до мужа. Горю желанием сжать его в пламенных объятиях. — В подтверждение слов продемонстрировала фаербол.

Придворные, встречаемые по пути, с изумлением провожали ошалелыми взглядами нашу странную процессию: впереди нервно оглядывающийся через каждые два шага «проводник», следом расхристанная первая леди и в хвосте, на значительном отдалении, — почетный эскорт из стражи. Думаю, этот шокирующий эпизод надолго запомнится и даст основательный повод для сплетен. Плевать! Я реноме Дарниэля поддерживать не нанималась! Если он не уважает мой статус, пусть страдает его!

Наконец мы все же прибыли к месту назначения. Будучи уже не в состоянии связно изъясняться, я знаками попросила постучать в дверь. Горемычный дроу сильно колебался перед тем, как выполнить приказание, справедливо опасаясь репрессий со стороны главного лица государства. Правда, увидев сильное недовольство его дражайшей половины, он из двух зол выбрал меньшее и робко постучал:

— Повелитель, к вам пришли!

В ответ раздался нахальный женский смех и вопль супруга:

— Пшел вон! Я занят и приказал меня не беспокоить!

Понукаемый мной дроу отважно попытал счастья еще раз:

— Прошу прощения, мой Повелитель, но ваша высокочтимая супруга...

— В... на... и туда... со всеми, кого привел. Пошел вон вместе с ней! — не дал закончить ему венценосный хам.

— Ах, даже так! Ну ты сам напросился! — Нетерпеливым жестом повелевая отойти в сторону, я запулила фаером в дверь, снеся ту напрочь, после чего все-таки вошла.

Не будь я настолько зла, точно заржала бы от души, разглядывая открывшийся вид. На смятой постели, съжившись и натянув простыню почти до глаз, сидела полураздетая девица, прикрывая голову подушкой. Дева испуганно выглядывала из получившейся амбразуры.

Рядом с кроватью в боевой позиции застыл Дарниэль, одетый лишь в штаны, но зато вооруженный мечом и кинжалом.

Мне свидетели для теплого супружеского общения не требовались. Я высказалась, выразительно глядя на «даму сердца»:

— Брысь, нахалка!

При полном молчании под моим тяжелым взглядом девица выползла из постельных завалов и, трепетно прижимая к груди одежду, дала деру. Этого времени хватило для того, чтобы сиятельный супруг пришел в себя. Крепкая психика у благоверного, однако! Неторопливо освободившись от оружия, дроу подошел к прикроватному столику, по пути сверкая тылом, украшенным полуспущенными штанами. Наполнив бокал вином, осведомился:

— Ты пришла выполнить супружеский долг?

— Не дождешься! — прошипела я. В свою очередь поинтересовалась: — Это «особо важные государственные дела» в твоей постели разлеживаются?

— Ревнуешь? — с милой крокодильей улыбкой парировал Повелитель.

— Я? Тебя?! Не обманывайся! К твоему сведению, многое потеряешь, если услышишь мое сакраментальное: «Я согласна!»

— Например? — заинтриговался Повелитель.

— Например, ты уже не сможешь запросто смотаться на охоту, накачаться там под завязку алкоголем и, мягко говоря, перещупать все окрестные «важные государственные дела»! — не отказала я себе в удовольствии проехаться по любовнице. — Точно так же дело будет обстоять с рыбалкой и прочими «выездными заседаниями государственного Совета». — Повысила тон: — А также я катастрофически не выношу в спальне холостяцкого беспорядка, мокрых полотенец на полу ванной, громких неприличных звуков и чисто мужских жестов в области, отвечающей за деторождение. Я доступно изложила свою женскую позицию? Или продолжить?

— Вполне доступно! Продолжать не надо. Мне теперь вовек не оправиться от подобного удара судьбы, — язвительно отозвался Повелитель. Хмыкнул: — Придется прибегнуть к посторонней помощи.

— Ну тебе это не впервой! — кивнула я в сторону кровати (в ответ мне досталась самодовольная улыбка). — Еще можешь психиатра с психологом на чай позвать. — (Улыбка увяла.)

— Если не за этим, то зачем ты пришла? Да еще с таким шумом и в столь откровенном виде? — спросил Дарниэль, прислонившись спиной к изножью кровати и безмятежно отпивая вино из бокала.

Подобному спокойствию можно лишь втайне позавидовать, но мы тоже не лыком шиты. Я прошествовала дальше и дерзко уселась в стоящее рядом с камином кресло, закинув ногу на ногу.

— В отличие от тебя мне безразличны окружающие меня лю... дроу, — сообщила, бесстыдно разглядывая новоявленного мужа, и даже в состоянии крайней ярости была вынуждена признать, что внешностью его природа не обделила. — Я возмущена некоторыми фактами, связанными с моими людьми...

— И кто же посмел обидеть твое окружение? — последовал вопрос, заданный ядовитозвительным тоном. — Хочу посмотреть на этого безумца...

— Ты, конечно! Кто ж еще посмеет? — отрезала я. — И осторожней с ядом, не обкапай

хозяйский ковер. А то прожжешь — казне убыток будет. Неэкономно это, не по-хозяйски!

После моих слов, высказанных доброжелательно-вкрадчивым тоном, его величество поперхнулся вином. Я, естественно в самых лучших чувствах, ненавязчиво собралась ему помочь и даже пригребла железяку, висевшую на подставке рядом с камином. Но мои благие намерения обломали уже на подступах, строго погрозив пальцем. Пожав плечами — была бы честь предложена! — я вернулась в кресло и стала терпеливо дожидаться, когда он сможет говорить. Откашлявшись и смахнув выступившие слезы, Дарниэль вылупил синие глазищи и возмущенно высказался:

— Ты с ума сошла?! О чем ты говоришь?

— Кто тут и сошел с ума, так это ты! У тебя стража сутками голодная стоит! Девчонка по вашему идиотскому этикету должна обедками питаться! Чего зыришь, сказать нечего? — Я вновь начала злиться, в упор глядя на остолбеневшего от упреков Повелителя. — Так я продолжу! Ты по какому праву меня запер? И...

— Стоп! Запер я тебя для твоего же блага! Ты здесь ничего не знаешь и вполне можешь пострадать!

— Серьезно? — В руках опять возник фаербол. — А по-моему, сейчас пострадает кто-то другой!

— Послушай меня, я не сниму охрану до тех пор, пока не буду уверен, что ты не причинишь вреда ни себе, ни окружающим и будешь полностью готова для проживания в нашем мире! Это обсуждению не подлежит! Но если тебе что-то не понравилось, почему ты не вызвала прислугу?

— А потому, ненаглядный мой супруг, что ты, мерзавец этакий, не отдал такого распоряжения! И когда я попыталась решить этот вопрос сама, как в общем-то и полагается хозяйке дома, правительницу предельно вежливо оповестили об отсутствии каких-либо полномочий! Дошло до того... мелкие кухонные вопросы, выеденного яйца не стоящие, я должна начинать с визита в твой офис! Который к тому же поголовно занят... — я бросила недобрый задумчивый взгляд на дверь, за которой скрылась мэтресса, — решением «серьезных», прямо-таки жизненно важных мировых проблем!

Дарниэль долго молчал и рассматривал меня с интересом, но спустя какое-то время спросил:

— Тебя действительно волнует судьба дроу, которых ты практически не знаешь?

Я стойко выдержала его немигающий взгляд и ответила, держа в ладонях сияющий ярким светом фаербол и втихомолку прикидывая, как избавиться от шарика:

— Представь себе, волнует!

— Хорошо, я разберусь! Что-то еще?

— Пока все. Если будут претензии, обещаю — ты узнаешь о них первым.

Я собралась уходить. На выходе меня догнало удивленное:

— Ты куда?

— В камеру роскошного заключения, — поведала я недогадливому мужчине.

— В таком виде?

— А что? Сюда-то я в таком виде дошла, чем обратный путь хуже?

— Подожди! — Галантный Повелитель подошел и накинул мне на плечи плащ, не преминув съехидничать: — Не стоит демонстрировать прелести тем, кто еще не удостоился такой чести.

Мило улыбнувшись, я сунула не ожидавшему подлянки Дарниэлю фаербол и вылетела за дверь со словами:

— Ой, спасибочки, благодетель! Это тебе на память! Сувенир!

В коридоре перед выбитой дверью собралась толпа придворных, настороженно подслушивающих перепалку супругов. Они активно перешептывались, обсуждая шокирующее явление жены мужу и делясь предположениями. Не обращая ни малейшего внимания на частные обстоятельства, я гордо кивнула стражам и направилась в сторону отведенной мне комнаты. Вдогонку неслись грохот взрывов, звон бьющейся посуды и сдавленные ругательства моего венценосного супруга. Уже почти скрывшись за поворотом, я услышала приказ Дара: «Советника ко мне! Живо!» — И усмехнулась.

На пороге комнаты Айлонор осмелился справиться:

— С вами все в порядке? Повелитель вас не обидел?

— Кто меня обидит, тот трех дней не проживет! — Я обогатила его скудный запас знаний проверенным афоризмом и закрыла дверь.

Ко мне тут же кинулась Маша и почему-то принялась судорожно ощупывать, что вызвало у меня недоумение:

— Маш, стряслось чего?

Девушка смахнула слезы и призналась:

— Испугалась. Думала, ты назад не вернешься.

— Да ну? — притворно поразила я и сделала большие глаза. — Кто у нас такой грозный?

— Ты совсем не боишься Повелителя?

— Боятся те, кому есть что терять, а я уже потеряла все, — поделилась с Машей и ушла в сад.

Дарниэль сдержал слово и разобрался. Вечером нам принесли целых два подноса с едой. Выглянув за дверь, я обнаружила довольную, смачно жующую бутерброды охрану. Ну хоть что-то хорошее я сумела сделать...

Глава 8

Идя на поводу у женщины, мы дарим ей свой поводок.

Дарниэль, Повелитель дроу

Зак снизошел к моей просьбе, и через несколько часов амулет-скорпион, блокирующий проявления чрезмерной эмпатии, надежно висел на моей шее. Сразу исчезло мерзкое ощущение, будто я не при дворе нахожусь, а плаваю в сточных водах. В остальном я чувствовал себя неважнецки.

Афродизиаки до сих пор давали о себе знать, и я только что на стены не лез. Холодный душ и тренировки не помогали. Похоже, какие-то отвары и настои оказались долгоиграющими. Поскольку с дражайшей половиной у нас пока сложился вооруженный нейтралитет, я соваться к ней с очередным предложением провести ночь не рискнул. В самом деле, она у нас дама молодая, психика и чародейство у нее до сих пор нестабильны. В общем, не буду играть с огнем, она нужна и важна для меня и для дел государства.

Но деваться уже было некуда, и в то утро я вызвал к себе Лаурелин, свою последнюю фаворитку, приказав слугам нас не беспокоить. Каково же было удивление, когда внезапно раздался стук в дверь и дрожащий голос осмелился робко доложить:

— Повелитель, к вам пришли!

Чтоб вас, паразиты, такое свидание испоганили! В тот самый момент Лаурелин только начала одну из своих заводных игр, до которых она была великая мастерица. С огорчением оторвав от себя шаловливые пальчики притворно надувшей губки любовницы и состроив грозную физиономию, что немедленно вызвало у нее взрыв смеха, я рявкнул:

— Пшел вон! — в надежде на то, что разберутся без меня.

Но стук повторился, ломиться ко мне не перестали. Я озверел. Да что ж такое, Повелитель я или нет?! И не надо меня супругой пугать, знаю я ваши закидоны. Сейчас небось под шумок опять кто-то из советников новый законопроект пропихивать приперся, безрассудно пользуясь моим расслабленным состоянием. Столько раз меня на всяческие фокусы ловили, совсем совесть потеряли. Если и в этот раз нечто подобное придумали — ей-ей, казнию! А нечего дерзить! Я хоть и служу своему народу не покладая рук, но права у меня есть. И самое из них первейшее — право на интимное уединение.

Послал по новой, уже более конкретно, вместе со товарищи.

Нет, вот наглость, ломятся и ломятся! Я с трудом подавил в себе кровожадное желание выйти и наказать шутника и только вернулся к прерванной на самом интересном прелюдии, как...

Раздался жуткий грохот. Входную дверь сорвало с петель. Я с подавленным стоном пообещал себе устроить виновнику этого переполоха усиленный пыточный рацион. Пришлось скатиться с постели и, мгновенно сориентировавшись, выхватить оружие и занять боевую позицию. В моей голове замелькали догадки насчет заказчиков и целей покушения на правителя. Орки? Светлые? Демоны?оборотни? Кто?..

Признаюсь, ни одна из версий не оказалась верной. Ожидал кого угодно, но был не готов к появлению моей... супруги, почтившей меня своим драгоценным вниманием. Причем выбрала она для этого весьма оригинальный способ.

Выглядела моя жена... неопишимо. То ли полуодетая, то ли полураздетая ведьма с растрепанной косой и горящими яростным огнем глазами. Приснись она мне в Ночь Всех Мертвых, я бы с ужасом принял ее за мстительного неупокоенного духа.

Как она сюда попала? Кто пустил? Что ей нужно? Впрочем, посмели бы не пустить, с такими-то способностями!

Оценив обстановку и уставившись на Лаурелин, Эрика приказала:

— Брысь, нахалка!

Вот это командный тон! Даже я проникся. Меня разрывало между желанием разъяриться и расхохотаться. Особенно наслаждался картиной позорного бегства Лаурелин. В жизни не видел, чтобы эта циничная стерва от кого-то столь позорно удирали голый, даже не попытавшись выпустить свои ядовитые когти. Отнюдь не в ее характере. Обычно Лору не смущали даже господа советники в количестве двенадцати персон; напротив, бесстыдницу возбуждало такое количество именитых гостей в ее спальне. За эту комедию я даже готов простить жене состояние жгучей неудовлетворенности, которое накатило с новой силой.

Дождавшись ухода фаворитки и налив себе вина, я поинтересовался:

— Ты пришла выполнить супружеский долг? — рассчитывая вывести девчонку из себя и хотя бы этим компенсировать испорченное свидание.

Все старо как мир, все известно наперед — мои вопросы, ее ответы. Все просчитывается, и никакого простора воображению. Сейчас она потребует от меня ощутимой материальной компенсации за нанесенный ущерб, получит в качестве отступного пару побрякушек, что-то из денег и отправится их тратить, благо на то есть швеи, придворный ювелир и прочие источники мелких женских радостей.

Как же я ошибался!

Во-первых, я чуть не умер от смеха после долгого и обстоятельного перечисления грядущих супружеских запретов. Особенно моя вторая половина упиралась на обоюдную верность. Она настолько наивна? Или всерьез думает о возможности приказывать Повелителю?! Восхищаюсь! И все же ревнует. В глубине души ревнует. Иначе не стала бы столько раз ядовито намекать на адюльтер. Я заинтересовал свою даму как мужчина? Неожиданное, но приятное открытие. Почти польщен.

Эрика меня удивила. Причина визита оказалась отнюдь не столь банальна, как донос кого-то из светлых соглядатаев или мелкотравчатое женское вымогательство. Правда, временами очень хотелось сжать ее тонкую шейку до синевы. (Ее, разумеется. Жены или шеи — уточнять не стану. Понимайте как хотите, все равно не ошибетесь.)

После очередной дерзости, возмущившись, я захлебнулся вином, чего со мной не случалось последние лет двести. Слава богам, успел вовремя остановить попытку жены стать вдовой. Неизвестно, на какую часть тела она собиралась покушаться, вооружившись массивным каминным совком.

Требование повергло меня в изумление. Я никогда не задумывался над существующими порядками. Наш этикет насчитывает несколько тысяч лет, и никто не выказывал недовольства таким порядком вещей. А дальше последовало ожидаемое супружеское выяснение отношений: зачем я закрыл жену, лишил ее прав и тому подобное.

Конечно, я такой-сякой, немазанный сухой. Пусть. Но в борьбе характеров меня еще мало кто переупрямил, слишком большой стаж руководящей работы. Иметь дело с престарелыми советниками дреу, всей дюжиной — тоже, я вам скажу, не фунт изюму! А если вспомнить более раннее общение с царственным папенькой — о-о-о... моей выдержке просто нет равных!

Упс! Этого следовало ожидать! Девчонка вышла на новый виток и запалила фаербол. Темпераментная штучка! Я немного расширил излагаемые причины ее заточения, не желая выдавать подлинную, заключающуюся в том, что меня терзали опасения про исполнение пророчества и то, как оно отразится на моей стране. Именно поэтому чем позднее в мире узнают о ее появлении, тем больше времени подготовиться у нас будет.

Все-таки она поражает! Есть в ней нечто такое... оно привлекает и удерживает. Странные, необычные мысли роятся в очаровательной головке. В самом деле, какое ей дело до окружающих? Кто они для высокородной леди? Так, мелочь, грязь под ногами. Безо всяких сомнений, она не солдат, не воин — так откуда ей знать об основных принципах воинского братства: сам голодай, но живи вместе с солдатами и ешь из одного котла! Почему она так упорно стремится добиться для них привилегий? Какая выгода за этим прячется? Почему она легко согласилась со своим заточением, но

яростно продолжает настаивать на благах для прислуги?

— Тебя действительно волнует судьба дроу, которых ты практически не знаешь?

— Представь себе, волнует!

Ничего другого я и не ожидал. Я не против того, чтобы сделать жене небольшой подарок в виде ма-аленькой уступки. Могу даже мини-армию подарить. Потом. Когда родит мне сына. Все равно эта затея станет всего лишь глупой женской прихотью. К тому же во дворце каждый день выбрасывается невероятное количество продуктов...

Потрясающая женщина! Держится вполне уверенно. Удивительно, насколько мало ее волнует собственный внешний вид. Да ни одна дроу под страхом смертной казни не показалась бы при дворе в подобном не то затрапезном, не то и похуже виде, а этой хоть бы хны. С другой стороны, я невольно обнаружил собственнические чувства и попытался позднее скрыть их за ехидством, за которое и поплатился — схлопотал от пакостницы фаербол в качестве сувенира. Не обращая внимания на мои проклятия, жenuшка скрылась за дверью, оставив у меня в душе странную смесь восхищения и злости. С невероятным трудом избавившись от «подарка», вышвырнул его в окно и приказал:

— Советника ко мне! Живо!

Давая распоряжение разобраться с бытовыми мелочами, вынужденно возвращался мыслями к иномирянке. Она занимала меня все больше. Какая ты, девушка, рожденная под другим светилом? Что несешь ты нашему миру? Что принесешь мне?

Глава 9

Я в ответе за тех, кого приручила, но не за тех, кто ко мне привязался.

Эрика

Ночью мне приснился кошмар.

Я билась в стеклянную перегородку, за которой находился мой родной дом, и кричала. Но меня никто не слышал. Предпринимая все новые и новые попытки, я в кровь сбила костяшки кулаков и сорвала голос. Наконец с отчаянием пришлось признать бесполезность моих усилий. Прижавшись к стеклу, я с тоской наблюдала за семьей, понимая, как недосыгаема она для меня сейчас...

Проснувшись в слезах, с опухшей физиономией и саднящим горлом. Сползла с кровати, долго отмачивала лицо в холодной воде, не желая никому объяснять причину подавленного настроения.

За завтраком Маша украдкой бросала на меня тревожные взгляды, но так и не рискнула спросить о причине голодовки. Я сидела у окна, смотрела наружу, курила и пила кофе. Похоже, у меня катастрофически портилось не только настроение, но и характер: не хотелось ни есть, ни разговаривать. Мне срочно было нужно уйти в лес, пока я не начала срываться на окружающих.

Приняв решение, я повернулась к компаньонке:

— Маша, ты бы не могла принести мне из библиотеки книги о расах, обрядах, пророчествах и прочих важных сведениях о мире? В общем, все о мироустройстве.

Девушка согласно кивнула, удалившись выполнять поручение, а я отправилась в лес. Продолав тот же путь, шла по тропинке, размышляя о вчерашнем разговоре с Повелителем и вспоминая его удивление на мой легкий отказ от скандала по поводу изоляции: «В какой-то мере Дарниэль прав. Я абсолютно ничего не знаю об их мире, и это делает меня легкой добычей для любого, кто захочет воспользоваться моими неопытностью и невежеством. Бежать глупо. Куда? Зачем? К кому? Находясь здесь, я хотя бы могу разжиться информацией и уж тогда строить любые планы».

Именно из этих соображений я не стала вчера скандалить и предпочла обойти этот вопрос стороной. Пока обойти.

Укрепляя себя разумными мыслями, я и пришла к роднику, совершенно не надеясь встретить нового знакомого. Ошиблась. Удивительно, но конь был там и, увидев меня, приветствовал ржанием, в котором мне послышались недовольные нотки. Пришлось оправдываться:

— Прости, я не смогла вчера. К сожалению, не все от меня зависит. Хочешь яблок?

Животное благосклонно согласилось принять извинения и взятку в виде яблок, подпустив меня к себе. Наверно, со стороны мы представляли собой идиллическую картину «Девушка с конем». В концепцию художественного полотна всего лишь не вписывалась одежда: джинсы и футболка. Но ни хрупающего фрукты коня, ни занятую расчесыванием гривы Повелительницу это не волновало.

Возня с волосами меня всегда успокаивала. Ничего не поделаешь, вот такое у меня хобби. Единственное огорчительное событие — мне не разрешили заплести гриву. Животное возмутилось произволом и так выразительно на меня глянуло, что я поняла: рисковать не стоит. Кстати, «конь» и «животное» — это замечательно, но все же хотелось бы придумать кличку. Я обратилась к жеребцу:

— Ты хочешь получить от меня звучную кличку? Да? Вот и чудесно! — интерпретировала я фырканье и кивание. — Тогда начнем. Серебряный? Сумрак? Ворон? Аякс? Мавр? Черныш? — И так еще с десятков кличек, но на все получила отрицательные взмахи лобастой башки. — Какой ты привередливый! — устало констатировала я. Безнадежно поинтересовалась: — Может, Гром?

И этот черный гад согласился! Хотя в чем-то мы достигли согласия. Я ласково погладила умную морду, а Гром внезапно опустился на передние ноги, явно приглашая меня прокатиться. В голове мелькнула смутная мысль: «Что-то мне это все напоминает...» — но тут же исчезла в ворохе других, связанных с глубокими сомнениями. Ведь авантюра та еще! На лошади я, конечно, каталась, но на той было седло и уздечка, а рядом страховал внимательный инструктор. Здесь же предлагалось действовать самой и рассчитывать на свои силы.

— Эх, была не была! — отмахнулась от надуманных ужасов и взгромоздилась Грому на спину.

Все оказалось не таким уж страшным. Конь шел медленным шагом, старательно обходя ямки и ухабы, чтобы я не свалилась. Заботливый...

Спустя некоторое время он вывез меня на огромную лесную поляну и остановился, ожидая моей реакции. Я застыла в немом восхищении. Посреди необъятной поляны располагалось дивной красоты голубое озерцо, окруженное пестрым ковром цветов.

Я нехотя сползла с Грома и, дотопав до водоема, обнаружила: вода кристально чистая и прогрета солнцем до состояния парного молока. Очень захотелось искупаться. Решив не откладывать в долгий ящик, уединилась в кустах, растущих по краю поляны. Там, сотворив купальник и переодевшись, мне между делом довелось пару раз треснуть между глаз любопытную морду вздумавшего подглядывать Грома.

Удовольствие от купания получила необыкновенное. Вдоволь наплавалась и нанырлась со спины присоединившегося в воде коня. В знак благодарности я, как могла, помыла жеребца пучком осоки. Пусть без сноровки и неуклюже, но ему понравилось.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается, и пришло время возвращаться в комфортабельную тюрьму, пока меня не хватились и не начали поиски.

Гром довез меня почти до живой изгороди, где я с ним и попрощалась, обещая по возможности завтра навестить. Проводив дружеским взглядом удаляющегося коня, я с сожалением вздохнула и контрабандой поползла на ту сторону границы.

Оказавшись на территории сада и пройдя немного, услышала Машины крики, в которых уже присутствовала легкая нотка паники:

— Эрика! Где ты?

— Да здесь я, здесь, — жалая девушку, отозвалась я и вырулила из-за кустов. В ответ на укоризненный взгляд солгала без зазрения совести: — Задремала и не слышала. Что случилось? По какому поводу бесчинствуем и орем?

— Я принесла обед, а тебя все нету. Потом весь сад обыскала, но тебя и тут не было, — объяснила Маша, подозрительно разглядывая мое несколько растрепанное и мокрое величество.

Если тебя почти заловили на вранье, что надо сделать? Правильно. Быстро и с достоинством покинуть место событий. Желательно это сопроводить невозмутимо-наглым выражением лица. Ну или в крайнем случае широко распахнуть невинные глаза, кричащие всему свету: «Это не я!»

Не собираясь вдаваться в подробности, я величественно пожала плечами и пресекла расспросы:

— Не там искала. Пошли.

И мы отправились обедать. После обеда компаньонка убежала, отговорившись срочными делами. Интересно, какие могут быть срочные дела у моей личной прислуги?

Быстро сполоснувшись в бассейне и кое-как расчесав и пригладив волосы, переоделась в шорты и майку и занялась самообразованием, удобно устроившись на пушистом ковре. Придвинув к себе внушительную стопку книг и большую чашку с местной черешней, я вооружилась бумагой и карандашом для выписки интересующих меня сведений и открыла первый фолиант.

Книга мне попала про существующие расы и их обычаи. Увлекательное чтение, нужно признаться. Например, в этом мире под названием Йаленар существуют восемь рас: дроу, эльфы, демоны, драконы, дворфы, оборотни, вампиры и орки, но отсутствуют люди. Поэтому «людьми» называют каждый себя внутри рас. На планете находится один большой материк, все остальное пространство занимает Мировой океан. Материк четко поделен на территории владения, за которые идут постоянные споры и кровопролитные войны. Народности практически не общаются между собой, в межрасовые брачные отношения вступают крайне редко. Спрашивается, с чего мне настолько повезло? Впрочем, вопрос риторический.

Да, результат этих самых смешанных браков — полукровок... терпят, но не любят.

Дальше начинались подробные описания каждой расы: антропология, особенности, строй и язык.

Итак, дроу...

Антропология: высокие, стройные, смуглокожие, черноволосые, цвет глаз варьируется от черного до золотисто-карего.

Исключение: семья Повелителей имеет отличительную черту — темно-синий цвет радужки.

Особенности: прекрасные воины, выносливые и неустрашимые, безжалостные в бою.

Строй: живут Домами. Правящий Дом возглавляет Повелитель. Власть переходит по наследству. В древности у них был матриархат, но с той поры уже много воды утекло. Языки: новый разговорный и архаичный стародров... стародроус... Черт, непонятно написано! В общем, по смыслу — малоупотребляемый старый диалект, его используют в основном в религиозных ритуалах.

Я настолько увлеклась чтением, что когда дошла до примеров старого языка и попробовала озвучить совсем мудреное слово, состоящее из девятнадцати букв, причем четырнадцать из них согласные, то чуть язык не сломала.

Замечательное средство для определения степени опьянения: кто не выговорил, тому больше не наливать. И в наших землях наступит благословенное торжество поголовной трезвости.

После моей третьей безуспешной попытки выговорить данное слово за спиной раздался смешок и мужской голос произнес эту абракадабру без запинки. От неожиданности я подпрыгнула и развернулась. Ну конечно, никого другого я не ожидала — Дар стоит, лыбится во все доставшиеся ему от природы зубы. Почему каждый раз, как зрю его широкую улыбку, мне до смерти хочется исправить ему прикус, а?

Муж, как всегда, сногшибательно красив, одет в темно-синюю рубашку с голубыми прорезями-вставками на рукавах и такого же глубокого синего цвета штаны. На плечах короткий жакет или, точнее сказать, безрукавка. Широкий пояс — кожа, инкрустированная черненым серебром. Такие же браслеты-наручи поверх рукавов рубашки. На груди массивная золотая цепь с лазурными эмалевыми вставками. Выше толстой цепи выглядывала тоненькая, с коричневым скорпионом. У насекомого хищно поблескивают кроваво-алые камешки-глаза.

Особенно меня поразило кольцо на безымянном пальце его левой руки. Такого мне не встречалось — длинная, на две фаланги, пружина-коготь с крупным рубином у основания и опасным, на полпальца выступающим острием когтя. Внушающее уважение оружие ближнего боя.

Наряд удивительно гармоничен, взглянешь на персону — и сразу поймешь: перед тобой властитель!

— Ваше величество, я имею честь лицезреть вас в четвертый раз. И четвертый раз вы в крайне неприличном виде. Скажите, вы меня специально провоцируете? — отвлек меня муж от несбыточных мечтаний, но после его слов мечты вернулись и усилились. Думаешь, ты один такой умный?

— А вас, ваше величество, не учили стучаться, когда вы к даме заходите? — язвительно поинтересовалась я, тоже переходя на «вы».

Дарниэль мгновенно парировал:

— Так это же к даме! А вы, простите, больше на оборванку похожи.

Это он меня обидеть хочет? Ну в точности: «Ты, Зин, на грубость нарываешься, все, Зин, обидеть норовишь! Тут за день так накувыркаешься... Придешь домой — там ты сидишь!». Если бы ехидство убивало, дроу бы уже в нем захлебнулся:

— Истинный мужчина в любой женщине увидит даму, если у него хорошее воспитание и отличное зрение.

— Да вроде бы ни на то, ни на другое не жалуясь, — усмехнулся этот наглец и предложил перемирие: — Я пришел не ссориться с вами, а пригласить на экскурсию по замку или прогулку по саду. Выбирайте сами.

Ой какие мы подозрительно добренькие... прям на хлеб намазывай. С чего вдруг? Ласки от меня понадобилось, на экзотику потянуло? Ладно, рискну!

— Я бы предпочла прогулку, ваше величество. Замок я уже практически осмотрела вчера сама, — соизволила согласиться, не забыв подпустить в интонации холодной стужи.

— Что ж, очень рад отклику на мое приглашение, но осмелюсь заметить... вам стоит переодеться. Нынешний вид абсолютно не подходит вашему статусу и вызовет непристойные мысли у окружающих.

Да? Однако, как-кие здесь неискушенные окружающие! Странно... с любовницами днем развлекаться подобает, никто не смущается... при живой-то жене! А удобно одеться супружнице, чтоб ноги и спину не поломать, — нет? Сразу о приличиях намекнуть норовят?..

— И что же вам не приглянулось в моем виде? — невозмутимо поинтересовалась я.

Меня нагло оглядели с ног до головы и ленивым тоном проинформировали:

— Ну что вы, для меня все в вас прекрасно! Меня все устраивает, даже очень. Ваш наряд — очаровательное приглашение разделить эту ночь с вами, причем от него мм... невозможно отказаться.

Да что ж его закликло на сексе! Можно подумать, у него, кроме меня несчастной, других кандидатур нету. Ой, бедненький! Так я и поверила! А вот фиг тебе, маньяк ушастый, облизнись. Губозакаточная машинка прямо и направо. Решив не доводить дело до конфликта и оставив свое нелюбезное мнение при себе, я спросила:

— И какой дамский наряд у вас считается достойным?

Меня тут же просветили в вопросах местной моды.

— Что-то подлиннее. — Дроу сделал жест до пола. — И... более закрытое.

Не удержавшись, я окинула его свирепым взглядом и смоталась в ванную, по дороге отчаянно сожалея:

— Если бы взглядом можно было прикончить, то в этом случае Дарниэля бы уже четыре раза переехал танк, десять раз пристрелили, пять раз сбросили без парашюта и раза три отравили просроченными на год продуктами.

Страдая умопомрачительно кровожадными планами, я представила себе летнее слегка приталенное платье зеленого цвета длиной до пола, с круглым вырезом под горло и рукавами три четверти. Эдакая Англия времен Ричарда Львиное Сердце, а может быть, и раньше. Вообще-то ужасно хотелось надеть мешок. Знаете, такой грубый, с прорезями для головы и рук. Но чувство стиля не позволило. Дополнив платье сандалиями под цвет зеленого изумруда, я вышла. Осведомилась:

— Такой вид вас устроит?

Мужчина снова оценивающе оглядел меня с ног до головы и вынес вердикт:

— Вполне.

Попытавшись цапнуть меня под руку и получив отпор (но-но! Смотреть, но не трогать!), Дар вывел меня в сад через запутанную систему ходов, не переставая по дороге выпытывать: как произошло перемещение, что я видела, есть ли у меня какие-нибудь сведения. Прямо как Мюллер у Штирлица: «Штирлиц, вы признаете, что являетесь русским шпионом?» — «Ни в жисть! Я просто развлекаюсь!» Вот я и развлекалась, строя дурочку и отнекиваясь: типа знать ничего не знаю, ведать не ведаю и даже не догадываюсь, о чем это он. И так далее. За столь занимательной беседой мы дошли до зверинца. Дальше мой высокопоставленный гид начал рассказывать о животных. Было очень познавательно, но только до тех пор, пока мы не подошли к одной клетке, стоявшей отдельно ото всех загонов и вольеров. В клетке издалека что-то белело. Я проявила любопытство:

— А там кто?

Повелитель принялся увлеченно рассказывать, несомненно гордясь этим выдающимся во всех отношениях экземпляром:

— О! Это чрезвычайно свирепый и необычный зверь. Самка каргаала. Их практически невозможно выследить и поймать... Они крайне хитрые, сильные и опасные хищники. Животное попало сюда лишь потому, что упало с обрыва и охотни...

Во время его рассказа зверь поднял голову и посмотрел на меня желтыми глазами. Наши взгляды встретились, и в моей голове взорвался фонтан боли: «По-мо-ги!» Как мучительно! Что это? Господи, это же ее боль! Каргаалы — телепаты? Ни мгновения не раздумывая, бросилась туда, открыла задвижку и влетела в клетку. Наклонившись над животным, я тихо спросила:

— Лапочка, хорошая моя, покажи, где больно? Я постараюсь помочь!

Большая кошка с трудом шевельнулась и протянула мне лапу. О боже, у нее сломана кость и поранено плечо. Белая шерсть слиплась от грязи, крови и гноя.

— Солнышко мое, — обратилась я к каргаалу, — мне придется сделать тебе больно. Рану нужно промыть от гноя, кость сложить и зафиксировать. Ты позволишь себя подлечить?

Кошка опять посмотрела мне в глаза и мигнула.

— Вот и славно, — ободряюще улыбнулась я и стала вспоминать, что необходимо для операции.

Конечно, я не врач. Все мои познания в медицине ограничиваются личным опытом, практикой в больнице в качестве санитарки и уроками гражданской обороны. Искренне надеюсь, что такого не слишком богатого опыта хватит, ведь понятно же, что сюда на помощь никто из моего мира на санитарном вертолете не прилетит. Итак, имеем в наличии: вода, спирт, марганцовка, фурацилин, лубки для фиксации перелома, бинты, шприцы, обезболивающее, антибиотик внутривенно. Вроде все.

Вы хотите спросить, почему я не могла взмахнуть ручкой и заживить рану магией? А вы сумеете собрать автомобиль по памяти, без специального образования? То-то! Как можно полагаться на то, что делать практически не умеешь и главное — абсолютно не представляешь? Инструкцией по магической эксплуатации дара и учебником меня почему-то не снабдили. Я вон с фаерболами до сих пор не разобралась, а здесь живое существо.

Набрала жидкости в шприц и выпустила воздух. К счастью, в упаковках с ампулами были дозировки на килограмм веса, хотя, на мой взгляд, кошка по весу сошла бы за подростка средней упитанности, то есть и дозировку даже без взвешивания можно подобрать соответственную.

Решив не рисковать и обойтись проверенным традиционным способом, обратилась к

животному:

— Котенька, я сейчас сделаю тебе укол, и болеть будет меньше. Ты не бойся. Хорошо? Только не знаю, когда заморозка подействует, поэтому буду делать по одному, а ты мне дай знать, как только болеть перестанет. Договорились? — уговаривала я зверя.

А сама прощупывала место укола. Ведь если у человека точки, годные для инъекций, я более-менее представляю, то у зверя, тем более — худощавой крупной кошки, совершенно неизвестная мне анатомия. С трудом нащупала в плече-лопаточном поясе более-менее подходящую, на мой взгляд, группу мышц, оттянула шкуру и уколола, обливаясь холодным потом. Ведь если промахнусь или, не дай бог, уколю в какой-нибудь БАТ — бедолагу и парализовать может. Все-таки хирургия, а особенно ветеринарная, — штука непростая!

На третьем уколе меня лизнули шершавым языком. Дальше я промывала рану, чистила от гноя, опять промывала. Залила антисептиком. Старалась сложить кость, как могла, и зафиксировать. Стало совсем темно, я ничего не видела. Черт, мне свет нужен! Ах, ну да. Забыв про политесы, обратилась к Повелителю:

— Дар, ты посветить можешь?

Над головой зажегся светлячок, но мужчина молчал.

— Спасибо!

Наконец я закончила и разогнулась со словами:

— Котя, я все сделала, отдыхай, завтра приду проведать.

Белая кошка вцепилась зубами и здоровой лапой в мой подол. До меня дошло:

— Солнышко, ты со мной хочешь?

В ответ полумяв-полурык. Я растерялась:

— Милая, я же тебя не унесу, ты большая!

Кошка, покачиваясь, с трудом встала на лапы и вопросительно глянула на меня. Я засмеялась:

— Упрямая ты, девочка... прямо как я. Родственники мы с тобой, что ли? Ну пошли, сестренка.

Мы вышли из клетки, и я попросила мужчину, напряженно рассматривающего нашу парочку:

— Дар, пожалуйста, проводи нас в комнату. Сама дорогу не найду.

Он подошел почти вплотную, наклонился и посмотрел мне в глаза. Что-то странное было в его взгляде. Удивление? Восхищение? Дроу вдруг резко развернулся и пошел вперед, изредка оглядываясь. Проверял, вдруг мы отстали. До комнаты в потемках шли очень долго, Дар повел нас круглым путем через задворки, чтобы зайти со стороны сада. Уже в дверях я обернулась к нему:

— Спасибо, что проводил.

Дарниэль придержал меня за локоть, пытливо заглянув в лицо:

— Зачем ты это сделала?

— Э-э-э? О чем именно речь? Помогла живому существу? Лечила? Избавила от боли? — искренне изумилась я непонятному для меня вопросу.

Дарниэль нетерпеливо мотнул головой и пояснил:

— Почему ты рисковала собой из-за кошки?

Мне стало его бесконечно жаль, и я попыталась объяснить:

— Потому, что хуже сердечной недостаточности может быть только недостаток сердечности. Когда могут без вреда для себя бескорыстно помочь — помогают и не смотрят, кто перед тобой: человек или зверь. Состраданию научиться нельзя. Оно либо есть, или его нет. И знаешь... — Помолчала и продолжила, собравшись с мыслями: — Мне жаль существо, лишенное чувств. Это кукла, безжизненный манекен, говорящая марионетка. Извини, я устала. Спокойной ночи.

Уже на пороге меня остановил вопрос Повелителя:

— Как тебя зовут?

— Только не ври, что тебе не доложили, — ухмыльнулась я.

Надо же, мы умеем смущаться. Какая прелесть!

— Доложили, — согласился друу. — Но мне бы хотелось услышать от тебя лично.

Пока он выкручивался из щекотливой ситуации, я рассматривала свое новое приобретение и поняла внезапно, какая мысль не давала мне покоя весь день. Не выдержав, заржала громко и залиvisto, от души. Стояла уставшая, измазанная чужой кровью и смеялась, еле выдавив из себя:

— Зовите меня просто Мэри Сью.

Увидев на лице мужа откровенное непонимание, смешанное с немалой дозой нехорошего удивления, все же нашла силы извиниться:

— Извини. Фольклор моего мира в голову пришел. Мое имя Эрика, можно Рика. Я удовлетворила твое любопытство? — Дождавшись кивка, добавила: — А теперь прости, я хочу уйти, мне еще каргаала мыть. Спокойной ночи. — И с наслаждением захлопнула дверь, оставляя его за порогом.

Глава 10

Источник нашей мудрости — наш опыт. Источник нашего опыта — наша глупость.

Дарниэль, Повелитель дроу

Утро началось как обычно, с медитации. Легкий завтрак. Утренний доклад по свежим событиям. Потом разминка.

Я вместе с охотничьей командой погонял по лесу, потом дополнительно устроил им веселенький забег со мной наперегонки. Потом мы все дружной командой добрались до моей любимой поляны. Там выставили егерей-часовых — хоть у нас перемирие, но враг не дремлет, мне только новых покушений для полноты удовольствий не хватало. На поляне мы начали серьезную подготовку согласно полному воинскому канону. Гимнастика, силовые упражнения, прыжки, лазанье по деревьям. По правилам, сегодняшний день был посвящен у нас упражнениям на выносливость.

Затем немножко поборолись на соломенных матах. Я с удовольствием отметил, что не потерял сноровки, ребята летали в разные стороны, будто птички.

Потом мой личный учитель фехтования и два помощника погоняли меня с саблями. Затем боевой посох, метание ножей и чакр в мишень. Закончили тренировку растяжкой. И опять бег, на этот раз уже домой. Купался я перед обедом с несказанным наслаждением. Приподнятое настроение несколько подпортила необходимость судействовать в тронном зале. К счастью, сегодня тяжб было совсем немного. Повторный доклад разведки, терпеливо выслушал бред своих аналитиков — и... ура, обед! Вольтижировкой буду заниматься завтра.

За едой мои мысли неизменно возвращались к жене. Она сумела надолго захватить мое внимание — чудо, которое столетиями не удавалось ни одной красавице темноэльфийского двора, известного во всех сторонах света прекрасными женщинами... Естественно, я не собирался этого показывать, не желая развращать Эрику заботой или дать возможность шантажировать явной к ней слабостью.

Вообще-то я совершенно не планировал сегодня навещать свою супругу. Наоборот, в планах у меня значилось дать ей время осмотреться и немного остыть. Пламенное супружеское общение с неизменными фаерами, прямо скажем, начало немного... хм... напрягать. Стал приходить к мысли, что с тем же успехом мог жениться на элементале огня или саламандре. Секса ровно столько же — то есть ноль, зато море огня со скандалами... И все же не выдержал и притаился в ее покои под невинным предлогом побеседовать о совместном будущем.

Да, меня тянет к жене, признаю. Неизвестно, правда, по какой именно причине. Задумался... Нет. Вроде опоить меня никаким приворотами не могли, любовную магию я стараюсь держать под контролем, всегда хожу увешанный амулетами, будто майское дерево: все-таки наши темноэльфийские дамы — существа жутко коварные, им палец в рот не клади, а менталист из меня аховый, могу и просмотреть.

Манвэлиэль тихонько доложила: после обеда жена читает. Вошел к ней, сделав стражам знак не шуметь. Девчонка с комфортом расположилась на ковре и болтала босыми ногами, увлеченно впившись глазами в строчки толстого фолианта и делая по ходу чтения какие-то заметки. Интересно, откуда у нее эта книга? Присмотрелся к талмуду на подставке: «Мифы и сказки народов мира». Не понял, это чье же авторства? Кого-кого? Разглядел внимательно... драконов? И кто ж ей подсунул этот раритет из моих личных запасников, неужели Манвэлиэль? Весело.

Мысли прыгнули в сторону, привлеченные нескромной одеждой.

Каждый раз, когда я вижу мою половину, она как-то чудно одета: все либо облегает, либо вообще открывает. Невозможно определиться... с одной стороны, все прикрыто, с другой — почти голая. К моему стыду, приличной одеждой ее наряды назвать во дворце ни один самый раскрепощенный модник не осмелится. А вот эльфийку, похоже, ее неглиже не смущает. Она ведет себя вполне естественно, будто (я невольно хмыкнул)... будто в ее мире одеваться именно так и принято. Занятный мир. Хотелось бы хоть раз побывать...

Мне, безусловно, нравятся ее наряды, даже очень. Они ласкают взгляд лаконичностью и законченностью форм... Но! Только. Наедине. Я постарался отвлечься и сосредоточиться. Что она пытается там вычитать, моя... Это слово любой дроу выговаривал только после длительной тренировки. Слово из архаичного староэльфийского языка употреблялось исключительно в ритуалах и означало «любимая навеки». Даже это в книжке есть? Занятная у нее книга, надо и самому перечитать. Хм, любопытно, я еще не утратил навык? И произнес это слово вслух. Ух как она подпрыгнула.

Стояла, смотрела настороженно, ждала. Улыбнулся, стараясь успокоить, но не удержался от сарказма. После толики насмешки у нее сразу вышли наружу коготки, и жена в ответ огрызнулась.

Так забавно, когда Эрика пытается показать остренькие зубки. Бедная девочка, куда ей до меня, закаленного столетиями дворцовых интриг. О, глазенки засверкали! Явно собралась новую пакость отмочить. Удивительно, но сумела справиться, взяла себя в руки и съехидничала. Я ухмыльнулся: где тебе за мной угнаться, маленький пушистый котенок с зелеными глазами!

По ее лицу увидел: слово за слово, опять будет скандал. Я не собирался терять драгоценное время в бесконечных спорах и предложил на выбор экскурсию по замку или прогулку по саду. Внимательно наблюдая за реакцией девушки, заметил, как у нее выражение недоверия сменили изумление и радость. Проследив за ее внутренними колебаниями, приятно поразился выбору.

— Я осмотрела замок...

Да-да. Припоминаю. Уж осмотрела так осмотрела: моя любовница до сих пор на грани заикания. Бедолага с вечера укладывает вздыбленные волосы и капает успокоительное, а придворные вообще в шоке. Впрочем, меня скорее волновало в данный момент не состояние любовницы, а внешний вид жены. Не стоит давать челяди еще больше поводов для сплетен, потому я указал на приличия, мягко попросив переодеться. А фраза: «И что же вам не приглянулось в моем виде?» — меня и вовсе позабавила. Глупенькая, мне-то как раз все приглянулось, и я бы даже нашел нам двоим куда более интересное занятие, нежели простая прогулка. С превеликим удовольствием. О чем честно ей сообщил.

Она постаралась вложить в убийственный взгляд все нелицеприятные мысли по поводу одного недалекого мужа. Вволю высказавшись, супруга величественно проследовала в свою ванную.

Я ей совсем неприятен? Неужели старею? Чуть не расхохотался.

Эрика вернулась, одетая по всем канонам придворного этикета. Платье зеленого шелка легло до самого пола, длинные рукава, полукруглое декольте чуть-чуть приоткрыло шею. Но почему до сих пор мне кажется, что она не одета? Оглядев ее с ног до головы, попытался удержать предательское воображение.

Я вел Эрику в сад через внутреннюю систему ходов и старался выудить хоть какую-то важную информацию. По пути меня бесконечно развлекли девичьи увертки. Дошли до зверинца. Я стал рассказывать о животных. Вскоре мы подошли к клетке, стоявшей отдельно от всех, и эльфийка поинтересовалась:

— А там кто?

Я начал посвящать ее в подробности разведения каргаалов, но вдруг произошло необъяснимое. Зверь поднял голову и посмотрел на Эрику желтыми глазищами. Они мгновенно разглядели друг друга, потом Эрика пошатнулась и стремительно бросилась в клетку.

Я растерялся и не успел жену остановить. Богиня милосердная, да я даже предположить не мог такого! На глазах закипали злые слезы. О боги! Сейчас Эрика умрет, и я ничего не успею сделать! Абсолютно ничего! С каргаалом шутки плохи, они прирожденные убийцы! Одни отравленные когти чего стоят. А магией диких котов не взять, они ей неподвластны. Хотелось биться головой о стены.

Зарычав, топнул ногой: я же не на войну шел! Свои ядовитые и парализующие дротики, метательные звезды и боевую саблю, как на грех, оставил в оружейной. На мне только укороченная придворная шпага, она зверя в клетке не достанет, а даже если достанет — с одного удара не убьет. Пока по моему вызову сюда набегут пикинеры и стрелки, жизнь супруги будет кончена. Стоял, кусая губы, и глотал злые слезы, ощущая давным-давно забытые чувства: панику, страх, безысходность. Мне оставалось лишь наблюдать и молить богов о снисхождении к этой безрассудной дуручке. Додуматься без маски и перчаток лечить дикого каргаала... Руки тряслись, а в голове стучала мысль: «Вот только выйди живой! Сам убью! Только выйди живой!!!»

Внезапно раздался просящий тихий голос:

— Дар, ты посветить можешь?

Молча зажег свечечку и услышал в ответ благодарность. Лучше бы вместо «спасибо» она сама вышла наружу и прекратила терзать мои нервы. Почему так долго возится?

Вроде бы все. Слава богам! Но тут белая кошка вцепилась зубами и здоровой лапой в ее подол. Уходи оттуда, ненормальная! Нагнулась, гладит по голове, о чем-то говорит, и кошка с трудом встает на лапы. Боги! За что мне это? Она берет хищника с собой!

Я испытал невероятное облегчение, когда они вышли из клетки и эта несносная девчонка попросила отвести их обратно. Подошел поближе. У меня руки чесались стрести ее за шиворот и трясти до тех пор, пока зубами не начнет стучать. Ее выходка стоила мне десяти лет жизни. Еще... захотелось посмотреть жене прямо в глаза.

Вокруг глаз Эрики залегли тени усталости, но в них не было страха. Девочка, я преклоняюсь перед тобой! Ты сделала то, на что никто другой бы не отважился! Впрочем, я не собирался демонстрировать обуревающие меня чувства, поэтому развернулся и пошел впереди, изредка оглядываясь.

У своих дверей жена вновь поблагодарила и собралась уходить, но мне необходимо было спросить — причины ее поступка для меня непонятны. Я придержал эльфийку за хрупкий локоток и задал вопрос. Вместо ответа получил ряд новых вопросов. Неужели она не понимает? Я постарался сформулировать вопрос более точно, но опять услышал не то литературный бред, не то философствование.

А это «Зовите меня просто Мэри Сью» вообще ни в какие рамки не лезло. Кто-кто?.. У девушки стресс? Шок? Она употребляет наркотики? Заглянул — нет, зрачки нормальные. Слава богам, все в порядке.

— Извини. Фольклор моего мира в голову пришел. Мое имя Эрика, можно Рика. Я удовлетворила твое любопытство? А теперь прости, я хочу уйти, мне еще каргаала мыть. Спокойной ночи.

И тебе спокойной ночи, милая. Хорошо, что ты никогда не узнаешь, как неправда, обвиняя меня в отсутствии чувств. Я ведь не каменный вовсе. Сегодня я испугался первый раз в своей взрослой жизни. Испугался за тебя.

С тяжким вздохом ушел в пыточную. Лучший способ излить злость и раздражение в нормальное рабочее русло... А к ночи устану и напьюсь, должно полегчать.

Глава 11

Как бы плохо мужчина ни думал о женщинах, любая женщина думает о них еще хуже.

Эрика

— А-А-А-А!!!

— Блин, за фигом так орать с раннего утра? — Я приоткрыла один глаз. — Ну точно, Маша с каргаалом познакомилась. Только почему так громко? Упс! А как она на шкаф залезла? И кто ее оттуда снимать будет? — Я окончательно проснулась, села на постели и меланхолично осведомилась: — Маш, ты чего так верещишь? В хор имени Пятницкого тренируешься?

— Это... это... это же... — От испуга девушка не могла связать двух слов.

Пришлось прийти ей на помощь:

— Да, это каргаал. Злобный. Ядовитый. Чем он там еще опасен... зубы по утрам не чистит... Но она у нас вполне приличная девочка и тебя не тронет, если перестанешь мучить наши уши своими воплями. — Я развернулась к кошке, лежащей в ногах, и уточнила: — Правда, сестренка, не тронешь?

Кошка лениво повернула голову и, чуть прищурившись, посмотрела мне в глаза. Презрительный взгляд говорил: «Я двуногими травоядными не питаюсь!»

Назревал все тот же насущный вопрос:

— Как же тебя назвать?

Но тут как подсказка в голове отчетливо отпечаталось: «Сильван». Хм, интересное имя. Я уточнила:

— Тебя зовут Сильван?

Опровержения не последовало.

Пробормотав:

— Вот и чудесно! — я слезла с кровати и пошлепала к шкафу. Отозвала кошку, без конца уговаривая компаньонку: — Маш, слезай, я есть хочу!

— Не могу, — призналась она с несчастным видом.

— Что значит не можешь? Боишься? Горе ты мое! Сейчас, подожди. — Я подошла к входной двери и, открыв, обзрела стражу. — Ух ты, у нас новенькие! Красавчики! Стоят не шелохнутся, только как-то странно дергаются. Нервные какие... лечиться надо. — Мне надоело рассматривать похожих, словно близнецы, молодых воинов, и я приступила к делу: — Мальчики, нужна грубая мужская сила. Срочно!

Моя просьба вызвала почему-то исключительно противоестественную реакцию: какие-то они стали бледненькие, глазки подозрительно помутнели и забегали, словно у моего первого мужа при просмотре порно. Это они о чем подумали? Тут до меня и доперло, что они поняли под «мужской силой». Тьфу, прости господи! Эти мужики... хоть там, хоть тут — везде одинаковы. Только дай, обязательно опошлят мероприятие. Да ну вас! Почему, ну почему в этом плане все они мыслят по шаблону? Из одной заготовки отливали? Мартен некондиционный попался? Пришлось разжевать более подробно:

— Девушку нужно со шкафа снять. Она каргаала увидела и со страху туда залезла, а слезть боится. Поможете?

И что я такого сказала? Дурдом на проводе! Нет, ну как мужик может в обморок упасть? Не кормили? Корсет тугой попался? Женские духи под нос воняют? Что мне с ними, болезными, теперь делать? Веером помахать? В медчасть отнести? Счас. Я на биодроида похожа? А бросить совесть не позволяет. Второй вон по стенке ползет, того и гляди рядом устроится. Лазарет, блин. А в книжке-то понаписали: «Жестокие, свирепые,

безжалостные». Ага, буду теперь знать: все писаки — брехуны проклятые, врут, как дышат! На самом деле мужики-дрои — психованные, слабонервные, ранимые и легковозбудимые! Где же вы, brutальные мачо с лиловыми глазами? Ау-у-у!

Делать нечего, будем приводить в чувство. Я материализовала нашатырь и сунула под нос самому чувствительному. Парнишка подпрыгнул и начал шустро отползать, глядя на меня расширенными глазами. Его ужимки вызвали у меня немалое удивление.

— Что ж ты скачешь, как кузнечик? Знаю, не розами пахнет, а ты что хотел? Чтоб я тебя ароматическими солями в чувство приводила? Духами поливала? Хотя у вас тут духи... куда там моей медицине! Похлеще нашатыря будут! Так, сейчас по наперстку валерьянки сообразим... — перенесла я свое внимание на еще более побледневшего второго дрои.

Тот все же нашел в себе силы откровенно спросить, поблескивая темными, будто сливы, глазами:

— Ваше величество, зачем вы с нами возитесь? Не к лицу вам с падалью возиться и марать свои лилейные руки.

Я хмыкнула:

— А я должна вас на полу бросить? Мне такие экстравагантные украшения перед дверями не нужны. Захламляют помещение и доступ к выходу, пожарная безопасность не одобрит. Разве что вы полы хорошенько собой вытрете. Но тут я сомневаюсь, действие требует сноровки. Опять-таки бедного раненого зверя нервируете...

Стражник меня просветил:

— Лучше отдайте вашему каргаалу на растерзание, нас ведь все равно казнят. Есть еще малый шанс, что в тюрьму посадят или на рудники сошлют... в зависимости от настроения Повелителя. Но тогда мы будем как величайшего снисхождения просить у вас казни. Она милосерднее.

— Э?... — Шиза полная! Я обалдело хлопала глазами, переводя взгляд с одного на другого. — За что?

— Мы не выполнили свой долг и выказали слабость, — покаялся тот, что казался нервами покрепче.

И опустился на одно колено, делая этакий жест правой рукой. Вроде как ударял себя кулаком по левой стороне груди. А потом изящно застыл в такой позе, склонив голову и опустив глаза. Нет, я не Повелительница, скорее балетмейстер погорелого театра! Скоро взвою.

Ой как все запущено! Мозгами можно тронуться! Что за порядки такие дикие? Как они тут выживают? Прости меня господи, вот же садист мне в мужья достался! Делать нечего, придется спасать ребятешек. Ни за что ведь пропадут.

— Как тебя зовут? — поинтересовалась я у него.

— Ниэль, ваше величество.

— Слушай, Ниэль, во-первых, прекрати мне «великаться». Меня зовут Эрика. Во-вторых, ничего страшного не произошло. Вы немедля хряпнете по валерьяночке и заново у двери живчиками построитесь. Лады?

Вау, какие у нас большие глазенки! От неожиданности мальчишка аж заикаться начал:

— Но... как же... Повелитель...

— Да фиг с ним, мы ему не скажем. — Я состроила дрои невинные глазки. — Пусть это останется между нами, красавчик.

Нет, все-таки я стерва... но добрая и отзывчивая. А что? Всем известно, сама себя не похвалишь, никто тебя не заметит. Мне надоело воспитывать подрастающее поколение,

да и Повелитель мог нарисоваться в любую минуту, испытывая к моей персоне нездоровый интерес. Поэтому я скомандовала:

— Все, ребяташки, подбирайте челюсти с пола, приводите себя в порядок, а я пошла. Мне еще Машу снимать нужно... со шкафа.

В дверях меня догнал вопрос:

— А у вас там правда каргаал?

— Я просила на «ты». Правда, — ответила, направляясь обратно в комнату, и уже закрывала дверь, когда услышала:

— Спасибо... Эрика.

— Вот так-то лучше, мальчики. — Высунув нос наружу, я одарила их широкой ободряющей улыбкой. — Не трусьте, прорвемся!

Пять минут спустя. Долгие и бесплодные переговоры между мной и компаньонкой:

— Маш, слезай. Ампельное растение на моем шкафу из тебя не получится. Дизайн не тот, — (в ответ глухие рыдания), — и воды не напасешься. — (Громкий, надрывный рев.) — Маш, ты что, там жить собралась?

— Я бою-у-усь!

— Когда туда лезла, не боялась? Да здесь невысоко! Всего-то метра четыре... наверное.

— Это случайно вышло! Я испугалась!

И что мне с дурехой делать? Испугалась... А если?..

Подбоченившись, строго прикрикнула на Машу:

— Если ты сей момент не слезешь, я пожалуюсь Повелителю!

С перепугу девушка мгновенно спрыгнула и заплакала. У меня уже мозги превратились в кашу.

— Чего ты реवेशь? Опять боишься? Кого? Повелителя?..

Ой, блин, кошмар на улице Вязов. Еще одна слабонервная на мою несчастную голову. Как могла, попыталась ее успокоить:

— Маша, да не скажу я ему ничего, успокойся. Мне же нужно было тебя оттуда снять. Или ты там решила гнездо свить, птычка? На, выпей валерьянки, успокойся. Пошли завтракать.

Кое-как уняв слезы и выпроводив Машу, я отправилась в сад. Сильван пыталась ко мне пристроиться, но на трех лапах далеко не уйдешь, и она осталась. После всех утренних происшествий я сбежала в лес, и мы с Громом опять поехали на озеро.

Есть же примета: как день начнется, так он и закончится. Чистая правда! На себе проверила!

Я вдоволь наплавалась и вылезла на берег обсохнуть. Огляделась вокруг и в который раз восхитилась красотой местной природы. Особенно меня поразили местные цветы. Подобного буйства красок и разнообразия оттенков мне встречать еще не приходилось. Пройдясь по поляне, нарвала себе внушительный букет и вспомнила чудесную детскую пору. Сколько лет прошло с того времени, когда я беззаботно плела себе венки? Уже и не вспомнить. Да и считать не хотелось.

М-да, время прошло, а руки все помнят. Покрутив машинально сплетенный веночек, недолго думая водрузила себе на голову. И впала в детство... Мне захотелось стать хотя бы ненадолго той маленькой беззаботной девочкой, глядящей на мир широко открытыми глазами. И чтобы самым большим разочарованием в моей жизни был отказ мамы купить мороженое. Но, к сожалению, все это осталось в другой жизни.

Разочарованно вздохнув, нахлобучила венок на голову Грому, проявляющему громадное любопытство к моему художественному промыслу. Протестовать он не стал. Лишь отошел подальше на приличное расстояние, а потом и вовсе скрылся из виду. Испугался, видимо, моих дизайнерских способностей. Да и бог с ним. Надо Маше тоже принести. Пусть порадуется. Наверное...

Сидела я себе спокойно белым лебедем, никого не трогала, никому не мешала. Занималась составлением икебаны. Заметьте — молча занималась.

И вдруг на полянке появился Дарниэль. Он улыбался, но синие глаза смотрели печально. Вот гад, нарисовался — не сотрешь. Стоял и смотрел, а взгляд неуволимо менялся. Кто бы знал, как мне тот взгляд не понравился! Жуть какая! В глазах — все казни египетские. Что он мне напомнил? А! Корриду видели? Помните, как там бык на матадора смотрит? Во-во, очень похоже. Сейчас пар из ноздрей пойдет. Как-то мне не по себе стало. Линять надо.

Поздно. Началось. Торро, торро!

Повелитель быстрым шагом пересек поляну и навис надо мной с воплем:

— Почему? Ты? Голая?!

Смотри-ка, мы снова на «ты» перешли. Как быстро слетает шелуха воспитания с мужчины при виде полуобнаженной женщины. Особенно если он купальников в глаза не видел. Пришлось его просвещать, и я объяснила абсолютно спокойным тоном:

— Глаза разуй. Я в купальнике. Это одежда для купания.

Нервный Повелитель расширять запас познаний не пожелал и заорал дальше:

— Где ты одежду увидела?! Прикройся немедленно!!!

Настала моя очередь злиться. Я высказалась:

— И не подумаю! Я еще не высохла!

Выпад мой не подействовал. Дарниэль завопил еще громче:

— Или ты оденешься немедленно, или я тебя прямо здесь изнасилую!

Смотрела, и вполне верилось. Этот сможет! Родненький, я ж в принципе не против, но не с моим бабским счастьем! Ненадолго задумалась: «А мне экстремальный секс нужен или нет? Хочу я этого запыленного мачо с пирсингованными ушами прям здесь и сейчас? Или подождем у моря погоды?»

Пожалуй, все-таки нет. Кто ж его знает, он справку насчет СПИДа и сифилиса из компетентных источников не предоставлял. Решив не доводить дело до обещанного мне исполнения прямо здесь супружеского долга, начала одеваться. А у этого ушастого искры из глаз летят, пар из ноздрей вырывается. Нет, это не супружеский долг, это прям осенний призыв какой-то: «Ать-два, встань в строй!»

Натягивала я на мокрое тело одежду, мысленно проклиная мужскую природу, и вдруг плавно очутилась у него за спиной, а Повелитель вытащил какую-то железяку и начал отрабатывать с ней статику. У него что, на тренировки без меня времени мало было? С утраца не набегался еще? Ой, какой ножичек клевый! О-острый, должно быть. А что он им шинковать собрался, ась?

Моего коняшку?! На колбасу?! Не дам! Мо-ое!

Я безотлагательно вылезла вперед и возмутилась творимым произволом:

— Сбрэндил на почве секса?! Ты на кой ляд к моему коню свои загребущие ручонки тянешь?

Дроу настойчиво старался запихать меня обратно за спину, соизволив при этом объяснить причину своих действий:

— Конь? Ты сумасшедшая! Это демон!

— Да-а-а? Никогда бы не подумала! Какая порода интересная... — удивилась я, упорно не желая оказываться за его широкой спиной. — Подумаешь, демон! Зато красивый.

Разъярившись до предела, Дарниэль попытался меня напугать:

— Он плотоядный!

— Ты тоже не вегетарианец, — хмыкнула я.

— Он опасен! — не оставил попыток муж.

— А ты? Тоже небось, мой миленький, не на хуторе бабочек всю жизнь ловил! — парировала я. — Вон и скальпель вполне прилично держишь. Тебе только дай волю, патологоанатом-вредитель, мигом пустишь в ход свою бензопилу «Дружба», и я без лошадки останусь. А коня гробить не дам!

В ход пошла тяжелая артиллерия:

— Я тебе приказываю!

— Да кто ты такой, чтобы мне приказывать?! — замкнуло меня. — Не хватало, чтобы каждый заваливающий мужик мне приказывал. Вот еще... Не ты первый, не ты последний. Поприказываешь и отстанешь.

Тут я заметила невдалеке странного мужика, одетого во все черное. Он стоял за деревом и смотрел на моих драчунов — коня и дроу — с непонятным выражением в черных, словно беззвездное небо, глазах. И взгляд у него был уверенный и властный, с легким флером презрения, будто Дарниэль ему уж точно не ровня.

Мне незамедлительно напомнили:

— Я твой муж!

— Это тоже ненадолго, — вполне миролюбиво утешила его.

— Я твой первый и последний муж! — отрезал он.

— Да ты что! Докажи! — восхитилась я аргументом и сообщила: — Это не довод!

По-моему, я чуть-чуть переборщила. Этот Отелло местного производства схватил меня за руку, перед глазами все поплыло, и мы оказались в моей комнате. Повелитель в крайней степени ярости стиснул мне кисть до синяков, и я закричала:

— Отпусти руку! Больно!

На мой крик отреагировала Сильван. Она неловко поднялась, припала на передние лапы и зарычала. Вот только сцен из поэмы Шота Руставели мне здесь не хватало: «Рассердился я на зверя. И метнул копьё стальное. Лев упал, копьём пронзенный, и пополз, протяжно воя. Я мечом его ударил. И рассек его с размаха. Рухнул мертвый зверь на камни, поднимая груды праха». Поэтому встала между ними, но обратилась к кошке:

— Спокойно, сестренка, он уже уходит. — И задала с нажимом вопрос уже Повелителю: — Ведь так? Кстати, супруг, кто был тот мужик, который во всем черном под деревом стоял и наблюдал за нами?

— Мужик? опиши его.

— Ну... такой... во всем черном. На груди еще красная вышивка... знак бесконечности, — я нарисовала пальцем в воздухе, — перечеркнутый не то мечом, не то косой...

Мне показалось или дроу вздрогнул?

— Что еще у него было?

— Если не ошибаюсь, на боку перевязь со шпагой. Обе ярко-алого цвета. Да, и на ногах у мужика красные сапоги.

Супруг резко оборвал:

— Тебе почудилось. Там никого не было!

Дар с каменным выражением физиономии молча изучал мое лицо. Приняв какое-то решение, начал говорить размеренно-холодным тоном, как будто заколачивал гвозди в крышку моего гроба:

— Запомни! Здесь Повелитель Я! В моей воле казнить или миловать. Жизни моих подданных в моих руках, в том числе и твоя. Я буду решать, что и как тебе делать!

Я не ошиблась, то был гроб моей свободы и моих надежд на взаимопонимание. Он взял меня за подбородок и посмотрел в глаза:

— Ты поняла? Ты ничто и никто здесь! Я твой господин!

«Помечтай, родимый!»

Он продолжил:

— Сегодня вечером бал. Ты должна присутствовать и выглядеть соответственно своему статусу.

«Будет тебе статус, огребешь и не унесешь!»

— Повелитель, Повелитель! — На порог вломились незнакомые воины. — На нас только что напали!

— Кто? — по-деловому спросил Дарниэль, властно протягивая руку, чтобы принять у воина длинный клинок в ножнах.

— Демоны!

— Сахраташ махавыгыррр! — Он надел толстые кожаные перчатки и перецепил оружие, отдавая мелкому пареньку, наверное — оруженосцу, свой второй, более укороченный и нарядный экземпляр, которым он пугал моего коня. Закончив, Дарниэль развернулся и пошел к выходу.

Мои губы прошептали помимо воли:

— Ты пожалеешь об этом.

Он не дрогнул. Сказал на ходу, не оборачиваясь, жестко и надменно:

— Я так не думаю!

С треском захлопнулась дверь. Это конец!

Если раньше в глубине души тлела крохотная искорка надежды, что мы сможем договориться и, возможно, найдем какой-то выход из сложившейся ситуации, то сейчас не осталось ничего. Почему мне так плохо? Я тонула в его словах, как в нечистотах. Он искупал меня в этом месиве. И это мелкое самолюбивое чудовище мне навязывают в мужья? Хрен тебе! Сокол с вороном не дружит.

Села на свое любимое место у окна и закурила. Хорошо, ты сам это выбрал... господин! Я буду выглядеть «соответственно своему статусу»! Не знаю, сколько времени просидела, глядя на Сильван, пуская белые колечки дыма и размышляя. Наверное, много, потому что уже стемнело, и Маша нашла меня в полной темноте. Она остановилась рядом, глянула на пепельницу, полную окурков, на нетронутую еду и, погладив по плечу, сообщила:

— На дворец было совершено нападение. Демоны. Говорят, в набеге участвовали только молодые и неопытные, но зато их налетело немало. Повелитель легко ранен. Бал переносится на несколько дней.

— Ну раз наш Повелитель такой молодец и не дал себя прикончить... почему бы господина не порадовать? Маш, ты мне поможешь с новым нарядом и кое-чем другим? — с надеждой взглядела я в ее глаза. И с улыбкой честно добавила: — Это просьба, не приказ. Неволить не буду. И втягивать в неприятности тоже не хотелось бы.

— Да, — ответила девушка, не отводя взгляда. — Я умею неплохо шить, отлично плету кружева и очень хорошо вышиваю карелинской гладью и эльфийским столбиком.

— Спасибо! Но это не требуется. Мне нужно...

Я объяснила, что хочу, и мы приступили. Подготовка заняла какое-то время и требовала определенной сноровки. Мы тренировались.

И вот наконец финальная стадия. Говорят: «Окончен бал, погасли свечи», — а у нас все наоборот, бал только начинался. А с ним приближались огромные неприятности, потому что я буду не я, если позволю кому бы то ни было обратить себя в вещь.

Когда Маша подводила мне глаза, я заметила, как дрожат ее руки.

— Ты боишься?

— Он убьет меня потом за это, — призналась компаньонка.

Спрятав тревогу, я попыталась отвлечь ее:

— Пусть только попробует! Я его на ленточки порежу и макраме сплету. Будешь иметь эксклюзивное украшение на стену. Экскурсии водить. Прославишься!

Девушка всхлипнула и зажала рот, потом, немного отойдя, опустила руки и сказала:

— Не надо. Меня некому оплакивать. У меня, кроме тебя, никого нет. Спасай свою жизнь. Повелитель может быть очень жестоким.

Взяв ее за руки, тихо, но твердо ознакомила Машу со своим мнением:

— Маша, я не боюсь его. Презираю, может быть, ненавижу, но не боюсь. Мне нечего терять. Мою жизнь уже исковеркали. Ты, наверно, уже поняла, что я не Эланиэль? — Дождавшись кивка в ответ, продолжила: — Меня лишили всего дорогого и важного в жизни каждой женщины — имени, семьи, мира. Здесь я тень, туман, фикция. Пыль в глазах одного коронованного петушка со шпорами. Живу я или сгинула — без особой разницы. Так получилось, что теперь ты и Сильван стали моей семьей, ближе вас у меня никого здесь нет. И я буду бороться за вас до последнего вздоха, до последней капли крови. Это не обсуждается. Понятно?

Маша долго смотрела мне в глаза, потом погладила по щеке:

— Да благословит и защитит тебя богиня! Нам пора!

Она накинула мне на плечи плащ, поправила капюшон, и мы вышли. Маша вела меня по длинному извилистому коридору, а сзади шли мои стражи. Около больших дверей мы остановились, и я спросила:

— Маша, ты помнишь, что делать? Хорошо. Тогда я готова.

Двери распахнулись, и глашатай возвестил:

— Повелительница Эланиэль!

Путь по дорожке к трону, на котором сидел навязанный мне королек, мой обидчик и противник, тянулся бесконечно. Что я чувствовала? Трудно объяснить. Вероятно, это была гремучая смесь из обиды, желания наказать и озорства. Меня трясло от возбуждения. То было нечто среднее между восторгом и истерикой. Я остановилась, не доходя до Повелителя несколько метров, и склонилась в поклоне. Раздался его высокомерный бездушный голос:

— Почему вы так странно выглядите, ваше величество?

Выпрямившись, остановила нежный взгляд на лице Дарниэля.

— Я бы хотела сделать вам подарок.

«Ну погоди, родной! Сейчас узнаешь наших! Думаешь, глазками посверкаешь, железками ржавыми с наручниками вкуче погромыхаешь — и дело в шляпе? Все затряслись осиновым листком и пали ниц? А фиг те! Ты у меня щас получишь — припомню тебе и угнетенных женщин Латинской Америки, и наших послевоенных баб. Наши женщины что бархат поверх стали — кажется, и мягкий, и по телу ложится... ан нет! Ножницами не покроешь, не затупив. Взять душу, не отдав свою, — не выйдет. Мы тебе не фигли-мигли с вышитыми платочками. Мы — сила!»

Его глаза сверкнули гневом, губы плотно сжались, на скулах заходили желваки. Еле сдерживался... бедолага.

— Почему вы решили преподнести мне сюрприз?

По моим губам скользнула холодная усмешка, и я донесла до него причину:

— Вы настолько доходчиво объяснили мне мое положение и мой статус здесь, что я решила проникнуться и отблагодарить вас. Вы позволите?

— Да, — камнем в мутное, вонючее болото упало барское позволение.

— Благодарю вас... мой господи-ин. — Еле сдержалась, чтоб не хихикнуть.

На слове «господин» скинула плащ. Зазвучала музыка, и я начала свой танец. По залу прокатилась волна удивления. Мне было все равно. Я видела, как в его глазах одно чувство сменяло другое: гнев, ярость, растерянность, желание, беспомощность бурлили, словно пузырьки шампанского. Наслаждайся, мой господин, и будь ты проклят!

А потом танец увлек меня. Осталась только я и музыка. Я танцевала танец живота в костюме одалиски.

В ответ на знак — во мраке балагана расторгнуто кольцо сплетенных рук, и в ропоте восставших барабанов танцовщица вступила в страстный круг...

Музыка стихла, я застыла в финальном поклоне со словами:

— Вы довольны, мой господи-ин?

Не дождавшись ответа, выпрямилась, бесстрашно взглянув смерти в глаза. «Это да! Я и слабая, и хрупкая, и ранимая... да вот смотря в чем! В некоторых отношениях любого мужика за пояс заткну. И дрессировать не хуже тебя умею. А может, и получше». Борьба взглядов — листва против неба, спокойствие против ярости.

Дарниэль справился с собой и протянул лениво и скучающе:

— Ну что же, вы подарили нам прекрасное зрелище, истинно усладу для глаз. А чем вы можете потешить наш слух?

— Все, что прикажет мой господин, — ответила я с издевкой, опять склоняясь в поклоне.

И дождалась.

— Прикажет. Приступайте! Я жду.

Я выпрямилась, вытянулась в струну, и под сводами поплыла «Ave Maria», окутывая чистой силой звука, проникая каждому в душу, никого не оставляя безучастным...

Когда стихла последняя нота, я развернулась и пошла к выходу. Маша накинула мне на плечи плащ, но мне было безразлично. Все свои чувства я оставила там, позади. И отдала им кусочек себя, кусочек своей души: на его месте сейчас была открытая рана. Как больно! Земля, муж, мой ребенок... Время! Мне нужно время...

Около двери Айлонор придержал меня за локоть, развернул к себе, вытирая слезы. Надо же, я и не заметила, что плакала.

— Не плачь, маленькая, все будет хорошо, — гладил меня по волосам мужчина.

Я подняла на него глаза и спросила:

— Ты зайдешь? Выпей со мной. Я хочу сегодня напиться и петь. Хочешь, спою для вас?

— Ты же знаешь, я не могу — долг. Если желаешь, то не закрывай дверь. Это честь для нас — слышать твои песни, — ответил страж.

— Хорошо, пусть будет так, — согласилась я, не имея сил спорить.

Взяла местную гитару, а Маша разлила вино по бокалам. Я пила и пела, пела и пила. Слезы горькими алмазами катились по моим щекам.

Когда был страшный мрак кругом
И гас рассудок мой, казалось,
Когда надежда мне являлась
Далеким, бледным огоньком;
Когда готов был изнемочь
Я в битве долгой и упорной,
И, клевете внимая черной,
Все от меня бежали прочь...

Последний аккорд, последний глоток, и крик, сорвавшийся с моих губ, растворился в ночи: — Я ненавижу тебя, Дарниэль!

Глава 12

Бывают такие секунды, когда всё решают минуты. И длится это часами.

Дарниэль, Повелитель дроу

После трех часов ранней вольтижировки, когда я так и не дождался супруги с повторным визитом (весьма желательным), некоторое время упорно занимался самообманом, приводя внутренние доводы (замечу, довольно смехотворные!), зачем мне срочно понадобилось увидеть свою жену. Тоже мне, хитрец нашелся!

Нет уж. Пусть она занимается чулочками-платочками, а я... чуть не сказал «буду ее медленно раздевать...». Ага, кот — любитель мелиссы выискался. И это семисотлетний зрелый дроу... какой стыд! Подсел на пришлую девчонку, как пьяница на выпивку... мерзость.

Я буду заниматься мужскими делами — ПОЛИТИКОЙ И ВОЙНОЙ. Решено. Если завтра опять пробьет на эротические фантазии и не смогу остановиться, отправлюсь на войну. Все равно у нас локальный конфликт с орками. Вот там и вылечусь от этой болезни, раз уж иначе никак.

Приняв решение, нехотя углубился в текущие дела и... да, опять ухватился за новый предлог, чтобы пойти к Эрике.

Решил сообщить жене лично, что вечером во дворце бал в ее честь. Что ж, предлог как предлог, не лучше и не хуже любого иного.

Странно, ни в комнате, ни в саду ее не оказалось. Я вышел за дверь и осведомился у стражи, но они заверили — госпожа не выходила. Да и кто б ее выпустил?

Где она может быть? Если срочно не найду супругу, велю повесить охрану и служанку, и ничье заступничество их не спасет. Не уследить за женой Повелителя!

— Стража, за мной! — Я постарался успокоиться и, взяв в руки ее вещь, настроился на Эрику.

Вдох-выдох, вдох-выдох. Пришло измененное состояние. Окружающий мир заискрился красками, окутался ярким сиянием аур, зазвенел туго натянутыми струнами вибраций. Я дышал быстрее, резче, соскальзывая в полутранс, который при желании легко можно сделать более глубоким боевым. Вдох-выдох, вдох-выдох, в голове отсчет на каждый десятый вдох.

Вот. Теперь я готов. Сомкнул веки и поплыл в море красок и звуков.

Каждое существо в нашем мире имеет свой энергетический след, или иначе — отпечаток. Это как запах, только след не пропадает гораздо дольше. С плотно закрытыми глазами я кружил по комнате, словно гончая на охоте, приседал, вращал головой, подпрыгивал. Нашел! Вот ее нить. Воины потрусили за мной, отставая на шаг.

Следуя по энергетической линии связи, я пронесся через сад и замер, уткнувшись в живую изгородь. След вел наружу. Я неверяще распахнул глаза и опустил ладони, ощущая ответную дрожь Матери-земли. Верно. Ненормальная перелезла под изгородью и умотала в лес. Моя. Жена. В лесу. Одна и без оружия. Стхалапышт дхаурнарр! Не зря говорят: «Умная женщина что лошадь говорящая — явление редкое и никому не нужное». Но от какого-то минимального количества ума под роскошной медовой шевелурой я бы не отказался! Хотя бы для ее же безопасности...

Меня затрясло. Она свихнулась? Неумелая магичка и невоин, безоружная, одна дернула в лес. Она же ничего не знает о нашем мире! В наших лесах водятся ядовитые змеи, оборотни и немалое количество сверхъестественных существ, о которых она даже не имеет представления!

Я пролез через кусты изгороди вместе с солдатами. Вскоре мы разделились. Более слабые следы, похожие на первый, уходили в разные концы леса. Пришлось отправить воинов туда, чтобы не потерять ни одно направление.

Я мчался по ее следу, сцепив зубы и ругаясь на всех языках мира. Если... нет, даже думать о таком не желаю — КОГДА эта дура найдется, закую в кандалы и посажу на месяц в темницу на хлеб и воду. Нет, привяжу к кровати. Мысли немедленно посетила картина обнаженной красавицы, привязанной к моей кровати! Агтрашт! Уйди, противная!

Только пусть будет живая! Прошу вас, боги, пусть будет живая! Я хочу ей сам шею свернуть, этой идиотке! Показательно!

Скрипнул зубами. Нет. Нельзя. Мне с нею еще детей делать.

Вдруг след вильнул, и я оказался на поляне. Эрика сидела на берегу озера, среди цветов, залитая солнечными лучами. Тонкая фигурка, окутанная облаком золотистых локонов, на них красовалась гирлянда, похожая на корону из цветов. Я застыл, любуюсь. Как она сейчас прекрасна! Эльфийка внезапно оглянулась и, увидев меня, нахмурилась и встала.

Я опешил, начиная понемногу звереть. Ну почему, боги, почему на ней каждый раз все меньше и меньше одежды? Разве эти три тряпочки со шнурками можно назвать надлежащим облачением? А если кто увидит? При мысли, что другой мужчина увидит мою жену голой, у меня потемнело в глазах. Рывкнул на нее в сердцах, указывая на отсутствие платья. Эрика изумленно распахнула глаза и выдала нелепое объяснение, мол, специальная одежда для купания. Одежда?! Звучит как издевка. Она меня с ума сведет! Я настаивал.

Девчонка спокойно выдержала мой рык и предприняла попытку сопротивляться. Мое терпение окончательно сдохло, оно умерло и похоронено! Я точно ее сейчас убью, и плевать на последствия! Нет, сначала поцелую, потом стребую весь супружеский долг за ушедшие полгода, а потом убью! Я поставил ее перед выбором:

— Или ты оденешься немедленно, или я тебя прямо здесь изнасилую!

Эльфийка внимательно посмотрела на меня, разумно оценила ситуацию и начала одеваться. Хм... а мои придворные дамы при подобной угрозе сняли бы последнее. Обидно. Похоже, она меня не оценила.

Додумать эту мысль не успел. Из-за кустов показался... демон во второй ипостаси. Астагрюк вратдан бхагатыр! Исключительно этого мне не хватало для полного комплекта неприятностей! Что ему нужно в моих владениях? Зачем пришел? Убивать?!

Сволочь, мало вы в приграничном городке народу вчера вырезали?!

Выругавшись и отшвырнув жену за спину, я вытащил укороченный дворцовый меч. Один на один с демоном я смогу выстоять какое-то время, но с ней за спиной будет непросто. Боги, дайте ей ума спрятаться, убежать и не мешаться под ногами! Я ждал нападения, приготовившись к бою, и вдруг эта психованная вылазит вперед и начинает толкать речь в защиту этой адской твари. Я бы, наверное, меньше обалдел, если бы меня по голове тяжелой гномьим молотом стукнули. Она издевается? Постепенно до меня дошло — она же, скорей всего, будучи иномирянкой, не понимает, с кем довелось на узкой дорожке встретиться и чем опасна эта встреча. В самом деле, откуда ей знать про демонов-убийц?.. Вкратце объясняя причины своего поступка, я снова попытался прикрыть глупенькую, но она активно воспротивилась.

Нет сил! Сейчас свихнусь окончательно и бесповоротно. Эта мелкая паразитка полюбовалась на демона и с неподдельным интересом заявила:

— Да-а-а? Никогда бы не подумала! Какая порода интересная...

Мы вдвоем с демоном посмотрели на нее как на малахольную и были в том солидарны.

— ...Подумаешь, демон!..

Убью, ей-ей, сейчас прикончу. Боги, заберите эту дуру куда-нибудь, ради ее же блага! Я ведь не железный! Еще немного, и загрызу одними зубами! Мало того, начнет демон ее убивать, сам ему охотно помогу. Верните мне мою бледную немочь, пусть только молчит!

— Он плотоядный! — взывал я к ее чувству самосохранения.

Думаете, испугалась? Как бы не так! Кинулась спорить:

— Ты тоже не вегетарианец.

Наше препирательство погнало на очередной круг, пока супруга не зашла слишком далеко — Повелительница посмела усомниться в моем праве на ее защиту. Меня захлестнуло мутной волной ярости: мало того что я держу в пределах видимости противника и постоянно жду нападения, так мерзавка еще и отвлекает на пустые споры. Однако, несмотря на холодное бешенство, я четко понимал, что мне нужен кто-то, способный меня удержать, иначе я прямо здесь ее убью или покалечу. Мелькнула последняя здравая мысль: «Каргаал». Значит, к ней в комнату. Я тайком сломал старинную печать. Очень надеюсь, что, пока я открываю телепорт, нападения не последует.

Все. Спасибо богам, мы в ее покоях. Опять... нет чтобы заткнуться и пять минут помолчать или признать свою вину и на коленях молить о прощении, девчонка принялась выдергивать руку и возмущаться.

Глаза застлала кровавая пелена. Все. Финал.

Но я правильно рассчитал, кто сможет мне помешать. Дикая кошка зарычала и приготовилась к прыжку. Эрика откровенно не понимала, что находилась на волосок от смерти.

Мою руку в тот миг удержало еще одно неприятное известие. Девушка совершенно между делом спросила, видел ли я стоящего рядом мужчину. А потом совершенно точно описала мне лик бога войны и смерти в средней ипостаси. Как мне понять желание бога? Это угроза? Обещание или предупреждение? Опять-таки пронизывающий холод, который я тоже там почувал, — близкой смерти лично мне, демону или жене?

Безумие медленно рассасывалось, таяло вместе с остатками боевого транса. Помню только, я ей говорил:

— Ты ничто и никто здесь! Я твой господин!

А в глазах жены непокорность. Ну вот за что мне наказание? Не бил, не унижал, не насиловал — и это в награду? Яростное сопротивление, глупые выходки, полное непонимание своего высокого статуса, который обязывает не только меня, но и ее? Уже стало понятно: не тот характер. Промолчит, но не уступит. Тогда сказал я! Проглотив все эпитеты ее выдающимся уму, воспитанию, поведению и благоразумию, коротко предупредил о бале, развернулся и пошел к выходу. И только сообразил — надо бы снять скорпиона, чтобы проникнуть в чувства жены и разобраться, как...

Нападение демонов!

Как вовремя случился этот набег и пришли мои солдаты, воистину, их прислала ко мне Светлая богиня! Еще пару слов, и даже каргаал бы меня не остановил! А так мой гнев и ярость достанутся только демонам, и пускай не жалуются, что попались под горячую руку. Сегодня я хочу убивать. Начал дыхательную гимнастику для плавного возврата к прежнему ускоренному состоянию.

Ее тихий голос вонзился в спину, причиняя неожиданную боль:

— Ты пожалеешь об этом.

Может быть, дорогая. Наверняка. А ты пожалеешь о своей дерзости. Женщины созданы для других сражений... на белых простынях. Ты одна из немногих, кого я действительно сильно желал. Но я и под пыткой не признаюсь о любых слабостях или сомнениях, иначе я не Повелитель.

Ответ был тверд и предельно ясен:

— Я так не думаю!

Бегом направляясь к месту боевых действий, я почти радовался. Сейчас кому-то крупно не повезет!

Я вылетел на лужайку перед вторым отрядом дроу, первый был давно и безнадежно связан боем с превосходящим противником. Часть солдат валялись на земле, получив серьезные ранения, остальные держали глухую оборону.

Эх-х, раззудись плечо! Я дал в зубы рукоятью зазевавшемуся демонскому малолетке и оттер тяжелораненого дроу, который держался из последних сил. Демоны продолжали наседать, мало того, мне показалось или их с каждой минутой становилось все больше и больше?

Что бы это значило?

Смутная догадка замаячила вдали, когда я присмотрелся повнимательнее к их снаряжению. Одинаковые плащи и мечи, серебристая полоса вдоль хребта, на широких лбах пока не заметно клейма Рода! Холодный пот потек у меня по спине. Темная мать, забери нас обратно — третий день новолуния! Демоны нас серьезно беспокоили как раз ровно четыре года тому назад. Эрхешш махандарр! Выпуск военной академии, четыреста обученных воинов-демонов!

Не повезло нам всем. Ой-ей, слов нет, как не повезло. Молодые, амбициозные демонята, в общем, обычно довольно трусливы... но не в этот день. Этой ночью аура каждого из них должна обagrиться кровью. В идеале — жизнью врага. Они будут наседать до последнего, юношеская честь и гордость против всего мира.

Я заскрежетал зубами и распорядился, чтобы вызвали подмогу, с глубоким сожалением осознавая, что, пока эта подмога примчится из ближайшего гарнизона, они нас всех положат. Всех. Даже меня. Разве оставят на закуску, чтобы выпить до капельки чужеродную магическую силу.

Кое-кто хвастался: «Положу демонов одной левой?» Высокомерный остолоп! Чуть не влетело именно мне, потому что я сдуру сунулся без поддержки в самую гущу боя и значительно оторвался от своих.

Мы не впервые сталкиваемся с молодыми демонятами, которые из лихой удали и презрения к жалким дроу приходили оттачивать на нас свои боевые умения. Плохо то, что основной компонент боевых способностей демонов — как раз магия огня и металла, в дополнение к ней — ментальная и немножко воздуха. Сражаясь на саблях, до поры до времени об этом забываешь, но стоит тебе начать прижимать этих сволочей к ногтю, они сразу вспоминают о магических навыках, и... становится совсем худо.

Одного, в лучшем случае — двух магов такой силы я более-менее выдержу. Три-четыре — очень опасно, пять — смертельно. Я же, на свою голову, не заметил, что двое загоняют меня в ловушку, своего рода стартовую площадку телепорта, откуда на меня десантировались еще трое. Гаденыши не постеснялись кроме холодного оружия применить ко мне заранее сформированную и заготовленную в амулетах боевую магию третьего порядка. Их руки приняли положение «на изготровку», и выпускники начали готовить удар. Все вместе. Разом.

— Ваше величество! — завопили мои солдаты и самоотверженно кинулись на выручку, но они катастрофически не успевали.

Предчувствуя славный, но совершенно несвоевременный конец, я улыбнулся и приготовился убивать. Превыше богатства у благородных стоит доблесть, а превыше жизни воин ценит честь. При пятикратном превышении магических сил моя защита все равно не спасет, а драконьи браслеты, мощные накопители, которыми меня снарядили предусмотрительные придворные волшебники, подобного удара точно не выдержат. Тогда я снял защиту вовсе, выкачал энергию для нападения, после чего атаковал крайнего, самого дерзкого демоненыша. У нас принято умирать не в одиночку. Вот такие дроу странные существа...

Без сомнения, утра не дождалось бы немалое количество солдат дроу, в том числе я и несколько демонов вместе со мною, если бы нетрудно сказать, что это было. Внезапно демонический детский сад одновременно спеленала неведомая сила, немножко прикрутила парочку особо ретивых и одним махом вышвырнула в тот самый телепорт рядом со мной. Они пролетели, со свистом вспарывая воздух, и сгнули бесследно. Но, когда я уже собрался радоваться нежданной-негаданной победе, из закрывающейся

дыры меня пришилило в плечо небольшим отравленным подарком в виде знакомого кинжала. Эта пакость принадлежала тому самому демоненышу, которого я собрался убить.

Мстительный, зар-раза! Ну попадись ты мне! Еще посмотрим, кто кому навалает!

Последующие два дня я томился бездельем и терпел издевательства придворных лекарей. Полагаю, без их всемерной помощи и заботы я вылез бы куда быстрее, но, увы... традиции, корявый пень их забирай! В общем, меня мучили осмотрами, микстурами и клистирами. Пробовали еще применить кровопускание, но я поклялся, что первого, кто подойдет ко мне с ланцетом, я повешу на воротах, и они отступили, ввинчивая в мои уши скорбные стенания и сетования о моем медицинском невежестве. В конце концов, не снеся издевательств, я заперся с нашим полковым знахарем, поставил у дверей доверенных егерей и дозволил, даже посоветовал им устраивать экскурсии в лес с мешком на голове для самых настырных мучителей и попечителей моего здоровья. Помогло.

Еще, к своему несказанному удивлению, получил дипломатическую депешу — официальные извинения от главы демонов. Повелитель расшаркивался за тот злополучный инцидент и выражал соболезнование за беспокойство молокососами моей драгоценной супруги.

Аналитики всем отделом ковырялись в том послании. Даже форум демонологов собрали, некромантов пригласили. Так ничего и не поняли. Или он перепутал адресата, или еще какая неувязка. За время существования королевства дроу никто официальных дипломатических извинений от демонов в глаза не видел, что бы те у нас ни творили.

Я провалялся в постели несколько долгих дней, чувствуя тоску от взаимного непонимания, пытаюсь найти решение множества мучающих меня проблем. Почему меня задевает неприязненное отношение собственной жены? Я дроу — мне ее фокусы по определению должны быть безразличны. Вот отчего хочется одновременно свернуть ей шею и зацеловать? Какая мне, к демонам, разница — эта женщина или другая? Но ответов по-прежнему не находил.

Мне чрезвычайно не нравилось собственное угнетенное состояние. Я не привык чувствовать себя разбитым, растерянность — неподходящее состояние для Повелителя. Мысли вновь метнулись к Эрике. Мне подумалось: вот бы хорошо на предстоящем празднике как-то смягчить все, сгладить. Любая женщина обожает развлекаться, они глупы и легкомысленны по своей природе — может, и супруга после бала позабудет о размолвке?

Если бы я знал...

Бал уже начался, когда объявили ее прибытие. Эрика вошла в зал в плаще, голова опущена, капюшон скрывает лицо. Почему она в плаще?! Интуиция даже не кричала — вопила, чтобы я хватал ее и тащил отсюда! Видно же, что задумала каверзу!

Она остановилась, не доходя до трона несколько шагов, и склонилась в поклоне. Я спросил о причине ее странного вида, с трудом сдерживая гнев. Эльфийка гордо выпрямилась и теперь смотрела на меня с решимостью и упрямством. Что она замыслила? Не уступит же, не смирится! Боги, ну отчего она такая настырная?

— Я бы хотела сделать вам подарок.

Мысли метались, стараясь найти выход. Что же мне делать? Прогнать? Отказать? И кем я буду выглядеть в глазах своих подданных? Полным идиотом! По большому счету она ничего плохого не сделала, за что я могу перед всеми унижить свою женщину. Позволить? Боюсь, ни к чему хорошему подобное решение не приведет. Я осторожно «прощупал почву»:

— Почему вы решили преподнести мне сюрприз?

И чего я этим добился? Лишь кривой усмешки, быстро скользнувшей по губам, и падающих льдинками слов:

— Вы настолько доходчиво объяснили мне мое положение и мой статус здесь, что я

решила проникнуться и отблагодарить вас. Вы позволите?

Что ж, пусть будет что будет! Я обреченно дал разрешение, понимая, чем рискую. Взамен получил:

— Благодарю вас... мой господи-и-ин.

На слове «господин» девчонка скинула плащ, зазвучала музыка, и она начала свой танец. Я окаменел. О боги! Что за вуали она опять на себя натянула? И одета, и раздета одновременно! Когда же эта пытка кончится? Мне следовало прекратить танец немедленно, остановить эльфийку и примерно наказать, но, видит Темная богиня, я не мог. Впервые за много лет не мог заставить себя покарать упрямыцу, а лишь сидел и смотрел. Мозг отстраненно фиксировал сверкание золотых браслетов на руках и ногах, мягкую, плавную грацию дикой кошки. Воображение будоражили легкое позвякивание монеток на набедренном платке; струящаяся ткань юбки, обволакивающая стройные ножки; обнаженный живот, притягивающий взгляд; соблазнительная грудь, прикрытая расшитым лифом; гибкое тело, сулящее неземное блаженство. Ее танец манил и отталкивал, обещал и обманывал, обнажал и скрывал. Да что же это? Хуже любой пытки: ты принадлежишь мне, и вместе с тем — не моя!

Музыка... чего только не было в ней: звон уздечек и свист ветра; шелест листвы и глухой стук оружия. Танец вплетался в мелодию, рассказывая без слов. Я слышал песню души: «Стучите, мой монаста, стучите! Развейте мою грусть! Звените, мои браслеты, звените! Прогоните мою тоску! Струись, шелк, струись! Скрой мою боль!»

Все закончилось внезапно. Музыка оборвалась на рыдающей ноте. Наступила тишина, и танцовщица застыла в финальном поклоне. У меня не было слов.

Я потрясенно молчал, и она выпрямилась, встретившись со мной глазами.

Мы вступили в тайную борьбу взглядов. С чем сравнить наше противостояние — листва против неба? Спокойствие против ярости? Я дрожал от бешеного гнева и дикого восторга, каменным лицом стараясь не выдавать состояние посторонним. Зачем ты со мной так? Что я тебе сделал? Самообладание покинуло меня, разум затопило всепоглощающее желание вынести жену из зала. Хотелось остаться один на один и прижать к себе, сливаясь с ней в единое целое.

Я сцепил зубы, конвульсивно скрючивая пальцы. Нет слабостям! Время! Мне нужно время... Не могу сдать! Я Повелитель! Мне просто необходимо показать Эрике ее место. Я должен. Муж в своем праве. Я должен проявить свои права на нее, а она обязана мне подчиниться. Она моя жена! У жены не может быть иных прав и желаний, кроме тех, что я позволю!

И, не собираясь уступать, я безрассудно подначил, теряя последний разум:

— Ну что же, вы подарили нам прекрасное зрелище, истинно усладу для глаз. А чем вы можете потешить наш слух?

Язва мне все же досталась изрядная:

— Все, что прикажет мой господин!

Ну-ну.

— Прикажет. Приступайте! Я жду.

Девчонка выпрямилась, закрыла глаза и запела. Как, как ей удастся властвовать над моим сознанием?.. Мне хотелось, встав на колени, умолять ее о прощении. Хотелось... Это сумасшествие! Ее пение выворачивало душу, заставляло вскипать глаза непролитыми слезами. У дроу нет эмоций? Демиурги не дали от рождения душу? Теперь, видимо, она у меня есть... Стихла последняя нота, и Эрика покинула зал. Ушла, не сказав больше ни слова, не спросив дозволения, не обернувшись. Чуждая девочка с храбрым сердцем, несдавшаяся и непокоренная. Гордая, желанная, свободная... Не моя!

Нам нужно поговорить! Я встал, махнул рукой, давая команду начинать бал, и вышел из зала в сад. Вскоре уже подходил к внешней двери ее покоев. Так лучше, мне лишние

свидетели не нужны. Не дойдя нескольких шагов до входа, услышал слова Айлонора:

— Не плачь, маленькая, все будет хорошо.

Меня захлестнуло тревожной волной: она плачет? Чувствуя себя каменным истуканом, подслушал чужой разговор. Айлонор выразил ей сочувствие? Айлонор? Тот, который смеясь вырезал целые отряды противников? Для которого женщина всегда лишь на третьем месте после меча и коня? Чем же она его одурманила? Что за вражеские чары владеют нами?

Выскочив в сад, встал сбоку от двери. Мне необходимо... нет, я хочу узнать все!

Из внутреннего помещения в сад вышел каргаал и улегся на пороге, молчаливо скалясь и явно показывая своим видом: он меня внутрь не пустит. Умная тварь, тонко чувствует. Эрика поет и плачет, а у меня нет сил двинуться с места и уйти. Я стоял и слушал, как песня сменяет песню. Последний аккорд и крик, разрывающий душу в клочья:

— Я ненавижу тебя, Дарниэль!

Сегодня я натворил что-то очень плохое. И не представляю, как это исправить.

Глава 13

Проигрывать надо уметь! Ваши противники должны свыкнуться с этой мыслью!

Эрика

Следующие дни прошли под лозунгом: «Женщина никогда не скажет мужчине, как сильно он ее обидел. Она покажет ему, как больно он ей сделал».

Я не принимаю, но немного представляю мотивы поступков Повелителя Дарниэля. В их мире, а теперь и в моем, женщина не имеет слова или мнения, она бесправна. Ее, будто скотину на рынке, продают, покупают или обменивают. И неважно, какова цена: золото, власть или мирный договор. Женщина — это товар, вложение капитала, средство для достижения цели и украшение дома. И женщины-дроу мирятся с этим порядком, они просто не знают другого обращения.

Но я-то знаю и не могу согласиться с такими дикими, антигуманными устоями, покорно склонить голову и стать послушной обезьянкой, этакой услужливой марионеткой. У меня есть сердце, душа и мозги, которыми я привыкла пользоваться. Для меня здесь не будет «киндер, кюхе, кирхе», я просто не могу так жить. Дару предстоит научиться со мной считаться. Или все останется по-прежнему, не сдвинувшись ни на йоту, а мне придется покинуть это общество или даже мир, потому что я с калечащими ум и душу уродскими представлениями о бесправном, недостойном уважении статусе жены, матери и возлюбленной не смирюсь никогда.

Вот такими философскими рассуждениями я занималась наутро после бала, сидя в постели, маясь от головной боли и попивая рассол, напиток завтрашнего дня. В тот момент, когда пришла Маша, я уже окончательно закрутила себе мозги и теперь раздумывала на тему: «Пьянству — бой, или Чтоб вы все провалились!»

К чему это я? Ну чтобы понятно было, в каком расчудесном состоянии души я обреталась. И вот в эту «счастливую» для меня пору вползла Маша, сгибаясь под тяжестью каких-то шмоток.

— Маш, ты переселиться решила? Нет, я совсем не против, но кровать тащи свою.

— Вообще-то это тебе... подарки от Повелителя, — стеснительно выдавила из себя Маша.

Офигеть! У меня даже головная боль в обморок свалилась от подобной неожиданности, прекратив долбить меня по вискам кувалдой. Я пришла в экстаз:

— Вот это оперативность! Уважаю мужчин-дроу: с вечера нагадил — утром задарил! Видимо, сказывается большой исторический опыт!

Компаньонка свалила на кровать свой груз, оказавшийся рулонами тончайшей, переливающейся ткани изумительно ярких оттенков, и восхищенно заметила:

— Смотри, какая красота! Тебе так повезло!

— Неужели?! — Внедрение в состояние экстаза продолжалось, но отказать себе в маленькой ложке дегтя я была не в силах. — Ну и мужики пошли, совсем без понятия. Кто ж утильсырьем взятки дает? Нет чтоб борзыми щенками!

Маша, конечно, Гоголя не читала и сути моей иронии не поняла, но смысл уловила и обиделась:

— Лирийские шелка, между прочим, бесценны!

— Без цены, значит. Так и знала, что супружник у меня скупердяй! — хмыкнула я.

Чем вызвала бурное негодование Маши:

— Да о чем ты говоришь! Их на всем континенте способен купить далеко не каждый! Это целое состояние!

— Я польщена, отдай обратно, — пожала плечами, демонстрируя отношение к подкупу.

— Рика, послушай... Эрика, он извиняется, — пустилась в уговоры дроу.

Они вызвали уже мое негодование и подозрительность:

— Слушай, перебежчица, ты его защищаешь?

Маша, видя мое исключительно агрессивное настроение, пошла на попятный:

— Нет, но...

— Если «но», то отдай обратно! Мне ничего от него не нужно! — Я перебила ее, демонстративно вцепившись в кружку с рассолом и напроочь отказываясь участвовать в этом балагане.

Девушка тотчас расстроилась и попытала счастья еще раз:

— Ты даже посмотреть не хочешь?

— Нет! — категорически отвергла я ее намеки.

И услышала от Машуты горькую правду:

— Назад не понесу. Я боюсь!

— Ясненько. Поняла, — констатировала я очевидное, понимая, что она права и ничем хорошим возврат даренного имущества не закончится.

Пришлось несчастной похмельной Повелительнице выползть из постели и топтать к двери. На посту стояли Айлонор и новенький дроу со смешными, оттопыривающимися в стороны острыми ушками. Лопухий лапочка, одним словом. Вспомнив, что я дама воспитанная, поздоровалась:

— Айлонор, доброе утро. И напарнику тоже. Тебя как зовут, новобранец?

— Катиреамиэль из Дома Стражей.

Нельзя, нельзя человеку с похмелья такие сложные слова говорить! Я же могу с перепоею, толком не вникнув, попробовать эдакое повторить и навсегда травмировать орган речи. А уж такого подарка, как немая жена, Повелитель от меня не дождется!

— Извини, родной, но это я точно не выговорю ни в нормальном состоянии, ни тем более с похмелья. Можно просто Рель?

— Доброе утро, Эрика. Как ты себя чувствуешь? — улыбнулся Айлонор, наблюдая за моей напряженной умственной деятельностью.

— Ты честно хочешь знать или так, для отмазки? — поинтересовалась я.

— Конечно, честно.

— О-кей, симптом «лучше бы я умер вчера» знаком? Так вот, мне еще хуже... но я по делу: Айлонор, мне помощь нужна. Можешь передать эту «бесценную» взятку Повелителю обратно, а?

— Могу, — бестрепетно ответил Айлонор, и я начала было расцветать счастливой улыбкой, когда услышала продолжение мысли: — Но тогда давай уж сразу перед смертью попрощаемся, потому как назад я уже не вернусь.

— Спасибо за честность. Тогда вариант отпадает. Вашими жизнями попусту я рисковать не стану. Ладно, сама с этим разберусь.

Вернувшись в комнату, я уселась на постель и принялась размышлять, разглядывая свалившееся на меня богатство. Собственно, мои выводы были следующими.

Факт первый: никто из них по своей воле назад барахло супружнику не понесет.

Отмазки: своя голова дороже; кто их, психов, знает; вдруг прибьет? — типа «в гневе я

страшен».

Факт второй: самолично ткань возвращать меня тоже не пустят.

Отмазки: смотри выше.

Факт третий: даже если я исхитрюсь отдать, то эта упертая сволочь наверняка все вернет обратно, решив-таки осчастливить меня насильно. Или эти рулоны будут политы кровью близких мне людей. Тоже не фонтан. Тогда рядом с их головами и моя голова на колу повиснет, потому что я на тормозах ему никого из друзей не спущу.

Назревала дилемма. И тут в моих тяжело, со скрежетом работающих мозгах, измученных алкоголем, забрезжил просвет. Угу, луч света в темном царстве.

— Маш, давай я на улице посмотрю? — ласково попросила я, начиная операцию «Нам вашего добра и даром не нать!»

Закончив перебазировать мануфактуру в сад, я осведомилась:

— Маша, а это действительно стоит целое состояние?

Она согласно кивнула.

— Ну что ж, Маша, думаю, ты никогда не видела, как горят целые состояния? Восполняй пробел в образовании, — менторским тоном просветила я девушку и метнула в кучу фаербол.

Девушка побледнела, глаза полны первобытного ужаса, ноги подгибаются. Эх наш Повелитель всех зашугал!

— Живенько занялось, — рассматривала я громадный костер с чисто познавательным интересом. Потом вышла на середину сада, повернулась лицом к дворцу, прогнулась в поклоне и заорала: — Спасибо тебе, господин мой, не дал замерзнуть посреди лета! — С этим комментарием уползла обратно в кровать, лелеять тяжелый бодун.

Маша всплеснула руками и убежала. «Иди-иди, Павлик Морозов!»

Я отсыпалась день и ночь напролет, зато встала свеженькая как огурчик. «Даже цветом совпадаем», — поведала я своему отражению в зеркале, пока Маша пыталась расчесать мою спутанную гриву. Компаньонка сегодня была чересчур задумчива и все порывалась мне что-то рассказать про Повелителя. Я честно созналась, что слышать про него не желаю, потому как цензурные слова по отношению к нему закончились, а нецензурных слишком много, боюсь за день не уложиться. Мои планы вдумчиво насладиться утренним кофе и сигаретой были нарушены визитом Айлонора со товарищи. Они, гремя нательным железом, прощу прощения — воинской амуницией, приволокли внушительных размеров сундук. Ну что за... весь кайф обломали!

— Айлонор, солнце мое, ты тоже решил ко мне переехать? Я в общем-то рада и счастлива, веселее будет, но как на это посмотрит общественность? — ласковым тоном полюбопытствовала я, рассматривая неожиданных визитеров.

— Э-э-э, не-эт! — смутился Айлонор. — Новый подарок от супруга вашего, Повелителя Дарниэля.

— Какая жалость, а я уже раз мечталась! Да-а, а счастье было так близко, — с сожалением протянула я и спросила: — Ну и чем на этот раз меня порадует мой господин?

Айлонор улыбнулся:

— Я думаю, это не горит, — и откинул крышку.

Мамочка моя! Чего там только не было: кольца, диадемы, колье, браслеты... Брильянты, изумруды, рубины, сапфиры искрились и переливались, бросая отблески на стены.

— Гламурненько! Спасибо. Все свободны. — Я задумчиво разглядывала новую взятку, стоя над сундуком и соображая, как поступить.

— Опять не возьмешь? — тихо справилась Маша.

— А ты как думаешь? — отвлеклась я от созерцания.

— Понятно, — тоскливо отозвалась Машутка, принимая светло-салатовый оттенок.

— Вот и чудесно, если понятно. Маш, сходи в библиотеку.

Девушка бросила на меня укоризненный взгляд и ушла. А я потопала в сад. Вернувшись, горничная застала меня в примыкающем геометрическом садике. Глаза у нее стали в два раза больше от представшего ей зрелища. А что? Мне жутко понравилось. Самое большое дерево рядом с дворцом было украшено драгоценностями. Отойдя от шока, компаньонка вытаращилась на меня, ожидая объяснений. С нескрываемым удовольствием рассматривая дело рук своих, я просветила ее:

— Ностальгия у меня! Новый год хочу. Елки нет, зато игрушек навалом. Смотри, как блестят. Лепота! Жалко, людей не хватает, а то бы хороводы поводили, песни попели.

— Зачем ты так? — тихо спросила Маша и добавила: — Он же от чистого сердца.

— Я сейчас заплачу от умиления, — отозвалась ядовито. — Можешь передать, чтобы он не мыл то, чего у него отродясь не было! И не забудь добавить, что зря старается! Впрочем, не надо, не передавай, а то еще пострадаешь от этого ушастого неврастеника. Я сама управлюсь, иди отдыхать. — Я вновь встала, как вчера, и завопила: — Благодарствую, господин мой! Позволил бедной сиротинушке порадоваться. — И отправилась в комнату выполнять задуманное.

Часа четыре я ползала по полу с кисточкой, перемазавшись краской до ушей. Потом ждала, когда подсохнет, и с интересом наблюдала, как троица дроу снимает в потемках драгоценности с дерева, стараясь не шуметь. Получалось у них не ахти, но ребята усердствовали изо всех сил, подбадривая себя изящными словесными оборотами. Дворцовые стражники так заразили меня рабочим энтузиазмом, что я уж было собралась прийти на помощь, но в последний момент передумала, решив не смущать. После их ухода по деревьям лазила уже я, и тоже в полной темноте, не желая испортить сюрприз. Спать я отправилась практически под утро и, естественно, проспала до полудня. Разбудила меня Маша громким восклицанием: «Ой!» Разлепив глаза, я выбралась из кровати и подошла к ней, стоящей в оцепенении у окна и расширенными от страха глазами смотрящей в сад. Услышав мои шаги, девушка стремительно повернулась и спросила:

— Ты так хочешь умереть? Тебе жить надоело? — Ее голос дрогнул, сорвавшись на тонкую ноту. — Как это называется? — указала она пальцем наружу.

— А что такое? — невинно поинтересовалась я, с удовольствием рассматривая свой ночной шедевр.

Между двумя деревьями была натянута растяжка, сделанная из простыни, на которой большими буквами красовалась надпись: «У одних главные полушария защищены черепом, у других — штанами!»

Девушка вцепилась в меня и лихорадочно зашептала:

— Давай быстро снимем, и он ничего не узнает!

В это время в коридоре раздался шум, и, внимательно прислушавшись, я с ухмылкой проинформировала Машу:

— Поздно. Он уже увидел.

Тогда она изменила тактику и принялась выпихивать меня в сад со словами:

— Беги прячься!

Я отцепила ее руки и повернулась к двери, в которую ворвался разъяренный Повелитель в черном, сопровождаемый бледным Айлонором. Полюбовавшись на местный упрощенный аналог «Пятого квартала», я спокойно заметила потолку:

— Все же воспитание в правящем Доме хромает на обе ноги... Или у кого-то склероз и он забывает стучаться, перед тем как войти к даме?..

Пропустив мимо ушей мое замечание, Дарниэль прорычал:

— Как ты посмела?

— Ах, супруг мой, да вы о чем? — делано удивилась я, приподняв брови.

— Об этом! — Подскочив ко мне, мужчина развернул меня в сторону сада, кивая на плакат, на что я невозмутимо заметила:

— Хм, а где там написано, что это конкретно о вас? — Развернувшись к мужу лицом и без перехода внезапно перешла на «ты»: — Или ты настолько самокритичен?

— Я тебя убью! — прозвучало в ответ.

«Ага, ага... Ночные эротические фантазии иногда мешают пребывать в реальности. Помечтай... на досуге».

— Можешь, — немедленно согласилась я. Он собрался чесать в том же духе, но я жестко перебила: — Но не будешь.

— Почему? — прищурился муж, немного остывая.

Я пустилась в длинные разъяснения, в глубине души громко хихикая:

— Во-первых, по законам государства дроу, — я кивнула на открытую книгу УКРЧ (Уложения Кодекса Разума и Чести), — мои действия не подлежат смертной казни. Я понимаю, что ты вполне способен это проигнорировать и организовать мне веселенькую жизнь, но тут начинается «во-вторых»... Тебе нужен договор со светлыми. И Повелителя никто, даже распоследний поваренок на кухне, не поймет, если ты не предъявишь достаточно убедительные доказательства... например, моей измены. Которых, замечу, у тебя на данный момент нет, и, чтобы их состряпать, тебе потребуется время. В-третьих, тебе до чертиков любопытно, что со мной будет дальше. Поправь меня, если я где-то ошиблась.

Повелитель долго смотрел мне в глаза, обхватив одной рукой за плечи, а другой зажав подбородок, не давая отвести взгляд. В глазах непонятная тоска и жесткость, видок... будто совершил марш-бросок по пустыне. Высохший, будто обезвоженный.

— Жена, чего ты от меня хочешь? — нарушил он молчание.

Пожав плечами, я честно ответила:

— От тебя? Ничего.

Сжавшиеся в ниточку побелевшие губы и мелькнувшая в голубых глазах ярость убедительно показали отнюдь не безмятежное состояние духа Дарниэля. Выпустив меня из стального захвата, мой супруг тряхнул головой, как будто отгоняя неприятные мысли, еще раз кинул на меня задумчивый взгляд и... ушел. Стук захлопнувшейся двери совпал с Машинным обмороком, и, пока я хлопотала над ней, приводя в чувство, ко мне успели заглянуть, чтобы убедиться в моей целостности, все знакомые стражи. Последним был Айлонор, который предупредил:

— Не стоит больше дразнить Повелителя. Ты его еще плохо знаешь. Он вполне способен причинить тебе вред. Будь предельно осторожна.

— Спасибо, — от души поблагодарила я его и призналась: — А мне больше и не надо. Я сказала и показала ему предостаточно. Осталось только дождаться решения.

Прошло несколько дней. Я упорно искала в книгах подсказки о возможности перемещения домой, но пока встречались только общие сведения, или местный фольклор, или своды законов. Конечно, мне попадались немаловажные факты, которые я запоминала или делала выписки, но искала-то совсем другое.

В моем распорядке ничего не поменялось, я по-прежнему сидела взаперти, и даже по

периметру живой изгороди ходили патрули. Меня до тошноты усиленно охраняли и берегли. Ага. Народное творчество в действии: «Моя милиция меня бережет — сначала посадит, потом стережет!»

Маша старалась не оставлять Повелительницу одну надолго и сидела рядом то с вышиванием, то с другим рукоделием, отвечая на любые мои вопросы, если таковые возникали. Только Сильван целыми днями пропадала в саду, возвращаясь лишь к вечеру для еды и сна. Спала она у меня в ногах на кровати, но иногда укладывалась на пороге двери, ведущей в сад.

В общем, тишь да гладь, да божья благодать. И все бы ничего, если бы мне постоянно, каждую ночь не снился один и тот же кошмар, от которого не было спасения: я все так же безрезультатно билась в стеклянную стену, с отчаянием глядя на родных и близких. Если Маша и видела по утрам на подушке следы моих слез, то деликатно не подавала виду. Я была благодарна ей за это.

В один из прекрасных летних вечеров, когда только начало смеркаться, я сидела у окна, курила и смотрела на небо. Сильван подошла и положила свою голову мне на колени. Маша тихо спросила:

— А какой он был, твой прежний мир?

— Мой мир? Он похож на этот, только там зло уравновешено добром, жестокость — состраданием, глупость — умом, а жаркая страсть — верной любовью. В том мире люди не боятся просить прощения за свои ошибки, не боятся дружить и любить. Возможно, потому, что обычным людям отпущен гораздо меньший срок, чем вам, тысячелетним должителям, и мы спешим испытать все сейчас, не откладывая на потом. Жизнь скоротечна, мы стараемся взять у нее каждый миг. Каждый человек бесценен и неповторим, неповторима каждая минута его существования. Мы стараемся помнить об этом. — Я помолчала, собираясь с мыслями, и продолжила: — Мы, люди, разные... В каждом человеке есть и плохая и хорошая стороны, но практически все мы стремимся познать любовь, как духовную, так и физическую. Без любви человек слеп и глух. Он как увечный, лишенный многих чувств и ощущений, обедняющий свою жизнь.

— Что такое любовь? Желание? — тихо осведомилась девушка, пытаясь понять.

— Желание — это лишь одна из составляющих частей любви. Желая кого-то, ты стремишься к обладанию телом, а любя — к обладанию душой. Когда любишь, — попыталась я объяснить ей, — ты хочешь быть рядом с любимым человеком. Стремишься дышать с ним одним воздухом, потому что без него ты задыхаешься; хочешь прожить с ним жизнь и воспитать внуков. Это когда ты чувствуешь его боль как свою и горе делится на двоих, а радость умножается многократно. Когда любимый дарит тебе всего лишь цветы, а кажется, что он подарил тебе весь мир. Когда тебе не нужна предоставленная свобода, потому что единственно правильное место — это рядом с ним.

После моего монолога опять воцарилось молчание, вскоре нарушенное вопросом Манвэлиэль:

— Ты любила?

Сердце сжало обручем боли, не давая вздохнуть, глотнуть воздуха. Конечно, я бы могла сказать, что это не ее дело, и девушка бы не возразила и не стала настаивать. Но я подумала, что, может быть, мне нужно хоть с кем-то поделиться давящим на сердце грузом. И кто знает, вдруг мне станет хоть капельку легче? Именно поэтому я ответила на ее вопрос:

— Да, Маша, я любила и навсегда потеряла их. Вернее, их отняли у меня. Теперь мой муж любит другую женщину, не ведая о том, а мой сын называет ее мамой. Возможно, им и на самом деле лучше с Эланиэль. — Судорожно вздохнув, справилась с набухающими слезами и продолжила: — Знаешь, на Земле я всегда чувствовала себя чужой, мне постоянно чего-то не хватало. И я видела их в Шаре Судьбы, мои счастливы с ней, а я... мне нужно научиться принимать этот мир. Но глубинные воспоминания казнят мою душу каждую ночь, заставляя стремиться к ребенку. — Я показала рукой на стопки книг и с горечью заметила: — Почти в любой из них написано, что мне не вернуться назад. Нити, соединяющие меня с тем миром, были оборваны. Мне не найти

обратной дороги, если только я не из касты богов и не Ходящая-между-мирами. Но нигде, нигде в этих чертовых фолиантах нет объяснения, кто они, эти «ходящие»! — Я все же сорвалась и замолчала. Сил продолжать разговор не было, и я попросила: — Извини, очень устала. Ты можешь идти. Спокойной ночи.

Маша стояла уже на пороге, когда я окликнула:

— Сделай мне одолжение. Прошу! Не докладывай о нашем разговоре Повелителю.

Девушка смутилась, кивнула и ушла. Я сидела, смотрела на небо, вспоминая другие созвездия и пытаюсь не завывать от звериной тоски.

После нашего откровенного разговора пролетело две недели. Я читала, гуляла под присмотром в саду, играла с Сильван, если она того хотела. Маша таскала мне стопками книги. Знания и записи росли, а решения проблемы все не находилось. Впору было отчаяться, но я всегда неохотно сдавалась и настырно продолжала искать.

В тот день Маша куда-то запропала. Я маялась бездельем, обретаясь в полном одиночестве, когда раздался стук в дверь. Ну кого нелегкая принесла? Открыв дверь, я уткнулась носом в... цветы? Кто у нас такой романтичный? Подняв глаза, я обалдела. Дар?! Застрелиться и не жить! Это из разряда несбыточного. Что на этот раз пришло ему в голову? Я посторонилась и сказала:

— Входи. Это мне? Спасибо, очень красивые.

Я держала в руках цветы и смотрела на него. Он изменился. Лицо осунулось, темные круги под глазами. Молчание грозило затянуться.

— Ты хотел мне что-то сказать? Я слушаю, — пришла ему на помощь.

Клянусь, ожидала чего угодно, но только не этих сбивчивых слов:

— Прости меня. Я был неправ. Ты свободна. Я убрал стражу от твоих дверей и от изгороди сада. Теперь ты можешь ходить куда пожелаешь, просто предупреждай. Пожалуйста. Наш мир смертельно опасен для незнающего человека, а я, как твой муж, обязан обеспечить тебе полную безопасность.

Его слова падали, будто тяжкие камни, на толстый лед моей обиды. Наши взгляды встретились — опять бунт зеленой листвы против воли неба.

На душе почему-то потеплело, и, улыбнувшись, я промолвила:

— Я прощаю тебя. — И тут же остановила рванувшегося ко мне мужчину: — Пойми, не все сразу. Я пока не готова к близким отношениям. Мне нужно время привыкнуть, но мы, по крайней мере, можем попробовать стать друзьями, если ты хочешь.

Он долго смотрел на меня:

— Хорошо. Я подожду.

— Спасибо тебе.

Дарниэль ушел, я стояла, уткнувшись в полевые цветы, и улыбалась. Нет, я не втрескалась по уши и не впала в любовный экстаз, просто мне было удивительно спокойно, а в душе снова загорелся огонек надежды. Никто не ведает, что уготовила Судьба, но нет ничего проще, чем заглянуть в будущее, нужно только немного подождать.

Вечером, впервые после бала, я взяла гитару:

На перепутье бытия, Томясь таинственной тревогой, Стоял и долго думал я, Какою мне идти дорогой...

Это был замечательный вечер. На звук гитары пришли Айлонор, Малик, Рель и Ниэль. Мужчины поначалу сильно комплексовали и усиленно делали вид, дескать, они просто мимо проходили, но вскоре расслабились и получали откровенное удовольствие от общения. Разошлись мы довольно поздно. Оставшись одна, я подошла к окну и позвала:

— Дар! Не прячься, я точно знаю, что ты здесь.

В сумерках возникла высокая, гибкая фигура.

— Как ты узнала?

— Догадалась. Слишком очевидно: цветы, свобода. Маша бы тебе не сказала, следовательно, ты подслушивал. Ну признавайся, ведь подслушивал? — подначила его.

Мужчина смутился, но повинулся:

— Виноват. Признаюсь.

Следуя внезапно возникшему желанию, протянула руку и погладила его по щеке, поблагодарив:

— Спасибо тебе еще раз за эти подарки. Поверь, для меня они дороже золота.

Его ладонь накрыла мою, удерживая у щеки. Мы стояли и молчали. А нужно ли было что-то говорить? Спустя какое-то время я высвободила руку и пожелала:

— Спокойной ночи, — услышав такое же пожелание в ответ. Он уже уходил, когда его догнал мой голос: — До завтра.

Дар обернулся и подарил мне улыбку. Начинался новый период в моей новой жизни.

Глава 14

Не надо скручивать жену в бараний рог, если не хочешь, чтобы он вырос у тебя на голове.

Дарниэль, Повелитель дроу

Я метался по своей спальне, испытывая противоположные чувства: бесился и восхищался одновременно. Как она посмела так поступить, унизив меня перед всеми?! И какое мужество нужно иметь для протеста? Одна женщина против всего чужого мира...

Ласковой кошечкой пришла подлизываться бывшая фаворитка Лаурелин, но я выставил нахалку. С души воротит, не могу ее видеть, просто не могу. В ушах до сих пор стоит крик жены: «Я ненавижу тебя, Дарниэль!!!» — а перед глазами танец... качание бедер, взмахи рук, плавные движения гибкого тела. Вот что мне с ней делать?

Посадить в темницу? Запугать? Шантажировать жизнью и благополучием близких для нее людей? Не получится. Она скорее умрет, чем поддастся.

Как, как вернуть время назад, чтобы не было этих слов?! Возможно ли смягчить ее женское сердце и сделать уступчивым? Показать боевую доблесть? Устроить турниры, продемонстрировать ей в ответ свое тело и воинское мастерство? Не припоминаю, чтобы жена интересовалась турнирами, битвами и рыцарскими романами. Ей они глубоко безразличны.

Она моя жена, данная богами, и я вправе взять ее в любой момент. Но будет ли это выходом? Не думаю. Она ясно дала понять, что не покорится, не смирится со своей ролью, а я боюсь ее ломать. Зачем мне сломанная «игрушка»? Мне не нужны куклы на веревочках, женщин-марионеток в нашей культуре и без того хватает. Они скучны, безвольны и предсказуемы. Неинтересны.

А я мечтаю хотя бы раз еще увидеть жену счастливой рядом со мной, как там, на лугу. Мне вовсе не нужно, чтобы она боялась и презирала меня. Хочу видеть ее улыбку, адресованную мне одному. О боги! Я, который может заполучить в постель любую красавицу великого двора, только шевельнув пальцем, страстно желаю светлую эльфийку — ту, которая мне недоступна... И по иронии многоликой судьбы она моя жена. Как решить эту проблему? Думай, самоуверенный идиот, думай!

Конечно, подарки! Наверно, стоит одарить ее весомым знаком внимания. Это идея! А что ей нравится? Да какая, в сущности, разница... что-нибудь подороже. Женщины любопытны и жадны, они любят драгоценности, тряпки, меха. Знаю! Буквально на днях привезли ткани. Решено, она получит свой подарок и все забудет!

Я приказал привести ко мне утром Манвэлиэль и приготовить ткани.

Манвэлиэль вошла и склонилась в поклоне:

— Что угодно Повелителю?

— Мне нужно твое содействие, — озвучил я свое желание.

В ответ услышал привычное:

— Все, что в моих силах, Повелитель.

Вот только в глазах служанки вместо покорности — глубоко спрятанное, невысказанное вслух осуждение. Решимость защищать хозяйку прочитывается в каждом жесте. Астерлийский багумлык! Мои пташки спелись. Как быстро Эрика перетащила девушку на свою сторону! Медом у нее намазано, что ли? Мгновенно перетянула на свою сторону всю прислугу, и они готовы ей пятки лизать. Что она им говорит? Какой подход срабатывает столь тонко и верно?

— Передай моей жене эти ткани в знак моего извинения за вчерашнюю несдержанность и грубость. — Я не стал устраивать разборательств с горничной. Всему свое время.

— Я с удовольствием выполню пожелание моего Повелителя, — радостно откликнулась

осчастливленная Манвэлиэль.

— И еще... хочу знать ее реакцию на подарок. Жду доклада, — как можно равнодушнее бросил я в ответ.

— Слушаюсь, мой Повелитель. — Светящаяся от восторга Манвэлиэль кивала словно заведенная.

Махнул рукой, отпуская прислугу:

— Иди, тебе помогут донести.

После ухода Манвэлиэль приготовился к ожиданию, но должен честно признать: с момента появления иномирянки хладнокровие перестало быть моей сильной стороной. Я вдруг подумал, что могу прекрасно все услышать сам, без посредников, если устроюсь на втором этаже, над покоями жены. О боги! Почему из-за иномирянки я испытываю непривычные чувства и совершаю поступки, недостойные правителя? Докатился... Повелитель должен прятаться по закоулкам своего дворца, чтобы слышать ее голос. Неужели я, подобно слугам, начал есть из ее рук? Ни одна женщина не была мне настолько интересна. Чем и как эльфийка привязала меня к себе? Ведь ни одну даму не хотел я заполучить столь упорно!

Откинув в сторону глубокие сомнения в правильности поступка, пошел на второй этаж, чтобы услышать:

— Маш, давай я на улице посмотрю?

У меня отлегло от души: ей понравилось, она простила. Девушки начали перетаскивать ткани в сад и рассматривать — вернее, рассматривала Манвэлиэль, а Эрика только спихивала рулоны материи в одну кучу. Такое поведение вызвало естественные подозрения. Что она задумала? Не отрывая глаз от вороха ткани, эльфийка с любопытством спросила:

— Маша, а это действительно стоит целое состояние? — И, дождавшись ответного кивка, нравоучительно заметила, метнув в кучу фаербол: — Ну что ж, Маша, думаю, ты никогда не видела, как горят целые состояния? Восполняй пробел в образовании!

Застыв у окна, я видел, как девчонка вышла в сад подальше, склонилась в издевательском поклоне и закричала, как будто знала, что я здесь:

— Спасибо тебе, господин мой, не дал замерзнуть посреди лета!

И ушла. Не простила. Осознание этого резануло по сердцу, забирая надежду на легкое примирение. Когда меня нашла Манвэлиэль, я все еще стоял у окна и смотрел на костер, в котором сгорали мои чаяния.

— Вы уже знаете, Повелитель... — Она не спрашивала.

Я повернулся к ней, и она отшатнулась. Что такое? Не привыкла видеть, как Повелитель может испытывать тоску и боль? Оказывается, может, еще как. Я справился с собой и снова надел маску безразличия. Наблюдая за мной, Манвэлиэль прошептала:

— Эрика просто сильно на вас обижена. Может быть, вы еще раз попробуете, Повелитель?

Защищает ее, боится, что накажу. Такая преданность вызвала у меня кривую улыбку. Вопрос, кто кого наказывает... У моей жены пока преимущество.

— Я подумаю. Ступай, ты свободна, — отпустил девушку и принялся раздумывать дальше: «Почему ей не понравилось? Ах да! Она же носит свою одежду. Тогда что? Возможно, ей придется по вкусу драгоценности».

Утвердившись в этой мысли, направился в сокровищницу, отбирать только достойное Повелительницы, самое дорогое, самое лучшее. И там понял, что сошел с ума. Каждую безделушку я представлял на обнаженной Эрике: в мыслях я застегивал ожерелья на тонкой шее, касался губами нежной кожи, прочерчивая дорожку из поцелуев. В мечтах

возлагал на головку упрямыцы диадему и припадал к манящим губам. Я совсем обезумел! Пора признаться в этом хотя бы самому себе. Проведя бессонную ночь в раздумьях и метаниях, утром я вызвал к себе Айлонора. Небрежным жестом ткнув в сторону сундука, велел:

— Отнеси ей.

Айлонор намного старше меня и когда-то был моим учителем, поэтому мы с ним на «ты». Я до сих пор изредка прошу его совета и всегда прислушиваюсь к его объективному мнению.

— Думаешь, она возьмет, Повелитель? — не слишком-то и скрывал беззлобную усмешку мой боевой учитель.

— Надеюсь. Я должен попытаться, — отозвался я, пытаюсь скрыть свои истинные чувства.

Но обмануть того, кто знает тебя с детства, очень сложно. Айлонор покачал головой и посоветовал:

— Не лучше тебе самому все это преподнести и просто побеседовать с женой по душам?

— Я не могу просить прощения! Я прав. И я — Повелитель! — сорвалось с языка. Помолчав, спросил: — Что ты думаешь о ней?

Воин задумался. Осторожно подбирая слова, начал говорить:

— Эрика не такая, как мы. Она живет по собственным правилам. И знаешь, эти правила мне чертовски нравятся. Наша девочка — дар богов, необычна и непредсказуема. — Хмыкнул: — Чего только стоят ее выходки с каргаалом и костром!

— Поверь, ты далеко не все знаешь, — вздохнул я, с тоской вспоминая пылающую шелковую ткань. — Она сбежала в дикий лес, подружилась с демоном, называет его «коняшкой» и катается на нем верхом, — вынужденно признался, наблюдая за реакцией учителя. Пытался разобраться, один ли я способен испытывать шок.

Оказалось, что нет. Айлонор уставился на меня в немом изумлении, а потом... заржал. Отсмеявшись, принял серьезный вид и сознался:

— Вот что я тебе скажу, Повелитель... ты можешь сразу казнить меня любым способом, посадить в колодки или выслать, но, пока я жив, я не дам тебе ее обидеть!

Я с упреком посмотрел ему в глаза: «И ты, предатель!» Уже этого перетянула. Ну вот что в ней есть такое, заставляющее нас относиться к ней с любовью и уважением? Словно она — особенная?

— Отнеси. — На душе беспокойно. Мрачные предчувствия замаскировал надменностью.

— Как скажешь, Повелитель, — более ни словом не возражая, подчинился старый воин.

После его ухода я вновь занял наблюдательный пункт на втором этаже. Спустя какое-то время Эрика вышла в сад.

Я напряженно ожидал развязки.

Походив среди деревьев, женушка начала развешивать драгоценные украшения на дереве, более того, делала она это с немалым энтузиазмом, явно получая от процесса громадное удовольствие. Вскоре после того как она закончила, к ней присоединилась Манвэлиэль, в изумлении рассматривающая дерево. А эта упрямыца как ни в чем не бывало радостно пояснила:

— Ностальгия у меня! Новый год хочу...

У меня отвалилась челюсть. Возникло здоровое недоумение — что такое «Новый год» и где они берут столько золота и драгоценностей для украшения деревьев? Манвэлиэль что-то тихо шепнула ей на ухо, видимо пытаюсь уговорить и заставить передумать. Образумить, в конце концов! Куда там! Малышка добилась обратного эффекта.

Слова эльфийки жгли ядом:

— Я сейчас заплачу от умиления. Можешь передать, чтобы он не мыл то, чего у него отродясь не было!..

А это она о чем? Я ее в купальни еще не водил...

И снова дерзкий вызов:

— Благодарствую, господин мой! Позволил бедной сиротинушке порадоваться!

Я скрипнул зубами. Р-р-р!!! Сейчас убью! И каргаал не поможет! Ну что мне делать? Натянуть на голову юбку и отдать ей кресло правителя? Биться головой об стену? Чего она от меня хочет?! Если решила свести с ума Повелителя дреу, то ей это удалось!

Я еще долго стоял у окна, прислонившись лбом к холодному стеклу и бездумно глядя на сверкающее в заходящих лучах солнца дерево. Позднее послал в сад дреу, приказав собрать украшения и отнести их обратно в сокровищницу Повелительниц. Да, у нас есть и такая. Там женщины правящего Дома хранят свои безделушки.

Утром мне зачем-то понадобилось выглянуть в окно, и там я увидел... Да как она смеет?! Между деревьями красовалась растянутая тряпка с оскорбительной надписью. Ну все! На сей раз она зашла слишком далеко! Меня заклинило, отказали все чувства, кроме кристальной ярости. Я несся по коридорам в покои жены, мечтая лишь об одном: поставить на колени и заставить умолять о прощении. Я хотел уничтожить мерзавку, убить, стереть с лица земли! Никому не позволено оскорблять Повелителя! Никому!

У дверей меня перехватил Айлонор и, видя мое состояние, попытался предотвратить расправу и вразумить невменяемого господина:

— Остановись! Успокойся! Ты пожалеешь потом!

— Уйди с дороги! — прорычал я, отшвыривая стража в сторонку. — Сам разберусь со своей женой! — И вошел.

Эрика стояла у окна с Манвэлиэль, которая при виде меня прикрыла девчонку собой, чем окончательно ввергла меня в неуправляемое бешенство. Но не успел я сделать и шага, как Эрика с абсолютно невозмутимым видом прочла мне строгую нотацию. По ее словам выходило, что она во всем права, а я невоспитанный кретин.

Не отреагировав на выпад, я с трудом смог выдать из себя вопрос, давая последнюю возможность избежать катастрофических последствий.

Девчонка совершенно неискренне сделала удивленное лицо. Я пересек комнату и развернул ее к окну. Указал на тряпку, изо всех сил стараясь контролировать силу и эмоции. Последовавший ответ вызвал у меня шок и заставил задуматься:

— Хм, а где там написано, что это конкретно о вас?..

— Я тебя убью! — пригрозил по инерции, начиная потихоньку остывать.

На мою угрозу Эрика отреагировала удивительно спокойно:

— Можешь, но не будешь...

— Почему? — заинтересовался я и получил в ответ логическую выкладку.

Сказать, что она меня удивила, — значит не сказать ничего. Я действительно не ожидал от ограниченной женщины, да еще беспамятной иномирнянки, столь трезвой оценки ситуации. В нескольких местах она ошиблась, кроме приведенных вслух способов расправы я бы нашел еще пару десятков способов и причин... но мне уже не хотелось в этом копаться. Обняв жену за плечи, я двумя пальцами приподнял ее подбородок, вглядываясь в глаза этого поразительного существа в надежде найти ответы на мучающие меня вопросы.

Но там были внешнее спокойствие, внутренняя готовность отвечать за свою выходку и... жалость. Она меня жалеет? Да, низко я пал!

— Жена, чего ты от меня хочешь? — не выдержал я, надеясь одним махом найти обоюдовыгодное решение проблем.

В ответ получил честное:

— От тебя? Ничего.

В голове помутилось. Все! Больше мне не выдержать! Если не хочу окончательно потерять лицо, ударив ее кулаком... или примитивно изнасиловать прямо на полу, я должен был уйти немедленно.

И Повелитель ушел, напоследок выместив злость на ни в чем не повинной двери.

Последующие дни я метался, не находя выхода, передумав о чем только можно и усиленно избегая встреч с женщиной, похитившей мой блаженный покой. Так долго не могло продолжаться, и, решившись, я вызвал к себе Манвэлиэль. Уже не приказывал — просил:

— Помоги мне! Поговори с Эрикой, я должен знать, как мне поступить.

Я не стал ждать ответа из третьих рук, не мог! Как зеленый юнец, тайком пришел под окно. Позор. Я слушал рассказ Эрики о прежнем мире. Неужели сообщество мужчин и женщин может пребывать в описанной гармонии? Как такое возможно?

А уж с какой неподражаемой теплотой и нежностью моя Эрика заговорила о любви... Из глубины души поднялась волна гнева и жгучего протеста. Она не может никого любить, кроме меня. Я не позволю! Она моя! Пробудилась ревность, опутывая ядовитыми щупальцами разум и лишая последних крох рассудка. Она лютым страхом терзала сердце, душила во мне пробудившееся светлое чувство. Кто посмел? Кто он, мой удачливый соперник? Убью! Р-растерзаю обоих!

И, как отражение моих мыслей, вопрос Манвэлиэль...

Затаив дыхание, выслушал рассказ жены о случившемся. Бедная, вот почему тебе было так больно! Разрыв связей с миром — чрезвычайно мучительная процедура, а если там остался тот, кто тебе дорог, — это вообще непереносимое страдание. Кто так поиграл с тобой? Боги? За что они столь страшно мстят тебе?

Я смотрел на ее силуэт в окне. О чем ты думаешь, девочка?

После подслушанного разговора пролетали дни, наполненные внутренней борьбой. Я не находил себе места, срываясь на всех подряд. Все валилось из рук. И постоянные, непрерывные мысли о ней, не дающие покоя. Почти лишаясь рассудка, приходил ночами в ее комнату — смотрел, как она спит, стискивал кулаки до боли, заставляя себя оставаться на месте, стараясь не думать о ее теле, таком близком и одновременно недоступном. Я слышал ее плач во сне и был не в силах облегчить ее страдания, потому что не мог, не желал потерять такой драгоценный подарок богов. На меня снизошло понимание — я люблю. Мне нужна она, только она. Хотелось мне того или нет, я попал в ловушку своей любви и гордости.

За все это время Эрика ни разу не спросила обо мне. Она меня вычеркнула, я исчез из ее жизни. Это причиняло боль, мучило, выворачивало наизнанку. Я не могу дать тебе свободу, родная. Что будет со мной, если ты оставишь меня? Как мне дать свободу от себя?

Не в силах больше выносить череду бессонных ночей, я загнал в угол проклятую гордость и пошел... за цветами. Да, Повелитель дроу сам рвал цветы... для любимой.

Достигнув заветной двери, я отпустил стражей и долго стоял, не решаясь зайти и раздираемый сомнениями. В конце концов я постучал. Дверь открылась, и мы оказались лицом к лицу. Она рада? Мне? Эрика держала в руках цветы и выжидающе смотрела на меня.

Тяжело давались непривычные слова, но они того стоили. На лице эльфийки сменилась целая гамма чувств: недоверие, изумление, радость... И я услышал слова, которых устал ждать и уже перестал надеяться:

— Я прощаю тебя.

Меня затопили облегчение и радость. Рванулся к ней, желая обнять, прижать и впредь никогда не отпускать от себя, но она остановила меня. Не волнуйся, любимая, — я подожду. Поверь, я умею ждать... Главное, что ты здесь, рядом, и у меня появилась надежда.

Вечером, как обычно стоя под окном, я слушал ее рвущее душу пение. Она пела впервые после бала. Позднее раздался голос, зовущий меня:

— Дар! Не прячься, я точно знаю, что ты здесь.

От стыда кровь бросилась мне в лицо.

— Как ты узнала?

Лукавая усмешка:

— Догадалась...

Куда бедному дроу деться? Ныне и во веки веков не укрыться мне от ее неженской пронзительности. Я покорно сознался в преступлении, расписываясь в своей беспомощности перед чарами жены.

Ее рука осторожно коснулась моей щеки, потрясая тончайшие нервные окончания. Накрывая узкую ладонь своей, я надеялся продлить это мгновение счастья. Потом отпрянул. Если не уйду сейчас — сорвусь, и отряд демонов меня из ее постели не выставит. Я рванул прочь, поспешно убегая от невыносимого соблазна.

— До завтра.

Я обернулся к ней и улыбнулся. Теперь я знаю, что такое любовь... счастье быть рядом с тобой, возлюбленная.

Глава 15

Если ты знаешь, чего ты не знаешь, ты знаешь гораздо больше, чем думаешь.

Эрика

— Гафф! Гав-гав, — заливалась за изгородью громадная собака.

Слушая ее низкий пугающий лай с подвываниями, я мечтала о двустволке, разлегшись на постели и раздумывая, с чего начать свой первый день свободы.

О! Припоминаю, совсем недавно меня грызло неуемное любопытство: как выглядит резиденция правителей, виденная мной лишь маленьким кусочком и то с черного хода? Выиграло желание подивиться красотой расписанного Марией волшебного сада. В общем, хотелось всего и сразу.

— Ваше величество, какие у вас планы на сегодня? — шурша юбками, вошла в спальню Маша, прерывая размышления. Глаза слегка подведены черным, на голове традиционная дулька с гребнем, серое платье сидит как влитое... Молодец! Не то что вялая с недосыпу госпожа.

Я поморщилась. Опять она «великает»! Ничего, мое состояние поправимо. Хлебну кофе, оприходу парочку бутербродов, залакирую сигаретой и оживу.

Поставив поднос с завтраком на столик возле окна, камеристка уселась на кровать и преданно поела глазами мое... хм... заспанное величество, ожидая оглашения расписания.

— Хочу выйти в белый свет! — постановила я. Откинув легкое одеяло, выбралась из кровати, не обращая внимания на внезапно расширившиеся глаза компаньонки.

А та отреагировала странно:

— Ик! — Началась тихая паника. Дроу взволнованно переспросила: — Куда?!

— В свет, — повторила, медленно одеваясь.

Решила — наверное, помощница с первого раза не расслышала. Вспомнив просьбу-предупреждение благоверного о недопустимости разгуливать в джинсах, я, так и быть, остановила свой выбор на летнем простеньком платье прямого силуэта, цвета слоновой кости.

— Ты уверена?.. — тихо прошептала Мария. Камеристка всхлипнула и вдруг сорвалась с места, крепко притиснув к себе за талию и оглашая окрестности криками: — Нет! Не пуцу! Только со мной вместе! Или лучше — после меня!

— Маш, ты сбрендил? — прохрипела я, мучительно выкручиваясь из силового захвата. — Натощак с утра с недовольным Повелителем переобщалась? Квасу старого хлебнула? Или белены объелась?

— Нет! — продолжала твердить как заведенная слетевшая с нарезки без очевидных причин молодая дроу.

— Слушай, — я вспомнила правила обращения с буйными сумасшедшими и постаралась как можно меньше нервировать выпучившую глаза Машеньку, — ничего страшного, понимаю... — Ласковым голосом попыталась утихомирить слегка чокнутую наперсницу: — Сколько той жизни! Если тебе влом, так и скажи. Не проблема, я сама туда пойду...

— Не-э-эт! — снова завопила эта скорбная рассудком и попыталась придушить законную правительницу.

Лишить меня жизни в одиночку ей показалось мало; она зазвала на голубой огонек свидетелей... или сообщников, это с какой стороны посмотреть. В смысле если смотреть — то свидетелей, а если участвовать — то уже сообщников. Сейчас проверим.

— Помогите же хоть кто-нибудь! — задыхающимся от слез голосом аварийной сиреной

надрывалась компаньонка, видимо параллельно решив подработать соковыжималкой.

— Машка! — не выдержав предельного сжатия, завопило мое смятое до конфетного фантика величество. — Зараза, отстань от меня!

В коридоре раздался многоногий топот, и в комнату ворвалась с оружием наголо бравая пятерка МЧС во главе с Айлонором. Резко затормозив, последний удивленно воззрился на нашу тесную в прямом и переносном смысле слова компашку.

— Чего стряслось-то? — Дал свободной рукой отмашку на прекращение боевых действий.

Моя душевательница давилась слезами. Интересно, это муки совести? Тоже мне, помесь Отелло с леди Макбет. Умру тебе назло, а ты до конца дней своих будешь руки с мылом мыть. Хоть какая-то польза от меня потомкам останется.

— Эрика решила выйти в белый свет!!! — эмоционально, с тремя восклицательными знаками, наябедничала Машуня, страдальчески сморщив лицо, но бдительно не отцепляясь от почти сплюснутой и сипло дышащей Повелительницы.

— Э-э-эрика... — заморгал глазами друг, поправляя родовой медальон, в процессе бега запутавшийся в отложном воротнике белой батистовой рубашки и прихвативший цепочкой ворот длинного безрукавного камзола. Вдруг рухнул на одно колено, прижимая правую руку к сердцу и опустив голову. Глухо сказал: — Т-твое решение поспешно, и такой шаг вряд ли понравится Повелителю...

— Да он мне сам вчера разрешил! — возмущенно прохрипела моя царственная персона, активно сражаясь за каждый глоток кислорода и постепенно схватку проигрывая (а вы что хотели, с психами шутки плохи!). — Сказал, не возражает.

После моих слов началось такое... Мамочки! У них вирус безумия передается воздушно-капельным путем? Газы ядовитые кто распылил? Или виноваты зловередные электромагнитные излучения? По-моему, это называется революцией. Помните ленинское определение революционной ситуации: низы не хотят — верхи не могут?

По крайней мере, раздавались шумные крики о произволе в верхах и начали выдвигаться настоячивые призывы к выяснению мотивов невиданной жестокости. Рель меня потряс: он выразил желание самоотверженно подставиться под удар, но все-таки попробовать с глазу на глаз объяснить Повелителю ошибочность принятия подобного решения. Остальные устроили не то новгородское вече, не то казачью раду. Видела такую картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Кажется, мы продвигались в том же направлении. Гонцом опять-таки подписался Рель, чем прибавил себе уважения в глазах остальных...

Все бы ничего, при условии если бы я этот театр абсурда наблюдала издалека и сидя в мягком кресле.

Когда мятежная кучка созрела и повернулась ко мне, то обомлела. И немудрено! Благодаря Машкиным стараниям мое лицо приобрело отчетливый лилово-синюшный оттенок, а глаза вылезли из орбит.

— Повелительница, — торжественно начал Айлонор, снова преклонив колено и ошеломительно красивым жестом протягивая мне саблю на вытянутых руках (японские самураи плакали бы от зависти!), — прошу принять наши жизни в обмен на вашу и...

— Вашу ж медь, сволочи длинноухие! Вы че мелете? — оборвалось мое долготерпение. — Я теперь, чтоб вас не тревожить, всю свою жизнь взаперти сидеть должна?

В комнате повисла пауза. Все участники спонтанного саммита дружно скрипели мозгами, осмысливая мое заявление. До Айлонора дошло гораздо раньше остальных. Он вскочил на ноги и попросил Машу:

— Отпусти Повелительницу. Все в порядке!

— Что в порядке?! — возмущилась девушка, продолжая заливаться слезами и шмыгать носом. — Я ее отпущу, а она в свет уйдет?! Как я дальше жить буду с таким грузом на совести?

— Маш, не знаю, что ты там себе нафантазировала, но если ты меня не отпустишь, то я сейчас задохнусь, и твой гипотетический груз станет больше и тяжелее. Ни одна камера хранения не примет, — выдавила я на последнем издыхании длинную фразу.

Девчонка угрозу восприняла и хватку чуть ослабила, но все так же продолжала за меня цепляться.

— Рика, а что ты имела в виду под выражением «выйти в свет»? — спокойно поинтересовался Айлонор, присаживаясь в ближайшее кресло и укладывая обожаемую саблю на колени, обтянутые черными штанами.

— Что имела, то и в виду, — пробурчала обиженная и пожатканная Повелительница. Но, оглядев встревоженные лица, снизила до объяснений: — Хотела изучить окрестности. Дворец посмотреть, по саду погулять. А вы из этого целое трагедийное шоу с прологом и эпилогом устроили! Что, жаба давит?

После этого меня почему-то отпустили и даже отодвинулись в смущении, перестав замачивать в слезах. Что бы это значило?

— Эрика, — усмехнулся страж в ответ на мои пламенные речи, — в нашей культуре «выйти в свет» означает ритуальное самоубийство на жертвеннике богов. К тому же ты еще и оделась соответственно...

— Занавес! — ошизела я, переварив услышанное. — Вы действительно думали, что я эстетично перережу себе горло назло торжествующим врагам? Или в знак протеста в отместку за поруганную честь элегантно удавлюсь на статуе богини?

Присутствующие покаянно кивнули, не сводя с меня глаз.

— Зачем мне это? — задала вопрос в недоумении.

— Ну... вдруг ты сильно обиделась, — осторожно выдвинул причину Рель.

— Или тебе неприятен Повелитель, — добавил Малик.

— Да не дождетесь! — поставила я их в известность. — Мы, бабы, сильные: и мусор вынесем, и мозг, если нужно! Так что с подобными глупостями ко мне не приставать! Сначала небо на землю рухнет, чем я себя любимую жизни лишу! И до тех пор, пока небесные осколки по углам валяться и пылиться не будут, я бы попросила без намеков!

— Эрика, не сердись! — хлюпнула носом Маша. — Я как лучше хотела.

— Угу, — согласилась я, с нежной улыбкой людоеда взирая на девушку и одергивая помятое платье, — я так и поняла. Вернее, прочувствовала... на своих ребрах. Больше так не делай! — Сменив гнев на милость, пояснила: — Поначалу спроси, а потом кидайся. Потому как во многих языках есть понятия и слова, смешно или грубо звучащие для иноязычного индивидуума.

— Это как? — влез любознательный Малик.

— Это... — задумалась я, — например, в моем родном языке есть слово на «му», означающее неумного человека, который говорит или делает не то, что следует. Зато в другом «мудаг» переводится как «обеспокоен». На слух различить эти два слова почти невозможно. Пример грубый, но конкретный. Понятно?

Все согласились и разошлись, задумавшись и выискивая в запылившемся со временем запасе знаний похожие сравнения.

День прожит не зря! Лексикон моих друзей обогатился новыми фразеологизмами...

— И не проболтайте Повелителю! — крикнула я им вдогонку. После этого повернулась к Маше и зловеще потерла руки: — А ты будешь сейчас схвачена и наказана... экскурсией по дворцу и саду!

— Слушаю и повинуюсь, — уныло согласилась девушка, до которой, очевидно, дошло уже, насколько круто она влипла. Протаскаться целый день за любопытной

Повелительницей — это вам не булки с вареньем трескать...

— Веди меня, мой пилигрим! — процитировала я строчку из песни «Пилигрим».

Маша расстроилась еще пуще и попросила:

— Я, безусловно, виновата! Но, может быть, ты не будешь ругать меня нехорошими словами?

— А что, разве слово «пилигрим» у вас что-то неприличное обозначает? — удивленно приподняла брови правительница, выискивая себе платье неприметного цвета. Поскольку зеленый я уже носила без ущерба для жизни и здоровья, то и остановилась на нем.

— Оно мне незнакомо, — призналась дроу. Расшифровала: — Обычно те длинные незнакомые слова употребляются тобой в... э-э-э... тяжелых ситуациях. И они, как правило, оказываются непроизносимыми в приличном дамском обществе, поэтому я осмелюсь предположить...

— Не осмеливайся! Тебе не идет! — отрезала я, переоблачаясь. Напялив зеленое платье, разгладила складки и приказала: — Вперед!

И мы двинули в народ. То есть в белый свет. Тьфу ты! Ничему меня жизнь не учит. И мы пошли знакомиться с окрестностями и с обитателями.

Мария, знакомая со всеми коридорами и закоулками, быстренько привела меня в холл перед центральным входом.

Да-а, я бы тут сама три дня плутала и все равно бы забрела не туда, куда надо! Скорей всего, меня бы лихим ветром занесло к дверям спальни супруга, потому как неприятности со времени переселения со мной на «ты» и притягивались ко мне (или к определенным частям тела) магнитом. Но я-то точно знаю, что ТУДА мне НЕ надо!

Дроу подвела меня к солидным двустворчатым дверям, украшенным резьбой по дереву, и величественно кивнула несущим караульную службу стражам. Когда я прекратила крутить головой по сторонам, рассматривая великолепный старинный декор громадного помещения, то углядела восемь нацелившихся на меня роскошных пучков перьев.

Еще бы чуть-чуть — и ткнулась бы в эти пыльные метелки. Ну и обычай! То жрец с пылесосиралкой, то эти с приветом от мясника! Смотри как свои топорики замаскировали! Ни в жисть не угадаешь! В общем-то логично... Заходит враг, к примеру, а ему сразу вопрос под нос: угадай, дорогуша, а что у нас тут есть? И пока он прочихается, режь его тонкими дольками! Стратеги!

Ладно, не буду замечания по поводу пыли высказывать. Вдруг и вправду эта пылюка хитрый отвлекающий маневр и они ее холят и лелеют!

А тут я со своим культом чистоты им всю военную задумку вытрясу...

На всякий случай я сделала пару шагов назад и, зайдя сбоку, заглянула под металлический козырек каски ближайшего ко мне стражника. И как-то озадачилась: что ж ему, болезному, сказать-то? Все же меня в Смольном институте благородных девиц не обучали. Происхождения мы самого обыкновенного — пролетарско-капиталистического. Это когда нам забесплатно и побольше, а обратно за деньги и... (да, счас, фигушки!) и тоже побольше.

Хотелось ткнуть под ребро с криком «ку-ку!», но страшно... Вдруг вместо врага меня порубит? Нетушки! Я привыкла функционировать целым организмом и менять своих привычек не желаю!

И чего мужчина так отморозился? Может, манекенов наставили и на рабочей силе экономят? Чтоб сверхурочные не платить?

— Маша, — тихо позвала я, — мне сейчас по вашему гре... дол... великомудрому этикету какой текст полагается сказать?

— Просто поздоровайся и похвали за службу, — посоветовала девушка.

— И этого хватит? — подивилась я неприятельности служак. — И все горячее приветствие? Не проблема!

— Как бы и этого много не было, — пробурчала дроу, отодвигаясь подальше от стражи.

Длительным опытом общения с воинским составом я не обладала, потому, вооружившись знаниями из художественных и документальных фильмов, вышла на середину зала, согнула руку в локте, сжав кулак в приветствии «рот фронт», и проорала:

— Зрав! Же! Тов! Боцы!

Блямц! Дзинг! Трах! Бубух!

— Ик! — Хорошая все же у меня интуиция, далеко меня отвела от места железного побоища. Спасибо тебе, огромное чутье мое!

Уй! Счас они свои консервные банки помнут, и кто ж их оттуда, убогих, выковыривать будет? Где взять консервный ножик такого размера? Хотя он у них наверняка есть! Ой, а вот это был дорожный паркет! Именно что был... после того как в него пару-тройку раз вонзились крохотные пудовые топорики, паркета просто уже нет. Пол есть, а паркета нет!

— Мальчики, — попыталась я прекратить беспорядочную свалку металлолома, — нельзя ли потише? — Проводив взглядом летящий предмет непонятного назначения, разбивший одну из чудесных ваз, констатировала: — Нельзя... Понятно!

— Эрика, ползи сюда, — позвала Маша откуда-то из-под завалов, — отлежимся вместе.

— Русские не сдаются! — отвергла я подобную перспективу. — Ай! — Меня чуть не сделали ниже на голову. — Что-о? Меня-а? Будить?! Все! — Прочистив горло и забравшись на балюстраду лестницы второго этажа, я подбоченилась, набрала в грудь воздуха и заорала: — Ти-их-ха-а! Всем лечь лицом вниз, руки за голову! Выполнять команду старшего по званию!

Блямц! Блямц! И так восемь раз по ушам. Но залегли ровно, рядком, любо-дорого смотреть!

— Молодцы! — рявкнула я. — Разрешаю встать после моего ухода! — И скомандовала Маше: — Бежим отсюда скорее, пока Дарниэль не приперся!

И мы выскочили за дверь, практически снеся ее с петель и наплевав на массивность и неприступность. И ничего удивительного! Если одну женщину выставить против восьми спящих на посту мужиков, то она их запросто сметет голосовой волной. А нечего на посту спать! Но ребят жалко...

— Повелитель уехал по делам, — пропыхтела сзади Маша, застревав в двери.

Чудненько! Значит, время есть! Выдернув из дверей девчонку, я рыкнула в закрывающуюся щель:

— Быстро все привести в порядок! Я покараулю!

За дверью замельтешило и забрякало...

Поправив прическу и по-акульи широко улыбнувшись стоящим снаружи ошалевшим парням, кокетливо призналась:

— Вот... погулять захотелось...

Они вытянулись во фронт, стукнув алебардами, и кто-то, похоже, сделал отвращающий беду жест. Будем считать — привиделось. Постояв на бескрайнем мраморном крыльце, вдохнула столь желанный воздух свободы и танцующей походкой поскакала вниз по ступенькам, желая рассмотреть владения в перспективе.

Квадрат внутреннего двора, образованный п-образными крыльями здания, и

разбегающиеся во все стороны парка дорожки давным-давно замостили прочной терракотовой плиткой, благодаря которой многочисленные обитатели дворца в непогоду не месили грязь, а в жару не дышали пылью.

За четкой, уставленной скамьями границей дворика шел парк, организованный по старинным принципам Средневековья. На многочисленных террасах ровными квадратами высились фруктовые деревья, между которыми вместо традиционного изумрудного газона на грядках росли овощи и различные лекарственные, пряные или экзотические травы.

Остановившись на отделанной разноцветным камнем террасе, огляделась... Наиболее распространенной защитой грядкам служили виноград, яблони и груши, подрезанные ветви которых образовали своеобразные шпалеры. В декоративных овощных посадках преобладали репа, горох, капуста, свекла, морковь и салат-латук. Овощи выглядели на редкость нарядно, словно чудесные цветочки.

В низине, где было теплее, под ветвями сакуры, персиков и слив зеленели экзотические лекарственные и пряные травки. Чуть в сторонке, на противоположной центральному двору части сада, там, где низина из подножия плавно переходила в новый холм, высились теплицы. В них созревали цитрусовые и некоторые другие виды теплолюбивых растений.

На середине холма, между кустарниками сирени и дрока, круглый год буйствовали яркими клумбами всевозможные однолетники и многолетники под срезку на букеты.

Поливная система, нечто наподобие помеси римских акведуков и азиатских арыков, надежно снабжала водой флору сада. Подозреваю, вместо насосов двигателями работали магические источники, но утверждать не могу. Не разбираюсь.

Налазившись с Машкой по саду до посинения, перенюхав сотню-другую цветов и прогоняв рысью не один десяток километров, я свалилась на близлежащей к дворцу лужайке без сил.

— Маш, как же у вас красиво! — призналась, подставляя лицо ласковому теплому ветерку.

— А у вас? — немного ядовито поинтересовалась дроу, должно быть болезненно переживая за испорченное дворцовое имущество и подсчитывая убытки.

— «А у нас в квартире газ!» — парировала я, находясь в благодушном настроении и любя целый свет, исключая собственного мужа. (Его мне любить не хотелось, больно шустрый. Токо расслабишься — сразу орущий портрет в пленках заполучишь и пинком на кухню полетишь — обед готовить!)

Солнце, до того нежно гревшее кожу, начало ощутимо припекать. Мне захотелось в уютный полумрак спальни. Кряхтя и постанывая, собрала расплывшиеся мощи и поплелась к входу, сопровождаемая унылой компаньонкой, непрерывно бурчащей себе под нос.

— Маш, ты тезисы для предвыборной речи готовишь, да? — полюбопытствовала Повелительница, с натугой поднимаясь по ступенькам и остатками прежней иномирянской души пламенно мечтая о лифте.

— Нет, — простонала наперсница, утомленно полузакрыв свои глазки, — составляю последнюю волю!

— Зачем? — изумилась я, забыв про усталость. — Для тебя эта небольшая миленькая прогулка настолько тяжела и непосильна, что ты собралась с ходу окочуриться?

— Для меня эта небольшая миленькая прогулка с источником неприятностей и стихийных бедствий, скорее всего, станет последней, — высказалась дроу, сверля мою спину яростным взглядом. — Когда Повелитель увидит последствия своего неосторожного решения, я буду казнена с чрезвычайной жестокостью и конфискацией родового имущества!

— НЕ-А! Он не только тебя не накажет, а даже очень обрадуется! — заверила я ее, пытаясь

из последних сил, словно паровоз, но упорно приближаясь к цели.

— Да? — Маша даже остановилась. — Почему?

— Потому! — уверенно пожала плечами я. — Все могло быть намного хуже!

— Куда уж хуже? — простионала несчастная девушка, подползая ближе.

Я снисходительно посмотрела на Фому неверующего, перевела орлиный взгляд на дворец и после паузы индифферентно заметила:

— Он мог лишиться дома.

— ...! — плюхнулась дроу на ступеньки, видимо осознавая масштаб миновавшей Повелителя (и ее саму) катастрофы. — Спасибо!

— Всегда обращайся! — проявила я вежливость.

При виде двух хрупких, маленьких дам мальчишки отчетливо задрезжали металлическими частями костюма и попытались прикрыться щитами: типа они мне честь отдают. Хм... а мне нужна их честь? Вроде своей хватает... Не-а, чужого не возьму — вдруг испортится и завоняет.

— Вольно! — скомандовала я. — Маш, ты как хошь, я — домой!

Вояки тревожно переглянулись. Два самых смелых и отважных парня робкими, неуверенными жестами потянули на себя створки дверей, открывая мне проход.

— Мерси, — учтиво поблагодарила неожиданно галантных кавалеров и вползла внутрь, непринужденно волоча на прицепе камеристку под всеобщий вздох облегчения.

Вот так и учат Родину любить!

Внутри кипела приятная моему хозяйственному глазу работа. Сновали лакеи в ливреях, работали краснодеревщики, стояла навтыжку бодрствующая стража.

— Занимайтесь-занимайтесь, — пробормотала я, пытаюсь незаметно просочиться в коридоры, а дальше в свою комнату.

При звуках моего ангельского голоска все присутствующие замерли, боясь вздохнуть. Что это с ними? Мгновенная магическая заморозка? Или всеобщий тяжелый паралич?

— Ваше величество, прошу вас, постойте! — подлетел ко мне представительный мужчина средних лет и склонился в глубоком поклоне.

— Это кто? — негромко спросила я Машу, не желая оконфузиться.

— Дворецкий Тасканиэль, — беззвучным шепотом ответила она.

Ух ты! Вот это имечко! Или прозвище? А может, специально такого для соответствия подбирали? Типа указующей таблички: «Пру!» (надеюсь, в меру и с умом).

— Чем обязана? — фыркнула я, старательно сдерживая рвущийся наружу хохот.

— Ваше величество! Позвольте вашему ничтожному слуге представить вам дворцовую челядь! — торжественно произнес мужчина с говорящим именем, не прерывая угодливого поклона и метя косой пол.

Я с интересом пронаблюдала, как кончик его пегой косы приближается к краю разломанной дыры.

— В другой раз.

— Но, ваше величество, а как же этикет? — попытался выдвинуть весомый, с его точки зрения, довод мистер Потаскун, ой — господин Тасканиэль, чем разозлил уставшее величество до глубины тонкой, ранимой души.

Сделав шаг в сторону и заставив его шагнуть за мной, я все-таки дождалась, когда коса попадет в разлом и зацепится за острый выступ.

— Мы не в настроении, — выдвинула свою отмазку.

Но эта усатая холера, выеденная этикетом до спинного мозга, легко отмела возражение как жалкое и несущественное, продолжая настаивать:

— Ваше величество, так полагается!

— Кому? — сыграла я в «дурочку».

— Вам!

— Зачем? — продолжала я свою игру, тактически отступая в направлении убежища, надежно прикрываемая Машей с тыла.

— Так положено, — не мог угомониться дворецкий, двигаясь за мной. Коса потихоньку натягивалась.

— Кем? — Спасительный коридор был уже близко.

— Этикетом, — преследовал меня ненормальный.

— Зачем? — пошла я на второй круг под тихий хохот Машки за спиной.

— Положено! — рванулся ко мне мужик и был отброшен назад.

Да, да! Си! Йес! Зер гут!

— Кем положено, тот пусть и возьмет! — хохоча, сбежала я от знатока этикетов и бесчисленной вереницы челяди.

На наше счастье, Дарниэль приехал лишь через пару дней и не застал устроенной мной разрухи. Если ему кто-то и наябедничал, то супруг тактично промолчал в надежде завоевать мою благосклонность. Впрочем, наивной я никогда не была и проследила за каждым участником моей первой прогулки: никто не пострадал, но и стража на посту больше не спала!

Глава 16

Если тебе роют яму, не мешай. Закончат, сделаешь бассейн!

Эрика

Все изменилось. Мы с Даром встречались каждый день и учились понимать друг друга. Мне хотелось показать ему, как можно жить и радоваться всякому прожитому дню. Не приказывать, не повелевать, не следовать долгу, а наслаждаться каждым подаренным свыше мгновением. Я научила его лежать на спине и мечтательно смотреть на белоснежные облака, угадывая в них затейливые фигуры или знакомых, а иногда — фантастических животных. Подговорила его подражаться подушками и пострелять друг в друга косточками от фруктов. Для него эти обычные мелкие радости, милые легкомысленные шалости стали откровением. Он не постигал, как можно просто быть рядом и молчать, понимая другого без слов. Вечерами мы читали и совместно обсуждали книги, или же Дар рассказывал мне про новый мир. Иногда я пела ему.

Однажды, соскучившись, я попросила позвать ребят из охраны. С тех пор наш кружок незаметно расширился. Многие дроу, послушав мои песни один раз, приходили опять и навсегда оставались в круге общения. По вечерам моя комната теперь напоминала клуб по интересам: мы смеялись, спорили, обсуждали, резались в карты...

— Хожу червовой дамой!

— А я ее крою пикой!

— Здравсте Тьма, пика была козырем в прошлый раз!

— Хастабырррр! Опять мне «дураком» быть!

Каюсь. Грешна. Научила на свою голову. Но очень уж хотелось посмотреть на Повелителя с «погонами» из «шестерок». Правда, вскоре «погонами» на обоих плечах щеголяла уже я. Куда мне до него, с его привычным умением просчитывать любой расклад на десять ходов вперед!

Дарниэль вел себя на удивление деликатно и терпеливо, не предпринимая никаких насильственных попыток к физическому сближению. Были, конечно, «случайные» прикосновения и страстные взгляды украдкой, а еще он взял привычку расчесывать на ночь мои невыносимо длинные волосы. Вот этого пристрастия у мужчины мне не понять, но и особо возражать по данному поводу я не стала. Какая разница, кто эту тяжеленную копну распутает? Лишь бы лысой не оставил! Вообще-то длина волос раздражала и мешала жить нормально: слишком тяжело и неудобно. Иной раз к вечеру от тяжести болела голова. Но лишь заикнувшись о том, что неплохо бы укоротить мою гриву хотя б до талии, я получила категорический отказ. Дружная тройца: Дар, Маша плюс Айлонор — била себя пятками в грудь, чтобы я не смела этого делать.

Глядя на мои надутые в обиде губы, Дар дипломатично посоветовал мне:

— Не выдумывай, лучше мысленно перенеси талию в район коленок!

На этот исключительно мудрый совет я ехидно напомнила:

— Милый, а где у нас принято держать свою руку на теле партнерши во время танца?

Этот прохиндей задумался и мигом нашел решение:

— Вот здесь! — Он просто поднял меня вверх и, обхватив под коленями, сообщил: — Согласен танцевать так всю жизнь!

Р-р-р! Хитрец!

Маша тайно обижалась на меня и Дарниэля из-за того, что мы лишили камеристку последней радости — сняли обязанность по приведению моих волос в божеский вид, мол, она теперь не пойми кто. В ответ на ее истерику я порекомендовала ей заткнуться, поскольку, по моему мнению, сестры к прислуге никоим образом не относятся. В итоге Маша осталась счастлива до обалдения, Дар был ошарашен, Айлонор до сих пор

временами хихикает на этот счет, прикрываясь рукавом.

Лапа у Сильван зажила, но кошка уходить отказалась. Честно говоря, я предлагала каргаалу свободу, хотя решение остаться меня радует.

Я по-прежнему часто ходила на озеро и тайком каталась на вороном жеребце. Дар жутко злился, но страдал по этому поводу молча. Он немного успокоился лишь тогда, когда я стала брать с нами в лес кошку.

На днях мне попала книга с описаниями обрядов дроу. Прочитав, я ржала так, что собрала всех дроу, отирающихся неподалеку. В количестве где-то около двадцати персон. Развел Дар у себя во дворце прорву бездельников! Спрашивается, им нечем заняться, как только неподалеку от моей комнаты круги наворачивать? Других занятий у взрослых людей нету? Ну так я быстро решила данную проблему: лопату каждому в зубы — и копать сад и огород! Чую, плодов, ягод и овощей в этом году будет много! Как-никак большинство дроу имеют талант к магии земли.

Но я отвлеклась, вернемся к обрядам. Ой не могу, кто ж из бумагомарателей над дроу так жестоко поиздевался?! У этого «кого-то» была чрезвычайно буйная фантазия и исключительная нелюбовь к сексу как виду получения взаимного удовольствия. Нет, вы только вчитайтесь в эти выдержки и рекомендации:

«Когда соединяются мужчина и женщина в браке для зачатия наследника, следует немедленно посоветоваться с магами и богами, дабы определить благоприятный день для сего действия и до этого не касаться друг друга».

Угу, слюнки пускать и ресурсы копить.

«Когда наступит сей благословенный день, жену следует подготовить по-особому».

Прямо кулинарная книга! Возьмите щепотку соли, щепотку специй, перед тем как ставить в духовку, присыпьте гуся сверху...

«Волосы ее должны быть убраны наверх, ибо отвлекают они мужа от процесса сего...»

Разумная предосторожность. А то, не дай бог, она его заловит после месяцев воздержания, спеленает волосами, и весь «процесс» насмарку!

«Убранные волосы рекомендуется украшать всевозможными амулетами, способствующими зачатию и предотвращающими неудачи...»

Офигеть! Местная виагра в действии! Если у вас не встало, то покрутите амулет. Фетишисты ушастые!

«Платье ее должно быть длины и ширины соответствующей, так как вынашивать и производить наследника рекомендуется именно в нем...»

Ага. И носить его всю оставшуюся недолгую жизнь. «Экономика должна быть экономной!» Вот так и наживаются состояния!

«Жене вменяется встречать мужа своего в позе соответствующей: лежа на спине с вытянутыми руками и приподняв платье свое выше колен. На лице вуаль, дабы не смущать мужа своего заплаканным лицом. Должно не отвлекать его внимание телом своим, но быть доступной по первому требованию...»

Эй, а помыться, помиловаться, обняться-поцеловаться? Или гигиена в процессе размножения — дело сугубо необязательное? Неподвижная, с закрытыми глазами и вуалью на роже, задрав до горла юбку... Ужас! С ума можно сойти, я сейчас прям скончаюсь от смеха! Это ж какую крепкую конституцию мужику нужно иметь, чтоб от этого зрелища импотенцию не заработать! А заплаканное лицо — в смысле? Надо понимать, наша девушка рыдает без мужской ласки? Вконец истосковалась? Или с досады, что, садюга этакий, до постели наконец добрался и бедняжке еще пару лет ждать знамения не придется?

А вуаль? Это из общего гуманизма, чтоб мужик не видел, с КЕМ ему, бедолаге, во имя продолжения рода приходится иметь дело? Или просто для сохранения общей интриги?

Ну конечно, кто ж спорит, если мужик свою благоверную за много лет в глаза не видел, фамильярничать с ней как-то не получится. Мало ли... откроешь вуаль, а там ТАКОЕ...

«Глаза жены должны быть закрыты, так как обязана она возносить молитвы богам...»

Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

«Муж должен возлечь на жену свою и трудиться не щадя живота своего...»

Как у вас интересно детей делают... Не поняла, при чем тут живот, но в остальном необычный процесс очень вдохновляет.

«После благополучного окончания процесса мужу надлежит возблагодарить жену свою и уйти к себе...»

Ага, бежать без оглядки. Конечно, чьи бы нервы это выдержали!

«Жена, не меняя позы своей, должна оставаться так до утра».

Естественно, ей только и остается в продолжительном обмороке отлеживаться, отходя от подобного кошмара.

«После того следует дожидаться результата, при неудаче повторить».

Вот-вот! Если клизма не помогла, при неудаче повторить.

В общем, «этим самым» дроу занимались скромно аж до ненавязчивости... В конце чтения у меня уже случилась истерика, я подвывала от смеха и просила прощения у Дара за то, что гоняла его фаерболами. Я же не в курсе была, что он по авторитетным рекомендациям действовал! Утирая слезы, я посоветовала ему подать в суд на составителя подобной инструкции по эксплуатации жены.

Присутствующие при чтении дроу на меня дружно окрысились, заодно поинтересовавшись — как, по моему мнению, должен проходить этот знаменательный акт. Пришлось срочно выудить Камасутру в картинках и пожертвовать на бедность. Бегло пролистав книжку и одним глазком поглядев картинки, все — и мужики, и дамы — дружно покраснели и сказали, что им без надобности. Я равнодушно пожала плечами: «Была бы честь предложена!» Но после того как вечером все разошлись, почему-то со столика исчезли все экземпляры. Мало того, в течение нескольких дней каждый из тех, кому «без надобности», приходил за более подробным переводом. И смех и грех... хорошо хоть наглядно демонстрировать не просили!

В общем, веселье в темноэльфийском дворце текло рекой, пока...

Рано утром, с первыми лучами солнца, ко мне ворвался Дар, размахивая какой-то бумажкой. Обрадовал:

— Эрика, тебе надо срочно уехать! Немедленно собирайся!

Я не сразу проснулась, но когда кое-как, с помощью чашечки горячего кофе смогла прийти в себя, у меня глаза на лоб полезли:

— С какой стати мне уезжать? Ожидается нападение? Землетрясение? Наводнение? Может, ты от меня, благоверный, в конечном счете утомился?

— Эрика, не говори глупостей! — рявкнул Дар. — Сюда приезжает твой отец. Любящий батюшка хочет проведать свою доченьку и самолично увидеть результаты договора, — объяснил мне взбудораженный Повелитель.

Я сузила глаза. Класс! Приятная возможность, с ума сойти! «Катился паровоз, колеса терлись... А вы не ждали нас — а мы приперлися!» А впрочем... сам нарвался. Вот тут мы, дорогой папочка, с тобой и поквитаемся!

— Не поеду! — категорично отвергла предложенную перспективу бегства.

Дар стоял передо мной расхристанный и побагровевший, широко разевая рот от нехватки воздуха.

— Ты забыла? Или не соображаешь? Он же сразу поймет, что ты не его дочь! Будет грандиозный скандал, и «результат» мы ему тоже предъявить не сможем, — пытался воззвать к моему разуму.

Хмыкнув, я не могла отказать себе в возможности съехидничать:

— А что конкретно в этом случае тебя волнует, муженек? То, что обнаружит, или то, что результата нету?

Дарниэль после моих слов впал в коматозное состояние. Глаза стеклянные, физиономия деревянная, левый глаз мелко подергивает нервным тиком... «Ушел в себя, вернусь не скоро». Опа! Нет, глядите-ка, таки отмер и повысил голос:

— Меня волнует, что ты можешь пострадать!

Приятно. Мой мужчина трогательно, хотя и своеобразно заботится о супруге. Но... неубедительно!

— И долго мне, родимый, бегать предлагаешь? До летающих тарелок на горизонте? Или до пришествия Демиургов? — ненавязчиво поинтересовалась я. Так, на всякий случай. Просто случай мне весьма не нравился.

Дар закашлялся:

— Я не знаю, что такое «летающие тарелки», но...

— Так сколько? — клещом вцепилась я.

— Столько, сколько будет нужно! — отрезал Повелитель. Даже когда он рычал, глаза невольно снимали с меня рубашку, чувствовалось — так бы и проглотил целиком.

— Не поеду! — уперлась я, чем окончательно вывела его из терпения.

Меня стали урезонивать на повышенных тонах, насилуя воплями мои чуткие уши:

— Ты отдаешь себе отчет о последствиях? В лучшем случае он расторгнет договор и начнется война, а в худшем — тебя просто убьют, понимаешь?!

В проеме двери показались охранники — забеспокоились, что тут у нас с ним творится.

Я мрачно посмотрела на него и отчеканила:

— Никуда я не поеду и прятаться не буду!

Да что ж у него за привычка дурацкая, у мужлана невоспитанного... трясти меня по каждому поводу, как погремушку, и орать:

— Ты поедешь! Я не хочу тебя потерять! Я тебя люблю!

Упс, вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Приплыли! В таких случаях принято нежно проворковать: «Я тоже» — и целовать в сахарные уста. А потом затемнение и занавес.

Фигу! Я не могу, потому что это неправда. Сказать: «Иди ты лесом»? Тоже не соответствует истине. Я отвлеклась от насущной проблемы и принялась размышлять: «Да, он мне нравится. Но «люблю»? Нет. Не знаю. Посмотрим...»

Меня снова потрясли, в смысле — непочтительно погрели мои бедными косточками. Я решила не впадать в меланхолию прежде времени. Отложив на потом археологические раскопки собственных переживаний, вынырнула из отражений внутреннего мира и безапелляционно высказалась:

— Дар, не глупи. Он же не дурак, ваш светлый Владыка. Безусловно, князь легко вычислит обман, если я внезапно без предварительного согласования покину дворец и, задрвав хвост, срочно уеду. Хотя ситуация довольно-таки неприятная, признаю... Знаешь, мне кажется, я догадываюсь, как нам выбраться из этой ситуации. Надо только посоветоваться и хорошенько обдумать идею. Собери всех, кому доверяешь. — (Лицо мужа все еще выражало непреклонность.) — Пожалуйста-а-а-а, — заныла, прекрасно

зная: Повелитель на дух не переносит моего нитья.

Дар задумчиво смотрел на меня минут пять, перебирая пальцами левой руки сережки в ухе и цыкая сквозь зубы. Видимо, просчитывал обстановку и расставлял по шахматной доске политические фигуры. Закончив свой мысленный геймплей, неохотно согласился:

— Хорошо. Но если твой план не подойдет, я тебя свяжу и уберу отсюда насильно!

— Какие у тебя странные эротические фантазии, шалунишка! — лукаво усмехнулась я. — На что это ты намекаешь?

Повелитель ругнулся и выскочил за дверь.

Собралось нас человек десять, вернее — девять дроу и одна я, не пойми кто, но вся из себя замечательная! А что? Могу я сказать себе иногда приятное? Но вернемся к нашим баранам, пардон, «Папашке и Компании». Когда я изложила свою идею, на меня сначала замахали руками, следом — огульно закритиковали. Потом (не прошло и часа!) полезли изучать Уложения Кодекса Разума и Чести. Флаг вам в руки, причем — один на всех. Живете и своих же законов не знаете! Я тоже не родилась такая умная, просто много и вдумчиво читаю нужный материал. Надо же быть в курсе законодательства страны, где живешь! Вдруг у них тоже «Незнание закона не освобождает от ответственности. А вот знание нередко освобождает»?

После пристального, чуть ли не побуквенного изучения статей закона мои умники еще раз подумали, подправили кое-где дополнительные детали. Айлонор хлопнул себя по колену:

— А ты знаешь, девочка, может получиться! Ты-то справишься?

Я пожалала плечами. Задача предстояла трудная и опасная, но желание нагадить от широкой русской души папаньке, подкинувшему единственной дочке такую подлянку, грело мне сердце и придавало энтузиазма.

Дару все катастрофически не нравилось, но возражений не последовало, потому что придуманный выход дал реальный шанс не допустить войны. А и хорошо, что он пессимист, зато видит недостатки. Хм, сказала оптимистичная Повелительница!

В общем, мы начали готовиться. Сначала Маша придушила меня лентой — измерителем размеров, потом истыкала иголками, следом Малик снял мерку с ноги, а потом я уехала на два дня в провинцию, в гости к семье Айлонора. Подумать за жизнь, проветриться...

Обратно пришлось нестись галопом, потому что этот... (вымарано самоцензурой) ясновельможный негодяй приперся раньше, чем обещал.

Р-р-р!!! Владыка свое по-любому получит! Отоварим в лучшем виде. Уедет отсюда папочка, хлопая ослиными ушами идиота.

Экипировали меня «на дело» без Дара, он уже «обчался» на высшем уровне.

— Айлонор, сожри лимон, ты весь светишься, — прошипела я, одергивая подол платья.

— Я не могу, — задыхался, краснея от натуги, Айлонор. — Ты себя в зеркале видела?

Укоризненно посмотрев на зажимающего рот, чтобы не заржать, мужчину, я сообщила:

— Ну видела. И что? Я сама это придумала.

Итак... Я прислушивалась к разговорам за стеной, стоя у массивных, украшенных резными филенками с позолотой дверей приемной, где проходила встреча «на Эльбе». Присутствующие официальные стороны — светлая и темная — с нетерпением дожидались появления светлой экс-княжны и Повелительницы дроу на торжественном завтраке. Трусилась немножко, если честно. Старалась держать себя в руках.

На мне было надето детское платье выше колен, кружевные панталончики, местный аналог слюнявчика и кружевной чепчик, из-под которого свешивались две косы, заплетенные «баранками». Так принято одевать здесь девочек в раннем детстве, по

нашему эквиваленту где-то до трехлетнего возраста.

— Ну пошли! С богом! — произнесла я, мысленно перекрестившись. Немного бесшабашного настроения, постепенно входим в образ...

— Повелительница Эланиэль! — заорал над ухом глашатай.

Маша схватила меня за руку и со словами:

— Ваше величество, пора завтракать, — стала втаскивать меня внутрь.

Я упиралась в дверях всеми конечностями и орала:

— Я не хосю-у-у есть касу-у-у! Она не кусная-а-а-а-а-а!

На этой ноте я оказалась внутри Малой приемной. Не сказала бы, что она на самом деле малая. Судите сами — какой-то гектар паркетных полов. Но ее декор мне нравится. Люблю приглушенные теплые оттенки и минимализм: бледно-голубой цвет отделки и мебель из светлого дерева радовали глаз. Под мебелью я подразумеваю в данном случае громадный стол и стулья. Говорю же, «минимализм», хи-хи.

В соответствии с нашим планом мы специально выбрали этот «автодром». Дарниэль должен был грамотно отсечь папенькину свиту и устроить семейный завтрак на троих без свидетелей. На эльфов мне было начхать, а вот перед дроу в таком экзотическом виде позориться не хотелось. Одно дело — до всего привычные свои... ну, может, для колорита еще пара-тройка случайных придворных, и совсем другое — послы и толпа малознакомого народу, которую принято приглашать на такие мероприятия.

Маша поклонилась правителям и обратилась с извинениями к Дарниэлю:

— Простите, Повелитель, она опять с утра капризничает!

Я немедленно засунула в рот указательный палец, поставила ноги колесом, свела глаза в кучку и принялась рассматривать своего папаньку.

Красивый, зараза! Блян... Упс, извините, увлеклась! Пепельный блондин с ярко-серыми жестокими глазами, которыми он сейчас пялился на меня. Пока мы друг друга в упор разглядывали, мне подумалось: «Точно, встреча светлой и темной сторон. Владыка оделся в белую, шитую золотом тунику и белые штаны, заправленные опять же в белые сапоги. И Повелитель во всем черном: камзол, штаны, ботфорты, одну лишь рубашку надел темно-синюю, под цвет глаз».

Не забывая увлеченно сосать палец, я стала тихонько бочком продвигаться к Дару, с детским непосредственным интересом посматривая на Владыку. Тот в свою очередь изучал меня как неизвестное цивилизованной науке насекомое. Ну в смысле выражения высшей степени брезгливости на холеном лице.

— Дорогая, нужно кушать кашу, она полезная, — подал реплику Дарниэль.

Завидую. Тренированный, гад! Умеет держать лицо в любом положении.

Я тут же перенесла внимание и поковыляла к нему, лепеча:

— Не хосю! — Заявила непреклонно: — Хосю кофету! — Добавила просяще-наивно, как умеют только дети: — Дас?!

Дар не успел открыть рот, как я до него добралась и потребовала:

— На учки! Хосю-хосю!

Муж усадил меня на колени. Поелозив у него на коленках, я занялась увлекательнейшим делом: откручиванием пуговиц, привлекая мое внимание блеском драгоценных камней. Спустя несколько минут, когда принесли мою кашу и сервировали легкий завтрак, состоящий из фруктов, сыра, свежего хлеба и вина, Дарниэль нравоучительно заметил:

— Ты должна себя хорошо вести. У нас гости. Приехал твой папа.

Видимо, пытался отвлечь мое внимание, чтобы остаться в приличном виде. А не такой он и непробиваемый. В глазах мужа видно умело скрываемый смех.

Сделав заинтересованный вид, я тут же оторвалась от своего занятия.

— Папа?.. — Мгновенно развернулась к Владыке. Заискивающе глядя в глаза, покланчивалась: — Папа хоесий? Игушку? — После слезла с колен Дара и двинулась к эльфу, с неприятным удивлением рассматривающего такое диво.

В это время меня поймала Маша, усадила за стол напротив папочки и подсунула тарелку. По этикету я была должна сидеть на другом конце стола, но в связи с моей «болезнью» меня пристроили поближе к «родственнику». Для полной наглядности, так сказать. Увлеченно ковыряясь в каше, я слушала разговор двух высокопоставленных особ.

— Когда вы сказали, что она больна, я не думал, что речь идет о столь тяжелом недуге, — с откровенным ужасом в голосе высказался Владыка.

— Сожалею, — непонятно за что извинился муж.

— И давно это с ней? — пытливо дознавался «папочка».

— Она упала на конной прогулке за пару дней до назначенного срока и очнулась сущим ребенком. Как вы понимаете, выполнить договор я не мог, так как наш закон запрещает супружеские отношения с партнером, не достигшим совершеннолетия по возрасту или по уму.

Папочку аж заколбасило, и он разродился речью:

— Я все понимаю, Повелитель, но вы не можете с ней развестись, не расторгнув договор!

«Другими словами, живи с этой дурой, и фиг тебе наследников от другой жены. Круто!» — мысленно прокомментировала я.

— Я ратифицирую договор в качестве постоянного без дополнительного условия о наследнике, если вы не расторгнете брак и моя дочь останется здесь навсегда!

«Вот ведь свинья эльфийская, брезгует дочуркой! Ну все!» — взбесилась я и, решив напомнить о себе, с криком:

— Бяка! — шлепнула ложкой в кашу, предварительно прицелившись.

Бинго! Я попала! Как же Светлый Князь потрясающе выглядит с кашей цвета детской неожиданности на белых одеждах, я не могу описать! Сказка! Авангард!

Папанька развернулся ко мне и зашипел:

— Ах ты, маленькая дрянь!

Вот как?! Получи, фашист, гранату!

Я открыла рот и заревела:

— Пахой папа! Пахой! — не забывая при этом тыкать в него полной ложкой с кашей.

Ко мне подлетел Дар, отобрал ложку, стал гладить по голове и успокаивать:

— Не плачь, солнышко! Твой папа просто очень устал и расстроился. — И, повернувшись в сторону Владыки, предостерегающе заметил: — Я прошу не забываться! С моей женой будьте любезны обращаться соответственно ее статусу!

Мне заступничество понравилось, и я заткнулась, не забыв напомнить:

— Дя? Кофету?!

— Хорошо, милая, будет тебе конфета, — вздохнул Повелитель. Громко приказал: — Манвэлиэль, принесите ее величеству конфету.

Мне тут же сунули в руки местный леденец, похожий на наши «Мятные», только еще ярче и липучее. Честно-честно. Я раз попробовала его использовать вместо клея. Могу подтвердить — клеит не хуже «Момент». Демонстративно засунув за щеку всю конфету, я тут же сообщила всем:

— Хосю писать! — заставив Владыку поперхнуться вином и вызвав у мужа приступ конвульсий от еле сдерживаемого смеха.

Дар подал знак Манвэлиэль увести меня, но строго заметил:

— Вы плохо себя ведете, дорогая! Вы не попрощались с вашим отцом! Что он подумает о вашем воспитании?

А, ну это... мы не против! Я перелезла через стол, сшибая хрусталь и фарфор на пол, радостно повесилась папочке на шею и от души, с огромным удовольствием обшлюнявила ему все лицо леденцом, поставив себе на заметку: потом почистить зубы. Мало ли, приходится тут всякую дрянь в рот тащить!

Манвэлиэль с Даром отцепили (с немалым трудом) меня от парализованного дочерней любовью папашки, почистили от хлебных крошек и потащили к двери. У дверей, вывернувшись из цепких рук, я обернулась к Владыке и нахмурилась:

— Игушку?! А то похой! Ай-я-яй!

После этого выступления меня выставили в коридор. Когда мы, то есть я и сопровождающие меня лица, добрались до моей комнаты и закрыли дверь, эти самые лица начали сползать по стенке и рыдать от смеха. Пожав плечами, я удалилась чистить зубы.

Через два часа в комнату ввалился Дар, стащил меня с кровати и, прижав к себе, поделился радостной вестью:

— Спасибо, он ратифицировал постоянный договор!!!

Вися у него на руках полузадушенным телом, я просипела:

— Когда он сваливает?

— Послезавтра! — выдал информацию Дарниэль.

— ...!!!...!!!...!!! — непечатно выразила бушевавшие меня эмоции.

Мужики аж рты открыли от моего красноречия. Нет, а что, он тут жить собрался?! Не приведи господь, вдруг до той поры меня кто невольнo заложит? Непорядок!

— Мне нужно знать, куда и когда эта царственная мразь выйдет на променад, — попросила я, развернувшись к ребятам и особо выделяя слова «куда» и «когда».

Рель и Малик подмигнули мне и исчезли за дверью.

— Опять пакость задумала? — встревоженно спросили в унисон Дар с Айлонором.

Я невинно похлопала глазами.

— Какие вы зануды! — Призналась: — Я всего только схожу погулять!

Через три часа ребята вернулись и доложили, что Владыка вместе со свитой вышел подышать свежим воздухом на большую лужайку. Я кровожадно потерла ручки, провозгласив:

— Вперед! Фас!

Эльфы прохаживались по лужайке вдоль и поперек. Подняв довольно увесистый мячик, я прицелилась и запулила прямиком в голову Владыке.

Да! Да! Да! Го-о-ол! Шлепнулся мой батюшка как подкошенный! Выскочив внезапно из-за кустов и распулав светлых внешним видом и громкими воплями:

— Папа! Игать! Мясик! — я поскакала в сторону Владыки, по дороге лапая всех подворачивающихся эльфов ну о-очень грязными руками. Чтоб надолго мой светлый образ не забыли.

Папочка поднял на меня руку с намерением ударить, и я противно завизжала:

— Папа! Похой! Похой! А-А-А-А-А-А-А-А-А!!!

Из тех же кустов, что и я, немедленно выпали Айлонор и Малик. Телохранители скорчили донельзя зверские лица. Владыка мудро решил не устраивать международный конфликт и любезно (скрипя зубами!) согласился поиграть со мной в мячик.

Это он зря сделал! После того как я вовлекла в игру всю его свиту и в этой неразберихе раза три подставила ему ножку, а потом потопталась сверху, папочка уже выглядел далеко не так презентабельно, как утром... совсем. Где-то через полчаса его хождений по мукам игру благополучно остановили, мячик у меня отобрали и саму отнесли домой отмывать.

А Владыка спешно уехал вечером. Угу, сказал — призывают срочные государственные дела. Утюг, наверно, не выключил! Или морозилка в холодильнике поломалась.

Айлонор признался мне по секрету, что меня страшно иметь врагом. Дар назначил через неделю бал в честь подписания договора.

А через три дня мы с ним поссорились...

Глава 17

Кто к нам с мечом придет, тот оралом и огребет!

Дарниэль, Повелитель дроу

Счастливая влюбленность незаметно меняет внутренний мир, сужу по себе. Ушли прочь серые будни, каждый день стал неповторимым и красочным. Я учился смотреть на мир ее глазами, и это было крайне необычно.

Эрика совершает много необъяснимых поступков, например — драка подушками. Сначала я чувствовал себя довольно странно, а потом понравилось. Или ее игра в эти бумажные прямоугольники — карты. Азартнейшее времяпрепровождение, признаться! В последний раз я пережил подобное чувство, когда попал в засаду один против троих.

В светской жизни дворца с появлением Эрики тоже случились большие перемены. Чтобы дроу где-то проводил больше двух вечеров подряд? Неслыханное дело, если это не по службе или семейной необходимости. А у нее торчат каждый вечер. Не только из-за песен — она умеет говорить и слушать, учить и учиться. Жена умудряется давать больше, чем брат. Для нас видеть это моральное качество весьма необычно, ведь мы поголовно эгоисты и эгоцентрики.

Все-таки моя жена неординарная личность. Она умудряется совмещать в себе абсолютно разные ипостаси: то сорванец, то серьезная дама. Никогда не предугадаешь, как она отреагирует на что-то. Читая книгу о брачном обряде дроу, она смеялась до слез, а потом долго просила у меня прощения за самый первый день нашего знакомства. Она решила, что я над ней издевался.

Да уж... Я когда ту книжку открыл — убедился: в мире Эрики совсем другие законы, понятия и традиции. Хм, у меня было много любовниц, но некоторые позы и для меня оказались незнакомыми и малопонятными. Для чего нужно ставить женщину на голову? Чтобы меньше думала во время соития? Или чтоб ей шею сломать, если не понравится?

И еще... с Эрикой мне по-прежнему нет ни минуты покоя. Чего стоило одно только ее заявление, дескать, она считает Манвэлиэль своей сестрой! Да это равносильно введению в правящую семью! Когда я возмущенно известил об этом Повелительницу, та, пожав плечами, сказала, что у меня имеются два выхода: либо ввести Манвэлиэль в семью, либо вывести оттуда Эрику. Как вы полагаете, какой вариант мне оставался?

Я знаю: ежедневно моя супруга бегаёт на озеро к «лошадке». Даже не скрывается. Из-за распроклятого демона меня отчаянно гложут страх и ревность. Стало немного спокойней, когда с Повелительницей стала ходить в лес кошка. Сильван... мне чудится, наш каргаал гораздо умнее, чем мы представляем. Я знаю и то, что жена по-прежнему горько плачет ночами. Я слышу сердцем ее плач сквозь стены, но не могу дать ей утешение.

У нас и в остальных сферах непонятное оживление. Мало нам было приключения с демонами, так еще и вампиры сезон охоты открыли. Недавно активировалась вампирская разведывательная сеть. Когда жена в качестве курьеза поведала, мол, у нее в садике на ветках дерева по ночам гнездится целая стая летучих мышей, я был невероятно изумлен, поначалу даже не поверил.

Поясню: на прилегающие к замку территории наложена совместная магия драконов и дроу. Никакое животное, насекомое, даже мельчайшая мошка не проникнут сквозь защитную сеть заклятия без начального позволения. Мы допускаем немного пчел, бабочек и дождевых червей. Все. Список исчерпан.

Но когда я специально пришел ночью и взглянул на указанное дерево, то чуть самолично его топором не срубил. Хороши бабочки! Под самым моим носом устроилась целая шайка разведчиков-вампиров! Они висели гроздьями на ветках, периодически кто-то из них шлепался вниз то ли от недосыпа, то ли от шока. Во всяком случае «блямц!» раздавалось с завидной регулярностью. Особенно учащались падения, если моя жена начинала курить эти странно пахнущие палочки и, стоя у окна, выпускала наружу ароматный дымок. Кто их знает — может, им запах не нравился или, наоборот, нравился чрезмерно? Не были бы мы извечными врагами, я бы предложил накидать подушек под

деревом. Из сострадания. И пусть себе падают на здоровье, тоже мне... любители экстрима.

На следующий вечер я вызвал посла дальнего государства, вручил ему положенную ноту протеста, но вампиры по-прежнему играли в «несознанку», а заслать в свою очередь к ним шпионов нереально. Жаль... клыкастые дворец в покое не оставили. Как выяснилось позднее, улетевшая стая всего-навсего перебазировавшись к нам на чердак. И выяснилось абсолютно случайно, когда мою благоверную в компании Манвэлиэль и Айлонора зачем-то понесло обследовать мансарду. Спрашивается, на кой ляд нормальной Повелительнице собирать вековую пыль? И что бы вы думали! Эрика, узрев кучку мышек, мирно себе висящих (со слов Айлонора) на перекрытиях в заслуженном от праведных ночных трудов отдыхе, ни много ни мало решительно материализовала метлу и принялась за генеральную (как она выразилась) уборку под оглушительный аккомпанемент истошных визгов Манвэлиэль и лошадиного ржания Айлонора.

Бедные вампиры спросонья пытались скрыться с места происшествия всеми доступными им способами, как то: улететь, убежать или уползти, прикидываясь предметами интерьера. Представляете себе летучую мышшь, которая бежит в панике по полу, уворачиваясь от азартной Повелительницы, вооруженной метлой, да еще прикрывая себе крыльями тыл? Эх, жалко, меня там не было. Незабываемое развлечение вышло.

Чердаком дело, естественно, не ограничилось, и гонки с препятствиями продолжились по всему дворцу. С криками: «От меня еще никто не уходил!» и «Смерть крылатым оккупантам!» — жена мстительной фурией носилась по всему дворцу, преследуя несчастных клыконосцев и пугая до полубморочного состояния придворных, которым тоже изредка перепало по голове, плечам и спине, когда она промахивалась.

Вампиры позорно сбежали с криками ужаса и, скорей всего, сейчас строчили письмо своему Правителю с требованиями повышенной оплаты за вредную работу. Впрочем, это уже их проблемы. Я лишь распорядился удвоить охрану и вооружить моих воинов саблями с добавкой серебра и болтами с подходящими наконечниками. Подозрительные ночные шорохи сразу прекратились, «мышек» более не видели. К нам вернулась иллюзия спокойствия.

Пришлось озвучить для Эрики запрет на ночные купания и прогулки. Я строго предупредил ее, что в позднее время приглашать в дом незнакомцев смертельно опасно. Жена смотрела на меня дикими глазами, только что пальцем у виска не крутила, но, слава богине, из-за такой мелочи хоть не стала пререкаться и спорить.

Все было хорошо... пока не пришло письмо от Эльфийского Владыки, в котором он заявлял о намерении посетить нас в ближайшие три дня. Потом началось... Ругань с женой «уеду — не уеду», нервоотрепка по поводу ее плана...

Лично мне предложение супруги показалось сначала бредовым, потом интересным, но крайне опасным. После вопроса Айлонора и ее реакции мне эта авантюра стала не нравиться категорически. Слишком много риска, слишком все завязано на хрупкой девочке: у нее главная роль, нам достались лишь второстепенные. Но кроме обязанностей мужа я взвалил на себя еще и ношу Повелителя, и, если есть шанс избежать конфликта, стоит попробовать. Скрепя сердце я согласился, но поставил себе на заметку послать гонца на границу со светлыми с приказом о боевой готовности.

Мы начали готовиться. Манвэлиэль шила одежду, Малагдаер — обувь. Айлонор забрал Эрику к себе, чтобы она увидела, как ведут себя дети у дрю, благо у него их трое, последняя дочь совсем еще кроха. Светлые приехали ранее, чем ожидалось. Пришлось посылать вестника и тянуть время, развлекая Владыку беседой на отвлеченные темы.

Выждав какое-то время и дождавшись от эльфа вопроса о наших общих делах, я сообщил Калэстелю, что его дочь нездорова и потому может задержаться. Ему известие не понравилось, но вытягивать из меня подробности он не стал, оставив расспросы и уточнения на потом. Вскоре за дверью послышался шум, и представление началось.

— Повелительница Эланиэль! — объявил прибытие супруги глашатай и посторонился.

За ним в дверях показалась Манвэлиэль, таща за руку Эрику и ласково уговаривая войти. В ответ на уговоры раздался крик протеста, плавно переходящий в завывания.

Манвэлиэль немного поднажала, и жена оказалась внутри. Как я не заржал, разглядывая внешний вид эльфийки, одни боги ведают! Видимо, многолетняя тренировка политика все же дала о себе знать. «Невинность в кружевах», ох! Особенно меня умилили панталончики!

— Простите, Повелитель, она опять с утра капризничает! — поклонилась дроу, но я во все глаза смотрел на жену, увлеченно сосущую пальчик и уморительно сдвинувшую зеленые глаза к носу.

Дав на себя налюбоваться, девчонка принялась продвигаться в мою сторону косолапой походкой, не забывая строить забавные рожицы и рассматривать Владыку. У последнего начался шок. Естественно, такого поворота событий он не ожидал и сейчас с напряжением разглядывал дочь, отчаянно пытаюсь понять, можно ли ее использовать в будущем.

— Дорогая, нужно кушать кашу, она полезная, — вступил я в игру, отвлекая пристальное внимание Владыки на себя.

Вместе с эльфом на меня обратила внимание Эрика, безапелляционно отвергнув завтрак и клянча конфету. После такого просящего взгляда — дам, все отдам, даже звезды с неба достану! Но лучше бы она о другом так просила. Вздохнув с немалым сожалением, посадил ее на колени и воспользовался случаем, чтобы обнять и прижать к себе. Девчонка не осталась в долгу и вовсю елозила по мне, вызвав приступ жгучего желания послать Владыку далеко в темный лес и заняться более приятными делами.

Но, героически взяв себя в руки и напомнив самому себе о долге перед дроу, я продолжил выступление, сделав жене замечание по поводу ее поведения, и указал на родственника (оторвав Эрику этим высказыванием от увлекательного процесса раздевания мужа путем откручивания и отрывания пуговиц). Вперившись в Калэстеля, эльфийка выдвинула волнующий вопрос:

— Папа?.. Игрушку? — сползая с моих колен и коварно продвигаясь к отцу, который не знал, куда себя девать, чтобы избавиться от такого подарка.

К нему на помощь пришла Манвэлиэль, которая отловила непослушное «дитя» по дороге и усадила завтракать. Жена переключилась на столь увлекательное занятие, как ковыряние ложкой в тарелке, и словно не обращала на взрослых внимания, но я был полностью уверен, что Эрика не пропустила из разговора ни одного слова. Калэстель был весьма недоволен и разочарован порушенными планами, но возразить или оспорить существующие законы было не в его власти. К тому же он до сих пор пребывал в шоковом состоянии и так старался отделаться от умалишенной дочери, что даже был согласен на ратификацию договора. Подобное отношение к своей персоне Эрику разозлило и обидело. Она недолго думая решила отомстить, изо всех сил шлепнув ложку в тарелку и качественно обрызгав Владыку кашей.

Я чуть не умер! Просто-напросто мог скончаться от смеха! Как она его сделала! Он на редкость импозантно выглядел с кашей на белой одежде, лице и волосах!

Конечно, Калэстеля подобный поворот событий не обрадовал, и быть девчонке битой, не вмешайся я и не поставь его на место, указав на ее высокое положение. Хотя она и сама преспокойно за себя постояла, завопив и зарыдав во всю мощь легких и еще больше измазав отца кашей. Тот уже был не рад, что сорвался, лишь отодвигался подальше и делал мне знаки, намекая убрать дочь с глаз его долой. Но я решил, что он получил недостаточно, и приказал принести жене конфету, которую она немедленно запихала за щеку и, невинно хлопая глазами, сообщила о своем желании посетить туалет. Хитрюга всем видом показывала, что ей, в сущности, все равно, она может и здесь...

У меня чуть судороги не начались. Надо было это прекращать, а то я боялся провалить испытание, заржав, словно конь! Владыка, похоже, также дошел до кондиции. Я дал знак Манвэлиэль увести Эрику, но строго заметил:

— Вы плохо себя ведете, дорогая! Вы не попросились с вашим отцом! Что он подумает о вашем воспитании?

Эльфийка, ни мгновения не раздумывая, с кровожадным блеском в глазах приклеилась к

отцу и измусолила его конфетой до состояния полной невменяемости. Нам с Манвэлиэль пришлось приложить титанические усилия, отгаскивая увлекшуюся девчонку от уже не сопротивляющегося и смирившегося с положением дел Владыки. И даже у дверей Эрика не могла уgomониться и оставить эльфа в покое, грозно нахмурившись и погрозив пальцем:

— Игушку?! А то похой! Ай-я-яй!

Калэстель был в ужасе. Он тривиально побоялся, что я всучу ему дочь обратно. По закону я мог не разводиться, но отправить ее жить к отцу. Видимо представив себе, как такое сокровище галопом скачет по его дворцу, он подписал все бумаги и взял с меня слово, что я буду заботиться о его доченьке здесь. Кто бы возражал! У меня такие далекоидущие планы в отношении эльфийки!

Разошлись мы с ним на вполне дружественной ноте. Каждый достиг того, чего хотел: я получил мир, а Владыка избавился от проблемной дочери. Так что прощались мы довольные друг другом. Выказав уважение и проводив светлого до его покоев, я напрямик направился к Эрике, стащил с кровати и прижал к себе. Это победа! Похоже, я немного не рассчитал силу, потому как жена начала задыхаться и еле слышно спросила:

— Когда он сваливает?

— Послезавтра! — сообщил я ей, ослабляя объятия.

Отдышавшись, она бурно отреагировала на известие:

— ...!!!...!!!...!!!

Вот это да! Вот это экспрессия!

— Мне нужно знать, куда и когда эта царственная мразь выйдет на променад, — попросила Эрика, развернувшись к дроу.

Двое немедленно исчезли за дверью, выполняя ее просьбу. Меня начали терзать подозрения, что следует ждать продолжения. Через три часа дроу вернулись и доложили, что Владыка вместе со свитой вышел подышать свежим воздухом на большую лужайку. По кровожадному выражению лица жены я понял, что эльфам настал конец!

Как мне не хотелось ее отпускать, кто бы только знал! К тому же я не мог с ней пойти, это было бы слишком подозрительно. Смирившись с неизбежным и проводив Эрику, я лишь задержал Айлонора и предупредил, что если хоть один волос упадет с ее головки, то моя фантазия превзойдет все его ожидания. Он ушел под впечатлением, поклявшись всячески проследить, предупредить, защитить и так далее. Пришлось поверить ему на слово.

К моему громадному сожалению, я не видел, что именно происходило на лужайке и каким образом Эрика их доставала, но эльфы внезапно заторопились и уехали вечером в исключительно пошарпанном виде. На прощанье Владыка сочувствующе посмотрел на меня, искренне пожелав успехов в личной жизни.

Этот скот, должно быть, изошренно измывался!

Пожав плечами, я вежливо пообещал, что непременно последую его благопожеланию, как только его дочь придет в себя. Посулил непременно навестить в гости с супругой в ближайшее время. Эльф в ужасе содрогнулся и оповестил о чрезвычайной занятости на ближайшие лет десять, выразив сожаление этими обстоятельствами. На том мы и расстались.

По дороге к Эрике меня встретила Манвэлиэль с известием, что эльфийка уснула. Ничего удивительного, слишком сильное нервное напряжение испытали мы в тот день. Вернувшись в свой кабинет и вызвав Айлонора и Малагдаера, я не смог добиться описания безобразия, творившегося на лужайке. Дроу задыхались от смеха и были способны выдавливать из себя одни лишь междометия и восклицания. Прошло достаточно времени, пока Айлонор смог отдышаться и внятно изложить суть того, что там было. Выслушав, я понял: моя жена — оружие массового поражения.

Дроу ушли, а я стоял у окна с бокалом вина, празднуя победу, и думал об Эрике: «Ты сегодня спасла нас всех, любимая!»

Глава 18

Я не могу быть второй... И даже первой... Я могу быть только единственной!

Эрика

Я стояла у окна, курила и думала о неправильности происходящего. Наша ссора была нелепой и несуразной, а вина за нее целиком легла на мои плечи.

Началось все с необычного и загадочного поведения Дарниэля. Его пристальные взгляды, гнетущее молчание и постоянные раздумья заставили меня быть здоров понервничать. Меня стало неотступно преследовать ощущение надвигающейся проблемы — и это мягко говоря. А не мягко — капитальной подлянки. И лучше бы я ошиблась, но жизнь мне такого подарка, увы, не преподнесла, а лишний раз ткнула носом.

Надо признаться, на грядущие неприятности у меня весьма своеобразная реакция: я на стрессы реагирую... скажем так... неадекватно. Иногда кажется, что мой язык живет отдельной от головы жизнью — как ляпнет чего-нибудь не подумав, так и влипаю в различные ситуации с непредсказуемыми последствиями.

Конечно, можно встать в позу и заявить: «А нечего женщину до нервного срыва доводить!» — но оправдание слабенькое, а мозги даны для того, чтобы думать, а не для заполнения черепной коробки.

Впрочем, вокруг меня вообще происходила череда странностей. Вдруг ни с того ни с сего обвалился потолок в моей спальне, и мне пришлось на время перебраться в другие апартаменты. По возвращении меня вне плана еще и новой кроватью премировали. На резонный вопрос:

— А чем вам старая не угодила? — мне дипломатично ответили:

— Она приказала долго жить.

Интересно, это чем они с ней (кроватью) занимались, что она такой приказ проскрипела... на последнем издыхании? Надеюсь, это было не то, о чем я подумала...

Все вокруг ходили жутко загадочные и весьма нервные, постоянно оглядываясь и всматриваясь в даль. Но на мой обоснованный интерес «орлы» только отмахивались, отделываясь общими фразами, суть которых сводилась к следующему:

— Это мужские дела.

Ага! «Не играй в мои игрушки и не писай в мой горшок!»

Даже Гром проявил странные, неведомые мне до того наклонности, таща в рот всякую дрянь. Я с превеликим трудом отобрала у него стрелу, которую он мужественно грыз со слезами на глазах. Пришлось сообщить ему:

— Тот, кто ищет острых ощущений, обычно испытывает их на выходе!

Только после этих слов конь соизволил выплюнуть пожеванное древко без наконечника, сделав невинные глаза и поковыряв копытом землю.

Угу, я прям так и поверила, что это на кустике росло!

В общем, когда я уже дошла до ручки и была на пороге грандиозной истерики, Дар привел меня в свой кабинет и сделал предложение...

Но обо всем по порядку. У дроу и эльфов существует три вида брака: первичный, средний и полный.

Первичный брак — это когда пара может расстаться по согласию или по уважительной причине. При первичном браке не требуется ношение ритуальных браслетов.

Средний обычно заключают, когда появляется ребенок. Состоя в таком браке, тоже

можно развестись, но дети признаются законными наследниками, и выплачивается компенсация тому из супругов, кто берет опеку над детьми. Браслеты здесь обязательны, но снимаются после расторжения брака.

Полный, или окончательный, брак заключают по согласию двух сторон, но по инициативе мужчины. Развестись, состоя в полном браке, невозможно ни при каких условиях. Брачные браслеты не снимаются никогда. В данный момент такой вид брака не встречается. В основном все ограничивается первичным или средним.

На данный момент Повелитель и я имеем честь состоять в первичном браке. После рождения наследника, по условиям договора, мы должны заключить средний, но сейчас моему мужу по какой-то неведомой мне причине «попала вожжа под хвост», и ему приспичило облагодетельствовать меня полным браком.

Мало того что он ворвался ко мне, вытащил из тесного кружка весело хихикающих друзей, притащил в свой кабинет, так еще и, зажав в клещи около стены, заявил с патетикой в голосе (скрипя зубами):

— Эрика, я тебя люблю!

Я воззрилась на него с немым удивлением и смогла выдавить из себя единственное:

— Офигеть!

Эта невинная, в сущности, фраза довела его до белого каления. Еще теснее прижав меня к стене, он сказал негромко:

— Я так больше не могу! Я схожу с ума от того количества мужчин, которые вьются вокруг тебя, думая, что через какое-то время ты можешь стать свободной. Я хочу поставить на этом точку и заключить с тобой полный брак.

А мне оно надо? Его заявление привело меня в состояние шока.

Надо отдать ему должное, Дарниэль честно пытался донести до моего сознания мысль:

— Не переживай, в наших отношениях после этого обряда ничего не изменится. Я буду ждать столько, сколько потребуется.

«С ума сойти! Какое благородство! А если я и дальше буду ему отказывать, то примет целибат? Или вырубят на дрова все окрестные леса? Может, переквалифицируется в звонари? Интересно, здесь колокола есть?»

Допустим, по прибытии в этот мир меня сразу поставили перед фактом замужества. Задним числом я его оспорить не могла. Но сейчас-то куда спешить? Всегда пребывала в уверенности, что столь серьезный шаг, как семейный союз, умные люди не спеша и хорошенько обдумывают и уж только потом что-либо предпринимают. В крайнем случае Дар хотя бы мог морально подготовить. А тут меня осчастливили предложением по башке со всей дури.

Ну вот! Навис надо мной, пялится с надеждой, гипнотизируя синими глазищами.

Какой ужас! Отвечать ему надо, причем срочно... а в голове ни одной мысли. (Кто сказал — «как всегда»?! Убью!)

Пока я пыталась привести в порядок, рассортировать дельные соображения, в итоге выдав нечто вразумительное, Дарниэль продолжал уговаривать, подавляя своим авторитетом:

— Хочешь, я дам обещание, что никогда даже не намекну на постель, а уж тем более не посмею тебя принуждать?! — Резким движением он поцеловал рубин в основании кольца-когтя и сделал странный жест, очерчивая полукруг пальцем у себя на груди. — Клянусь, я никогда не буду принуждать тебя к физической стороне брака!

Все, что мне пришло на ум, — это слова Джульетты:

О, не клянись луной непостоянной, Луной, свой вид меняющей так часто, Чтоб и твоя

любовь не изменилась...

До Шекспира в исследовании земной литературы мы пока не добрались, поэтому Дарниэль на секунду замолк, пытаясь переварить мое культурное послание. Но характер Повелителя был из чистой стали. Самонадеянно решив, что выслушал очередную земную заморочку, он продолжил гнуть свою линию:

— Ты не понимаешь! Если со мною что-то случится, ты останешься без защиты. Первичный брак — это практически ничто! Тебя вышвырнут из дворца друу, но и во дворце светлых тебе не место! Найдется много желающих надругаться над тобою.

— Это кто ж такой охочий до комиссарского тела? — попыталась я перевести все в шутку.

— Не вижу повода для шуток. Скорее всего, тебя просто убьют!

Предположение о подобном развитии событий мне не понравилось, и я серьезно озадачилась. Но меня отвлекли и решить уравнение с тремя переменными («он, я и жизнь») не дали.

Я потрясенно наблюдала, как Дар бухнулся предо мной на одно колено и в лучших рыцарских традициях предложил принять его родовые браслеты навечно.

Польщена до глубины души. Тронута... мозгами. Несомненно.

Впрочем, Дар себе не изменил и тут же потребовал:

— Я жду.

«Жди! Дозволяю царским указом. Когда руки из «капкана» выдерну и до стола доберусь, обязательно велю холопам записать мое высочайшее позволение на бумаге. А когда и пальцы отойдут от онемения, даже автографом осчастливлю».

В такой нервной обстановке меня незамедлительно переклинило, и я ляпнула первое, что крутилось на языке, а именно:

— У меня аллергия на металл.

Ничего более нелепого придумать было нельзя! И естественно, «слово — не воробей, нагадит — не отмоешься»... В общем, пока я мучительно соображала, как исправить личную глупость, Дар ничего не сказал, просто встал и ушел. Больше он не приходил.

Я маялась пару дней. Ждала его. Хотела извиниться и поговорить. Но Дарниэль не показывался, и, когда я созрела пойти сама, оказалось, что он уехал. Никто не знал — куда. Врали, конечно, но доказательств у меня не было. Я за эти три дня чуть на стенку не лезла от стыда и неловкости: пусть у него куча недостатков, пусть он эгоист и самодур, но все же мучило ощущение... ни за что ни про что наплевала Повелителю в душу. Умею я признавать свои ошибки, умею... Было б перед кем признавать. Сбежал этот кто-то. ГАД!

Жизнь продолжалась. Днем я старалась заниматься привычными делами — добросовестно гоняла придворных, читала книги, ходила на озеро. Вечером мы все так же собирались в компании, но песни мои становились все грустнее. После того как я спела аудитории песню из кинофильма «Вам и не снилось», заставив заливаться слезами присутствующих, ко мне подошел Айлонор и потребовал объяснить, что со мной происходит.

Со мною вот что происходит: ко мне мой старый друг не ходит, а ходят в мелкой суемернообразные не те. И он не с теми ходит где-тои тоже понимает это, и наш раздор необъясним, и оба мучаемся с ним, —

процитировала я любимого Евтушенко.

Мы спустились в сад, дошли до беседки, и по дороге я рассказала ему о случившемся.

Айлонор вздохнул, усадил меня рядом с собой и произнес:

— Я не имею права давать тебе советы, девочка, но просто подумай над тем, что скажу... Мы живем сотни лет, и за много веков нашей истории мне известно только восемь полных браков. Потому что нужно чрезвычайно любить и нуждаться в партнере, чтобы связать себя навсегда глубоким обязательством. Не просто любить — любить до безумия! Как ты знаешь, обычно мы ограничиваемся средним браком и меняем супругов несколько раз в течение жизни. Все приедается, знаешь ли. А теперь задумайся: если Повелитель, готов на такой шаг, то как он к тебе относится на самом деле? Неужели ты действительно полагаешь, что Дарниэль не учел последствий такого шага? — Страж помолчал и добавил: — Знаешь, я ему завидую.

— Почему? — удивилась я.

Айлонор улыбнулся, потрепал меня по руке и объяснил:

— Потому, что он способен испытывать подобное чувство. Он же любит тебя, девочка, и любит очень сильно. Это уже давно ни для кого не секрет. Даже больше скажу — многие завидуют, не только я. Мы очерствели душой, забыли о любви и помним исключительно о долге. Я не знаю никого, кто отважился бы на такой поступок. По нашему этикету... не морщись! — Айлонор сделал замечание в ответ на мою гримасу и продолжил: — Так вот, по нашему этикету считается позором нарушить супружескую верность в полном браке. В первичном или среднем — сколько душе угодно, а в полном нельзя. Изменой ты как бы демонстрируешь миру свой просчет и признаешься, что ты ошибся в выборе партнера, а следовательно — недальновиден, глуп и неспособен вести себя как взрослый. И я далек от мысли, что Повелитель не понимает последствий своего выбора. Хорошенько поразмысли над этим. И еще... если ты сделаешь его счастливым, то он сможет многое изменить в нашей жизни. В сущности, многое уже меняется, но медленно, очень медленно.

— Ты о чем? — не поняла я.

— О нас, девочка, о тех, кто с тобой общается. Мы становимся лучше и меняем что-то в лучшую сторону в жизни. Вот мы с женой... мы очень давно женаты и, честно говоря, подумывали о разводе. Но я вдруг другими глазами посмотрел на женщину, с которой прожил две сотни лет, и решил с ней поговорить. Ну просто так... не о делах или хозяйстве. Оказалось весьма удивительным делом узнавать свою жену заново. Никогда бы не подумал! — она любит читать, имеет обо всем свое мнение... — Айлонор хмыкнул в недоумении над собственными словами и признался: — Я тут твою книжку полистал на досуге и кое-что попробовал. Жене понравилось. В общем, мы не разводимся и четвертого ждем. Жена сегодня сообщила. Вот так-то, девочка.

— Поздравляю! — искренне обрадовалась я за друга. Призналась: — Знаешь, я хотела извиниться, но Дар уехал.

— Это не страшно, завтра бал, Повелитель там будет обязательно, вот и помирись, — успокоил меня Айлонор. Попросил: — Ты не провоцируй его, Эрика, и не позорь, прошу. Один всплеск эмоций может остаться безнаказанным как экстравагантность, но постоянная череда выходов с твоей стороны будет характеризовать Дарниэля мягкохарактерным слабаком, неспособным управиться с собственной женой. Не роняй его престиж, умоляю! Дарниэль не рядовой друу, он — правитель. Его должны бояться, а не потешаться втихомолку над собственным Повелителем в кулуарах. Пойми это и поддержи мужа. Он и так очень многое спускает тебе с рук, не ставь его перед выбором: ты или народ. Старайся хотя бы на публике для видимости признавать его абсолютную власть. И еще... попробуй завтра явиться на бал в чем-то... более традиционном.

— Спасибо, Айлонор, я обязательно подумаю над твоими словами, — поблагодарила я.

Айлонор ушел, и я задумалась над его словами: «Он во многом прав. Не стоит подрывать престиж Дарниэля только из вредности. В прошлый раз я хотела отомстить и доказать свое право на свободу, завтра же хочу попросить прощения. Если Дар может принимать мои выходы, стоит попытаться следовать его обычаям. Ну не всем, конечно...» Оставив себе лазейку, я отправилась изучать местную моду.

Вокруг нас валялись в художественном беспорядке полураскрытые наряды, куски шифона, бархата и ленты кружев. Маша с упрямым видом пыталась впарить мне

очередной «шедевр всех времен и народов».

— А-А-А!!! Юдашкин отдыхает! Не могу я это натянуть! — орала Повелительница, отпихиваясь от бархатного монстра. — Маша, скажи, я тебе так опротивела, что ты хочешь меня убить?

— Много ты понимаешь! Это самые модные цвета в этом сезоне! — Компаньонка не оставляла попыток «вывести меня в люди».

— Что значит «самые модные цвета»? — стояла я насмерть. — Как можно совместить розовый и зеленый? Маша, я терпеть не могу розовое!

— Хорошо, — сдалась Маша. — Тогда посмотри на это!

— Нет, еще лучше! — расширенными глазами взирала я на очередное извращение портновского искусства, теряясь в облаках юбок. — Красно-желто-зеленый! — Тут мне в голову пришла очередная идея. — Маша, у вас перекрестки есть? Лошади ездят? Ну тогда я туда пошла, семафорить!

— Зачем? — Моя компаньонка не знала, пугаться или удивляться.

— В этих цветах можно только дорожное движение регулирав... регулир... Тыфу ты, пальцами тыкать: кому, куда и когда ехать! — снисходительно пояснила я.

Дроу подумала и вдребезги разбила мои мечты:

— Не надейся! Не поедут! Будут стоять и смотреть, как ты позоришься!

— Ладно, — прошипела я, с досады топяя ногой. — Тогда не пойду, постесняюсь.

Девушка облегченно вздохнула:

— Слава богам!

Это она зря. Идеи меня сегодня любили.

— Маш, давай выберем что-то не такое яркое?

Мы задумались, и тут меня осенило:

— О! Какие у Дара фамильные цвета?

— Черный и золотой, — нехотя созналась поклонница сумасшедших дизайнеров.

Я воскликнула:

— Чудесно! Надену золотой. Не бухти. Подумаешь, не модно! Зато празднично! Все, давай фасон выбирать, — предложила, заранее предчувствуя препирательства.

— На, смотри. — Довольно улыбаясь, Маша подсунула мне новейшие эскизы.

Меня чуть не разбил insult.

— Ты меня точно прикончить собираешься! Маша, из этих рюшек можно два отдельных платья сшить, — сообщила я ей и обиженно поинтересовалась: — Вот ты же носишь нормальный фасончик, а мне что суешь?

— Это домашнее платье, не для балов, — чопорно ответила Маша, отводя глаза.

— Ну что у вас все не по-чело... с выкрутасами! Дома же нормально ходите, а на выход балахоны надеваете! — возмущенно пропыхла Повелительница, оттаскивая в сторону пудовое платьишко. — Я в этом на подушку с воланчиками буду похожа! Маша, а вы всегда такое носили?

— Нет! — отрезала Машутка. — Раньше фасоны были попроще. Вон... — Она махнула рукой в сторону огромного сундука. Подошла и отворила массивную крышку, доставая перечень вложенного имущества в картинках.

— Покажи. Ну вот же, симпатичное платье. — Я протянула руки к затертому изображению.

— Это непрестижно! — Маша попробовала выдернуть у меня опытный образец.

— Зато элегантно! — Я потащила бумагу в свою сторону. Бумажка опасно затрещала.

Маша сдалась и отпустила картинку, пробубнив:

— Я с тобой не пойду! Мне будет стыдно с тобой в приличном обществе в таком виде показаться!

Я хищно ухмыльнулась:

— Маш, ты не переживай, я в сторонке постою и вид сделаю, что мы с тобой незнакомы.

— Не прокатит! — встала руки в боки Маша.

Окинув ее взглядом, я заметила:

— М-дя, плохо я на тебя влияю... а такая скромная девушка поначалу была... взгляда от пола не отрывала...

Маша обреченно махнула рукой:

— Делай что хочешь! Я устала с тобой спорить! Пусть тебе будет стыдно, я умываю руки!

— Ты моя умница! — обрадовалась я. — Хорошо-хорошо, пусть мне будет стыдно, я согласна...

— А про обувь ты забыла? — уколола Маша.

Я насторожилась.

— Покажи! — Ну вот, так и знала! — Маша, как ты думаешь, эти «коровьи копыта» можно носить?

— Это новинка сезона! — опять набычилась Мария.

— Это? — Я трагически заломила бровь. — Давай я лучше те детские чуни надену, а? Поверь, они гораздо изящнее.

— Фиг с тобой! — Морально уничтоженная Маша окончательно разобиделась и уползла в угол заедать печали и горести сладостями. — Делай что хочешь, все одно под платьем не видно!

— Какая ты добрая, Маша! — восхитилась ее Повелительница. — На этом все?

— Не все! Драгоценности нужно выбрать! — радостно прочавкала Маша.

Она вытерла руки платком, вышла за порог и громко позвала вездесущих стражей. Через полчаса в комнату доставили немаленький такой сундучишко.

— Ну показывай!

Маша откинула крышку и начала вытаскивать из сундука гарнитуры.

Я опупела:

— Маш, все это следует нацепить? На меня?!!

Маша с натугой вытащила на свет божий одну штуку и приложила ко мне.

— А что это за симпатичный бронжилетик? — с ужасом спросила я.

— Это скромненькое кольцо, — просветила меня Маша, с трудом удерживая на весу кованые вериги, достигавшие моей талии.

У меня затряслись все поджилки.

— Ик! Маша, я не хочу видеть нескромненькое! Пойми, если ты на меня это наденешь, я смогу только ползти... по-пластунски и то... на спине.

Маша была непреклонна:

— Престиж правящей семьи в количестве драгоценностей на жене!

Представила себя погребенной в золотом могильнике, и мне окончательно поплохело:

— Маша, меня этим всем просто придавит. И престиж отстаивать уже будет некому! Слушай, а давай я что-то сама выберу, а из остального мы в зале выставку устроим? А? Пусть смотрят. Я Малика попрошу, экскурсоводом поработает. Будет рассказывать, где это все великолепие предположительно у меня должно висеть.

— Не надо! — вовремя спохватилась Маша. — Мне твоего Нового года хватило!

— Ну извини, — ни секунды не раскаиваясь, развела я руками, негромко подхихкивая.

Моя сестричка простонала:

— Все, устала, сдаюсь!

Я чмокнула ее в щеку:

— Маша, я тебя люблю!

В результате наших дебатов я оделась в роскошное, скромно декольтированное золотое платье в стиле ампир. Туфли я выбрала золотисто-бежевые, классическая шпилька и острый носок. Я их нагло вытащила из своего мира, оставив магазину взамен золотой эквивалент. Из драгоценностей согласилась надеть лишь изящную диадему, брачные браслеты и небольшое кольцо (Маша скривилась, презрительно обозвав его «домашним»).

Последний раз мы поругались из-за прически. Маша с завидным упорством хотела накрутить у меня на голове копну и утыкать ее перьями. Выступить в роли пугала мне не улыбалось, и я настояла на своем варианте. Вспоминая императрицу Жозефину Богарне и прически дам того времени, я накрутила по бокам симпатичные букли и часть волос собрала на затылке, оставив открытой шею.

Маша смотрела, широко открыв глаза. Судя по всему, одобрила. Все, я готова.

Раздался стук, и вошедший Айлонор окинул меня восхищенным взглядом, улыбнулся и опустил на одно колено.

— Разрешите быть вашим сопровождающим, Повелительница.

Я молча подала руку. Мы шли длинными коридорами, я настраивалась на предстоящую беседу с Повелителем.

Мы подошли к двери. Все как тогда перед первым балом. Сейчас я тоже стояла у дверей, только в этот раз почему-то отчаянно трусила. Представляете? Аж коленки дрожали.

— Повелительница Эланиэль! — заорал над ухом глашатай.

Все, глубокий вдох — и вперед! Айлонор ободряюще сжал мой локоть, безмолвно призывая успокоиться, собраться и не бояться. Я вскинула голову и подмигнула. Мы двинулись по направлению к трону, пересекая громадный, светлый, заполненный народом зал. Дроу провожали нас заинтересованными глазами, шепотом обсуждая нарушение этикета. В зал я была должна войти с Повелителем, но у меня нынче другой сопровождающий. Теперь для всех я опальная супруга, потому что второй раз появляюсь на балу без мужа. За третьим разом обычно следует развод. За несколько часов я проштудировала и вызубрила этот чертов этикет, не желая снова попасть впросак и усугубить свою вину. Дарниэль, будучи опытным руководителем, все же принял решение исправить ситуацию: он встал и пошел нам навстречу, демонстрируя подданным, что он оказывает мне определенную долю уважения.

Повелитель был невероятно элегантен в бархатном черно-золотом костюме. Черная шелковая рубашка, сверху черно-золотой камзол, расшитый золотой нитью. Мое сердце бухало так, что его, по-моему, можно было услышать в зале. Мы встретились на середине пути. Он кивнул, я присела в реверансе. Его лицо было абсолютно спокойно, и, окинув меня холодным взглядом, он взял меня за руку и повел к трону. Все происходило без слов. Рядом находился будто чужой, незнакомый мужчина.

Дарниэль подвел меня к трону и произнес краткую поздравительную речь. Собравшиеся на праздник дроу ликовали, хлопали и громогласно поздравляли нас.

Когда прозвучала первая мелодия, Повелитель увлек меня танцевать. Ах да! Бал должен открываться вальсом правящей пары. Мы молча кружились на зеркальном паркете. Он упорно смотрел поверх моей головы, и я не могла поймать его взгляд. Мне нужно было хоть что-то сказать, начать разговор, но пересохшие губы не смогли вымолвить ни слова. Танец закончился. Дарниэль подвел меня к трону, почтительно усадил, вежливо кивнул и ушел по-английски, не прощаясь.

Я осталась одна, глядя на полный зал гостей. Чувствовала себя обманутой дурочкой. Как тоскливо!

Незаметно сморгнув слезы, я снова посмотрела в зал. На меня, ободряюще улыбаясь, глядели приятели и знакомые. Спасибо вам всем за поддержку!

Не все приглашенные вели себя дружелюбно. Кто-то смотрел равнодушно. Были откровенно злобные взгляды. Дар отирался около шикарной брюнетки, если не ошибаюсь, той самой, с которой он вел «государственные дела».

«Ну и что мне делать? Напиться с горя? Устроить скандал? Со зверской рожей потаскать эту Лаурку за лохмы? Чего я этим добьюсь? Сама унижусь и его опозорю. Вот же стерва! Смотрит так ехидно, словно наслаждается моментом своего триумфа. Как же с ним поговорить? Скакать за ним по залу и отковыривать от этой дамочки? Не хватало! Дождаться окончания бала и отловить по дороге? А если раньше удерет? Караулить у дверей?»

Воображение тут же нарисовало картину «Я в засаде со скалкой».

«Обхохочешься. Черт, да хватит ее за задн... мягкое место щупать! Все равно не найдешь! Ничего там не выросло! Ой!»

Тут до меня дошло: я ревную. С ума сойти! Я его ревную!

«Ну и какое мы примем стратегическое решение?»

Меня сподвигла правильная мысль: «А пойдём-ка мы в люди». Я сползла с трона и почапала к своей «могучей кучке». В голову пришло «левое звено, правое, центристы». У меня начиналась истерика. Допрыгалась. Раз за разом взгляд возвращался к Дарниэлю.

И что? Мне предстало дивное зрелище: брюнетка настойчиво висла на его руке, наслаждаясь оказанной благосклонностью и между делом пытаюсь выпрыгнуть из платья. И ему это, черт побери, нравилось! Стиснув зубы, я пошла дальше. До меня доносились обрывки фраз:

— Красивая...

— Она не в фаворе, не подходи к ней...

— Боги, какое недоразумение...

— Фи, во что она одета...

— Надо навестить Лаурелин, засвидетельствовать ей свое почтение...

«Значит, эту... (нецензурно) зовут Лаурелин. Я запомню это имя».

Наконец я дошла до своих друзей.

— Как ты, девочка? — сочувственно поинтересовался Айлоноор.

— Плохо, Айлонор, очень плохо. Совсем не представляю, что мне еще осталось делать, — расстроено призналась я.

И получила совет:

— Как что? Танцевать, конечно!

Мрачно последовав его совету, я покружилась в нескольких турах, даже не понимая, какой танец и с кем танцую.

Рель подошел и тихо шепнул:

— Рика, сейчас будет перерыв в танцах, спой.

Наступила тишина, прерванная оглушительной просьбой Малика:

— Спойте, Повелительница, просим вас!

Его поддержали другие. Кто-то принес кресло, кто-то — гитару. Дар повернулся в мою сторону и посмотрел с непонятым выражением. Что ж, наверно, это мой шанс. Сбравшись с духом, я запела, не отводя от мужа глаз:

Любовь, зачем ты мучаешь меня? Ведь я забыть тебя была готова, Зачем же тень твоя приходит снова, Жестокой болью душу мне казня? Любовь, зачем ты мучаешь меня?

Почувствовав, что еще немного — и зареву навзрыд, я встала, поклонилась и пошла к выходу, не глядя по сторонам. По дороге меня пытался остановить Айлонор:

— Куда ты?

Я подняла на него полные слез глаза:

— Все должно решиться сегодня. Либо мы помиримся, либо я так или иначе стану свободной!

В этот миг на мои плечи легли сильные руки.

— Ты никогда не станешь свободной... от меня! Что ты ответишь мне? — требовательно спросил муж, поворачивая меня к себе.

— Да! Я согласна!

Какая у него красивая улыбка!

Глава 19

Женщины бывают просто стержовные, очень стержовные и ужасно любимые.

Дарниэль, Повелитель дроу

В послеобеденное время я привычно разбирал бумаги Тайной канцелярии, чихая от пыли и ругаясь на всех языках по поводу отвратительного почерка главы службы безопасности, когда дверь тяжело ухнула и отворилась. На порог моего жилища ступило опаснейшее создание наших лесов и саванн — каргаал.

За истекшее время я успел познакомиться с недюжинным умом этой твари, потому не был особенно удивлен или испуган.

— Чему обязан вашим визитом, уважаемая? — От неожиданности из меня полезла насмешка. Впрочем, она встала колом у меня в глотке, потому что дикая кошка одним прыжком покрыла расстояние между нами.

Невольно схватившись за парадную дворцовую шпагу, валявшуюся на столе, я показал кошке, что готов к поединку. Зверюга глухо рыкнула и цапнула меня за край камзола. Я еле удержался от удара, выжидая, к чему бы подобные странности. А Сильван продолжала меня настойчиво тянуть к выходу. Я положил шпагу обратно, видимо, нынче она мне не понадобится.

— Все-все! Отпусти. Понял! — Заинтригованный, я поднялся и быстро побежал следом за нею, прихватив со стены любимую боевую саблю. Сердце тревожно трепыхалось. На мой взгляд, необычные замашки зверя могли говорить о непосредственной опасности для Эрики.

Кошка бесшумно зашла в комнаты супруги и толкнула лапой дверь в сад. Я выглянул: каргаал на полусогнутых лапах, крадучись, двигался в сторону беседки, любимого места отдыха Эрики. Я последовал дальше с саблей наголо, свистнув телохранителей жены, которые за неимением особых указаний всегда старались крутиться неподалеку от апартаментов.

Мы беззвучно пошли за дикой кошкой, удивляясь странному поведению обычно спокойного до вальяжности каргаала.

Наши усилия были вознаграждены: последние шаги до беседки каргаал передвигался ползком, постоянно оборачиваясь. Неожиданно кошка вскочила и отпрыгнула от черной молнии, вылетевшей из-под стола, который располагался под навесом.

Мы стояли онемев от ужаса. На дорожке внутреннего сада, свернувшись убийственной пружиной, грозно шипела черная арша.

Ни мгновения не медля, Айлонор достал из-за пояса и раскрыл складной шест, превращая его в малую боевую рогатину, предназначенную именно для таких случаев. Гадина, пригвожденная меткой рукой, пыталась извернуться и выскользнуть, когда моя сабля закончила ее существование.

Голова змеи с мертвыми остекленевшими глазами была осторожно поднята Ниэлем. Мы переглянулись. Я распорядился:

— Жене ничего не сообщать, аршу отсюда убрать, начальника Тайной канцелярии ко мне в кабинет!

Я грозил эсбэшнику всеми карами нашего мира, тыкая под нос черную голову. Результат нулевой. Мы с ним согласились, что гадина сама заползти в беседку не могла. Также единодушно предположили: змею доставил кто-то из дроу внутреннего круга обслуживания, потому что никто посторонний пронести ее в сад не мог. Дальше ни у него, ни у меня свежих идей не появилось. Вывод назревал сам собой: в ближайшие дни следует ждать следующих покушений.

По тревоге секретно был поднят взвод егерей, которые оцепили замок под предлогом ожидаемого нападения демонов. Ни одна мышь не могла проскочить туда или обратно,

чтобы они ее не заметили.

Повышенные меры безопасности принесли свои плоды: на следующий день был перехвачен почтовый голубь с таинственным посланием. Куда конкретно направлялась птица, увы, нам выяснить так и не удалось. Ее принесли на мой стол со стрелой в боку и многословными извинениями от сотника егерей.

Бумажка, накрученная на лапку голубя, была зашифрована на совесть. Понадобилось несколько дней работы шифровальщиков, чтобы стал ясен смысл послания: «Ждите в ночь новолуния».

Негусто. Видит богиня, совсем негусто. Ладно, работаем с тем, что имеем. Я распорядился устроить небольшой, буквально на несколько дней, ремонт в покоях жены.

Полдня егеря выламывали кусок потолка в спальне супруги. Вернувшись домой после приятной прогулки с «коняшкой»-демоном, жена под благовидным предлогом была срочно уведена в новые апартаменты, приготовленные заранее по моему указанию.

Мы устроились в засаде, дожидаясь гостей. Те не преминули явиться. Убийцы дождались полуночи, когда весь замок крепко спал, и собрались атаковать спальню с трех сторон. Впереди шли обученные воины, за ними маги. Шесть убийц! Если бы не Сильван, если бы не наша предусмотрительность — даже выдающиеся таланты моей жены не помогли бы ей справиться с тремя профессиональными магами, один из которых к тому же обучался в академии драконов.

О, разумеется, того количества магического огня, которое было излито на старинное многострадальное ложе, хватило бы, чтобы испепелить дворцовые казармы.

Каково же им было, когда вместо беззащитной спящей женщины колдунам достался манекен, увешанный поглотителями!

Примерно через час голубчики, пойманные на горячем, пели почище соловьев! Заговор спонсировался крупными вельможами-дроу, обеспокоенными могуществом и силой, в которую вошла при моем дворе светлая эльфийка-правительница. Конечно, на заднем плане просматривалось желание и вовсе... сменить правителя. И плевать, что их вариант развития событий включал гражданскую войну и полную потерю нами независимости в дальнейшем. Они с их скудоумными мозгами дальше собственного носа смотреть были категорически не научены и неспособны!

На следующий день после соответствующего рассмотрения Верховным Судом были лишены родового имущества и приговорены к смертной казни один генерал от инфантерии, три герцога, пять графов и один маркиз.

Я не захотел расстраивать Эрику видом казненных, она по-женски слишком чувствительна к дисциплинарным мерам. С улыбкой, переходящей в болезненную гримасу, велел отправить всех ее несостоявшихся убийц на каменоломни. И пусть никто не говорит, что я не милосерден...

Тем не менее результаты расследования меня сильно обеспокоили. Речь о том, что не обнаружилось связи между первым покушением на жену и последующим. Осужденные даже под пытками отрицали, причем — наотрез, факт доставки черной арши в беседку. Значит, есть кто-то еще...

Все последующие дни прошли под знаком бессонницы и головной боли. Разумеется, я был не настолько глуп, чтобы расписываться перед любимой женщиной в собственной беспомощности, но надлежащие меры принял.

Один отряд егерей, круглосуточно дежуривших вокруг замка, сменялся другим, а я не мог нащупать, откуда следует ждать следующего нападения. Я пытался уговорить жену временно отказаться от походов в лес и контактов с демоном, но Эрика увидела в моих словах лишь попытку снова ограничить ее свободу. Не стал дальше спорить: в конечном счете, как показал опыт, напасть на Повелительницу могут и прямо во дворце, — но распорядился двум доверенным шестеркам егерей строго следить за ее перемещениями вне территории замка. Во дворце я был относительно спокоен, доверив любимую попечению мудрого Айлонора и его ребят.

Именно Айлонор с помощью дрессированного горносталя смог отловить нового повара-отравителя. Тончайшее чутье специально обученного зверька мгновенно определило сервированный обеденный поднос с порцией отборного яда, который легко отправил бы в мир иной роту солдат, а хрупкую женщину убил бы даже крошкой съеденного или капелькой выпитого. Яд, «Кровавая слеза», позволил предположить работу вампиров. Компоненты, связанные с кровью, их исконный конек. Опять-таки не пойман — не вор. Зомбированный повар-помощник при захвате немедленно умер, отключились его жизненные функции, лишив палачей заслуженной работы.

Совершенно очевидно, что против моей жены, словно в фокусе, собрались разнообразные могущественные силы.

Если и дальше будет так продолжаться, в один проклятый день я не смогу предугадать и уследить за очередной смертоносной попыткой.

К ночи подоспел егеря с докладом. Он своими глазами видел, как «лошадка» нашей госпожи сожрала светлого эльфийского стрелка, выцеливавшего Повелительницу при купании. Причем изначально, кроме демона, этого уродца никто больше в кустах не заметил — что значит привычная эльфийская маскировка! Вот и драгоценный Калэстель, батюшка ненаглядной супруги, отметился, чтоб его!

Я потом вдребезги разнес пару сервизов и две напольные вазы, так хотелось разыскать заботливого папашу и дать в рожу. Чувствую, как только разгребусь с проблемами, устройю негодяю несчастный случай на охоте. Я ему этого не забуду, мамой клянусь!

Это еще цветочки! Наутро меня на рабочем столе поджидал таинственный кусок пергамента. Вверху горела золотом издевательская надпись: «От анонима».

Текст послания гласил:

«Дроу, проснись, а то штаны проспишь! Если тебе не нужна жена, отдай мне.

Если нужна, то береги и смотри за ней в оба. Слишком много желающих коротко познакомиться ее с Йоларом.

P.S. Впредь я отказываюсь жрать всякую дрянь и зарабатывать несварение желудка...»

Ну вот. Дожил, от коней послания на дом получаю!

Заходя в тронный зал, я стал все чаще подозрительно оглядываться, ожидая подвоха со всех сторон и пребывая в постоянном нервном напряжении. Я похудел, осунулся и незаметно для себя начал подсакивать от малейшего звука за спиной.

То же самое могу сказать о своих стражах. Кое-кто из них даже начал заикаться или обзавелся нервным тиком.

И все время — все! — я искал выход из сложившейся ситуации. Я не отдам смерти свою жену, слышите, боги! Не отдам!

У меня в голове постоянно крутилась мысль, как будто кто-то настойчиво толкал меня, уговаривая: «Ты должен это сделать! Должен! Ты же хочешь, чтобы она жила? Была с тобой? Сделай! Потеряешь! Сделай! Поспеш!» И вот так постоянно, час за часом, в течение многих дней. Настойчивый, сводящий с ума шепот. Я сначала отмахивался, а потом задумался: «Почему нет?» Эта мысль мне нравилась все больше и больше. Да! Это, конечно, серьезный шаг — привязать себя к одной женщине на всю оставшуюся жизнь. Но если это моя любимая женщина, единственная, с другой стороны, она тоже будет со мною всегда. У меня и так глаза кровью заливают при виде ошивающихся вокруг нее и всячески любезничающих мужчин-дроу. Я уж не говорю про иноземных послов...

Для столь важного решения мне требовалось одобрение богини, и я пошел в храм. В благоговейной тишине Иаола приняла на алтаре мои дары и дала через жрецов утвердительный ответ, более того — все знаки указывали на то, что если этого не случится, то страну и меня ждут тяжелые испытания. Почему? При чем здесь это? Но богам не задают лишних вопросов и не спорят с ними.

Утвердившись в решении, я привел Эрику в кабинет и сделал предложение по всей

форме, рассказав про полный брак. Ее реакция меня сильно задела: эльфийка оцепенела. В глазах мелькнул страх, сменившийся растерянностью. Это так страшно — быть со мной? Взяв себя в руки, я пытался объяснить, что по-прежнему не буду ее торопить, просто так будет лучше, надежнее. Я был готов к сопротивлению, но не к такой причине отказа. Мне были бы понятны резоны: «Я не готова». «Давай подождем». «Мне нужно время подумать». Но... «У меня аллергия на металл»? Это за гранью моего понимания. Больно, как же, оказывается, бывает больно!

Я объявил о своем отъезде и... остался караулить своенравную жену. Меня обуревали ярость и боль. Боль и ярость стали моими спутниками, не давая нормально дышать, лишая рассудка, доводя до изнеможения. Я уже почти просил богов, чтобы они прислали мне проклятых убийц, пока я не начал срывать на своих!

Отчаявшись, я вновь заявился в храм к оракулу с простым и банальным вопросом: будут ли дальнейшие попытки ее убить?

Оракул заверил, что вскоре после заключения постоянного союза основной наплыв желающих устранить мою жену иссякнет. Осталось еще решить вопрос с ее нежеланием. Боги, надоумьте эту дуру!

Тяжело мне дались эти дни, но во дворец вернулся уже не безнадежно влюбленный мальчишка, а Повелитель. Я решил, что заставить ее не могу. После бала буду с ней встречаться лишь по необходимости, а потом как боги поведут.

Начался бал, и объявили ее приход:

— Повелительница Эланиэль!

Ее сопровождал Айлонор.

Какая она красивая в этом наряде! На душе чуть потеплело: выбрала мой родовой цвет и не стала выставлять на посмешище, как прошлый раз. И тут я понял, какого дурака сваял, не введя ее в зал сам и давая подданным пищу для сплетен. Что бы ни происходило между нами, она моя жена и останется ею, и мне положено оказывать Эрике подобающее ее статусу уважение.

Погасив неуместный порыв — вскочить и бежать, я медленно встал и пошел навстречу, стараясь отвлечься, не думать, не чувствовать, не желать. Мы встретились ровно посередине зала, обменялись традиционным приветствием.

Пересекаясь с ее ищущим взглядом, с трудом сдержался, чтобы не крикнуть: «Не жди! Я ничего не скажу. Я устал!» Но мы молчим.

Боги, дайте силы не сорваться и не показаться слабым! Произнося речь, я думал не о том, что и как говорю, а о женщине, стоящей рядом. Женщине, коварно укравшей мое сердце из прихоти, из детского озорства. Женщине, которую люблю и которой моя любовь не нужна...

Кружа Эрику в танце, стеклянно смотрел в зал, опасаясь встретиться с ней взглядом и не выдержать, сдаться.

Почему она молчит? Почему молчу я?

Танец закончился, и я сбежал, движимый желанием отдалиться, не видеть ее. Я сделал все, чтобы заглушить свою боль.

Безумец, на что надеялся? От себя не убежишь...

Мучимый этой навязчивой мыслью, я не замечал ни прилипчивую Лаурелин, ни подходящих засвидетельствовать свое почтение лстивых придворных, лишь машинально и, кажется, несколько невпопад кивая в ответ.

Вывела меня из задумчивости наступившая тишина, после которой прозвучали громкие просьбы спеть, обращенные к Эрике.

Что же ты делаешь со мной? Зачем выворачиваешь душу? Сколько еще будешь

издеваться надо мной?

Рика начала петь, и я ушам своим не верил.

Она просит прощения? Я, не контролируя себя, сорвал скорпиона, полностью открываясь.

После всего случившегося мне было трудно поверить в удачу, скорее, это напоминало изощренную пытку. И лишь непролитые слезы, стоявшие в зеленых глазах, лишь удар чистейших эмоций убедили меня в обратном.

В то время как я отдирал от себя Лаурелин, жена развернулась к выходу, не дождавшись моей реакции.

Опять! Какие мы нежные! Почему мне нужно за ней гоняться, если виновата она? Ну эти женщины...

Пока я за ней скакал по залу, мне досталось лишь окончание фразы:

— ...Останусь свободной...

ЧТО-О? Счас! Не дожدهшься!

— Что ты ответишь мне? — потребовал я, сжимая хрупкие плечи.

— Да!..

Спасибо вам, боги!

Мы наконец пришли к общему знаменателю и договорились. Я услышал от нее сакраментальное «Да».

Глава 20

Если нету жизни личной, значит, хватит быть приличной!!!

Эрика

Если вы надеялись, что после памятного прилюдного объяснения с Дарниэлем началось полное взаимопонимание, нежная любовь и романтика, то забудьте.

Вот тут как раз полный облом.

Синие глаза лукаво прищурились. Правитель нежно поулыбался, посверкал белоснежными зубками, схватил меня в охапку и... что, думаете — поцеловал? Угу, я тоже на это рассчитывала.

Как бы не так! Он взвалил меня на плечо, словно мешок с бараном, предназначенным на шашлык, и бегом потащил меня сквозь плохо освещенную крытую галерею. Оригинальный способ перемещения. Нет, на руках меня, конечно, носили, но вот как барана на плече — второй раз (кстати, в первый раз тоже он волок). Думать в такой позе абсолютно невозможно.

Я, правда, читала в медицинском журнале, что когда кровь приливает к голове, то это стимулирует мозговую деятельность. Со мною фокус не сработал. То ли кровь до нужного места не дошла, то ли мозговая деятельность отсутствовала...

В общем, всю... вишу... короче — болталась я у него на плече как... ладно, не будем, и скромно так спрашиваю:

— Дар, а куда мы идем?

Это я для поддержания разговора — понятно же, что все равно дотащит куда собрался.

— Ты имеешь в виду, куда я направляюсь? — спокойно ответил он, ни на йоту не запыхавшись.

Ровно чесал, гад, будто на стометровке. Мне бы так с рюкзаком!

«А может, я поторопилась с признанием? И на фиг оно мне было нужно?»

— Да, мне безусловно интересно, куда идешь ты и заодно несешь меня, — уточнила.

— В храм.

Вот так. Коротко и ясно.

Сердце когтистой лапой тронула паника: «Нет! Я не готова! Не одета! У меня еще девичника не было!»

— С места в карьер? — попыталась дипломатично намекнуть, мол, спешить не надо.

— Предлагаешь мне ждать, пока ты передумаешь? — хмыкнул муж, невозмутимо перекладывая меня на другое плечо.

«Хм, это он прав. Это я запросто!»

— Дар, мне переодеться надо, — жалобно заныла я, попытавшись выдвинуть самый весомый, с моей точки зрения, аргумент.

— Дорогая, ты прекрасно выглядишь! — Корректно дали понять: довод не прошел.

«Понятно. Даже если бы я сейчас замоталась в мешковину, Дарниэль все равно ответил бы то же самое».

Не знаю, прибывал ли кто-то на свою свадьбу столь экстравагантным способом, но мне вот... повезло. Въеду в историю дроу верхом на плече. Ёшкин кот!

Сгрузив меня в центре зала и строго-настрого повелев стоять на месте, муж пошел

убалтывать жрецов срочно нас обвенчать. А вокруг тишина. На меня укоризненно взирали иконописные лики со стен и позолоченные многорукие статуи богов и богинь. Или кто там их знает...

Помещение делали по принципу «храм в храме». Витые мраморные колонны подпирали открытый портик черного камня с ярко-синими прожилками. Защиту молящимся от непогоды обеспечивала вторая крыша, верх которой не то стеклянный, не то выполнен из неизвестного земной науке прозрачного материала. Сейчас на небе зажглись яркая луна и далекие звезды, озаряя призрачным сиянием узорчатые плиты пола. Вокруг драгоценных — в прямом и переносном смысле — статуй и под образами были навалены охапки букетов, на шеях божеств во множестве громоздились цветочные гирлянды. Тусклое освещение давали несколько масляных светильников, одиноко мигающих подле алтаря. В храме пахло тонко и необычно.

Я пришла к выводу: «Лепота!» В церквях у них довольно красиво. Только для грабителей рай — чересчур много золота и драгоценных камней. Пока я глазела на диковинный антураж, в святилище набилась тьма-тьмушая дроу: на радостях друзья подросли, а посторонние и сами подтянулись.

«Не виноватая я! Не мне припекло, а ему приспичило! — Тут взгляд упал на выдру лохматую, как ее там — Лаури... Лаэ... Лауру... У-у-у, змея подколотая, только что ядом не плюется! Стерва колченогая, могла бы меня на месте изничтожить — изничтожила бы! Глядя на нее, вдруг четко поняла: оказывается, я взаимно хочу выйти за Дара! Очень. Срочно. Сейчас! И плевать, если кажусь собакой на сене: сам не ам, и вам не дам. Зато мо-ое!»

Подбежала Маша, суетливо поправила мне прическу, одернула платье, обливаясь слезами, чмокнула в щеку, всхлинула и убежала. Эть! Не поняла: она меня на войну провожает?

Ой, дымком потянуло. Приятный запах. Ностальгически узнаваемый. Помнится, когда я первый и последний раз была в пионерском лагере, по вечерам мы часто пекли картошку... в общем, Дарниэль костер разжег. На ум пришло: «Шашлычков бы!» Это нервное.

С торжественным видом Повелитель величаво направился ко мне. У меня нервы!!! Я психую! Боюсь!

Он взял меня за руки и объяснил ласково так, как умственно отсталой:

— Когда я сожму твои руки, ты должна будешь сказать... — (Зубодробительная фраза на пять минут без остановок.) — Поняла?

Киваю, а у самой в душе паника: «Мамочка, я этого никогда не повторю! Напишите шпаргалку, пжалста!!!»

Пристально глядя мне в глаза, Дарниэль начал говорить. Стояла глубокая тишина, в которой отчетливо и торжественно падали слова древнего певучего языка. Почувствовав обещанное пожатие, я повторяла за мужем слово в слово положенную фразу. Минут через двадцать после начала ритуала нас окутал яркий золотой свет. Откуда-то раздался голос, произнесший: «Благословляю!» Запястья обожгло резкой болью, меня качнуло.

Все закончилось, невыносимо яркий свет погас. В помещение проникли сумерки.

Повелитель стоял и обалдело пялился на наши руки. Что-то пошло не так? Факир был пьян и фокус не удался? Опустив глаза, я узрела одинаковые симпатичные золотые татуировки на наших запястьях, рисунок которых полностью совпал с рисунком брачных браслетов, и хмыкнула: «Сказали же вроде, браслеты останутся. Оригинальное решение проблемы аллергии!»

По пришибленному виду благоверного до меня дошло, что дело пахнет керосином, а тут еще и вся толпа грохнулась на одно колено, правую руку дроу прижали к груди и головы склонили.

«Э-э-э... Надеюсь, они меня сейчас запекать на медленном огне не станут? Я большая. На фольге разорятся. Как мне все это не нравится! Больно морды торжественные, да и

выражение физики Дарика неслабо напрягает! Ну вот ОНО МНЕ НАДО?»

Память категорически отказывалась выдавать информацию, постоянно мигая неоновой табличкой «FILE DAMAGED!». Закрадывалось подозрение: на этот раз мне подложили свинок размером никак не меньше коровы.

Стараясь привлечь к себе внимание остолбеневшего мужа, я героически пыталась вернуть свои конечности на их историческую родину. Маневр удался, Дарниэль оторвался от созерцания наших запястий, поднял голову и посмотрел на меня с выражением... как бы это помягче сказать, чтоб престиж не упал... и не ущемил чего-нибудь...

О!.. Выражением крайнего экстаза. Мне происходящее нравилось все меньше и меньше.

«Точно, меня щас жарить будут!»

Опасаясь за оставшиеся клочки нервов, я распахивалась и прошипела:

— Муж! Ты мне хоть напоследок, перед смертью, можешь объяснить, что здесь творится?

Повелитель блаженно улыбнулся светлой улыбкой дауна и поставил меня перед фактом:

— Мы только что заключили идеальный брак.

«Тьфу ты! И зачем так пугать? А я-то было подумала!..»

— Какой-какой? — переспросила, перебирая в уме вычитанную классификацию супружеских уз друу. Все книги, проштудированные мною, повествовали лишь о трех видах брака, так откуда взялся четвертый? Смахивает на грандиозную подставу. — Ну и что это за фигня? — задала я наводящий вопрос.

Дождалась ответа:

— Этот вид супружества описывается в очень древних хрониках. Мне казалось, это красивая сказка, легенда, мечта, — выпалил мой благоверный на одном дыхании.

Переводя взгляд с мужа на татуировки и обратно, я заметила:

— Хороша сказочка! И что теперь?

Дарниэль счастливо улыбнулся и радостно сообщил:

— А теперь я знаю — ты меня полюбишь!

«Да? А мне об этом почему сообщить забыли? Дар, съешь лимон!» — С этой мыслью провалилась в обморок. Видать, сильно событиями шандарахнуло.

Я все-таки не вошла, я влипла... в историю!

Пришла в себя на любимой кровати, где отлеживалась под ненавязчивым присмотром Дарниэля. Первая промелькнувшая мысль была абсолютно дурацкой: «Надеюсь, сюда он меня все же нормально, по-человечески принес, а не тащил на плече или волок за собой?»

Нет, как вы думали? У меня свадьба, шикарный мужик тут под боком, а я чем мозги напрягаю? Попытка сфокусировать глаза провалилась с треском. Повторную попытку сорвал вопрос Дарниэля, заданный с тревогой:

— Как ты себя чувствуешь?

Проанализировав ощущения, я поделилась впечатлениями:

— Никак. Меня нет. Я в нирване.

— Ну если ты шутишь, значит, уже лучше. Я сейчас позову Манвэлиэль, она поможет тебе раздеться. Тебе нужно поспать, — просиял улыбкой Повелитель, по-джентльменски чмокнул мне ручку и свалил.

Провожая его недоуменным взглядом, я очумело хлопала ресницами. Свалил, подлец! Взял и свалил! Офигеть! И это моя брачная ночь? А поупрашивать, подомогаться? Я уже настроилась... Поломалась бы чуток для вида и согласилась к обоюдному удовлетворению.

Но меня без зазрения совести бросили в одиночестве.

Не прощу! Никогда не прощу! Пусть ему будет хуже! Два раза. Нет, три!

Пришла Маша, козочкой запрыгала вокруг меня с поздравлениями и лишь потом заметила, что я вся из себя никакая — шибко злая, обиженная и надутая.

— Что с тобой? — поинтересовалась она.

— Этот... (пи-ип) супруг... (пи-ип) меня... (пи-и-ип) совсем не любит!

Машка вконец ошалела:

— Зашибись! Рика, ты в своем уме? — Она постучала пальцем по лбу. — Ты же шарахалась от него все время, словно вампир от солнечного света! — выпалила сестренка на одном дыхании. Потрясла рукой у меня перед носом и продолжила: — Запугала бедного Повелителя до смерти. Он же пальцем боится до тебя дотронуться. Какой мужик это выдержит?! А он любит и терпит.

Насупившись, я окончательно разобиделась:

— Надо же... пугливый какой! А спросить нельзя было?

— И получить в лоб фаерболом? Повелитель, к счастью, не идиот. Зачем ему второй раз самому нарываться? — отрезала Маша и величаво удалилась из комнаты.

Проводив ее недобрым взглядом, я решила подумать обо всем завтра и с этой мыслью уснула.

Проснулась рановато. Разлепив глаза, наткнулась взглядом на довольную Сильван. Ее увесистая туша занимала почти все мое спальное место. Я подняла руки и ткнула ей под нос со словами:

— Котенька, только ты одна меня и не бросила! — Обхватила руками мохнатую шею. Спросила: — Что ты обо всем этом думаешь?

Кошка обозрела татуировки, довольно зажмурилась и лизнула в нос.

Я услышала басовитое мурлыканье. Будем считать ответом.

— Я так и поняла. Поздравления приняты.

Потискав немножко кошку, я сползла с кровати. Почапала в ванную, кряхтя и постанывая. Отмокая в теплой, душистой воде, я обдумывала ситуацию. В сущности, Маша права на все сто. Я столь активно сопротивлялась и отвергала любые ухаживания, что теперь он не знает, как со мной обращаться. Если уж анализировать и мыслить логично, то начать нужно с главного вопроса: хочу ли я полноценного брака?

После долгих размышлений, двух чашек кофе и сигареты я пришла к выводу... мне нравятся брюнеты с синими глазами. И совершенно не нравятся всякие Лауры, нагло липнущие к чужим мужьям. От одной мысли о сопернице я сразу дошла до белого каления.

Полюблю ли в будущем? Откуда мне знать! Тут уже все так перепуталось, что сам черт ногу сломит. Одно могу сказать с полной определенностью: поговорить нам обязательно стоит. Хватит вариться в собственном соку и накручивать то, чего нет. Додумавшись до сего аргумента, я вылезла из воды и продефилировала приводить себя в порядок.

Господи боже мой, на какие жертвы только не пойдешь в желании понравиться! Придирчиво осмотрев свои наряды, я выбрала домашний вариант платья дроу в стиле англичанки одиннадцатого века. Мне всегда шло зеленое. Массивный пояс подчеркнул тонкую талию. Изящные бархатные лодочки завершили мой наряд.

Дождавшись окончания экзекуции под названием «Делаем нормальную прическу», я покрутилась перед зеркалом. Рассмотрев себя со всех сторон и убедившись в собственной неотразимости, я пошла разыскивать супруга. Он обнаружился в кабинете. Одетый в белую свободную рубашку и черные бриджи, Дарниэль увлеченно писал за массивным столом, громко скрипя пером, энергичный и полностью поглощенный бумажной работой.

Я тихонько вошла. У мужа глаза на лоб полезли. Сиятельный дроу крайне удивился. Настороженно спросил:

— Что-то случилось?

— Ничего. Просто хотела поговорить, — честно призналась я.

Впрочем, ответного энтузиазма у него моя настырность отнюдь не вызвала. Наоборот, Дарниэль тут же поспешил отодвинуться от меня подальше:

— Милая, прости, я сейчас очень занят. Можешь чуточку обождать?

Докатилась! Повелитель дроу меня боится. Могу открывать павильон ужасов и, грозно щелкая клювом, работать там главным экспонатом. Но не буду.

— Нет проблем. — Нежно улыбаясь и качественно строя ему глазки, я продемонстрировала ненавязчивое желание остаться.

— Вот и хорошо, я закончу и к тебе приду. — Муж мягко попытался выставить меня вон.

А вот это фигурки! Я тебя из-под наблюдения не выпущу, чтобы тут всякие фифы на мое не покусял... покус... ручонки свои загребущие не протягивали! Железное правило лассо: отпустите мужчину с короткого поводка, и он будет пойман другой женщиной!

— Ты не беспокойся, я вот тут тихонько посижу, подожду, — ласковым тоном бывалого гипнотизера отвергла я предложение, вызвав у супруга новый приступ опасливого удивления.

Бесспорно, «тихонько» и я — понятия далекие друг от друга, но чем-то же надо жертвовать! Усевшись в кресло по другую сторону огромного стола, заваленного бумагами, я с любопытством осмотрелась.

Кабинет оказался достаточно большим. Солидные панели из мореного дуба чередовались с резными вставками. Шпалеры золотистого шелка прекрасно гармонировали с темным деревом. Одну из стен украшала богатая коллекция оружия. У другой примостился мягкий удобный диван. Остальные стены были уставлены стеллажами с документами и книгами. Огромное полуотворенное окно давало достаточно солнечного света. Эдакая солидная патриархальность и монументальность.

Надо отдать должное Дарниэлю, он мужественно старался обезопасить свое рабочее место от возможных разрушений, выдвинув причину:

— Тебе же скучно будет.

Я не растерялась. Изящно увернувшись от навязываемого решения, сыграла в умненькую девочку-отличницу:

— А я вот книжечку почитаю, — и уверенно потянула на себя ближайшую.

Отвлекающий маневр прошел на «ура», и финт вполне удался. Благоверный внимательно глянул, что именно я вытащила, насмешливо хмыкнул и преспокойно вернулся к работе.

«Тю! Как это понимать? Не иначе дрянь какую подсунул!»

Книга при ближайшем рассмотрении оказалась финансовым отчетом за последний квартал. Надо же как совпало! Это я удачно зашла. Профессионал внутри меня радостно потер ручки.

Не помню, говорила я или нет, но мои профессии: бухгалтер, аудитор и налоговый, — то есть имею высшее образование и дипломы по всем трем направлениям, причем обожаю

свою работу. Для меня отчет — лучше чем мороженое, любимое фэнтези или любовный роман. Во всяком случае, таких интриг и внезапных поворотов сюжета, как в длинных столбцах сухих цифр, вы не найдете нигде.

Я погрузилась в расчеты, бурча себе под нос:

— Ага. А это что? Так-так... Странная система учета, надо модернизировать. Это кто ж такой умный? Черт, тут не сходится! Где у нас расшифровка? Интересненькое де-эло. Угу-у.

Внезапно листы исчезли из-под моего носа. Меня поставили на ноги. Ух ты, я не заметила, уже на пол сползла. Вот что значит — заработалась.

— Ты хотела со мной поговорить? — бархатным голосом спросил Дарниэль. Его глаза горели синим огнем.

Через секунду он с недоумением смотрел, как я тоскливо провожаю глазами дорогие сердцу листочки и жалобно тяну к ним руки. Пришлось возмутиться:

— Верни где взял! Я еще не закончила. Нас тут обкрадывают, а ты с вопросами!

— Ты в этом разбираешься?! — впал в проstrationу ушастый Повелитель. Видимо, впервые увидел девушку, увлеченно оперирующую цифрами.

— Нет, аэробикой, едрена вошь, тут занимаюсь! От нечего делать по коврам ползаю и пылюку на платье собираю! — недовольно поведало мое сиятельство. Спohватившись, пояснила: — Вот смотри, здесь на пятнадцатой странице итоговая сумма одна, а в выкладках на шестьдесят третьей — совсем другая и гораздо меньше. Дебет с кредитом не сходятся.

Дар задумчиво посмотрел, куда я показала пальцем, и дальше мы разбирались уже вдвоем, яростно переругиваясь и дотошно пересчитывая. Выслушав мою подробную и едкую лекцию про их древнюю и несовершенную систему налогов, Повелитель пожал плечами и сообщил:

— Не возражаю. Возьми на себя финансовые проверки.

— Прекрасно! — искренне обрадовалась я. — Но учти! Твои советники меня на порог не пустят. Так что, будь добр, тисни официальный указ на сей счет.

— Согласен! — злорадно оскалился супруг, явно предвкушая реакцию казнокрадов. Потирая гладко выбритый подбородок, угрожающе добавил: — И если они посмеют тебе перечить... — Но по моему взгляду сразу понял, что у советников просто не останется шансов прекословить.

Мы улыбнулись, как два заговорщика. В общем, я чудесно провела время.

В полдень Маша с невинным вопросом сунула любопытный нос в кабинет:

— Обедать будете?

Мы уже почти закончили. Дар встал, протянув руку, помог мне подняться и посмотрел с нескрываемым уважением.

— Знаешь, я чувствовал какой-то подвох, но никак не мог понять, в чем загвоздка. А ты сразу увидела. Спасибо! — Немного помялся и попросил: — Ты не могла бы научить меня земной системе расчетов? — Признался: — Восхищен вашими математическими познаниями.

— Всегда пожалуйста, обращайся, — расцвела я улыбкой, и мы пошли обедать.

По дороге я с опозданием вспомнила о цели визита. К сожалению, рядом болталось много любопытных придворных. Давать новую тему для сплетен мне не хотелось. Много будут знать, плохо будут спать. Обед прошел в теплой и дружественной обстановке: все чавкали и жевали молча.

После обеда я уже собиралась вернуться к животрепещущему вопросу. Тут прибежал

какой-то растрепанный хмырь в кожаной безрукавке и, размахивая руками, стал надсаживаться:

— Мне нужен Повелитель! Дело государственной важности!

— Без меня никак? — обреченно спросил Дарниэль.

«Эй, ребята! В очередь! У меня тоже дело государственной важности!» И присутствие супруга обязательно.

Выслушав паникера, Дар повернулся ко мне и виновато развел руками:

— Извини, придется ехать. Вернусь поздно. Ложись спать, не жди меня. — Он бережно поцеловал меня в щечку и свалил.

И как это называется? Новый вариант «Много шума из ничего»? То он за мной гонялся, как кот за валерьянкой, а теперь я его никак заловить не могу. «Остается мне сесть в уголок и кричать: «Дайте мне мужа!»

Тут мне в голову пришла интересная мысль: «Если гора не идет к Магомеду, значит, Магомед пойдет к горе». Не удерет же он от меня из собственной постели? Идея мне не очень-то импонировала, я больше привыкла, когда мужчина проявляет инициативу, но, судя по всему, ждать активности от Дара мне придется о-очень долго. Такими темпами мы до старости будем держаться за ручки, по вечерам играть в карты и беседовать про погоду. В общем, мучилась я до вечера, нарезая по комнате километры, уже до печенок достала окружающих и... решила:

— Айлонор, слышь!

— Рика, отстань! С тобой сегодня разговаривать невозможно. Только рычишь, кусаешься и по сторонам ядом брызжешь, — отмахнулся от меня друг.

— Айлонорчик, ну прости! Ну пожалуйста-а-а-а!

— Чего ты хочешь, язва? — сменил он гнев на милость.

— Ты знаешь, где апартаменты Дара? Отведи меня туда, а то я долго блуждать буду...

Айлонор долго смотрел на меня, а потом спросил:

— Ты уверена? Назад пути не будет, не отпустит ведь.

Вздохнув, я призналась:

— Сама не знаю, если честно. Просто мне кажется — хватит уже испытывать судьбу. Она может обидеться и повернуться задом. Думаю, это не самый шикарный вид.

И мы пошли. Я что-то такой трусихой стала! Шла и думала: как мой собственный муж на это отреагирует? Представляете? Деградировала! Полный маразм. У дверей попыталась было трусливо передумать, но отступить некуда, позади Айлонор.

Была не была! Я шагнула в комнату.

Вот скажите, что делают в таких случаях? Раздеваются и залезают в постель? Сидят на стуле и ждут? Я сейчас от волнения спячу, ей-богу!

В результате приняла соломоново решение: не раздеваясь, подожду его тут, на кровати. Полежу на царской перинке, тихонько поваляюсь, а ежели что — и отмазку придумала: скажу типа мимо проходила. Устала, отдохнуть решила.

Ну-ну, «дайте стакан воды, а то очень кушать хочется и переночевать негде!». Ждать пришлось долго, и передумала я о многом, несколько раз хватаясь за спасительную ручку двери и на неверных ногах возвращаясь обратно. Останавливало лишь понимание: если долго колебаться, можно всех заколебать.

Уже в полудреме я услышала, как вернулся Дарниэль. Пока он, злой как стая демонов, яростно шастал по спальне, приложила титанические усилия по выпутыванию из

проклятого вязаного покрывала. Видимо, привлеченный шумом, муж замер и довольно резко сказал:

— Лаурелин, я тебя не звал! Убирайся отсюда немедленно!

Имя этой милашки подействовало на меня словно красная тряпка на быка. В глазах потемнело от ярости, и, вскочив на кровати в полный рост и уперев руки в бока, дражайшая супруга язвительно поинтересовалась на слегка повышенных тонах, переходя на рычание:

— Позволь тебя спросить, а что в твоей постели может делать эта мадам?! — Угу. А то я, наивная эльфийская девушка, не понимаю, что она может там делать... Все равно, пускай сам объяснит!

Дар стоял с голым торсом, держа рубашку в руках. Мням, красавчик! Сейчас слюной изойду. Вот выясню отношения и прямо тут изойду! На месте!

Муж вылупил на меня, словно на привидение с мотором, и осторожно спросил:

— Эрика?..

— Нет, ёперный театр, Айлонор переодетый!!!

— А что ты делаешь в моей спальне?

— Дзынь-ку-ку! — проревела я, стараясь не сыпать раньше времени молниями из глаз. — Абсолютно дебильный вопрос. Может, не у одной меня с мозгами худо? Семейную психотерапию вместе проходить будем или как?

Дар замер:

— Эрика?

Ну как может нормальный мужик спрашивать у своей жены, что она делает в его спальне? У меня сейчас крышу снесет!

— А ты как думаешь?! — заорала. — Если ты надеялся, что я сначала попрусь к магам за расчетами, потом год буду ждать подходящего дня, наворачивать себе на голове воронье гнездо, заматываться в ритуальную тряпку и задирать юбку до пупка, то ты сильно ошибся! Что?! Что я могу делать в твоей спальне?! Тебя ждать, супруг лопухий!

Глядь, у него в глазах и мозгах стало проясняться. Слава богу, очухался! Доперло наконец, и тут я опять вспомнила кой-чего. Ярость во мне взбурлила с новой силой:

— Так поделись, ненаглядный, почему эта коза тебя здесь дожидалась?

Вместо ответа он все-таки решил меня заткнуть. Уши, видимо, заболели от моих воплей. Сгрел в охапку и поцеловал. Давно бы так! Мур-р-р. Если бы я знала, что с ним так классно целоваться, может, и не сопротивлялась бы так долго.

Тут меня глубоким сексуальным голосом спросили:

— Ты уверена? Не передумаешь? Назад пути не будет! Я не отпущу!

И этот туда же. Они под копирку тексты пишут? Но отвечать надо. Я молча кивнула.

Дарниэль запылал весь. Не думаю, что смогу объяснить это словами, но он пылал желанием, он манил и обжигал. Будь он таким... таким крышесрывательным, разве я могла бы пулять фаерами в ночь нашего знакомства? Да ни за что! Сама бы на него охотилась.

Вы когда-нибудь видели небо в алмазах? Я вот увидела и поняла — что значит быть половинкой целого. Когда для двоих открывается целый мир и нет ничего запретного и постыдного. Когда губы ищут губы, когда кожа горит от ласки и требует еще, еще, еще! Когда без его рук чувствуешь себя одинокой и тело само льнет к нему и не может оторваться. Когда его тяжесть — это спасение от пламени внутри. Когда сердце заполнено чем-то таким... цельность становится абсолютной. Когда ты достигаешь

вершины и рассыпаешься яркими искрами.

Я лежала обессиленная, но совершенно счастливая. Боже, как хорошо! Дар приподнялся рядом на локте и сказал:

— Я люблю тебя. — Обвел пальцами контур моих губ, призывая к молчанию. — Тсс, не говори ничего, я так счастлив. Даже в самых смелых мечтах не мог представить, что ты сама придешь. Думал, придется очень долго ухаживать и уговаривать. Был готов ждать хоть вечность. Ты же меня чуть с ума не свела — постоянно испытывала мое самообладание!

— Прости. — Я покаянно потерлась о его плечо. Волосы разметались по подушкам, в теле поразительная легкость.

— Не нужно, все хорошо, любимая. — Муж мягко обхватил меня, прижимая к себе.

Я удобно пристроилась на его плече и задумчиво протянула:

— Знаешь, пожалуй, в следующий раз стоит обязательно надеть это жутенькое ритуальное рубище... — Поймав его вопросительный взгляд, объяснила: — Для экзотики!

Дар засмеялся и выдвинул другой вариант:

— Лучше те панталончики надень, ты в них так сексуально выглядела, у меня воображение дико разыгралось.

Улыбнувшись, я потянулась к нему, и ночь продолжилась.

Проснулась я от стука в дверь. Дар спал на животе, закинув на меня руку. Тяжелая, зараза. Попытка вылезти не удалась, он только сильнее подгрел меня под себя. Собственник, тоже мне! Пришлось будить:

— Дар, вставай!

Муж прижал меня к себе совсем крепко, оплел руками и ногами и щекотно задышал в волосы за ухом. Мне показалось — даже затрясся.

— Дар, проснись наконец!

Ноль внимания, фунт презрения. А мне, между прочим, тоже дышать иной раз надо!

Я из последних сил уперлась ему в грудь и сдавленно рявкнула:

— Да-ар! Открой, стучат!

Объятия разжались. Распахнув глаза, он счастливо улыбнулся и произнес:

— А я думал, мне приснилось. Мне уже давно сны с твоим участием снятся. — Снова подмял под себя. Облапив со всех сторон, ласково продолжил: — Доброе утро, любимая.

В дверь уже колотили со всей дури, истошно вопя о срочности. Дарниэль раздраженно поморщился, выражая мимолетное недовольство. Он вскочил с кровати и потянулся за стеганым парчовым халатом. Пользуясь моментом, я собственнически оглядела мужа: красивое тело, сильное и поджарое. Мышцы там, где надо, гармоничные пропорции фигуры.

Дар заметил мой взгляд и мимолетно усмехнулся, подначивая:

— Нравится? — Не дождавшись ответа, пошел выяснять проблему.

От двери доносится Машин голос, полный истерики:

— Повелитель! Я везде искала, ее нигде нет!

И точно. Она же не знает! Странно, а почему Айлонор не сказал? Или она его не видела?

Высунув нос из-под одеяла, я с улыбкой призналась:

— Маш, я здесь! Не волнуйся.

И тут же мне с возмущенным криком в лоб прилетело подушкой:

— Да ты!.. Как ты могла! Я за тебя переживала! А ты!.. Ну все!

Я отбивалась и ржала во весь голос. Нет, я положительно на них плохо влияю! Маша подушкой воспитывает, не обращая внимания на Повелителя, а этот эльфийский гад, вместо того чтобы защитить ненаглядную супружницу, гогочет и подстрекает сестренку. С ума сойти!

К сожалению, обязанности правителя никто не отменял, и медовый месяц мы активно совмещали с работой. Дар вцепился в меня, как клещ в собачье ухо, и повсюду таскал за собой на прицепе. Я за день жутко выматывалась, повисая у него на руках без сил. Беспокоила одна странность: Дарниэль как будто боялся отойти от меня дальше чем на пару шагов. Он даже в туалет за мной пытался иной раз вломиться. На резонное замечание:

— Что ты там, собственно, забыл? — благоверный хлопал своими очаровательными синими глазками и скромно признавался:

— Руки помыть.

Надо же! Единственный «кабинет задумчивости» во всем дворце. Бедные мы, обнищавшие...

Надо признаться, муж в сексуальном плане оказался натурой весьма увлекающейся. Мои познания о дровской архитектуре пополнились самыми темными местами во дворце, потому как, видите ли, до кровати идти ну-у чрезвычайно далеко, неинтересно и долго. Хорошо хоть про люстры не вспомнил!

Мне нравилось. Ночные кошмары ушли в далекое прошлое.

Тот день начался как обычно: я ползала по ковру с отчетом, а Дар упорно меня отвлекал. И мы уже почти договорились, когда доложили о страже с границы. Пришлось отложить дела (кто-то громко чертыхался) и выслушать тревожное сообщение. На границу приехал его светлость Араниэль и просил принять его во дворце. После известия у Дара загуляли желваки и он заметно помрачнел. У меня сразу возник вопрос:

— Кто он?

— Араниэль, наследник Владыки светлых эльфов. Твой сводный брат.

Эти родственнички... прям как тараканы! Все ползут и ползут. И что мне с братиком делать?

Глава 21

Настоящий мужчина всегда добьется того, что хочет женщина.

Дарниэль, Повелитель дроу

Стоял, глядел на нее и боялся поверить своим ушам. Неужели она согласилась? Может, послышалось? Да нет... вроде.

Больше всего на свете мне хотелось уволочь непокорную эльфийку в темный уголок и наглядно показать, насколько сильно я ее люблю. Кто меня за язык тянул, когда я обещал ее не торопить? Я живой мужчина, в конце концов, и...

Стоп! А если она передумает? Она может, запросто. Ну уж нет! Не позволю!

Надо отрезать ей все пути к отступлению. И желательно быстро. В голове защелкали предположения. Сама не пойдет, по дороге как пить дать сбежит. Значит, нужно унести. Это вот не проблема, проблема в реализации сего действия! Если на руках потяну, она меня на что угодно подговорит. Стыдно признаться, но жена мною вертит как хочет.

Нет, не отступлюсь!

О, придумал! Закинул Рику на плечо и пошел к выходу, уже заранее сцепив зубы и ожидая вслед громкие протесты. Но она молчала... видимо, дошло не сразу.

Ну я был прав. Началось! Осторожное выяснение намерений, плавно перешедшее в панику, но что удивительно — без криков. В ход пошли типично женские отговорки: «Я не одета!»

Ой, смешная! Да мне все равно. Я бы вообще предпочел наедине и без одежды. И давно бы так случилось, если бы не моя дурацкая клятва подождать. Вот где были мои мозги в то время, когда я клялся на родовом перстне, а?

По пути ругая себя почему зря, я доволок ее до храма. На месте поставил Эрику в центре, напротив алтаря, и очень строго приказал никуда не уходить.

Впрочем, вскоре народу набилась тьма-тьмушая, сбежать отсюда стало весьма проблематично. Всем же интересно, что дальше будет и зачем Повелитель жену в храм потащил, да еще таким способом — неужели разводиться?

Я бы и торжественно ввел сюда любимую... если бы она меньше мне помотала нервов.

Сердце билось с перебоями. Неужели я сам волнуюсь?

Я договорился со жрецами, подготовил ритуал возжигания священного костра и дары богине. Управившись с неотложными вопросами, я вернулся к главному алтарю. Взяв Рику за руки, объяснил, что ей делать, и рассказал про нужные слова.

Видел по ее лицу: сложную фразу незнакомого языка не запомнила, поэтому отчаянно паниковала — на виске билась жилка, зрачки стали просто огромными, губы пересохли. Ничего страшного, любимая, я помогу.

Я смотрел в глаза Эрики, черпая в них храбрость, и начал цитировать призыв к богине и полную клятву верности. Через некоторое время жена, кое-где запинаясь, с моими подсказками произнесла ответную часть.

Неожиданно нас окутал яркий золотой свет. Все услышали волшебный голос богини. Она мелодично произнесла: «Благословляю!» — вслед за этим я почувствовал жжение на запястьях.

Не понимаю! Должен был только еще выше вспыхнуть костер да исчезнуть застежки на браслетах?!

Богиня покинула нас. Яркий божественный свет погас. Я стоял и не верил своим глазам: браслеты исчезли, на наших руках красовались золотые татуировки, знак благословения богини. Идеальный брак?! Но это выдумка, миф!

Впрочем, пристальный взгляд на руки в этом разубеждал.

Я попытался вспомнить все когда-либо прочитанное или услышанное об идеальном браке: «Должны соединиться две половинки и почувствовать себя одним целым». Что еще там было? «Чувства, объединяющие их, должны быть взаимны... или будут взаимны». О боги, спасибо за подаренную вами надежду! Она меня полюбит!

Там было что-то еще: «Связи соединятся и не ослабнут во веки веков». А вот это ей знать пока необязательно. Эрика нерушимых связей жутко боится. И так с ними, бедная, настрадалась и намучилась.

Дроу с восторгом приветствовали нас, встав на одно колено и оказывая огромные почести божественному явлению, как и последовавшему за ним чуду.

Моя половинка отошла от болевого шока и начала наконец интересоваться происходящими странностями. Даже если бы Эрика сейчас устроила грандиозный скандал, ругалась или дралась, я бы все равно был счастлив.

Выслушав мое сумбурное, радостно-неуверенное объяснение, жена посмотрела на меня с недоумением, затем с недоверием и... хлопнулась в обморок.

Я нес ее на руках, как величайшую драгоценность, самую важную награду в моей жизни. Уже в ее покоях начал волноваться: почему она так долго не приходит в себя? Слава богам, жена очнулась.

Какое облегчение! Но уходить нужно как можно быстрее, прямо сейчас. Если промедлю, я не смогу ее здесь оставить одну. Буду целовать ее в этот симпатичный завиток на затылке, развяжу ненавистные шнуровки на бальном платье и... Нельзя! Можно все испортить.

Сжав кулаки и до крови вонзаясь ногтями в ладони, я бегом покинул спальню жены. В своих апартаментах прислонился пылающим лбом к прохладной двери и долго стоял, вдыхая и выдыхая загулествший воздух.

Нелегко мне далась эта ночь, и сколько их еще будет, одиноких, наполненных мыслями о зеленоглазой эльфийке.

С утра навалились срочные дела, необходимо было многое решить, разобраться. В голову абсолютно ничего не лезло. Я думал об Эрике: «Проснулась ли? Как себя чувствует? Что делает?» Хватит! Немедленно прекратить, или свихнешься! Вздохнув, я приказал себе отвлечься и зарылся в бумаги.

Нет, боги в тот день меня определенно ненавидели! В кабинет заявила моя жена. Она никогда сюда не приходила!

_ Что-то случилось? — вырвалось.

— Ничего. Просто хотела поговорить...

Поговорить? О чем? Опять неприятности на мою голову придумала? Каких сюрпризов мне стоит ожидать? Инстинкт самосохранения побудил сообщить ей о своей чрезвычайной занятости.

И представляете, она согласилась подождать! Определенно здесь что-то не то. А вдруг она сейчас скажет про наш союз, что это ей все не надо? Тогда мне бросаться на меч, вешаться, топиться или стричься в монахи?

Только не это! Просто надо дать ей время, остынет, привыкнет. Это я о Рике говорю? Попытался выкрутиться и намекнуть, что приду вечером. В ответ получил:

— Ты не беспокойся, я вот тут тихонько посижу, подожду.

Все! Точно что-то из ряда вон ужасное. Может, еще раз попробовать?

— Тебе же скучно будет.

— А я вот книжечку читаю.

Она вытащила финансовый отчет, и мне на мгновение стало очень смешно. Чтобы женщина читала подобную муть? Да ее на пять минут не хватит! Хорошо, с ее невозможным упрямством — на десять. Я, внутренне посмеиваясь над ее отчаянной решимостью, начал тихонько наблюдать. Сначала Эрика просто листала страницы, постукивая себя пальцем по губам, и в некоторых местах тихонько фыркала. Вскоре, к моему огромному удивлению, стащила у меня со стола карандаш и бумагу. Не мог понять — она серьезно? Милая сосредоточенно сопела, раскладывая желтоватые страницы, считала что-то, комментировала на полях, подчеркивая некоторые выкладки... Вскоре на пол сползла, чтобы место было расположить листы...

Не-эт, моя жена хочет остаться вдовой! Разлеглась на животе в откровенной позе, болтая у меня перед носом чудесными ножками. Разве можно перед голодающим ставить поднос, полный аппетитно пахнущих яств? Кто дразнит тигра мясом?

Все! Довольно! Я не каменный! Вытащил у нее листы, поставил на ноги, и будь что будет!

— Ты хотела со мной поговорить?

Смотрела и не видела. Где ее мысли? А мысли все в отчете. Эльфийка авторитетно заявила, что нас обворовывают, и даже показала, исходя из каких данных она сделала подобный вывод.

Я задумчиво посмотрел, куда она указывала своим тоненьким пальчиком, и... от стыда чуть сквозь землю не провалился.

Ого! Вот это прошляпил. Говорил мне папа больше налегать на бухгалтерию с математикой. Дальше мы разбирались уже вдвоем. Пришлось признать ее компетентность и отдать женошке на откуп финансовые отчеты. Советника по налогам становится жалко уже сейчас. Вместе с ним казначея, советника по строительству, главного управляющего дорогами и дворцового смотрителя. Моя жена удивительная, ей цены нет! Настоящий подарок правящему Дому. Сплошь приятные сюрпризы.

По дороге в столовую, видимо, она вспомнила, о чем хотела поговорить, но решила не делать этого при посторонних. И на том спасибо. Правда, я с немым ужасом думал: обед кончится — разговор неизбежно случится, но тут прибежал один из моих помощников. Он настаивал, мол, дело очень срочное и важное и без меня абсолютно нерешаемое. Какой замечательный повод, главное — своевременный!

Я чмокнул свою жену в щечку и сбежал. Как все-таки здорово звучит — «моя жена»!

Проблема действительно оказалась серьезной. Потребовалось гораздо больше времени, чем я предполагал. В спальню ворвался уже практически ночью. Пока устало раздевался, в который раз мысленно давая пенделя начальнику дворцовой стражи, услышал шорох на своей кровати.

Накатило раздражение. Снова Лаурелин! Шла бы она отсюда подобра-поздорову, пока не нарвалась. Очень надоедливая и бесцеремонная дамочка. Совсем в ее репертуаре — пробраться в мою спальню, невзирая на вчерашнюю женитьбу. Где были моя проницательность и знание психологии, когда я с ней связывался? Нет, она хорошенькая — кто спорит! — но слишком властная, амбициозная и надоедливая особа. В конечном счете — скучная до тошноты. Одно время дама настойчиво метила в Повелительницы. Раз уж не вышло, до сих пор пытается сохранить свой статус фаворитки. Как идиотка не может понять, что она мне неинтересна! Мне вообще никто не нужен, кроме вредной и упрямой эльфийки с зелеными глазами, которыми я скоро бредить начну.

Может, следовало отдать приказ казнить Лаурелин? Или выслать? Мысль привлекательная, но... увы, не получится, как бы мне ни хотелось. Слишком influential Дом, чересчур много возникнет проблем. А жаль... Я тяжело вздохнул и строго приказал ей выметаться.

И тут мне захотелось протереть глаза. У меня галлюцинация? На моей кровати стояла, сонная и растрепанная, любимая женщина. Уперев руки в бока, мое солнышко откровенно злилось.

На всякий случай, во избежание ошибки — знаю, что глупо прозвучало, — уточнил еще раз: она ли это? Я временами плохо соображаю, когда дело касается Эрики.

В ответ полетели разгневанные вопли, и в моей голове возникла мысль, в которую я боялся поверить. Она пришла? Сама? Я все-таки решил проверить свою догадку и поцеловал. Какие у нее сладкие губы — не оторваться! Но я не мог, не имел права смолчать:

— Ты уверена? Не передумаешь? Назад пути не будет! Я не отпущу!

Она кивнула. У меня дрожали пальцы, когда я ее раздевал. Никогда в жизни так не волновался. Мне казалось, она сейчас сорвется и убежит или исчезнет. Моя девочка... Только моя... Любимая...

Шелк волос, бархат кожи под ладонями. Какая же горячая! Нежность губ, упругость груди. Родная моя, любимая. Твои бедра в моих руках. Не стоило меня бояться — я отдам жизнь только за один твой вздох. Нетерпеливая, подожди, я еще не насытился тобой. Твои руки обнимали меня, похищая в сладкий плен. Губами ловил дрожание твоих ресниц. Не мог больше ждать:

— Я люблю тебя!

Теперь я познал, что значит быть с любимой женщиной. Ставить ее желания выше своих. Отдавать больше, чем брать, и получать от этого неопишное удовольствие. Слышать ее стон наслаждения и забываться самому в сладкой судороге экстаза, растворяясь в любви. Разве я могу отпустить тебя? Мне никогда не насытятся тобой... Ночь продолжалась.

Утром я почувствовал, как Эрика ловко попыталась вылезти из кровати. Душу обдало лютым холодом: все-таки решила удрать? Я остановил Рику и прижал к себе, крепко обхватив руками и ногами. Полузакрыв глаза, молча вдыхал ее запах — любимая, за что ты так со мной? Я же после этой ночи, брошенный, — с ума сойду, умру! Нельзя так, пощади!

Вслед за отчаянием пришли гнев и ярость. Уже поздно! Ты моя, слышишь?! Не пущу! Я стиснул руки еще крепче, сливаясь с ее телом. Моя жена, никому не отдам!

Но простое и логичное объяснение посмешило: она встала потому, что в дверь колотили. Гнев сменил объект направленности. Так, кому нейдется? Кто тут у нас отъявленный самоубийца, покажись?! Нельзя хоть на один день оставить правителя в покое и дать побыть с любимой женщиной?

Недовольный, я вскочил с кровати и потянулся за халатом, при этом поймал мимолетный взгляд Эрики, разглядывающей меня с восторгом. Неожиданно это доставило мне огромное удовольствие.

Так и самовлюбленным болваном стану, поглупев от любви. Кошмар! В кого я превращаюсь?

Оставив этот вопрос, пошел выяснять причину визита. Оказалось, Манвэлиэль потеряла Эрику и теперь в панике не знает, где искать. Не успел ничего сказать, как был сметен дрю, влетевшей в спальню на голос Эрики. Манвэлиэль всю орудовала подушкой, выясняя с госпожой отношения. Выглядело это забавно и в то же время поражало. Моя супруга, упрямец и вредина, поразительно влияет на других и привязывает к себе совершенно разных существ. Манвэлиэль за ней в огонь и воду пойдет, Айлонор грудью заслонит, кошка будет драться до последнего издыхания, остальные Эрику боготворят, а я... Что я?.. Она моя жизнь. Мое дыхание. Мое сердце.

Не могу и не хочу оставить жену даже на минуту. Ее присутствие постоянно казалось мне миражом, обманом, наваждением. Вдруг все исчезнет, развеется... я внезапно останусь один, без нее? Возможно, это звучит глупо, но сейчас мне не страшно было показаться глупым, просто хотелось схватить каждый кусочек, каждую крошку счастья. Когда я ощущал ее рядом, только тогда верил, что она настоящая. Не мог перестать ее желать, мне было мало ночей.

Этот день начался как обычно. Рика опять ползала по полу с отчетом, а Повелитель

упорно пытался привлечь ее к более интересному, на его взгляд, занятию. Совершенно не к месту доложили о вестовом. Пограничный страж вошел, поклонился и доложил, что на границе ждет разрешения на частный визит недоброй памяти Араниэль.

Я помрачнел, а жена в недоумении спросила:

— Кто это?

— Араниэль, наследник Владыки светлых эльфов. Твой сводный брат.

В груди kloкотала черная ярость и тоска.

В... и потом... и... скопом! Придушил бы гада и всех придворных эльфийских сплетников с ним заодно, но куда потом девать трупы?!

Глава 22

Мне не нужно, чтобы меня любил весь мир, достаточно тех, кого я выбрала сама!

Эрика

Фьюит-фьить! Только теперь, отвлекшись от наших с Даром взаимных ухаживаний, я услышала птиц за открытым настежь окном. Какая-то храбрая пичуга с голубой грудкой и алым пятнышком под клювом даже пыталась прорваться сквозь защитный дворцовый барьер, чтобы половить в саду бабочек. Купол не пускал, но птаха упорно не оставляла попыток. Я засмотрелась на веселые кульбиты неунывающего комочка перьев.

— Дар, я хочу иметь все сведения на вновь объявившегося родственника, — развернулась к мужу и попросила, прикусив распухшую от поцелуев губу. Представляю, как после его объятий выгляжу! Наверное, словно в копне сена повалилась.

— Какие сведения и откуда? — наигранно безразличным тоном ответил супруг на мою просьбу. (Муженек на диво быстро умел оправляться и выглядел, как всегда, безупречно — ни примятой одежды, ни растрепанной прически. Безукоризненно чистая темно-синяя рубашка, расшитый жилет, синие бриджи. Словно манекенщик на дефиле мод, честное слово! Наверное, будущих дровских правителей такому с детства учат.) — И вообще, зачем нам встречаться с Араниэлем? Он прибыл в частном порядке. Договор уже подписан. Не вижу смысла в подобной встрече.

Не Дар, а прямо ангел с крылышками. Сама невинность! Я начала подозревать: существует веская, очень веская причина, по которой супруг не желает, чтобы я встретила с неведомым братом. Интересно, где тут собака порылась? И что она выкопала?

— Хочешь сказать, у тебя нет внешней разведки и шпионской сети в эльфийском государстве? — выдала в лоб, чем вызвала немалое удивление.

Честное слово, как дитя малое. Красная Шапочка и Серый Волк. «Почему у тебя такие большие глаза?»

— Откуда ты знаешь? — И смотрит так пристально, будто у меня за спиной взвод диверсантов вырисовался. Ну вот, лыко-мочало, начинай сначала!

«Бу-га-га! Птичка насвистела. Мышка бежала, хвостиком махнула, разведка упала и раскололась...»

— Дар! Я иномирянка. И многое знаю, до чего светлые умы вашей эпохи только-только начали додумываться. — Мой голос стал тверже: — Понимаешь, у меня другое образование, гораздо более фундаментальное, чем принято у ваших женщин, да и мужчин, пожалуй, тоже.

Муж выслушал тираду чрезвычайно внимательно. И отмахнулся с ловкостью, делающей честь его привычной дипломатической изворотливости:

— И что из того? Политика — не женское дело.

— Не морочь мне голову! Мне нужны эти сведения, — нетерпеливо потребовала я, начиная потихоньку заводиться.

В ответ получила упрямое:

— Зачем?

— Я намерена встретиться с Араниэлем, — пояснила очевидную истину.

— Нет!!! — сорвался на крик Дарниэль.

И чего так орать? Его странная реакция привела меня в недоумение, и я спросила:

— Почему? — Сразу предупредила: — Простое «нет, нельзя» не прокатит.

Дар сильно разозлился. Крылья породистого носа гневно раздувались, на скулах буграми заходили желваки, губы сжались в тонкую нить. Он молчал и сверлил меня угрюмым взглядом.

Мне тут же пришла на ум фраза из фильма «Свадьба в Малиновке»: «Сделаешь дырку — потом не запломбируешь!» Я немедленно представила, как он прожигает во мне сквозную дыру, а потом неумело ставит заплатку с дратвой и шилом в руках, как заправский сапожник. На сцене, где он уколол палец и начал чертыхаться, я морально сломалась и стала давиться смехом, зажимая рот.

Злость и гнев на лице Дара сменились непониманием, потом растерянностью. И неудивительно, я бы тоже растерялась: он тут гром и молнии метать пытается (рыбка моя золотая на нересте), а я ржу. Надо прекращать: обидится — потом себе дороже будет.

— Дар, ты же знаешь — я все равно с ним встречусь, хотя бы для того, чтобы понять, о чем ты скромно умалчиваешь. Мне очень-очень нужны эти данные. Пойми, если я не получу информацию от тебя, получу от кого-то другого, просто это займет больше времени, и все.

Муж вздохнул и начал монотонно говорить, словно надиктовывая:

— Араниэль — наследник Владыки. Единственный. С отцом в очень плохих отношениях, не может ему простить смерти матери. Там какая-то темная история с ядом, поговаривают, будто отравителям приказ отдал именно Калэстель. Поэтому Араниэль старается с отцом не пересекаться, во дворце появляется крайне редко, только на мероприятиях, требующих официального присутствия наследника. Очень много путешествует, его любят в народе. — Дар сделал паузу, отворачиваясь и принимаясь особенно тщательно разглядывать свою любимую оружейную коллекцию.

— Ну? Я каждое слово клещами вытягивать должна?

Он повернулся ко мне окаменевшим лицом и неохотно продолжил:

— Если честно, он гораздо лучше своего отца, и я был бы только рад, если бы Араниэль занял место Владыки. Но...

На самом интересном месте! Я так не играю.

— Но?! — Я попыталась нажать.

Мой ненаглядный супруг посмотрел на меня несчастными глазами:

— В общем, при дворе настойчиво муссируется некая версия, что он к тебе относится ну... не совсем по-братски.

У меня перехватило дыхание. Мои глаза сначала широко распахнулись, а потом сузились. Я разозлилась. До меня дошло божьей милостью, почему он так сильно препятствует этой встрече.

— И на основании гнусных придворных слухов ты сделал вывод, что, как только сюда зайвится братец, я немедленно намотаюсь ему на шею вместо шарфика и признаюсь в неугасимых чувствах?! — Ткнула мужу под нос свои запястья и осведомилась: — Гарантии богов тебе не хватает?

Дар удрученно вздохнул и признался:

— Браслеты... они... — Его голос нечаянно сорвался. — С ними невозможен развод, но это не значит, что ты не можешь уйти или...

— Ну-ну, договаривай... — Моей ядовитой интонацией можно было, наверное, колорадских жуков морить. — Изменять тебе направо и налево?! — бешеным фейерверком, комом жгучей обиды взорвалось мое чувство.

— Зачем ты так? — тихо спросил Дарниэль.

Я выпалила:

— А как?! На основании сплетен, повторяю — СПЛЕТЕН, а не проверенных данных, ты сделал по отношению ко мне недопустимый, скоропалительный вывод, абсолютно не приняв в расчет, что я — не она! Да по тому самому принципу мне куда легче обвинить тебя! По дворцу ходят слухи о продолжении отношений правителя с Лаурой. Давай я закачу тебе по этому поводу скандал, перебью всю посуду, подожгу что-нибудь! Хочешь? Ты отказываешь мне в доверии. Чего стоит твоя любовь, если она не подкреплена верой в мою порядочность?

Замолчала. Что мне было еще сказать? Как убедить его в том, во что он не верит?

Мы стояли и смотрели друг на друга: в моих глазах горечь, в его — упрямство. Дару просто нужно время, чтобы осмыслить и принять многие непривычные понятия. Но от этого легче на душе не становилось. Тогда я развернулась и вышла за дверь. Он не стал меня удерживать.

Я ушла в лес. Одна. Моя нога не ступала на лесные тропинки со времени бала. Решила все обдумать и успокоиться. Любому человеку или дреу иногда необходимо побыть одному, разобраться в себе. Было ли обидно? Да. Ужасно. Но семейная жизнь состоит из компромиссов, умения понимать нужды и потребности другого, в доверии, наконец. А в этом доверии мне как раз отказали.

Занятая грустными мыслями, добрела до поляны. Там стоял Гром. Мне стало стыдно: трепыхаясь со всеми этими свалившимися на голову событиями и бесконечными семейными проблемами, я забыла о нем. Забыла друга. Похоже, Гром меня ждал. Обнял его за могучую шею, уткнулась лицом в гриву. Конь развернул ко мне умную голову и боднул в плечо, коротко всхрипнув. Я очнулась от невеселых дум и сказала:

— Здравствуй, мой хороший. Прости, не могла прийти раньше.

И осеклась. Гром смотрел на мои татуировки. Я могла поклясться, что он был поражен, ошарашен, раздавлен, если эти слова вообще применимы к животному. Он развернулся, сделал шаг, еще один и... стремительно ускакал. Его бегство стало последней каплей. Я зарыдала, судорожно всхлипывая.

Что-то большое мягко коснулось моей ноги. Опустив глаза, увидела Сильван. Хоть ты меня не бросила! Желтые глаза каргаала сощурились, она повернула голову, указывая направление: на краю поляны стоял Дар. Понял или испугался? В горле застрял комок, мои глаза туманились.

Под его ногами зашуршали листья. Сильные руки легли мне на плечи.

— Прости, я был неправ. — Тихий шепот шевельнул прядь волос. Понял.

— Прощу, но ты должен мне желание, — с облегчением улыбнулась я, воспользовавшись моментом.

И услышала в ответ беззлобное:

— Маленькая шантажистка.

— Да, я такая! — удовлетворенно ответила Повелительница. Встряхнула золотистой гривой, в которой опять застряли веточки и листики. — И этим горжусь! — созналась в «жутком» грехе.

Муженек нетерпеливо щелкнул пальцами:

— Уговорила. Весьма убедительный довод. Что ты хочешь?

— Возьми меня с собой на конную прогулку, — внезапно пришло мне на ум требование.

Удивленное лицо мужа говорило лучше всяких слов, но возражать он не стал, решив направить энергию в другое, более приятное русло.

А цветочки на поляне оказались жутко колючими. И почему мне не хватило ума

вытащить магией хотя бы одеяло? Да, умная мысль всегда приходит опосля!

Я смотрела в окно кабинета — рассеянно наблюдала за стаями воробьев, гоняющих обнаглевшую ворону, и дожидалась новоявленного родственника. Его должны были проводить сюда. После нашей размолвки Дар скрепя сердце (и скрежеща зубами) согласился оставить меня с братцем наедине. Шаги в коридоре, звук распахнувшейся двери и мягкий ласковый голос:

— Эланиэль, как ты себя чувствуешь? Я привез тебе игрушку!

Я оглянулась. Передо мной стоял эльф, очень похожий на «папашу», только глаза васильковые, и держал в руках... медвежонка из распушенного войлока! Он привез мне игрушку? Да, я помнила, как настойчиво требовала игрушку у Калэстеля, а привез обещанный подарок его сын? Он приехал из-за игрушки? Растерянно переводила глаза с игрушки на него и не знала, что сказать. Такого я не ожидала.

— Эланиэль? — повторил он.

Молчание. Как трудно его нарушить и соврать тому, кто искренне беспокоится о дорогом человеке. Но эльф мгновенно, с одного взгляда, все понял сам и поник головой.

— Где она? Кто ты?

Решение пришло внезапно. Протягивая ему руку, попросила:

— Араниэль, пойдём со мной, — и повела его к Шару Судьбы. Трудно предугадать, получится ли у меня, но стоило попробовать.

Мои ладони невесомо легли поверх него. Шар замерцал и засиял ровным золотистым светом. Он показал молодую женщину со светлыми завитыми волосами и зелеными глазами. Прозвучал тихий обеспокоенный голосок:

— Зачем ты позвала меня, Эрика? Как у тебя получилось?

— Нет. Тебя позвал кое-кто другой... Я не одна здесь, — ответила, чувствуя жгучую боль в сердце.

— Эланиэль?... Что с тобой, сестренка? Где ты? — ворвался в нашу беседу Араниэль.

— Здравствуй, братишка! — отозвалась сестра. — Не волнуйся! У меня все в порядке, правда! Я нашла свое место в жизни. Будь счастлив и ты.

Грустно улыбнувшись, эльф признался:

— Сестренка, рад, что все хорошо для тебя сложилось.

— Прощайте! — глухо донеслось до нас, и связь прервалась.

Араниэль шепнул, не отрывая взгляда от тусклого шара:

— Просто я опять остался один...

— Неправда, у тебя есть семья. Загляни в себя, и ты поймешь, о чем я говорю! — утешила его я.

Мы стояли с Араниэлем, держали руки на Шаре и смотрели в мутное стекло. С болью и мясом вырывались из меня связи с тем миром. Но одновременно они замещались другими, родственными узами. Внезапно братика Эланиэль я осознала близким и родным.

— Здравствуй, брат! — Хотелось плакать. Я разглядывала васильковые глаза, упрямую морщинку между бровями, горестный излом губ и приходила к пониманию — одним родственником у меня стало больше.

— Здравствуй... сестра. — У него в глазах стояли непролитые слезы.

— Извини, можно тебя звать немножко короче? Я... мне плохо удается запоминать ваши

имена, — тихо промолвила я.

— Можно, — ответил сын Владыки. — Как бы ты хотела меня именовать?

— Ты не против стать Ниэлем?

— Хорошо, пусть будет Ниэль, — немного подумав, согласился новообетенный братик.

— Спасибо, — благодарно улыбнулась я. — Ты останешься погостить?

Эльф застеснялся:

— А как на это посмотрит твой муж? Знаешь, я приехал за тобой. Калэстель жутко злился, сказал — ты сошла с ума. Ведешь себя как ребенок, требуешь игрушки... Вот я и привез тебе подарок. Подумал, может, ты согласишься жить со мной, если муж отпустит? Кому нужна полоумная княжна? Я совсем один после смерти мамы. Калэстель уничтожил всю ее родню.

— Извини. Я не поеду. Но ты можешь оставаться здесь сколько захочешь, — внесла я встречное предложение.

— Ты уверена, что не хочешь уезжать? Повелитель хорошо с тобой обращается? — продолжал встревоженно допрашивать Ниэль.

Сверкнув зубами в широкой улыбке, я доверительно поведала брату:

— Ты даже себе не представляешь насколько! — и подняла узкие рукава платья, с недоумением наблюдая, как от взгляда на мои нетрадиционные украшения эльф оседает на пол.

Понятно. Где мой нашатырь? Становится очевидным наличие общих корней у темных и светлых эльфов: обе расы одинаково легко валятся в обморок.

— Да-а-ар-р-р!!! — заорала испуганная Повелительница, не желая одна тащить этот тяжкий крест.

Муж словно под дверью с ребятами стоял! Ввалились не запылились. Бровки нахмурены, глазки сверкают. Шашек не хватает. Ага, еще коней и буденовок... и острых ушей из-под нее! Эх, пропал во мне художник!

Ввиду отсутствия реальной опасности муж выставил охрану за дверь. С плохо скрытым удовлетворением обозрел Ниэля на полу, чуточку поуспокоился и тут же обвинил во всем меня:

— Так и знал! Дня не проживешь, чтобы кого-то не довести. Что ты ему сказала?

Нет, вы подумайте! Я еще и виновата осталась! Беспредел процветает махровым цветом. Хотя нет — до беспредела мы дошли, но это еще не предел!

— Я неосторожно его порадовала, что ты теперь его ближайший родственник. Видишь, как проникся, — язвительно сообщила мужу в ответ на несправедливое обвинение.

Араниэль пришел в себя. Он сидел на полу и слегка затуманенным взглядом следил за нашей пикировкой. В это время в дверь ввалилась Маша, грозно впиалась глазами в молодого наследника и одним духом выдала:

— Если ты, ушлепок эльфийский, не приведи боги, сейчас нашу Эрику обидел! Я!.. Я тебе такую эльфийскую мать покажу, всю жизнь эльфийский алфавит будешь заново переучивать!!!

Брат подивился на ее выходку и неуверенно спросил:

— А это кто?

— Не волнуйся, теперь это еще одна твоя родственница! — успокоила я эльфа, который переводил взгляд с меня на Машу, с Маши на Дара и обратно. Видимо, раздумывал на тему: а оно ему надо? Я заметила, не обращаясь ни к кому конкретно: — Он еще Сильван

не видел...

Араниэль подумал и предложил:

— Может, вы мне заранее про нее расскажете, чтобы я... хм... подготовился...

Пожав плечами, я тотчас выдала родственнику необходимые сведения:

— Да пожалуйста! Сильван — каргаал. Живет в моей комнате. Охотится на празднующихся темных и светлых эльфов. Будь осторожен, наша когтистая девочка частенько любит по утрам закусывать аристократами.

Светлый эльф впал в глубокий ступор, надолго ушел в себя и после раздумий признался:

— Я попал в абсолютно сумасшедшее семейство! И мне это безумно нравится!

Конечно, родимый, куда ж ты денешься с подводной лодки.

— Если мы со всем разобрались, то я объявляю о бале на следующей неделе, — «обрадовал» нас супруг.

— Зачем? — Я срочно нажала «тормоз», поскольку не любила шумные представления с кучей посторонних, да и впечатления у меня от предыдущих увеселений остались не слишком радужные.

— По этикету положено, — пояснил Дарниэль, страдальчески заломив бровь.

Араниэль тут же скуксился (со мной на пару) и высказался:

— Не надо, до Калэстеля дойдет...

Повелитель обменялся с братом понимающими взглядами и согласился:

— Не стоит дразнить роканов преждевременно.

Ага, а то они в весе быстро теряют и та-ак пугаются! Золотые яйца нести перестают... По-моему, кто-то сильно горит желанием ошипать папашку или подрезать ему крылышки, которые он в силу высокого самомнения считает орлиными. «Парит наш орел!» Ну пари, пари... пока можно.

Если я правильно оцениваю ситуацию, то кому-то будет очень больно падать. Вон у моего супруга в глазах уже целые стада дикобразов маршируют и площадку для посадки готовят... мягкую. «Мы обеспечим вам полный комфорт!»

— Тогда праздничный обед? — выдвинул предложение муж.

Всегда «за»! Вкусно пожрать — дело святое. Все лучше, чем перед толпами народу клоуна изображать.

Торжественное вкушение пищи определили на завтра, и Дарниэль вышел отдать необходимые распоряжения. За ним следом улетучилась Маша, бросив на Араниэля заинтересованный взгляд и соорудив глазки исподтишка.

У эльфа сделался такой пришибленный вид, как будто она ему промеж глаз топором вломила со всей дури, а не симпатию выказала. Брат побледнел, покраснел, поглазел в задумчивости на дверь, покусал губы (голодный, не иначе) и выдал сиплым шепотом:

— Она замужем?

— Еще нет, — улыбнулась я. Задала встречный вопрос: — Хочешь поспособствовать?

— Э-э-э? — смутился Араниэль и покраснел снова. — У нее есть возлюбленный?

У-у-у, как интересно!

— Нет. Она свободна, как птичка в полете, — сообщила я, приняв серьезный вид. — А что?

— Могу ли я испросить дозволения поухаживать за твоей родственницей? — выпалил братишка длинную церемонную фразу и сравнялся цветом с фуксией.

Все интереснее и интереснее...

— Я, собственно, не против, но тебе с этим вопросом не ко мне, а к Дарниэлю, он глава семьи, — проникновенно поведало мое величество, соблюдая торжественность момента и с трудом сдерживая смех. В эльфийских традициях сам черт ногу сломит!

Блондин кивнул, соглашаясь, и выпал из действительности, погружаясь в пучину сложных раздумий. Об этом свидетельствовала живая мимика и сосредоточенный взгляд.

Мне ждать результата надоело, и потому я немного подмаслила:

— Мне кажется, ты ей тоже нравишься.

— Да? — отмер эльф и вперил в меня васильковые очи. — Почему?

Я пожала плечами:

— Понятия не имею. Может, у нее вкус дефектный, а может, ей светлоэльфийский алфавит не с кем повторять... Кто нас, женщин, разберет...

Брат сразу же молчаливо согласился, что никто не разберет, и уставился на меня с мольбой в глазах. Чего он там от меня ждал, мне было лень угадывать, поэтому я внесла конструктивное предложение, переводя разговор в другое русло:

— Пойдем погуляем?

Возражений не последовало. Мы пошли шляться по дворцу и окрестностям, устаивая себе экскурсию, и общаться. Вечером после скромного ужина в узком кругу Араниэль присоединился к нашим вечерним посиделкам. Ему такое времяпрепровождение было в новинку, но безумно понравилось. Он даже старательно мне подпевал, сплетая свой тенор с моим сопрано. Разошлись мы поздно — и то только потому, что Дарниэль начал выразительно на компанию поглядывать, явно намекая на необходимость остаться с женой наедине.

Чем мы там наедине с мужем занимались — умолчу... Но меня впечатлило.

Утро встретило нас обыденным набором проблем и вопросов, требующих безотлагательного решения. Следовало поднапрячься и закончить работу ударным темпом, чтобы освободить себе послеобеденное время для отдыха. Свалив обязанность развлекать гостя на Машу, мы с мужем быстренько разгрести ежедневную рутину и пошли готовиться к торжественному обеду.

Я по этому случаю расфуфырилась. До чрезвычайности хотелось на братика впечатление произвести. Даже пару килограммов драгоценностей нацепила. Для поддержания престижа. Меня бы в этом всем кто бы поддержал... На поворотах заносило со страшной силой. Пришлось вцепиться в мужнину руку и отяготить его авторитетом.

Решив не отклоняться от этикета больше положенного, супруг выбрал для сего мероприятия Большую столовую. Меня лично она впечатляла, в отличие от Малой, разумными размерами и элегантным уютом.

На обед были приглашены только проверенные дворяне, которых строго предупредили о том, что сын Владыки Араниэль находится в темноэльфийском дворце инкогнито.

По случаю праздника стены затянули красно-золотым шелком. Дверь в сад распахнули, оттуда доносились свежие запахи травы и аромат белых лилий от крошечного озера с проточной водой. Дорожки посыпали песком и сверху вместо плитки тщательно уложили крупную гальку. За окном невидимый гостям оркестр играл легкую музыку. Получилось довольно симпатично.

На столиках с закуской лежали канапе с черной и красной икрой, кисти винограда, алые зернышки граната рассыпью и желтая ананасная земляника. Из хрустальных бокалов

пили золотистое и рубиновое вина. Господа тихонько переговаривались и сплетничали, потихоньку подтягиваясь за стол. Благородные дамы жеманно хихикали, прикрывая лица веерами и ревниво оценивая прикид и вес драгоценностей друг друга. Мне вспомнилось из пушкинского «Евгения Онегина»:

Довольный праздничным обедом, Сосед сопит перед соседом, Подсели дамы к камельку; Девицы шепчут в уголку...

Наконец все приглашенные на обед герцоги, официальные главы нескольких Домов и три доверенных советника с женами торжественно расселись. Оркестр замолк, и прозвучал голос мажордома:

— Прикажете подавать?

— Обед в студию! — У меня начался приступ несанкционированного веселья.

Гости вытаращили на Повелительницу округлившись глазенки, Маша прыснула в салфетку, а Дарниэль отморозился, обретая временную глухоту. Хотя мажордом меня понял правильно и начал дирижировать предстоящим банкетом.

— Первая перемена блюд! — торжественно объявил дворецкий.

Слуги замельтешили вокруг каждого приглашенного, расставляя странные, впервые виденные мной приборы. Они включали в себя: громадное серебряное блюдо, накрытое выпуклой металлической крышкой, маленькую жаровню с кастрюлькой, наполненной кипящей водой, двузубую вилку с длинной ручкой и... хаши? Обед подавался на алой скатерти. На столе и на полу в красивых расписных вазах стояли ветки цветущей сливы и вишни. Салфеток для каждого приглашенного было по две — соломенно-желтая и черная с узкими красными полосками.

— Это что за хрень? — тихо спросила я, наклонившись в сторону мужа и крутя в руках палочки для суши.

— Йармионэль обещал приготовить новомодный обед в стиле демонов, — прошептал мне в ответ супруг.

— Ну-ну, — хмыкнула я, представляя себе эльфов, орудующих хаши. И открыла крышку...

Передо мной на тарелке лежало такое... э-э-э... разноцветно-радостное диво. На первый взгляд это напоминало обычных мидий, но почему-то посетивших укуренного визажиста. Потому как в природе я такого еще не встречала. Ужас! Розовая раковина с фиолетовыми полосками в черную крапинку. Зеленая с оранжевыми звездочками. Бордовая в светло-голубых цветочках. Голубая в розовых сердечках. Все это великолепие соседствовало с рапанами, те были в сходной цветовой гамме. Описать не берусь, ибо в глазах уже рябило.

У меня резко пропал аппетит. Таких мутантов — выходцев из Чернобыля есть было страшновато. Возникло обоснованное подозрение: а не получу ли я с питательными веществами такую же дивную окраску? Других, похоже, посетили те же мысли, и налегать на деликатесы они не торопились. К тому же нам, как правящей семье, следовало по долбаному этикету начать первыми. Ладно, вызываем огонь на себя!

Мы с Даром переглянулись и дрогнувшей рукой мужественно взялись за мидий. Я осторожно вскрыла створки раковины и развела половинки в сторону. В середине покоился обычный моллюск. Я успокоилась... И оказалось — совершенно напрасно. Как только я попыталась подцепить моллюска вилкой, эта зараза отрастила себе глаза и крайне укоризненно на меня посмотрела.

Я застыла. Глазели мы друг на друга добрых пару минут. Мое сердце преисполнилось сострадания к несчастной маленькой твари, так жалостливо взирающей на меня и роняющей горячие слезы. Украдкой взглянув в сторону мужа, я увидела, как он со своей мидией весьма успешно перемигивается. Процесс налаживания дружеских отношений между ними проходил вполне благополучно. А может, это нервный тик?

В общем, мидия осталась живой-здоровой и была отодвинута в сторону. Ну не могло мягкое женское сердце позволить себе надругаться над вселенской скорбью в печальных

глазах моллюска!

Гости сидели очень тихо и теряли аппетит просто на глазах... у мидий.

Пришла очередь рапанов. Внимательно изучив раковину и выяснив, что никакие очи, глаза, зеницы и прочие оттуда не вылезут... и обретя утраченное душевное равновесие, я выковыряла содержимое и попыталась опустить его палочками в кипяток. Фигушки! Сегодня был не мой день! Ага! Пятница, тринадцатое! Потому как у этого комка вылезли не зенки, а ноги! И эта серая дрянь, как хамелеон, сменила мышиную окраску на розовую с переливающимися, мигрирующими голубыми полосками. Мало того, оно (она? он?) вырвалось и поскакало по столу, вереща что-то типа «банзай!» и отплевываясь.

У всех присутствующих начался шок. Мы просто оцепенели и внимательно следили за танцевальными па бесчинствующего на столе моллюска. Апофеозом стал грандиозный прыжок, достойный самого чемпиона мира по прыжкам в высоту Ярослава Рыбакова. Голубовато-розовое недоразумение повисло на хрустальной люстре и уже оттуда высказало в лицах и с примерами, что оно о нас думает, где видит и куда нам следует идти. На своем чирикающе-свистящем языке, но все было предельно понятно!

И это я еще протестовала по поводу бала? Неправа была. Признаюсь.

Следовало спасти положение. Я, взяв себя в руки, под свистящий мат, раздающийся с люстры, поинтересовалась:

— Что у нас следующее?

Почему мне никто не заткнул рот в этот момент? Зачем я вообще научилась разговаривать?

— Вторая перемена блюд, — провозгласил невозмутимый мажордом.

Слуги снова засуетились и убрали не тронутые остальными гостями блюда. Между делом кто-то попытался поймать сачком для бабочек верещащего моллюска. Вопящая зараза раздулась и подозрительно напыжилась. Что мне это напоминает? А!

Мой вопль:

— Не надо! — совпал с ответной атакой обиженного жизнью и мной ногостого комка, выпустившего едкую, остро пахнущую струю.

— Атас! — безнадежно-весело отреагировал муж, наблюдая за происходящим безобразием.

Я тихо двинула его локтем в бок, призывая к солидности, и мило очерилась, демонстрируя всем добрую, ласковую улыбку. Только челюсти немного сводило, а так ничего... жизнь продолжалась.

Блюда убрали, окна открыли, проветрили и приступили к следующей перемене. На этот раз передо мной возвышалась высокая суповая тарелка, наполненная густой зеленой жидкостью.

— Это что? — осторожно поинтересовалась я, ожидая от судьбы только наихудшего.

Мажордом вытащил бумажку и прочитал вслух:

— Суп из зелени с добавками!

— А добавки какие? — продолжила углубляться в изучение продукта дотошная Повелительница.

— Не могу знать, — горестно покаялся пытаемый.

— Ага. — Мне пришла в голову дельная и полезная для здоровья мысль уступить первенство супругу.

Повременив дегустировать подозрительное варево, я любознательно следила, как Дар, зачерпнув ложкой суп, с видом великомученика подносит ее ко рту. Процесс вдруг

замедлился. Синие глаза мужа сошлись к породистому носу и расширились в ужасе. Он бросил ложку, взял палочки и вытащил из тарелки... извивающегося дождевого червя.

— Это что?! — грозно проревел он.

— Добавки. — У меня начался истерический смех.

— А это? — На этот раз Дар выудил гигантского таракана.

Таракан, разумеется, был жив-живехонек и бодро шевелил длиннющими усами. Вдруг насекомое открыло крылья. Чвак! И полетело, вызвав истерику у женской половины. Слава богу, таракан усвистел в окно, оставив нам червяков.

— Белки и углеводы, — выдавила я на последнем издыхании, провожая глазами улетевшую «добавку».

— Убью! Повешу! Четвертую! — завопил муж, отодвигая тарелку и вставая.

— Помочь? — проявила я готовность следовать за супругом в радости и горе.

— Сам справлюсь! — прорычал он, направляя стопы в сторону кухни.

Я так не играю! Он там сейчас наестся чего-нибудь съедобного, а мне голодной ходить? Нет уж! Вместе так вместе! И я решительно направилась за ним, попросив остолбеневшую Машутку:

— Будь добра, займи гостей!

Сестренка одарила меня тоскливым взглядом идущего на казнь. Видимо, представила себя в мыслях десертом, в который голодные гости алчно вонзают вилки. Но мне было не до сантиментов: нужно было срочно поспешать за буйствующим мужем, пока он в сердцах не сожрал главного повара и не закусил поварятами.

Дарниэль мчался по коридору раненым изюбром, оглашая окрестности трубными воплями, сулящими все муки ада приготовившему эту дрянь и опозорившему его перед шурином и присными. Встреченные по пути лизоблюды бледнели и оседали неряшливыми кучками. Приходилось проявлять чудеса ловкости и брать внезапно возникающие преграды с разбега.

Забегу с препятствиями сильно мешали килограммы драгоценностей. Поэтому путь на кухню украсился золотым дождем. Диадему я с лету пристроила на мраморную статую, заливчатски задвинув на одно острое ухо. Ожерелье повисло на ручках чьей-то двустворчатой двери, намертво их заклинив. Браслеты я метко зашвырнула в напольную металлическую вазу и долго наслаждалась «колокольным» звоном.

Вот так весело и с помпой мы с разъяренным супругом добрались до владений Йармионэля. Мой благоверный влетел в просторную комнату, наполненную кухонной челядью, и ухватил за грудки толстенького дреу. Встряхнув того пару-тройку раз, муж прошипел:

— Когда я увидел цвет этих моллюсков — решил отправить тебя в изгнание! Когда моллюски отрастили глазки, я передумал и постановил заключить тебя в тюрьму! — Шепот плавно перешел в рев. — Когда у рапана прорезался голос, я уже хотел, чтобы это была не просто тюрьма, а казематы морских островов! Но суп меня добил до такой степени, что я не могу определиться — сварить тебя в масле, четвертовать или посадить на кол? А может, сделать первое, второе и третье одновременно? Или нет — до конца дней кормить тебя исключительно демонскими обедами?! — тихим, ласковым голосом, от которого мурашки идут по телу, спросил Повелитель.

— Я не виноват! — пискнул повар, вися упитанным кулем в руках разгневанного донельзя Повелителя. — Вы сами, собственноручно, подписывали меню! — И он попытался выкрутиться из крепких объятий господина. — Сейчас покажу!

С удивительным для откормленного существа проворством Йармионэль извернулся и выскочил из белой кухонной униформы. Кулинар остался в рубашке с обрезанными рукавами, продемонстрировав всем солидное брюшко и неожиданно накачанные

мускулы на руках. Освободившись от захвата, повар метнулся к конторке, одиноко стоящей в углу, и вытащил нужную бумагу.

— Вот! — показал он ее издали, не рискуя приблизиться.

Мы с Даром вытянули шеи и удостоверились в наличии монаршей подписи под предлагаемым меню.

— И куда ты смотрел, когда подписывал? — понизив голос, задала я вопрос.

Муж бросил на меня виноватый взгляд, стиснул челюсти и не ответил.

— Понятно, — констатировала я. Обратилась к повару: — Уважаемый Иар... Йорик, можно уточнить, где вы взяли столь... мм... экзотические рецепты?

— Тут. — Толстячок притащил мне новую поваренную книгу с изумительным названием «Кухня демонов. Блюда на любой из...ый вкус». Посередине предпоследнего слова красовался жирный отпечаток пальца, не позволяющий его прочитать.

Я предположила, что там, скорее всего, таилось слово — «извращенный», но вслух уточнять не стала. Покрутив книгу в руках и полистав, я хмыкнула и предложила испуганному Йармионэлю:

— Вы лучше подарите сей шедевр своему Повелителю как пособие по особо изощренным способам умерщвления врагов. Если они не скончаются от удивления, то уж точно загнутся от смеха или отвращения.

Дарниэль немедленно заинтересовался идеей, экспроприировав талмуд и активно погрузившись в чтение. И так зачитался, открывая для себя новые горизонты, что покинул нас не прощаясь. Мне оставалось лишь застыть в грустном раздумье о печальной участи тестируемых, на которых он будет проводить демонские опыты.

— А пирожки? — жалобно простонали у меня за спиной, отрывая от размышлений. — Мы уже целых два чана напекли! С пылу с жару!

Я облизнулась! Голодный желудок настойчиво требовал пищи и уже подбирался к ребрам. Ребра пока активно сопротивлялись. Мысль о горячих пирожках показалась моему изголодавшему организму весьма удачной и очень своевременной. Обернувшись, я сглотнула набежавшую слюну и живо поинтересовалась:

— Пирожки с чем?

— Сейчас покажу, ваше величество, — горестно вздохнул толстячок, успевший влезть в помятую на груди униформу. Он повернулся и отдал команду принести оставшийся материал.

Чего-о принести? Материал? Матерь божия! Похоже, экзотика на сегодня еще не закончилась!

Предчувствие меня не обмануло. Через пару минут мне продемонстрировали клетку, в которой копошилось три белых пушистых комочка, поблескивая на меня умильными голубыми глазенками и помахивая крохотными хвостиками. Отобрав клетку у поваренка, я поставила Йармионэля в известность:

— В глаз дам, если еще раз подобное вытворишь! Дарику отдам на растерзание! Демонам подарю... для кухонных изысков!

Дроу заморгал на меня близорукими глазенками, скорбно всхлипнул и с душераздирающим стоном пожаловался:

— Ваше величество, за что? Я так старался! Сам собственноручно отбирал моллюсков, перещупав их в поисках самцов...

До меня дошло, почему они так возмущались. Кто их, моллюсков, ведает. Может, у них с гетеросексуальной ориентацией все в полном порядке? Вау, а как он у них пол определял? Где у них половые признаки находятся? Ой нет, «во многой мудрости много

печали; и кто умножает познания, умножает скорбь...».

— Йорик, прекрати лить слезы и накорми голодное величество нормальными продуктами, — пожалела я бедолагу и придала его мыслям полезное направление. — Он тебе за поднос привычной еды мигом все грехи простит... на первый раз.

Повар намек понял и вскоре уставил стол различными деликатесами без изысков и чужеземных излишеств.

— А еще есть? — радостно прочавкала я, утолив первый голод.

— Есть, — кивнул он, стоя невдалеке и помешивая в кастрюле кипящее ароматное варево.

— Тогда снаряди своих архаровцев наверх и накорми гостей. — На сытый желудок мне захотелось облагодетельствовать окружающих. — И собери полный поднос для Повелителя.

Йармионэль, до того безостановочно кивавший, замер, словно кролик перед удавом.

— Ладно, штрымп с тобой, сама отнесу, — уже в который раз пожалела я шеф-повара. В конце концов, как повар без вывертов в кулинарии он меня вполне устраивал. К тому же его финансовая отчетность была самая точная, следовательно, если и пер, то в разумных пределах.

Проконтролировав отправку съестного, я припахала двух поварят, нагрузив одного подносом с обедом, а второму всучив клетку с пушистиками.

— Спасибо за обед, — искренне поблагодарила я повара, чем вызвала у него содрогание всего организма. Эдакие жировые волны по всему телу. Подождав, когда он закончит вибрировать, сообщила: — Я переговорю с Повелителем, и, думаю, в будущем все меню вы будете сначала утверждать со мной.

Толстячок рассыпался в заверениях и благодарностях, попеременно кланяясь, вытирая слезы и делая реверансы.

Совсем мужика замордовали. То моллюсков «мужеского полу» щупает, то в книксенах приседает. С этим что-то нужно срочно решать.

Занятая этой мыслью, я удалилась из пищеблока, величественно кивнув напоследок и обведя хозяйство бдительным зорким оком. На самом деле я выискивала чего-нибудь вкусненькое на посошок, но обсуживающему персоналу об этом знать совсем не обязательно.

Первым делом я навестила мужа. Застала его в рабочем кабинете, полностью погруженного в изучение доселе неизведанных им методов воздействия на живой организм.

— Есть будешь, садюга доморощенный? — спросила я, делая знак поваренку поставить поднос на стол.

— Буду, — отвлекся от увлекательного занятия супруг и обозрел предлагаемые яства, довольно потирая руки. — Ну что у нас тут? — Только поднес ко рту кусочек мяса, как увидел моих новых питомцев и чуть не подавился. — Эрика, любимая, зачем тебе смеллы?

Упс! Так это они? Вспомнив текст об этих миленьких зверьках, срочно отодвинулась в сторону. Исключительно впечатлило, цитирую: «Сие создание дикой природы, обороняясь от ворогов, извергает вонючую жидкость из-под хвоста. Ежели таковая попадает на кожные покровы, то не смывается в течение нескольких месяцев. Пахнет отвратно. Пы. Сы. Лучше вам это не обонять!»

«Куда ж мне вас деть, красавчики?» — впала я в меланхолию. Которая, впрочем, мгновенно прошла, спугнутая изумительной идеей. Выглянув наружу, узрела бравого Реля и попросила:

— Будь другом, отнеси этих пушистиков Лауре. Скажи, персональный подарок Повелителя Дарниэля. — «Йес! Йес! Йес!»

Заматав для предосторожности клетку в плащ, страж удалился, ехидно улыбаясь и чуть ли не пританцовывая. Эту стерву недолюбливали все стражи. И не только они. (Замечу, после моего «подарка» дама исчезла с горизонта почти на семь месяцев.)

— Где ты их взяла? — полюбопытствовал Дар, когда я вернулась.

— Спасла от участи пирожковой начинки, — поведала я чистую правду и похлопала мужа по спине. Он подавился второй раз.

— О боги!.. — простонал он. — Надеюсь, их тут в пирожках не было?

— Не было, — участливо успокоила я супруга. — Я проследила.

— Фу-ух! Спасибо! — с чувством поблагодарил меня муженек. Пригорюнился: — Зачем мне нужны эти проблемы с меню?

— Тебе не нужны, отдай мне. — Я честно выполнила обещание, данное повару.

Супруг подумал и согласился. Так к финансовым проверкам добавился пищеблок. Обязанности Повелительницы потихоньку разрастались.

Брата обеденное приключение в немалой степени повеселило. Маша за подставу дулась на меня два дня, но потом сменила гнев на милость, и мы благополучно помирились. Этому поспособствовали и стремительно развивающиеся отношения между ней и эльфом.

Араниэль остался у нас погостить. Парень оказался компанейский, несмотря на папочку и гнилое происхождение. Ах да! Забыла, я тоже оттуда... Вот только я себя к эльфийской нации отнести не могу, хоть убейся!

У нас братику жутко понравилось. Он сказал, дескать, у меня воспитание отсутствует вообще. В принципе. Но восполнять этот пробел он не рискнет, потому как ему здоровье дороже, и я, в сущности, клевая чувиха. Mamочки, это я его научила или Машка постаралась?

Глава 23

В чем отличие мужской логики от женской? Мужская — правильное, женская — интересное...

Дарниэль, Повелитель дроу

Любимая потребовала:

— Дар, я хочу иметь все сведения на вновь объявившегося родственника.

Да, сейчас! Я тебе расскажу подноготную, а ты тут же рванешь к любимому братцу. Неизвестно, сможет ли он пробудить в новой тебе ОСОБЕННЫЕ чувства, которые вам злые языки приписывают, но проверять, откровенно говоря, не хочется. К чему рисковать? Незачем тебе с ним встречаться!

Пробовал по-хорошему отговорить жену встречаться с шурином. Маневр не удался. Интересно, у кого из придворных такой болтливый язык, который хорошо бы слегка укоротить?! До полного исчезновения оного? Когда я поинтересовался, откуда у жены засекреченные сведения, она уставилась на меня, словно на законченного идиота, а затем ехидно напомнила о другом уровне воспитания земных женщин.

И все равно, откуда взялось упорное желание встретиться с эльфом? Я начал сильно злиться, приближаясь к бешенству. Почему, почему любимая женщина просто не принимает слова «нет»? Для ее же пользы стараюсь! Ну и для своей тоже...

О боги, она надо мной смеется! Что я сказал смешного? Чувствовал, еще немного — и взорвусь! Хвала богам, жена успокоилась и разумно объяснила.

Да уж! Упрямства, вредности и настойчивости моей жены хватит на десятерых, еще и с лихвой останется. Решил ей рассказать — пусть лучше узнает от меня, нежели услышит от посторонних грязные сплетни. И я рассказал об Араниэле все, что знал.

Демоны лесные, кто меня за язык тянул?

Эрика жутко разозлилась. Я ее в таком холодном бешенстве никогда еще не видел! Жена высказала свое негативное мнение про недалеких ревнивцев и сунула мне под нос запястья с вопросом:

— Гарантии богов тебе не хватает?

Ну как ей объяснить?.. Как рассказать — любая мысль о другом мужчине в ее жизни причиняет боль? Я попробовал. Не преуспел.

Она стояла напротив меня — разъяренная, обиженная, до боли уверенная в своей правоте. Не понимала: я боялся ее потерять. Ревновал. Только при одной мысли о гипотетических видах эльфеныша на мою жену у меня темнело в глазах до потери рассудка. Я ее муж! Она моя, и только моя!

Мы ощерились друг против друга, пылая взаимным непониманием. Потом она развернулась и вышла за дверь. Я... не остановил ее.

А потом метался в ярости по кабинету, придумывая в все новые и новые предлоги и причины, почему виновата лишь жена, целиком и полностью.

И вдруг меня осенило: а если неправ я, если только моя слепая ревность мешает оценить ситуацию объективно? Ведь если требую доверия по отношению к себе, она вправе получить от меня то же самое! Если буду постоянно запирает и ограничивать на каждом вдохе, Рика просто-напросто сбежит.

Наверно, это все же правильно: верить и доверять тем, кого любишь. В общем, часика через три я вполне остыл, привел мысли в порядок, признал свою неправоту и пошел извиняться.

Кто бы сомневался — Эрика пропала. Ушла, сбежала, скрылась ото всех! У меня затряслись поджилки. Я поставил на уши стражей, отправляя их на поиски

Повелительницы. Уже начал лютовать не на шутку и срываться на окружающих почем зря, но тут пришла Сильван и потащила меня за собой.

Боги! Снова Эрика сбежала в дикий лес! Что, другого места нет? Вокруг могут бродить убийцы. Чертов хвост, снова одна!

Бегом, с саблей наголо я несея за каргаалом, упрекая себя во всех мыслимых и немыслимых грехах. Видит богиня, в те мгновения я ненавидел себя больше, нежели злейших врагов! Когда увидел ее, моя прекрасная эльфийка стояла на поляне и плакала. Сильван подошла к ней, потерлась о ногу, взглядом указывая на меня.

Прости меня, родная, я выучил этот урок. Понял — из открытой клетки не рвутся на волю. Иди ко мне, счастье мое... Делай как пожелаешь, а я постараюсь уберечь тебя от последствий твоей добросердечной неосмотрительности.

Пользуясь моральным преимуществом, жена настояла на встрече с эльфом. Вот неугомонная! Мне оставалось только ждать. Метался под дверью кабинета, словно привязанный, когда раздался крик:

— Да-а-а-ар-р-р-р!!!

Демонские потроха! Я вломился с двумя стражами в магическую комнату в жуткой панике.

Негодяй! Как он посмел?! Да я его!

...Оказалось, эльфа оприходовали и без моего участия... уже. Что за притча, как ей удастся? Моя жена — будто всемогущая древняя воительница или могущественная магесса дроу... Одну оставишь, сразу мужики у ног валяются!

— Так и знал...

Привычное выражение полнейшей невинности на лице жены меня очень насторожило. Дело нечисто. Она ехидно изложила ситуацию. Значит, у нее тут появился брат?.. Почему я не удивлен?

Влетевшая вслед за мною Манвэлиэль внесла свою маленькую лепту в семейные разборки.

Бедный Араниэль! Получил одним заходом многовато родственников. Боюсь, даже слишком. Он переводил свой взгляд туда-сюда и явно думал о том, как бы ему слинять из нашей теплой компании. Финальной точкой послужило известие о каргаале...

Тем не менее я недооценил эльфийское мужество. Сводный братец геройски перенес комедию абсурда и даже чему-то обрадовался. Хотя кто бы сомневался? Как цитировала моя высокоученая женушка: «Подобное всегда притягивает подобное». И почему раньше не понимал, что у меня не все дома? Шурина, оказывается, для полного счастья не хватало...

Араниэль остался у нас погостить. Хороший эльф, умный, приятно иметь с ним дело, прекрасным правителем станет... если доживет. Помочь, что ли, выжить?

Итак, на обмороке эльфа семейные конфузы не остановились. Следующим в обморок чуть не упал я. Правда, совсем по другой причине: от ярости. Такой ярости, когда вот-вот кровь хлынет из глаз. Жена с шурином отговорили от бала, чтобы не донесли светлейшему папеньке. Я повелся на их уговоры и получил результат...

Поначалу все шло отлично. Шеф-поваром был обещан званый обед в демонском стиле со всеми изысками (ну почему, почему я не поинтересовался заранее?). В общем, когда на стол поставили горелки и закрытые металлические блюда, у меня шевельнулись первые подозрения. А потом уже стало поздно. Я сидел, сгорая от стыда, и прилежно любовался тем, как моя еда строит мне глазки.

Когда рапан Эрики сиганул по столу, мне уже стало смешно. Когда моллюск начал ругаться по-взрослому, мне уже было очень смешно, но когда в мой суп — МОЙ СУП! — кто-то подложил тараканов и червей... Я понял, что этот «кто-то» званый обед точно не

переживет, и сей злосчастный субъект — главный повар, который подsunул мне эту мерзость.

Ладно бы грибов светящихся подложил! Я-то их обожаю. Истинный дровский деликатес. Исключительно хорошо тренируют вестибулярный аппарат.

Но черви! Таким у нас даже рабов и заключенных не кормят! Я все-таки просвещенный государь, и у нас цивилизованное государство. А этот негодяй вознамерился тем, чем у нас даже рабы побрезгуют, кормить царственного брата моей жены! Шокированные гости замерли, созерцая то же, что и я. Дамы приготовились падать в обморок. Освобожденный из тарелки таракан рванул на свободу. Дамы залегли.

О боги! Дайте оправиться от непереносимого позора!

Мое сознание застала пелена ярости. Я очнулся только на кухне.

К небывалому везению Йармионэля, мои кровавые намерения предотвратила жена, ловко подsunув бесценный трактат о пытках, зашифрованный под кулинарный сборник демонских рецептов.

Вы поймите, я ничего не путаю, но... Только в трактате о пытках так подробно исследуются зоны воздействия, чтобы объект был порезан на тонкие, почти прозрачные куски и при этом еще дышал! И пускай в поваренной книге объект обозначен как обыкновенный пресноводный карп, это для невежд. Лучший способ сохранить необычные сакральные знания — спрятать их под вывеской обыденности. Я с благодарностью к судьбе погрузился в бесценное наследие, а вопрос питания с помощью моей драгоценной супруги как-то рассосался. Даже иноземный гость не остался в обиде, посмотрев необыкновенное зрелище, которое — уверен! — ни один светлоэльфийский повар повторить не посмеет.

В происшествии была еще одна светлая сторона. Впредь с помощью жены я избавлен от подобных конфузов, потому что вопрос согласования меню она приняла в свои крепкие любимые ручки. Жизнь продолжалась...

Араниэль уезжал. Перед отъездом, при нашей последней беседе, он признался, что покидает нас со спокойной душой. У него наконец появилась семья, где его любят и ждут. Неисповедимы пути богов...

Я наблюдал за его отбытием, стоя у окна. Мы уже попросились накануне, обсудив необходимые детали и договорившись о совместных действиях. У меня созрел интересный план, который мог бы перевернуть всю эльфийскую политику и дать мне новые возможности.

Немалую роль в этом плане я отводил Манвэлиэль. По складу характера она вполне способна стать опорой следующему Владыке. К моему большому сожалению (как родственника) и невероятному облегчению (как правителя дреу), шурин не обладал всеми требуемыми для удержания власти волевыми качествами. И мой долг состоял в том, чтобы помочь ему их обрести. По-своему, разумеется, в интересах дреу тоже. Посмотрим, что из этого получится...

Эрика вышла проводить брата. Ох уж эти женщины! Только дай им волю, утонешь в слезах или приклеишься к их пышным юбкам.

Тряхнув головой, прогнал отвлекающие картинку, продолжая наблюдать за сценой прощания. Эльф уже выезжал со двора, но вдруг остановил коня и оглянулся, запечатлевая в памяти последние мгновения. Красивая картина: две очаровательные женщины, машущие вслед...

Темноволосая Манвэлиэль, утирающая слезы украдкой. Хрупкая, но удивительно сильная духом...

Эрика, в простом зеленом наряде с изумрудными лентами в медовых косах, сотворяющая вслед брату охранительный знак своего мира. Тоненькая девушка с недюжинным умом и выдающимся мужеством...

Сильван, развалившаяся у ног хозяйки и жмурящая золотистые умные глаза на утреннее

солнце. Независимая кошка с преданной душой...

Я — счастливчик! У меня есть семья, где меня любят и которую я буду защищать, чего бы мне это ни стоило.

Глава 24

Чем больше всего у человека становится, тем меньше у него становится времени этим пользоваться.

Эрика

На следующее утро после отъезда брата я вспомнила о данном мне обещании и решила коварно добиться его исполнения, толкнув для начала в бок спящего мужа:

— Да-а-ар!

— А? Что? Кто напал? — подорвался спросонья супруг и попытался добраться до стоящей в изголовье сабли.

Попытку протащить в постель нелегальную железюку я быстро пресекла, опасаясь порезаться.

— Внимание! — симитировав милицейскую сирену, противным голосом провела я, желая немного пошалить. Деятельная натура рвалась на волю и требовала выхода. — Ты окружен... любовью! — сменила я тон, с интересом наблюдая за резким пробуждением Дара. — Будешь сдаваться?

— Буду! — взвыл ответной сиреной супруг, мигая от счастья, как елочная гирлянда. — Начну прямо сейчас!

— А вот фигушки! — резко выпрыгнула я из кровати, отодвигаясь на безопасное расстояние и накидывая на себя легкий изумрудный халатик из шелка. — Вставай, нас ждут великие дела!

— Великие дела можно делать и лежа! — пробурчал недовольно муж, поясняя: — Главное, чтобы хоть что-то стояло на своих местах!

— Безусловно, — согласилась с ним я, нагибаясь и поднимая ранее упавший напольный кованный подсвечник. — Например, канделябр.

— Э? — недопонял Дар, растерянно наблюдая за моими действиями.

— Не заморачивайся, — посоветовала я. — Главное, чтобы костюмчик сидел! Так что вперед и с песней!

— Петь обязательно? — полюбопытствовался супруг, не двигаясь с места и всем видом выражая готовность к «субботнику», но лежа.

— Естественно, — невозмутимо ответила я. — Это поднимает боевой дух и способствует лучшей производительности.

— По-моему, боевой дух, как ты изящно выразилась, уже упал, — сообщил мне муж, прислушавшись к своей физиологии. — Так что ты хотела?

— Какая жалость! — притворно посочувствовала я, вспоминая бурные события минувшей ночи, оглядывая поваленную мебель, украшенную лоскутками одежды, и на самом деле ничуть не огорчаясь данному обстоятельству (проблемам эльфийской мужественности). — Ты мне обещал конную прогулку. Помнишь?

— Помню, — сонно буркнул Повелитель, не выказывая ни малейшей заинтересованности или желания срочно данное обещание выполнять. Он явно изображал нахмуренной и безрадостной физиономией: «А оно мне надо?» Супруг вкрадчиво и с намеком спросил: — Не передумала еще?

— Ни за что! — отвергла я его неполиткорректный призыв сидеть в четырех стенах и не высовывать нос наружу. — Хочу иметь свободу передвижения! А твои конюхи... — (на этом месте следовало длинно и забористо выругаться, вспоминая, как я просила лошадку и как мне ее НЕ ДАЛИ!) — меня проигнорировали. — (Подобрала нейтральное слово, хотя на языке вертелось что-то более едкое и указывающее конкретное направление к правящему субъекту.)

— Да-а-а? — с кошачьей интонацией неискренне удивился муж, подтверждая мои догадки, почему хозяйке дворца не дали коняшку. — Я их примерно накажу!

Почему мне кажется, что там слышалось «награжу»?

— Да-а-а? — скопировала я его интонацию. — Можешь начать прямо сейчас! Я тебе даже в этом помогу... как смогу.

— Не сомневаюсь, — тяжело вздохнул Повелитель, выбираясь из кровати и принимаясь одеваться. Периодически он бросал на меня изучающие взгляды, явно обдумывая, как обвести глупенькую Повелительницу вокруг пальца.

Вот именно там гулять я и не хочу! Простора для деятельного характера мало, да и голова может ненароком закружиться... Ладно, если своим пальцем воспользуется, а то чужой подсунет (с него станется на кого-то перекинуть тяжкие обязанности, а самому потом на лаврах почивать). А чужие пальцы предмет малоизученный и неинтересный!

— И правильно делаешь, — ласково пропела я в ответ и, подойдя к двери, позвала прислугу.

Служанка выпрыгнула будто черт из табакерки:

— Чего изволите-с?

Вполголоса я дала ей конкретное задание:

— Выйди за угол и погляди — Доры на горизонте нет?

Горничная белкой проскакала туда и обратно, порадовав:

— Горизонт чист!

Последнюю пару месяцев, с тех пор как Маша вошла в состав правящей семьи, по утрам меня штурмовали легионы челяди. И не думайте — дескать, мои хлопоты сводились к одному управлению хозяйством замка плюс ежеутреннему общению с дворецким и экономкой. Если бы... Вовсе нет. Мне не досталось синекуры. На Повелительницу открыли охоту все кому не лень.

Если не упоминать до кучи гнилых придворных лизоблюдов, вечно мечтающих о подачках и всяческих привилегиях, то...

За мною гонялся с ножницами и раскаленными щипцами куафер. Вместо лассо спутывала ноги чулками, надевая практически насильственно, горничная.

Я ловко уворачивалась, устраивая бег с препятствиями, от педикюрши и ответственной за княжеских мопсиков. Иногда пряталась под столом от исполнительной массажистки. Открытым текстом посылала настырную банщицу.

Но чаще всего неслась сломя голову от дюжей эпиляторши Доры. Ее я откровенно побаивалась. Бабища в искренней заботе о моей красивой внешности вполне способна оказать реальный вред моему драгоценному здоровью. Наверное, дай ей волю, оставила бы совсем лысой, даже голову обрила — «для гигиены», как сия особа однажды культурно выразилась.

Подозреваю, моя эпиляторша поначалу брала уроки у наемного убийцы или палача, но по нужде в один недобрый для Повелительницы час изменила специализацию.

И почему местным правительницам не преподают курсы самообороны?

После легкого завтрака в столовой на втором этаже, где муж больше соблазнял меня своей харизмой, пытаюсь отвлечь от прогулки, чем ел, мы все же отправились на конюшни через основной — так называемый Главный, или центральный, — внутренний двор.

В южной части двор прикрыли стеной, очевидно, чтобы кухонные запахи не проникали в открытые окна.

В углу северного крыла, в торец зданию, пристроили многочисленные служебные помещения — конюшни, птичники, немного дальше — общежитие для прислуги. Строения предохраняли верх сада и внутренний двор от холодных ветров.

Часть служб и более отдаленные храмовые постройки имели крытые или подземные галереи, ведущие во дворец и его подвальные помещения.

Мы бодро прошагали до самых конюшен, делясь замечаниями об урожае и погоде.

— Добрый день, мой Повелитель! Вам что-то угодно приказать? — склонился в низком поклоне высокий мосластый дроу, исполняющий обязанности старшего конюха.

Ехидные темно-карие глазки старшего конюшего хитро прищурились, словно у кота, обожравшегося господской сметаны. Благообразную физиономию искривила двусмысленная ухмылка. В какой-то момент мне даже почудился пренебрежительный жест в мою сторону. Впрочем, должно быть, — именно почудился, ведь через мгновение дроу уже стоял как ни в чем не бывало перед сюзереном, подобострастно уткнувшись взглядом в свою обувь.

Невдалеке, земно кланяясь, приветствовали высокого гостя многочисленные работники, орудующие вилами возле открытых денников.

— Угодно, — холодно ответил Дар, мгновенно надевая высокомерную маску. — Вели седлать моего скакуна и подыщи смирную кобылку или мерина с гладкой рысью для Повелительницы.

Дроу с многочисленными помощниками слишком демонстративно ели глазами правителя, почему-то напрочь игнорируя его супругу.

Эй, а со мной почему не поздоровались? Я такая мелкая и худая? Меня за шваброй не видно? Непорядок! Счас исправим!

— Здравствуйте, — громко поздоровалась я, привлекая к своей особе внимание, и задала козырный вопрос: — А почему у вас тут так грязно?

— Где? — опешил главный конюший, сообразив, что перед ним Повелительница.

Видимо, его ввела в заблуждение моя простая одежда, или он женщин принципиально в упор не видел. Ну такая странная, малоизученная форма заболевания глаз. Передается, очевидно, половым путем, нередко встречается у взрослых мужчин и лечится исключительно щелчком по носу или отдавливанием ноги острым каблучком.

— А вот тут, — невинно заявила я и, достав из кармана белоснежный платок, нагнулась и пошваркала им по земляному полу. — Пожалуйста, — лучезарно улыбаясь, предъявила результат. Краем глаза увидела, как муж, поднеся руку ко рту, укусил себя за костяшку указательного пальца, чтобы не заржать и не испортить мне воспитательную работу.

Конюх спал с лица и покрылся благородной бледностью (никак готовился перейти в вампирское подданство). Бедолага предобморочно пролепетал:

— Так это же... так тут же... да как же...

— Отчетливей! — подпустила я металла в голос, сверля неласковым взглядом невежу.

— А?.. — совсем потерялся сердешный, переставая соображать и начиная мелко дергать левым глазом.

— Дрожи, говорю, отчетливей, — пояснила я, совершенно не жалея невоспитанного подхалима. — И убрать здесь все!

— Это невозможно, — выпалил дроу и повалился мне в ноги.

— Для исполнительного работника не бывает ничего невозможного! — спокойно сообщила ему я, медленно обходя пяточок территории.

У конюха уже дергались оба глаза — причем действовали они сначала синхронно, потом по очереди, затем снова синхронно.

Завороженно понаблюдав за свирепым подмигиванием, я обратилась к Повелителю:

— Супруг мой, кажется, вы говорили мне об острой нехватке квалифицированных конюхов на границе с орками и вампирами?

Конюх посинел и старательно изображал предынфарктное состояние.

— Так мне казначей недавно жаловался, вроде бы овса и корнеплодов закупают в больших количествах, а лошади полуголодные... — напоследок поддала я жару. — Надо бы организовать с пограничниками обмен опытом. Те, говорят, овса мало покупают, а лошади у них лоснятся... — Победоносно глянула на местного зарвавшегося «царька». У того, кажется, начались конвульсии.

— Пощадите, — выдохнула несчастная жертва аудита и упала на колени, пытаясь обслюнявить мои сапожки.

Против такой смазки восстало все мое существо, и я брезгливо отодвинулась. Если мужу нравится такой сапожный крем, пусть принимает удар на себя, а я самоустраняюсь. С другой стороны, глядя на агонизирующего служащего, я испытала чувство жалости, смешанное с удовлетворением, и соизволила дать последний шанс исправиться. Правда, по-своему...

— Так и быть, — прячась за тихо ржущего мужа, начата я. — Если вы успеете к окончанию нашей прогулки навести тут порядок, — выразительно глянула на испачканный платок, — то я озабочусь вашей судьбой...

По затравленному виду слуги стало понятно, что именно проявление моей персональной заботы его пугает больше всего. Самое милосердное для него сейчас было выпить яду или совершить ритуальное самоубийство. Но такое милосердие не по моей части, это у нас Дар мастер на все руки... стаканы, или куда там отравляющие вещества подсыпают, мажут или распыляют?

— Может, сразу в петлю, чтобы не мучился? — как отголосок моих мыслей прошептал муж, еле сдерживая гогот.

— Ты полагаешь, так будет лучше? — наивно поинтересовалась я, глядя на супруга широко раскрытыми глазами. — А может, все же дадим ему еще один шанс на жизнь?

— Благодетельница! — заорал мужчина и принялся шустро гоняться за мной на коленях, пытаясь оставить дактилоотпечатки на моей обуви и все-таки оделить меня образцом слюны.

Пришлось спастись от него на руках у мужа. А что? Хорошее укрытие. Сильное, надежное, и пощупать можно... Ой, что-то я отвлеклась.

— Мы вообще куда-то сегодня поедем?! — завопила я, отпихиваясь ногой от приставучего конюха и примеряясь к крепкой шее Дара, как к последнему оплоту спасения.

— Обязательно, — заверил меня Повелитель, чуть ли не задыхаясь от судорожных объятий супруги и старательно разжимая мои руки. — Если ты сию минуту с меня слезешь, то мы обязательно поедем кататься на лошадях.

— А если нет? — проявила я любопытство, на всякий случай не отцепляясь.

— Тогда тоже поедем, но уже на мне и в спальню, — поставил меня в известность муж о дальнейших планах.

— Ни за что! — отвергла я заманчивое предложение и соскочила с рук, позволяя отвести себя в глубь помещения.

На выбор мне были предложены четыре лошади. Соловая кобылка с золотисто-карими глазами, тупомордая чалая и караковая с повадками бывалой попрошайки. Еще указали на серого в яблоках мерина. Все были низкорослыми, крепконогими добрейшими созданиями.

Самым тихим и смирным, как ни странно, вообще показался мерин. Мало того, конюхи заверяли: мол, он обладает особой «лисьей рысью». Когда, выдерживая общий ритм, задние ноги коня идут рысью, а передние — галопом. Копыта задних ног при том якобы попадают в следы передних. Если я правильно поняла, спина коня вроде остается совершенно прямой, так что всадник не ощутит в прилегающую к седлу мягкую точку никаких толчков. Врала или нет — точно не знаю.

Мерин выглядел дружелюбным. Он даже изволил милостиво принять сахарок с дрожащей протянутой руки. Мужчины, посоветовавшись, приняли решение вывести всех четырех во двор и посмотреть кандидатов на рысях.

«Какие эти мужчины зануды!» Бесконечным перемысливанием конских статей они меня просто уморили.

Несмотря на интересный окрас, лошадки на фоне породистых верховых скакунов в конюшне, тонконогих и длинношеих, мне почудились неказистыми. Как и многих женщин, меня привлекала внешняя красота, стать и внутренний огонь. Покрутив головой по сторонам и воспользовавшись моментом, когда благоверный отвлекся, в кругу профессионалов обсуждая на улице повадки и особенности выездки лошадей, я тихонько, на цыпочках, удалилась от мужчин и потопала налаживать контакт.

Мне очень понравился один великолепный экземпляр — буланный жеребец с сухой головой, подвижными ушами и могучей грудью. Задние бабки жеребца природа одела в белые чулки. Он тихонько, по-лошадиному переговаривался с соседкой, такой же прекрасной кобылой с белым пятнышком на лбу.

Моя самонадеянность и неосторожность чуть было не стоили мне жизни. Как только я приблизилась к деннику и мило проворковала:

— Сла-авный коняшка! Давай знакомиться, — протягивая печеньку, конь внезапно злобно осерился. Вытянув длинную шею, он лягнул зубами в непосредственной близости от моего лица. Еще чуть-чуть — недосчиталась бы уха, а возможно — и головы!

Пискнув от страха, я отшатнулась и побежала к выходу. А лютая зверюга не успокаивалась, с жутким грохотом удар за ударом разносила копытами дверь денника, методично ее выламывая.

Поскольку слуги столпились вокруг Повелителя, то рядом со мной никого не было, а ума сразу позвать на помощь работников у меня не хватило, да и голос со страху пропал. Остатками мозгов я искренне надеялась, что кто-то все же отреагирует на странный шум и появится.

Говорят, надежда умирает последней... Как бы не так! Похоже, она вознамерилась пропустить меня вперед, уступив очередь в чертоги смерти.

Пока я изо всех сил мчалась по длинному проходу к зияющему выходу, разъяренное животное в который раз особенно сильно долбануло по воротам денника. Раздался громкий треск, со злобным ржанием жеребец вырвался из стойла. Выбегая из дверей конюшни, я заорала не своим голосом:

— А-а-а! Спасите! Па помощь!

В несколько прыжков бешеный конь достиг выхода. Я не успела далеко убежать. Дар с конюхами кинулся мне на помощь, но скорость дроу все же несопоставима со скоростью породистой верховой.

Буланный почти нагнал меня. Оглянувшись, я увидела за своей спиной огромную злощую скотину и от неожиданности споткнулась и упала. Жеребец, встав на дыбы, занес надо мной страшные копыта. Я, не в силах оторвать взгляд от приближающейся смерти, тихо всхлинула и безмолвно попрощалась со всеми, прося прощения за глупость и беспечность.

Видимо, на почве стресса у меня начались галлюцинации, потому что между конем и мной возник уже виденный однажды мужчина в черном камзоле с красной вышивкой на груди, пробормотав:

— Вечные проблемы с этими детишками! — Взмахом руки он словно приморозил бешеного зверя, достаточно ощутимо пихнув меня при этом ногой, обутой в красный сапог, и указывая направление.

Время как будто остановилось или сильно замедлилось...

Мои рефлексы на выживание, хоть и с немалым запозданием, все же сработали. Я откатилась в сторону, уходя из-под удара копыт. Мужчина в черном бросил на меня взгляд через плечо, лукаво подмигнул и... растворился в воздухе.

В считанные секунды между взбешенным жеребцом и мною прорвался запыхавшийся Повелитель. Раскинув руки крестом, встал на пути убийственной громады, спокойный и собранный. Жеребец гневно заржал, мелькая копытами у самого лица Дарниэля. Не двигаясь с места, дроу заговорил с ним ласковым, бархатистым голосом. Буланый начал успокаиваться, опустил на четыре ноги и остановился, тяжело дыша.

Сразу набежали конюхи и стремянные, укоськивая ненормального жеребца. Закружили, отделяя нас от его налитых кровью глаз, ввундали и потихоньку увели. Лишь только между правителем и буланым возникли чужие спины, Дар на неверных ногах отошел в сторонку, оперся спиной о столб коновязи и медленно осел на корточки, откинув голову назад и закрывая лицо руками.

Меня уже давно подняли, отряхнули от пыли, десять раз извинились непонятно за что, а он сидел, молчаливый и неподвижный. Потрясенная его странной реакцией, все еще запоздало трясясь от пережитого стресса, я подошла и присела рядом.

Глубоко вздохнув, Дарниэль отнял руки от лица и, белый как лист бумаги, ровным голосом сказал:

— Эрика, пожалуйста, никогда больше так не делай.

И столько силы было в его внешне спокойном голосе...

Словно солдат, я ответила:

— Да, обещаю! — но «да» мое приравнивалось к самой торжественной клятве.

— Чтобы ноги этого жеребца на моих конюшнях не было! — ледяным тоном приказал Дарниэль главному конюху, развернулся и со всей дури саданул по столбу кулаком. Столб загудел, на рассаженных костяшках появились кровавые разводы.

Дроу-конюх молча поклонился, опуская лицо и скрывая отчетливую прозелень страха.

— Дар, ты хочешь убить этого коня?.. — Мой голос немного дрожал. Конечно, он буйный, но неужели его за это убивать? Такой красавчик...

— Нет, — все тем же холодным тоном, скрывающим жгучее пламя, промолвил Повелитель. — Коня доставить в дар Владыке светлых эльфов. Это будет мой подарок Калэстелю на день рождения.

Конюх вначале содрогнулся, потом взглянул на моего мужа с безмолвным восхищением. У меня вообще слов не осталось.

— Конюха, который морально искалечил жеребца, исподтишка избивая кнутом, — тускло продолжил Повелитель, — выдрать тем же самым и отправить служить на границу!

Дарниэль медленно встал, скользя по столбу, тяжело разогнулся и попросил у меня прощения за то, что не сможет сегодня исполнить обещание. И я поняла, что ничего о своем муже не знаю.

Так закончилась моя верховая езда. Потом мы часто выезжали с Дарниэлем или доверенным конюхом на бричке или двуколке, но впредь я никогда не пыталась лезть в чужую парафию и не досаждала Повелителю просьбами про конные прогулки.

Старший конюший с перепугу вымостил весь задний двор камнем, каждый день покрывал мостовую чистой соломой и трепетно следил за тем, чтобы тесаные камни

брусчатки мыли с мылом. Причем сделал он это за свой счет. По крайней мере, сметы на затраты моющих средств и соломы не поступали. Что ж... экспроприация экспроприированного экспроприацией не считается.

Наша жизнь катилась своим чередом... Как-то постепенно все утряслось и встало на свои места. Мы поделили должностные обязанности и теперь вместе тащили нелегкий груз власти. Как оказалось, суровые будни правителей заполнены не бесцельным сидением на троне, подсчетом пролетающих мух и поеданием круассанов, а тяжелой кропотливой ежедневной работой. Имея практически все, что душа пожелает, и, возможно, даже немного больше, я не имела времени, чтобы всем этим пользоваться. Лишь мечтала о заслуженном отдыхе, составляя в уме трудовой кодекс правителей с обязательным ежегодным отпуском длиной в месяц и оплачиваемыми больничными. Шучу. Но только по поводу оплаты, а отдохнуть хотелось зверски. И еще... Я молила судьбу о ребенке. Хотя мою душу стало потихоньку отпускать и время залечивало раны, но память настойчиво подбрасывала мне воспоминания о сыночке, выворачивая наизнанку и лишая покоя. Чтобы не свихнуться, мне нужен был мой ребенок, понимаете? Мне чудилось, что, дав жизнь другому дитяти, я хоть частично искуплю свою вину... «Без вины виноватая».

Проходили дни, складываясь в месяцы, а беременность все не наступала. Я уже и с Мариэлем, местным врачом, советовалась, и к астрологам бегала, даже мага посетила. У всех один ответ:

— Вы абсолютно здоровы, ваше величество. На все воля богов.

Ну да, на Бога надейся, а сам не плошай! У меня в голове начали крутиться нехорошие мысли по поводу мужа. Если я полностью здорова, то, выходит, проблема в нем? И как об этом поделикатней спросить?

Не прямо же в лоб? «Дорогой, твой боезапас в состоянии готовности?»

Или выбрать обходной путь и начать выпрашивать о вооружении дровской армии, затем, помуржив его вопросами два-три дня, откровенно спросить: «Дорогой, ты свой оружейный ствол когда-то не повредил?»

Да-а-а, а смысл? Так он мне все и рассказал! На груди поплакался и помаршировал к врачам... Впрочем, не надо! Видела я тех коновалов. Подойти страшно, так и норовят сначала что-нибудь оттяпать, а потом задним числом интересоваться проблемой пациента. Брр! Раздираемая на части внутренними противоречиями, я начала кидать на супруга подозрительные взгляды, примериваясь, как бы ему это помягче выдать. Мои полунамеки, кажется, его прилично нервировали.

Внезапно у меня пропал аппетит, и было не до того, но потом он восстановился и отыгрался сполна за предыдущую голодовку. Вскоре я стала жутко уставать от любой нагрузки и впадать в натуральную медвежью спячку, а уж когда по утрам затошнило, то тут до меня все же доперло, что проблема рассосалась сама собой, вернее — зародилась.

Избавив свой организм от лишней, по его мнению, еды и вырвав из ванной комнаты, я нашла мужа в кабинете и с порога преподнесла ему сюрприз:

— Милый, у нас будет маленький!

— Ты уверена? — начали загораться радостью его глаза.

— Нет, — охладила я преждевременные восторги. — Не уверена. Может, и маленькая.

Муж фыркнул и бережно заключил в объятия жену. Мне было тепло и уютно в его надежных руках. Мы трое: я, Дар и наш нерожденный ребенок — мы были дома.

Глава 25

Женщины и кошки всегда поступают, как им заблагорассудится; мужчинам и собакам остается с этим смириться.

Дарниэль, Повелитель дроу

Одним солнечным утром, после восхитительной ночи, когда я мирно дрых в постели жены, надеясь еще вдоволь оттянуться в предпраздничный день, меня брутально разбудили. Жена хотела пошутить, но как ей объяснить, что дроу при звуках опасности обучен сначала бить, потом думать?! Неприятные сюрпризы продолжались. Моей любимой втемяшилось с утра покататься на лошадке. И что прикажете делать?

В нашей культуре благородные дамы верхом на лошадях не катаются. Опасно. Не принято. Нет у нас седел, чтобы можно было удобно и красиво сесть на лошадь, не светя тем, что под юбками. А мужской костюм благородной госпоже дроу носить неприлично тем паче. Считается, благородная дама — создание возвышенное и утонченное, не к лицу ей влезать на копытных. К тому же чистопородные лошади норовисты и опасны, малорослые крепыши гномской породы — все как один тугоузды. Не для дамской руки. Для женских поездок есть брички, двуколки и кареты, где опытные возницы жизнью отвечают за малейший промах.

Разумеется, я принял меры и заранее строго предупредил конюхов, чтобы не вздумали дать жене без меня лошадь, и на том успокоился. Дурень...

Сам же и посулил ей ту злосчастную прогулку. Слово правителя — закон. Он обязан его выполнять. Если сейчас придумаю для жены внезапную эпидемию конского сапа, она не поверит.

Вяло шевеля расслабленными после бурной ночи извилинами, я старался переключить наше обоюдное внимание. Но нет! Упрямством моя жена могла поспорить с любым ишаком!

Я обреченно понял — придется катать. Переодеваясь для верховой прогулки, я, будучи серьезно озадачен, как на грех, забыл надеть блокирующий эмпатию драконий кулон.

Приход супруги в моем обществе внес заметное оживление на заднем дворе. Мальчишки-стремянные попрыгали, конюхи, наоборот, повылазили, чтобы насладиться явлением Повелительницы. Впрочем, поведение главного конюшего меня шокировало. Оно было настолько далеко от почтительного, что у меня было возникла мысль лично подарить хама Повелителю демонов. Холоп чрезвычайно оскорбил царственную фамилию крайне неуважительным отношением к моей супруге.

Я знаю про его сына, погибшего в битве со светлыми эльфами. Знаю про ранения, полученные им самим. Но если он полагает это достаточным оправданием, чтобы оскорблять МОЮ ЖЕНУ, то я его смертельно разочарую. Понимаю, почему жена возмущалась отказом. Могу представить, КАК ей отказали! Наглядно представляю.

Я сделал себе отметку разобраться впоследствии с дерзостью главного конюха, но тут бразды правления перешли в женские руки. Моя супруга настолько красиво уделала обнаглевшего хама, что я готов был ее расцеловать. И мое вмешательство не потребовалось.

А дальше случилось страшное. Мы увлеклись, выбирая для жены наиболее подходящую лошадь (помнится, жена еще съязвила: «Подходящую или полудохлую?»). И не заметили, как моя супруга, негодница, решила тайком проведать остальных «лошадок». Дружеское общение со злобным Деризием, ваниарским жеребцом, едва не стало фатальным.

Поначалу, несколько лет назад, я полагал: время обуздания бешеного нрава этого породистого красавца еще не пришло. Надеялся любовью и лаской приручить его. Зная отвратительный характер подопечного, велел обустроить денник жеребца в самом конце конюшни.

Но уже после происшествия мне стало ясно, что Деризий неисправим. Очевидно, в

малом возрасте искалечен кем-то из конюхов, кто, не имея сил и желания укротить гордое животное, но получив к нему неограниченный доступ, исподтишка поколачивал породистого жеребца. Только озлобленная, ожесточившаяся лошадь с такой свирепой яростью будет бросаться на обидчиков-эльфов, в которые она записала абсолютно всех.

Итак, счастливо смеющаяся Эрика от нас сбежала и предложила коню лакомство. Эмоционально никаких особых отклонений я не уловил. Все блистало ее радостью, искрящимся восторгом и удивлением.

Потом у меня чуть не снесло мозги. Жесточайший удар по нервам диким страхом и нарастающая волна женской паники... Дальнейшая картина будет долго стоять перед глазами: испуганная Рика, с криком «На помощь!» вылетающая из створок конюшни, и взбесившийся жеребец, с диким ржанием мчащийся за ней по пятам.

Когда я это увидел, у меня кровь застыла в жилах. Не представляю, как это чудовище сломало надежную дверцу! Хотя... Ваниарские жеребцы одним ударом копыт ломают позвоночник волкодлаку. Я несся жене навстречу и от ужаса потерял способность ясно соображать. Не знаю, как ей удалось откатиться от копыт зверя-убийцы, знаю только, что, когда стоял крестом перед разъяренной лошадей, я сто раз благословил дар предков — способность голосом укрощать лошадей. И отсутствие кулона. А пару шрамов на лице, если придется получить копытом, как-нибудь стерплю. Боевые шрамы украшают мужчину.

Еще сильнее кровь застыла в моих жилах позже, когда я задним числом медленно прокрутил в голове страшное событие и припомнил мелькнувшее на мгновение лицо бога смерти. Я присел, обессиленный, у коновязи и не чувствовал под собою ног. Еще бы один миг, один удар! Смерти Эрики я бы не пережил. Не простил бы себе той роковой случайности.

Я обещал ей развлечение.

И убийцей любимой жены признал бы только самого себя.

Рика, обласканная и всячески успокоенная, присела рядом, пачкая юбки. Я еле смог разомкнуть сжатые судорогой челюсти и тихо попросил ее больше так не делать. Нужно было еще собрать волю в кулак, взять саблю и лично казнить красавца-жеребца, дерзнувшего посягнуть на любимую. Тяжко вздохнув, я собрался отдать необходимое распоряжение, как в мою голову пришла отличная мысль: а если одним выстрелом убить двух зайцев?

Хочу жестоко наказать породистого коня — отлично! Тогда подарю-ка я его старому князю! Он считает себя опытным лошадиным и обожает укрощать лошадей, не зная жалости. В его конюшнях я видел немало понурившихся, сломленных, потерявших гордость и достоинство благородных животных. Вот только наш Деризий не таков. Его легко не сломишь. Он прикинется укрощенным до той поры, пока не вденут уздечку и не сядут на него в седло. Потом... одно из двух: либо — прощай коня, либо — прощай правитель! Я ставлю на коня. Так или иначе, двух врагов одним ударом.

И я отдал распоряжение:

— Коня доставить в дар Владыке светлых эльфов. Это будет мой подарок Калэстелю на день рождения.

Неуемный восторг в хитрых глазах старшего конюха был мне наградой, а за спиной почудился жутковатый смех бога войны и смерти.

Перед уходом я, словно в тумане, просил прощения у жены за невыполненное желание и был готов на колени пасть, чтобы только она отказалась от своей безумной просьбы. Унижаться не пришлось. Эрика кое-что из этой истории вынесла и впредь никогда не досаждала мне конными прогулками. Ее вполне удовлетворила двуконная бричка.

Теперь наша жизнь стала походиться на полноценную супружескую. Мы поделили обязанности и даже вне постели много времени проводили в поисках компромиссов по важным вопросам или принимая совместные решения по хозяйственным делам. Я наслаждался обществом Эрики и... продолжал за нее бояться.

Иррациональное, глупое чувство сильно омрачало мое существование. Я опасался за ее жизнь так сильно, что запретил себе думать о детях. Вдруг ее беременной ранят? Беременные женщины так уязвимы. Она может умереть родами, это ведь не редкость. Или если похитят ребенка?.. Эрика не задумываясь пойдет на любой размен в страхе потерять дитя второй раз.

Психопат? Да. Правителям дроу по умолчанию быть таковыми положено. Зато целый, здоровый и с любимой женой в постели.

Я потихоньку стал каждый день глотать противозачаточные зелья, которые мне присылал доверенный знахарь. Знал, что слабый яд. Знал, что пить их часто нельзя, слишком опасно для здоровья. Знал: они замедляют реакцию воина и ослабляют удар, сокращают жизнь... но я не мог, не мог физически рисковать своей женой!

В то же время я получил довольно угрожающее послание от Пресветлой богини. Она запретила мне пользоваться микстурами от зачатия, ее воля была изложена жрецом храма предельно ясно. Как мне непрозрачно намекнули, в противном случае буду жестоко наказан. Я выслушал молча волю Светлейшей, соизмерил масштаб событий и... продолжил пить снадобья. Буду наказан — плевать! Дроу живучие. Главное, что не пострадает любимая.

Примерно месяцев через семь заметил — происходит нечто странное. Жена повадилась бегать по знахаркам, врачам и астрологам. Даже втайне посетила мага. Он-то меня и просветил, словно обухом топора по голове ударил: жена хочет ребенка. Стало тошно.

Я решал задачу: как быть? Мои страхи никуда не ушли, они орали мне в уши самые болезненные шипящие слова, дергали заостренными крючками за каждый нерв, грызли сердце... Я не находил себе места: должен ли я признаться?

Обегав всех шарлатанов и знахарей, жена в конце концов подумает — проблема во мне. И тогда любимая вправе бросить меня, перестав уважать. Имея законную возможность, вдруг начнет тайно изменять с любым приглянувшимся мужчиной? И ни один дроу ее не осудит. Муж, бессильный дать дитя, — позор семьи. Правитель, неспособный подарить дитя, — рогоносец! Прямой долг и обязанность Повелительницы подарить стране наследника. Каким образом, если супруг бесплоден, — никого не касается. Вынь да положь!

Эта мысль настолько развела душу... Я приобрел навязчивую манию незаметно щупать себе голову, отыскивая бугорки призрачных оленьих украшений.

Мои нравственные мучения продлились около года, потом я окончательно сдался и перестал пить мерзкую противозачаточную дрянь. С богами трудно спорить, даже если ты правитель целой державы.

Тем временем прозрачные золотисто-зеленые глаза жены все больше наливались тревожной тоской. Жена прихворнула, у нее пропал аппетит. Чуть спустя аппетит появился, но жена стала стремительно худеть. По утрам сбегала в туалетную комнату, и мне слышались характерные звуки недомогания... Неужто пьет средства для лечения бесплодия? А вдруг токсичные снадобья, выпитые мною, как-то ей повредили? Вдруг она все-таки больна?

Я пришел к отчаянной мысли о необходимости чистосердечного признания. Отдамся на ее суд, и будь что будет! Пусть хоть на куски режет, если ей это поможет.

Меня спасли боги.

Хлопнула дверь, меня с порога ошарашили новостью:

— Милый, у нас будет маленький!

Оглядев ладную фигурку Рики, представил ее беременной и задохнулся от счастья. Я уже не мог без этого мифического ребенка, я любил его до потери памяти! На всякий случай спросил:

— Ты уверена?

— Нет, — будто и впрямь сомневаясь, отрезала Рика. — Не уверена.

Я замер.

— Может, и маленькая...

Фыркнув, я обнял своеглавное солнышко. Теперь моя главная задача — защитить тебя и своего малыша. Вы моя семья, моя надежда и опора. И всякий, кто на вас покусится, — подохнет в муках, или я не правитель дроу!

Глава 26

Как только нахожу ключи от счастья, кто-то меняет все замки!

Эрика

Иногда, развалившись на травяном газоне и мечтательно глядя в чистое синее небо, я горько жалела, что тут не летают самолеты. Для них в мире правильной экологии вечная летная погода. Легенды гласят — раньше эльфы имели крылья и тоже могли подниматься в воздух. Хорошо бы, но мне уже видеть крылатых эльфов не довелось. Порою я сама не знала, жалею ли о полетах. Может, я и не пилот сверхзвукового лайнера, но мысль о покорении атмосферы прежде грела душу. Особенно ощутима потеря здесь, где и на двуколке прокатиться — для женщины подвиг. Мне, к примеру, и в этой малости отказали, как только я объявила о своем «интересном положении». Впрочем, голову вверх я поднимала все реже. Навалились другие заботы.

На последнем месяце беременности Повелительницу не миновали обычные заскоки женщины, ожидающей ребенка, — я развила бурную хозяйственную деятельность. Сначала мне приспичило переставить мебель. Под моим чутким руководством армия слуг перетаскивала кровати, бюро, дубовые тумбочки, шкафчики и топчаны из одного угла в другой. Но как только они устанавливали мебель в указанном порядке, мне приходило в голову новое «гениальное» дизайнерское решение, и все начиналось заново. Та же история со шторами и тюлем... гобеленами, напольными коврами и этажерками с посудой и прочим хламом. Во владениях Дарниэля стоял вселенский стон задержанных и зашуганных мужчин-дроу.

Как только я определилась с интерьером, мне немедленно, согласно обратной логике, потребовалось перекрасить стены. Перекрашивали мы их... раз пять, по-моему... или шесть? Не помню! Выбрав необходимый оттенок, дождавшись окончания покраски и расставив мебель, я энное количество раз приходила к выводу: крашеные стены — неэстетично, и велела затянуть их шелком...

Проковырившись бог знает сколько с различными образцами драпировок, достав всех поставщиков до самых глубин их внутренних органов (даже не печенок!), я добилась желаемого — нашла единственный и неповторимый оттенок синего с отливом павлиньего пера.

Оглядев полученный результат... заставила лакеев варварски содрать дорожный шелк со стен, потому что синие обои делали помещение слишком темным, и вообще — ткань на стенах негигиенична и плохо скажется на ребенке...

При виде меня уже резвыми тараканами пряталась под столы и за коврами вся прислуга, все придворные, включая нахальных кавалеров-дроу. А что вы хотите — подумаешь, последним крайне не понравилось стирать ручную занавеску и балдахины?! А я виновата, что слуги оказались в то время заняты? Зато быстро приучила их к чистоте. Не для себя же старалась! Апофеозом была попытка запрячь стражей драить в целях той же самой гигиены полы щелоком. Стража позорно бежала с поля боя и носа больше не казала, несмотря на все мои гневные обещания казнить, четвертовать и женить холостых... Не подействовало. Мне передали петицию, в которой ясно говорилось, что лучше быть казненным, четвертованным и женатым, чем иметь дело со мной.

Дарниэль ходил вокруг капризной жены на цыпочках и, безусловно, честно старался удовлетворить любые мои невероятные желания. Когда мне посреди ночи пригорело нажраться соленых огурцов, он беспрекословно самолично отправился на кухню. Принес — и тут же был отослан обратно за персиковым вареньем с красной икрой... Словно легендарный великомученик, ходил он туда множество раз: за свежей выпечкой, соленой рыбой, апельсинами, рассолом, жареной картошкой с луком, пивом, пирожными, морсом и копченой колбасой... Ради меня повара дежурили круглосуточно и проделывали чудеса ловкости, стараясь потрафить ежесекундно меняющимся вкусам Повелительницы. Гонец ежедневно мотался в карьер и обеспечивал нас глиной синей, зеленой и белой, а еще мелом... О-о-о! Как я тогда полюбила его, кто бы знал! Готова была продать золотую казну, все движимое и недвижимое имущество плюс царство дроу до кучи за горсть ароматного, вкусно пахнущего школьного мела брусочками...

Я истерзала Дара до такой степени, что в один отнюдь не прекрасный день пришел конец и его невероятному терпению... С извиняющейся нежной улыбкой Повелитель рванул в кабинет, развивая на ходу сказочную скорость, и со словами:

— Любимая, страна нуждается в чуткой руководящей руке! И мой долг как Повелителя ей в этом не отказывать! — ретировался, устроив там непроходимые баррикады.

Я понимающе покивала и, выждав целую вечность (минут пять), отправилась по его стопам. Дверь оказалась заперта. Постучала. С той стороны меня вежливо спросили:

— Кто там?

Признаваться мне было лень, я в это время чавкала сочным персиком. Постучала еще раз. Ногой.

— Никого нет! — прозвучал наивный ответ.

Ха! Проявив ангельское терпение, я испытала судьбу в третий раз и постучала в дверь нарукавником от рыцарского доспеха. Недолго. Раз десять.

— Все заняты! — поменяли внутри показания.

Но их это не спасло! Потому что, закончив с фруктом, я вспомнила о... фаерболах. Недолго думая повесила в воздухе один и, проявив бездну несвойственного мне милосердия, предупредила смертников:

— Выходим по одному, или взорву эту хрень к кузькиной матери! А ей это не понравится. По себе сужу — матери погромов не любят.

Угроза прошла через дверь, усиленная рупором, наспех смастряченным из слегка погнутого нарукавника, и дошла до места назначения. Оформившись в мужских умах (я не сомневалась в наличии там многих перебежчиков), побродила немного, побаловалась цветным граффити, красочно нарисовав картину разрухи, и легкомысленно свалила.

— Какая стервь испоганила мою любимую салфетку? — меланхолично спросила Повелительница, окидывая ищущим взглядом окрестности и не решаясь вытереться о чистую занавесь.

Спрашивается, кто виноват? Мужчины! Кто сейчас будет страдать долго и мучительно?

Как говорится: была бы водочка, а повод мы найдем! В смысле главное — найти подопытных... подопечных, а в чем их обвинить — беременная женщина найдет всегда!

— Ну, горемычные, стройтесь по росту и сушите сухари. — Прикрикнула, нагнетая угрозу: — Айлонор, я про тебя в первую очередь!

В ответ — тишина. «Обком закрыт, все ушли на фронт».

Терпение меня не покидало, зато покинул нарукавник. Он чуть-чуть не попал в цель. Я не расстроилась. Рядом со мной был практически целый рыцарский доспех, а я с детства обожала играть в конструктор.

В процессе разборки и последующего тюнинга новейшей модели я придала изделию местных оружейников весьма кокетливый и оригинальный вид. Для начала покрасила доспехи в нежно-розовый цвет. Потом притушила розовое сияние обильными белыми кружевами, обшитыми мелкими жемчужинами. Поверху наклеила блесок, полирнула изделие стразиками... Блеск! Борис Моисеев и Сергей Пенкин умрут от зависти! (Зато в следующий раз мужички будут услужливо прибегать до того, как я стану ломиться в дверь! Или я им сабли с алебардами тоже протягиваю. Тем же манером.)

Погремев для острастки железяками и впечатлив окопавшихся кабинетчиков, я приготовилась терпеливо ждать.

Билась об окно занудно жужжащая муха, из-за угла в пятый раз выглядывал и сразу прятался вихрастый перепуганный оруженосец Повелителя, который не успел укрыться со старшими товарищами в «священной обители». Тягучее время словно замедлило свой

бег, вяло наблюдая за мушинными крыльями.

Но тут неожиданно вмешалась сама природа. Меня согнуло болезненной судорогой начинающих родовых схваток.

— Да-а-ар! А-а-а!! — заорала я, хватаясь за стену. — Если ты сейчас же не выйдешь!.. — (Пошла вторая волна.) — А-а-а-а-а! Станешь поддверным папой!

За дверью раздался характерный звук падающего тела. Какие слабонервные мужики вокруг!.. Пришлось прибавить громкости и подпустить ультразвук:

— Рожая! Здесь! Сейчас! У-у-убью!

Это я, кажется, зря последнюю фразу сказала. Там кто-то еще упал.

— Слушайте, у меня времени мало! — завопила в перерывах между схватками. — Если вы по очереди будете укладываться отдыхать, то завтра я вас всех насильно заставлю нянчить моего младенца!

В это время меня накрыло по-настоящему. Больно было жутко.

— А-а-а-а! — зашла я в крике. — Дар, ты сволочь!!! Разведу-у-ушь!

На «сволочь» и «разведусь» мой муж почему-то откликнулся сразу и выпал наружу. Узрев меня согнутую, бледную и орущую от боли, позеленел и...

— Стоять! — Взяла бразды правления в свои руки.

Он замер, не зная, как лучше действовать дальше. Такой потерянный... загнанный... несчастный... М-дя, рожают женщины, а мучаются бедненькие мужчины!

— Тащи сюда сокамерников, — велела я, держась из последних сил. — Отведите меня в комнату, позовите Машу и врача. Повтори!

— Позвать тебя, притащить врача, отвести Машу, — пересохшими губами прошептал супруг, ничего не соображая.

— Почти правильно, — одобрила я. — Действуй!

И все же он начал отдавать необходимые распоряжения под мои практически непрерывные вопли, проклятия и матюки. Самым приличным было:

— А-А-А-А-А! Да чтобы я!.. Еще раз!!! Да никогда в жизни!!! А-А-А-А-А!!!

Меня бережно перенесли в комнату, уложили на кровать, и вокруг засуетились врач, Маша и кто-то еще. Сквозь пелену боли мне уже плохо соображалось. Боль приходила и уходила, а ребенок никак не мог выйти наружу. Вокруг меня суетились повитухи. Дар порывался куда-то бежать и был остановлен грозным рыком:

— Не подходи ко мне! Куда ты пошел? Стоять на месте! А-А-А-А-А!!! Только двинься — убью!!! А-А-А-А-А!!! — Я еще далеко не все ему рассказала. У меня был огромный словарный запас! Который я и продемонстрировала во всей красе и широте нецензурного лексикона.

— За тобой записывать нужно, — пытался шутить муж, держа меня за руку.

— Какого черта? — выдавила я, отключаясь мозгами от режущей внизу боли.

— Для потомков, — тихо ответил он, сопереживая.

Ну да! Нашел чем подбодрить!

— Для потомков?! Чтоб знали, как мамочка выражалась? Их что, много будет? А-А-А-А-А!!! Фигу тебе, сволочь шовинистическая! Обойдешься! Попа слипнется! Сейчас рожу этого потомка и та-ак тебя обласкаю!!! Забудешь, как детей делать!!!

Видимо представив процесс забывания воочию, Повелитель чуточку побледнел, следом

покрылся алыми пятнами... в итоге дроу принял единственно правильное решение:

— Любимая, дыши! Раз-два! Раз-два!

Это он типа меня так отвлечь хочет? Остроумно!

— Мамочка-а-а-а! Сам! Сам дыши правильно!!! А я — как могу!!! И уже не могу!!! А-А-А-А-А! А-А-А-А-А!!!

— Нужно пустить кровь, — вмешался местный врач-коновал с дипломом садиста. Повитухи из его окружения согласно покивали.

— Уб-б-бью! — завопила я с новой силой и даже попыталась подняться, чтобы слово не расходилось с делом. — Вон!!! Чтоб ноги его рядом со мной не было! И акушерок пусть с собой прихватит!

Врача со товарищи немедленно вытолкали внашею под моим бдительным взглядом. И тут мое зоркое око углядело вопиющую антисанитарию — толпу народа в сапогах, натоптанные следы и кучки уличной грязи в родзале.

— Почему не провели заранее дезинфекцию?! — яростно возмутилась я, корчась в родовых схватках. — Полчища микробов вокруг! А ну, бегом вымыть пол и всем быстро надеть бахилы!

Оставшиеся в комнате муж и Машка тоскливо переглянулись, призадумались и без лишних споров выполнили требование измученной роженицы. Повозюкав по деревянному полу шваброй с тряпкой и заслужив мое молчаливое одобрение, они замотали ноги полотенцами.

— Так хорошо? — участливо спросила сестра, меняя на моем горячем лбу влажную ткань.

— Сойдет, — пробурчала я, сдерживая крики — жалела сорванное горло. — А там в углу кто копошится?

— Шастамаш из тайной канцелярии... один из лучших в стране... — ответила она. — Не знаю, как лучше объяснить... Придворный маг? Лекарь? Знахарь? Шаман?

— И что он тут забыл? — проскрипела я, от боли со свистом втягивая воздух.

В это время маг проявил инициативу. Он подошел к кровати, на которой лежала роженица и в страданиях готовилась произвести на свет наследника. Рядом сидел Дар, терзаемый совестью, что он в свое время вполне принимал участие в процессе зачатия и даже получал от этого огромное удовольствие. Где-то рядом с родильным ложем отиралась Маша, тоже чем-то терзаемая, но мне сейчас было явно не до определений.

— Ваше величество позволит мне облегчить ее муки? — склонился в низком поклоне маг.

И этот туда же! У кого-то «Маленький Мук», у меня бо-ольшие муки!

— Да! — выдохнула я. — Сделайте что-нибудь сейчас же или оставьте нас! Можете добить, я разрешаю.

О, какая я вежливая! С магами ссориться себе дороже! Превратит в лягушку, и доказывай потом, что ты не деликатес!

— Всегда к услугам вашего величества, — так же вежливо ответил пожилой дроу и проделал серию упражнений ушу, сопровождаемых речитативом. Его пальцы на особо громких пассажах выплетали странные фигуры и вытягивали из карманов бумажки с символическими рисуночками, которые он наклеил по углам комнаты.

Как бы я скептически ни относилась к выкидыванию рук и ног в разные стороны и художественному кручению фиг, но помогло капитально. Боль прекратилась. Схватки ощущались как бы в отдалении.

— Спасибо, — облегченно поблагодарила я, но тут же предъявила претензии: — А

почему раньше не помогли?

Маг снова склонился в поклоне:

— К сожалению, ваше величество не слишком восприимчивы к магии. Я до последнего мига опасался навредить вам и ребенку.

— Сколько я тут маюсь? — прохрипела я.

— Вторые сутки пошли, — ответила Маша.

— Слишком долго. Опасно для малыша, его сильно сдавливают, — сказал маг и кудесник. — Сейчас!

Он провел еще один заход с дыхательной гимнастикой и осторожно потянул рукой что-то невидимое. Его кисти охватило яркое голубое сияние. Оно облачком переползло на мой живот, ласково поглаживая и согревая, мягко впитываясь внутрь.

— Ой! — Я не успела удивиться, а меня уже накрыло новой волной режущей боли.

— Милая, тужься! — на два голоса уговаривали меня Маша с Дарниэлем. — Тужься сильнее!

Знахарь прытко налепил мне свою бумажку на лоб и забубнил какой-то речитатив.

— А-а-а-а! — орала я.

Мне начал вторить тонкий крик:

— А-а-а-а-а!

Ребенок появился на свет!

— Дар, кто? — спросила я, вконец обессиленная.

— Мальчик! Мой сын и наследник державы дроу! — с гордостью ответил муж, разглядывая ребенка, которого держала Маша.

Наш сын! Законный продолжатель рода Повелителей. Ребенок, в котором было мое спасение от изматывавшей душу тоски. Я никогда не забуду своего первенца, но теперь мне есть ради кого жить.

— Покажите его, — попросила я.

Маша положила дитя мне на руки. Смотрела на недовольное сморщенное личико сына, на самое прекрасное и родное существо на свете и ощущала, как меня переполняет чувство нежности.

— Любимая, ты помнишь, что нужно сделать? — напомнил мне муж.

Протягивая сына Дару, я произнесла ритуальную фразу:

— Признаешь ли ты его своим сыном и наследником? Даруешь ли ты ему имя и принимаешь ли ты заботу о нем?

Дар снял синюю шелковую рубашку, бережно завернул ребенка и провозгласил:

— Я, Дарниэль, Повелитель дроу, признаю ребенка своим сыном и нарекаю его именем Аланиэль! Отныне он мой наследник по крови! Да услышат меня боги и благословят моего сына!

Набежавшие горничные споро поменяли постель. Закрывая цветастой ширмой, помогли отмыться и привести себя в порядок. На пару минут ко мне нахлынул поток придворных с многочисленными поздравлениями.

Устала. Спать. Двое суток родов измотали, отнимая много сил. Дрема сомкнула утяжелевшие веки. Я сквозь нее почувствовала поцелуй мужа и услышала:

— Айлонор! Берешь отряд стражей! Вместе с Манвэлиэль и няньками ты должен доставить сына в загородный домик. Когда жена отдохнет, мы привезем ее туда позднее. — Бархатистый голос произнес: — Спи, родная, отдыхай. Спасибо тебе.

Сон мягко повлек меня к себе. Обнимая теплыми добрыми руками, он баюкал на коленях и нес, покачивая на волнах, далеко-далеко. Очень хотелось пить, но не могла вынырнуть из тяжелого, полубредового забытья.

Булькнула вода. Кто-то поднял мне голову и поднес бокал к обметанным губам. Желанная влага принесла облегчение. Темнота...

Я брела по каменистой равнине, спотыкаясь и падая.

Куда иду? Зачем? Какая цель гонит меня вперед, не давая покоя?

В очередной раз поднимаясь, услышала плач грудного ребенка. В другой стороне крик Дара:

— Рика!

Позади журчал мягкий смех Маши.

— Сынок? Дар? Маша? Где вы? — Я металась в разные стороны из последних сил.

Их нигде нет! Я не вижу!

Навалилась невыносимая тяжесть. Я упала и не имела сил встать. Гнет многопудовой глыбой давил на грудь. Нечем дышать.

«Почему так тяжело? Помогите мне! Где все? Почему никого рядом нет?.. Пожалуйста, услышьте меня!»

На смену тяжести пришла резь, скручивая, выгибая в корчах, выламывая ставшие мягкими, словно пластилин, гуттаперчевые кости. Костный мозг жгло изнутри. Я беззвучно кричала, вопила от мучительной пытки, в немоте своей мучительно раззявливая рот.

Строгое лицо Айлонора... Больно! Острые уши... Манвэли... Болит!! Синие глаза, протянутая рука, ласковая улыбка... БОЛЬНО! БОЛЬНО!! БО-ОЛЬ...!!!

Пытка, выжигающая чувства, стирающая память... Гасло в памяти малейшее воспоминание о... ком? Я застонала, съеживаясь. Скрутилась беззащитным комочком. Пагуба моя, отпусти меня! Не терзай, пожалей...

Услышала и отступила. Я с трудом встала и увидела перед собой дорогу. Куда она манит? Что обещает? Не все ли равно?.. Я больше ничего не хочу, мне некуда спешить...

И только, влекомая невидимой рукой, собралась сделать шаг вперед и ступить на вытертые каменные плиты, кто-то выдернул меня... И снова кругом темнота. Меня тормозили и громко требовали.

«Что они хотят? Оставьте меня в покое!»

И вновь бокал у губ, и опять слова:

— Пей! Тебе нужно это выпить! Ты должна, обязана вернуться! Слышишь?!

Устав сопротивляться, выпила горькую жидкость, и наступил покой. Все вокруг меня замерло. Потом, чуть погода, начали мерцать искры, их становилось все больше и больше. Наконец они взорвались ярким многоцветным фейерверком, осыпаясь хрустким битым стеклом.

Неужели никто не слышит этого страшного грохота? Не видит ярких вспышек? Что со мной? Где я?

Пустота внутри, пустота снаружи...

Я лежала на огромном ложе. Открыла глаза и увидела склоненное надо мной мужское лицо с резкими, но правильными чертами. Черные с красными искрами диковатые глаза в окружении длинных ресниц глядели с тревогой. Красивый, необычный, гордый... незнакомец. Кожа словно сияет лунным светом, удивительно! Но сильнее всего мое внимание привлекли его длинные белые волосы с серебристыми прядями и багрово-алый отлив в глубине радужки глаз.

Я его знаю? Все это уже со мной было! Но когда? Не помню...

— Где я? — прошептала, отчаянно не понимая, где нахожусь.

Я видела окружающее смутно, будто сквозь матовое полупрозрачное стекло. Казалось, продолжаю двигаться в колыхающемся тумане. Не сон и не явь — нечто среднее, мутное и беспросветное.

Невозможно собраться из рассыпанных и безжалостно растоптанных осколков стекла. Все болит — и душа, и тело. Я существую, сквозь муть вижу свои руки, ноги, по желанию совершаю движения, но... в то же время меня нет... сильно болит голова...

— Ты дома, — нежно ответил знакомый незнакомец, наклоняясь ниже. Голос заботливо обволакивал.

— Кто ты? — испуганно попыталась отодвинуться от него.

Движение отозвалось тупой ломотой в висках. Покачнувшись, я откинулась обратно на подушки.

— Габриэль, Повелитель демонов, — поведал мне мужчина, бережно приподнимая меня и приникая в нежном объятии.

Он сгреб меня и безостановочно гладил длинными нервными пальцами. Гладил, словно боялся отпустить.

Позади него застыли в нелепых коленопреклоненных позах смуглолицые узкоглазые люди в яркой диковинной одежде... или не люди? На головах челяди странные головные уборы... и рога? Демоны? Я в аду? Значит, умерла?

По знаку Габриэля фигуры на заднем плане зашевелились. Слуги нас покинули.

Я коснулась сурового лица демона. Его кожа горяча, а я чувствую холод... словно трогаю чужака первый раз. Руки не врут. Почему я ничего к нему не чувствую? Он друг? Враг?

— Кто я? — продолжала спрашивать, пребывая в тяжелом дурмане.

— Ты Эрика, моя жена, — поставил он меня перед фактом, защитным жестом распахивая шатром крылья над нашими головами.

Я смотрела на него с немим ужасом.

«Муж?.. Не помню, ничего не понимаю... Страшно. Черные браслеты кандалами на моих руках и черные крылья надо мной. Память моя, где ты?»

Я закрыла руками лицо и горько заплакала.

Глава 27

Счастье ему улыбнулось своей беззубой улыбкой...

Габриэль, Повелитель демонов

— Штрымп! — Левый сапог запутался в высокой траве, и я чудом избежал падения.

Тьма, как Повелитель демонов может быть так неуклюж? Разве что не смотрит под ноги, а витает в своих мыслях, весьма далеких от нынешнего места пребывания. Если верить приметам, то мне сегодня светят неожиданные сюрпризы и неприятности.

И какого гримса, спрашивается, меня сюда занесло? Скука — великая движущая сила. Развалившись на разнотравье, я смотрел на небо, покусывая травинку, и размышлял о несправедливости судьбы и предвзятости мнений. И почему нас так боятся? Мы далеко не такие ужасные. Нет, я помню, что в старинных книгах демонов выставили эдакими жуткими кровожадными монстрами. А на самом-то деле мы не такие уж и страшные.

Основываясь на книгах, можно вкратце так описать нашу расу: «Практически бесконечно живущие создания, особенно высшие. Хитры, коварны и сильны. Отличные воины, прекрасные маги, изворотливые дипломаты. Великолепные летуны благодаря мощным крыльям, по большей части созданным из жгутов силы».

Еще раса демонов лишена возможности демонстрировать любые истинные эмоции. Это не в нашей культуре. Даже если тебя режут на куски — улыбайся и покажи всем, что счастлив.

К сожалению, я не такой. В ранней юности в результате дворцового переворота я потерял родителей и стал Повелителем демонов. Все эти годы живу в личной преисподней. Никому не нужный, заброшенный и в то же время с ног до головы ежечасно облизываемый лживыми вельможами и льстивыми холопами, я получил все материальные блага. И это не упоминая магию, огромное могущество и колоссальные возможности правителя. Словом, многое... кроме истинной свободы.

Имеющему все и ничего, мне скучно, безумно скучно. Поэтому пользуюсь каждой возможностью сбежать и побродить по свету. Вот и добродился до леса дреу. По-хорошему, нужно сматываться отсюда побыстрее, но мне так лень... Хочется бездумно лежать, дышать чистым лесным воздухом и философствовать в свое удовольствие.

Возможно, в будущем я напишу трактат о сходстве и различиях демонов и вампиров. С моей точки зрения, вампиры гораздо кровожаднее. Их трапезы крайне отвратительны и неаккуратны, то ли дело мы — никакой крови, всего лишь чистая энергия ауры. Что делать, так уж мы устроены. Уравновешивая свою тьму, тянем свет из энергетики других существ...

— Не хочу! — раздался в стороне женский крик, полный отчаяния и тоски. — Домой! Верните меня домой! — Вопль сменился горьким плачем.

Это кто такой шумный? Зablудилась, что ли? Я, естественно, в проводники не набиваюсь, а посмотреть интересно. Вдруг что-то да перепадет бедному голодному демону.

Мысль о еде или забаве заставила напрячься расслабившееся тело. Вскочив одним прыжком на ноги, я бесшумно подкрался, раздвинул кусты и... замер.

Светлая эльфийка! Здесь? На землях дреу? Приманка? Просканировал местность. Никого. И девчонка странная, я бы сказал — очень странная. Ее аура бьет в глаза, сшибает с ног, заставляет забыть об осторожности. Где я уже встречал подобное? В памяти услужливо всплыл забытый эпизод...

~~~

Три тысячи лет назад

Глупо! Как глупо так бессмысленно умирать! Вот если бы... Но «если» уже не выйдет...

Ничего не получится... Самонадеянность всегда или выходит боком, или оплачивается кровью. В моем случае — рана в боку, нанесенная заговоренным металлом, и кровь, текущая сквозь пальцы вместе жизнью. Умело заговорщики подловили наследника, ничего не скажешь...

Самобичевание прервал залиvistый детский смех. Ребенок? Здесь?..

Тяжелораненый юный демон с трудом повернул голову:

— Кто ты? — удивляясь, откуда на удаленном берегу горной речки взятся ребенку.

Но она стояла там — маленькая беловолосая девочка, одетая в бело-голубое кружевное платьице.

Я умирал и отлично понимал свое состояние, списывая возникшее видение на предсмертный бред. Апатия уже потихоньку накладывала на меня свой отпечаток, но... завораживающая золотом и огненными отблесками аура ребенка притягивала как магнитом.

— Тсс! — Тонкий пальчик прижался к горячечным губам. — Молчи и пей.

— Можно взять немного? — Я неверяще протянул обе руки, не осмеливаясь коснуться чуда.

Девочка ласково улыбнулась, окутывая умирающего теплым облаком нежности и заботы, отгоняя слабость и боль.

— Бери, я дарю тебе силу моей души. Смелее, мне не повредит! — шепнула маленькая фея.

С благодарностью взяв за тоненькие пальчики своими мозолистыми от занятий с мечом лапищами, я припал к сокровищнице. Истекая щенячьим восторгом, безотрывно пил чужую ауру, насыщенную светом, и лечился. Впитывал и впитывал всей своей тьмой, шалея от небывалого количества и поразительной чистоты чужой энергии.

— Хватит! — твердо сказала малышка. — Остановись. Больше тебе нельзя, глупый.

С трудом оторвавшись и тяжело дыша, словно после долгого изнурительного бега, я спросил:

— Я тебя когда-нибудь еще увижу?

— Когда-нибудь... — неопределенно промолвило дитя и... сгнуло.

Спасенный растерянно оглядывался по сторонам, недоумевая и... забывая, погружаясь в здоровый крепкий сон.

~~~

Нет! Нереально! Я потряс головой, прогоняя нелепые мысли. И чего только не померещится! Встряхнул себя: «Не отвлекайся, тут такое сокровище без присмотра шастает!» Аура у эльфийки просто сказка — золотая, мерцающая, незамутненная.

Я мысленно облизнулся, рассматривая неожиданное угощение. Оставался открытым один вопрос — как подобраться поближе и не испугать. Привкус страха перебивает аппетит. А если подумать — кого не станет бояться светлая эльфийка в дровском лесу? Так... единственное существо, которое вызывает у темных и светлых эльфов инстинктивное доверие, — это...

Не откладывая в долгий ящик, перевоплотился в черного, будто адская ночь, жеребца. Всхрапнул, переступил ногами, пошумел.

Девушка услышала. А она смазливая, только одета чересчур экзотично — в мужские штаны. У эльфов сменилась мода?

Точно, ненормальная! Что это она с таким восторгом на меня пялится? По-моему, дру и светлые эльфы лошадей не едят, только орки...

С ума сойти, как она это сделала? Я даже магии не почувствовал, когда девчонка корзинку с чем-то создала. Ой, сейчас заржу, она меня подманивает. Думает, я ее боюсь! Ну хорошо, давай поиграем в твою игру, малышка. Что там у тебя? Запах странный. Это можно есть?

Принюхался: яда нет. Чего не сделаешь ради хорошей энергетической подпитки, даже всякую гадость непроверенную в рот потянешь. Хотя... вкусно. И тут я чуть не подавился, услышав:

— Понравилось? Дать еще? Можно я тебя потрогаю?

Она меня хочет потрогать? Ой, умру от смеха! Странное желание. Трогай, коль приспичило.

Девчонка ласково зарылась двумя руками в конскую гриву, то есть мои волосы, а жеребцу, то бишь мне, подсунула корзину с этими странными фруктами. Как она их назвала? «Аблоко»? Нет, «яблоко» вроде.

Она закопошилась в моих волосах, и я получил тройное удовольствие: во-первых, покуда она разбирала конскую гриву, было действительно приятно, во-вторых, яблоки на самом деле вкусные. В-третьих, вволю насытился ее энергией, а она даже не заметила. Совсем. Я еще потянул — тот же эффект. Чудо!

А ты непроста, малышка! С собой, что ли, прихватить? Жаль, не выйдет: слишком близко от замка, чересчур много будет шума. С пресыщенным сожалением смотрел на девчонку с такой заманчивой и вкусной аурой и тут вдруг услышал:

— Извини, мне надо уходить. Ты не будешь против, если я приду завтра? Ну пожалуйста!

Я фыркнул от удивления. Она так и не вникла, кто перед ней? Вот простушка.

— Надеюсь, это в знак согласия? До завтра!

И ушла. Загадочная ты, малышка, весьма и весьма. Приходи, я буду ждать тебя завтра. Люблю загадки.

Она действительно пришла, только не как обещала, а через день.

Ты изумляешь меня, маленькая. Поражаешь своей искренностью и непосредственностью. Где и кто воспитал тебя? Как в этом мире ты смогла остаться такой чистой и совестью? Зачем просить прощения у животного? Твое поведение непонятно и непредсказуемо. Ты получаешь удовольствие от пустяков и довольствуешься малостью. Странно, но ты не простолюдинка: манеры, речь, образ мышления... И при том нет в тебе чванства и напыщенности. Кто же ты? Ты интригуешь меня и притягиваешь... привлекаешь не только дармовой энергией, но и жаждой свободы. Ты такая же, как и я. Душа стремится к небу, а долг тянет к земле...

Что ты сказала? Тебе со мной хорошо? Ну знаете! Такого еще не было! Испытываешь особенное чувство, когда высшего демона совсем не боятся. Что ж, по крайней мере, мне не скучно!

Кто же ты, светлая эльфийка с золотой аурой и необычным именем? Почему ты живешь по-другому, не как все эльфы и дроу?

Честно говоря, я давно уже так не смеялся, когда она пыталась придумать мне кличку. Ой, умора! Мне, тысячелетнему демону! Сошлись на Громе. Пусть так, все ближе к Габриэлю.

Черная горстями ее бездонный запас, я пьянел и расслаблялся. Видимо, от сытости и благодушия меня потянуло на непривычные вещи. Захотелось сделать приятное для нее. А что такого? Даже у демона изредка просыпается благодарность, тем паче — мне это ничего не стоит.

Я позволил влезть мне на спину и чуть не уржался, наблюдая за попытками сначала залезть, а потом не упасть. Видят боги, в моей долгой, многотысячелетней жизни еще не было столь веселых и беззаботных моментов, когда не ждешь коварного удара в спину.

Но тут же возникали сотни вопросов, на которые не находилось ответов. Почему она одна? Без сопровождения и охраны? Откуда у девчонки столь чудесная аура?

Многие вопросы крутились у меня в голове, пока я вез эльфийку к заранее облюбованному озеру. Все же как мало ей нужно для счастья! Кто еще будет визжать от восторга при виде обычной лесной лужи и цветочной поляны? Э-э-э... А она нормальная? Может, у нее с головкой проблемы? Да нет, вроде мыслит трезво и разговаривает складно. И зачем я пытаюсь понять непостижимую женскую логику? Глупо. Все, что мне от нее надо, я получаю, а об остальном пусть заботятся другие...

Ты куда полезла, неугомонная? Зачем тебе тащиться в густой кустарник? Там змеи... Упс! Зараза, больно же! Не знаю, есть ли у нее проблемы с разумом, но с кулаками — точно нет! Проверил на себе. Так сильно промеж глаз заехала! Вот bestия! Откуда ж я знал — она там переодевается? Хм, фигурка отличная, особенно в этих лоскуточках.

Куда тебя опять несет, несчастье мое? Бултыхаться в озере? Ты умеешь плавать? Хочешь, чтобы я вместе с тобой купался?.. Ха-ха-ха! Ну я, собственно, не возражаю...

Наплескавшись от души, мы вылезли на берег. Девчонка обсыхала и напевала себе под нос. Странная девочка, странные песни. Что же ты делаешь со мной?

Уходила Эрика с сожалением. Не уходи, останься... но ты не слышишь меня, а я... мне страшно тебя напугать и никогда больше не увидеть. Ты придешь завтра? Я дождусь тебя... Эрика. Обязательно дождусь!

Остановись, идиот! Мало тебя учила жизнь? К скольким ты привязывался и терял, говоря себе: «Это последний раз»? Не ври! Не было такого! Лишь одна-единственная, похитившая мой покой. Та, кто безжалостно растоптала мое сердце...

~~~

Две тысячи лет назад

— Здравствуй, милый! Не скучал? — Хрупкая юная девушка лет четырнадцати, в скромном муслиновом платьице с нежным бело-голубым растительным рисунком изящно присела на садовой скамейке в тени деревьев, откинув головку и лукаво улыбаясь. Пушистые локоны густой волной спускались по спине. Длинное платье красивыми фалдами ниспадало по ногам. Девушка пленительно потягивалась, словно разомлевшая на солнце кошка.

— Неужели это ты?! — бросился к ней молодой воин-демон, открывая ей объятия. — Восхищенно заметил: — Ты выросла! Стала еще красивее!

— Какой ты все еще дурачок! — засмеялось чудесное видение.

Девушка вновь позволила мне припасть к упоительным источникам ее силы, напивая голодающего.

— Может, зайдём ко мне? — спросил я, влюбленный по уши в таинственную незнакомку. — Я покажу тебе свой дом!

— Фу-у! — Девушка мило наморщила носик. — У вас противно пахнет! И мне не нравится то, что вы едите за столом!

— Ну пожалуйста! — умолял я, чувствуя миг расставания. Сердце предательски сжалось, опасаясь этого больше всего на свете.

— В этот раз — нет, но когда-нибудь... — милостиво подарила надежду юная прелестница.

И снова испарилась... мои руки обняли только воздух. Призрачная надежда, напрасные ожидания, пустые мечты...

~~~

Закружились воспоминания, вызывая давно угаснувшие чувства и эмоции, встревожили

душу. Никогда и никому не рассказывал я о незнакомке, но сколько же сотен лет ее искал! Заглядывал в женские лица, прислушивался к звукам голосов, изучал ауры в надежде встретить ту самую...

Стоя у открытого окна в своей спальне и рассматривая горы, я думал о двух таких разных и настолько похожих девушках. Незнакомке из моей юности и той, которую я повстречал сегодня. Обе непонятны мне, обе загадочно-таинственны, но свет эльфийки несравним с мерцанием моей спасительницы. Что это? Умелое притворство или искренность? Игра или реальность? Жаль, что ты эльфийка, девочка с зелеными глазами, очень жаль... Нам могло быть хорошо вместе...

Промечтав у окна почти всю ночь, но так ничего и не решив, утром открыл телепорт на уже знакомую поляну. Перевоплотился и принялся ждать. Солнце поднялось довольно высоко, а девушка не приходила. Неужели ее не будет? Она же обещала! Поймав себя на нервозности, усмехнулся. Старею, становлюсь чрезмерно сентиментальным.

Погрузившись в свои мысли, я не услышал тихих шагов. Надо же, пришла, не обманула. Что гонит тебя сюда? Почему приходишь? Какие мысли бродят в очаровательной головке? Ты интересуешь меня все глубже, словно торт с сюрпризом. Загадки манят и сулят избавление от скуки. Проявив немного усилий и терпения, можно сложить все части столь волнующей головоломки. Но это подождет, а пока... Поехали на озеро, малыш? Я уже успел соскучиться.

Ай, что я мелю? Я — демон! Демоны с эльфийками не купаются. И лошадьми за голыми девицами не бегают. Если поймут мое демоничество щас, будет такой стыд! И мне непозволительно скучать! А, плевать! Что ж ты за зараза такая, а?

Эльфийка плескалась в прозрачной теплой воде, весело орала и носилась вдоль берега, поднимая брызги. Словом, наслаждалась каждой прожитой минутой. Мне нравилось за ней наблюдать. Нечасто встретишь настолько открытую и бесхитростную душу. Как можно так идти по жизни — не оглядываясь, не опасаясь? Завидую... Тьфу ты пропасть, о чем это я? Мне кажется, сейчас я размышлял о смысле бытия гораздо больше, чем за все прожитые годы... Докатился. Брр! Какой ужас!

Наконец, вволю наплававшись, девчонка уgomонилась. Нарвав охапку не пойми чего, уселась на поляне, распустив роскошные волосы, и принялась что-то мастерить. Девчонка плела из цветущих бурьянов какое-то подобие букета, потом связала кругом и надела себе на голову. Фу, гадость какая! Сними немедленно! Там букашки, грязь и вообще... Сунулся к ней и получил такое же украшение на голову. И кто я после этого? Правильно — идиот! Осталось лишь подставить ей башку и дожидаться почесывания за ухом.

Дождлся. Посопев для приличия, тихо убрался в кусты. Там можно будет зализать моральные травмы. Жуя венки, приводил противоречивые чувства в порядок, избавляясь от эйфории. Обязательно выберу своим девизом: «Трезвость — норма жизни!»

Вдруг со стороны озера послышались крики. Я озверел, мгновенно забыв про недавние смертоубийственные планы. А кому какое дело? Я — натура многогранная и противоречивая. Хочу — убью, хочу — поцелую, хочу — на завтрак съем!

Сделал зверское выражение морды. Вроде того: «Это моя добыча! Кто против?» Бесшумно подойдя к поляне, высунулся и увидел: девчонка спорит с дроу. Причем не с простым дроу, а с ихним Повелителем. Прислушался — и ушам не поверил... Это ее муж? Она жена Повелителя дроу? Вот это поворот! Сейчас скончаюсь! Не то хохма, не то анекдот.

Я даже из кустов выпал... случайно. Парочка, увидев радостный сюрприз в моем четвероногом виде, на секунду замолчала. Потом грозный ушастик зашвырнул хрупкую девочку за спину и вытащил свою пилку для ногтей (ага, грозный, как жук навозный!). Эй, блаженный, у меня маникюр в порядке. Только недавно когти затачивал. Так что в твоих услугах не нуждаюсь! Грымз! Какой ты навязчивый! Так и норовишь в меня этой палочкой потыкать! Ой, это ты меня на поединок вызывал? Прости, сразу не понял.

У-у-у, какой агрессивный дроу с зубочисткой. Ты? Против меня?! Смешно. Я тебя только из-за девушки рвать не стану! Не хочу ей ауру портить. Бедняжку потом есть невкусно

будет. Ни при каком раскладе.

В то время как мы мерились угрожающими взглядами и состязались, кто кого переглядит, эльфийка вылезла из-за широкой спины мужа и выдала такое... Э-э-э... Меня мало чем можно удивить, но это? Девчонка узнала, что я демон, и глазом не моргнула, даже защищать полезла? Это у нее чувство юмора извращенное или вкус в детстве не привили? Или у нее была экстравагантная мама, которая на ночь глядя дочку демонами забывала пугать?

Упс! Счас копыта откину!

После того как милая девчушка построила дреу, я чуть не рухнул. Какой там нападать, я еле стоял! А фраза про хищность дреу и про бабочек, которых он на хуторе не ловил, довела меня до истерики. Даже ржать сил не было!

Ты мне безумно понравилась, малыш. Уточняю — сугубо как объект кормления, а не женщина.

Дреу поскрипел зубами, пошевелил ушами, пошебуршал мозгами и додумался до логичного и мудрого решения: свалить. Открыл телепорт, схватил девчонку в охапку, ушел и даже не попрощался. А как же пресловутая эльфийская вежливость? А этикет? Так нечестно! Это нам, демонам, положено быть грубиянами и хамами, а эльфы должны быть вежливыми в любой ситуации.

Еще одно разочарование в ушастых проходимцах...

Мысли перескочили с припадочного брюнета на Эрику. Интересно, она появится еще или нет? Я бы на месте дреу эльфийку привязал к себе или в башне запер. Так драгоценностями не раскидываются. Глупый ты, Повелитель. И слепой в придачу. А я подожду — вдруг придет? Времени у меня мно-о-го. Практически вечность.

Я завалился на траву, приняв истинную форму. Иначе не мог — копыта не держали. Я крепко перебрал сегодня пьянящей, будто шампанское, искрящейся энергии милой девчушки.

Улегшись под ближайшим деревом, я только собрался мирно вкусить послеобеденный сон, как вдруг эфир взбудоражили бурные вопли молодежи. Поначалу я не придал им значения — а, молодежь резвится... выпускники пришли в набег... Потом до моего пьяного сознания достучалась трезвая мысль: «Выпускники? Возле дворца дреу? В набеге?!»

Я открыл глаза и увидел над собой бесстрастное лицо бога смерти. Он молча наблюдал за мной спящим и как-то криво ухмылялся. Потом исчез.

Мне стало дурно. ОНА ЖЕ СЕЙЧАС ТАМ! Кретин обожравшийся, ты вечность блага собрался вкушать, а ее там счас мигом прирежут! Дреу, сколько их там есть, и четверти выпускников нормально противостоять не смогут! Это же не воинский гарнизон! На заплетающихся крыльях, подлетами, я рванул в сторону дворца, отчаянно боясь не успеть. Вот как чувствовал, надо было девочку забрать себе, тогда не имел бы сейчас проблем!

Я попробовал призвать малышню к порядку. Какой там! Одурманенные боем и жаждой крови, они бы не услышали приказа, даже если б я их по головам сейчас этим приказом в письменном виде лупил! Я от злости даже протрезвел.

Ну все, детки! Пришел очень злой Повелитель и обломал вам лафу. Добавлю — лет на сто! А может, и на двести! Нет, на тысячу! Я уже решил. А нечего мне кайф гробить. Это наказуемо. Я вредный и жадный. Делиться не люблю.

Трезвый как стекло, я отворил портал и запихнул туда сопливых вояк-малолеток скопом. Особо противящихся моей высочайшей воле еще и прикрутил слегонца, чтобы помнили свое место. Всего-то тройным узлом загнул, а мог бы и посерьезней, буквой «омега» завернуть и в «альфу» из позиции «тета» выдернуть. Пусть помнят мою доброту!

В состоянии крайнего раздражения, чертыхаясь, я притащился домой. Там меня ждали коленопреклоненные соплежуи, до которых наконец-то дошло, что именно они учудили.

Надо ж было оборзеть до такой степени, чтобы охотиться в местах, где отдыхает их Повелитель!

Эту идею согласно моему указанию настойчиво и активно вбивали в их пустые башки демоны-инструкторы, не жалея тубусов и картона. Школьные доски и указки вскоре стали дефицитом. Личное мое мнение — чугуном шарам, по ошибке природы поставленным нашим деткам вместо голов, не повредит ничто, но попытаться стоило. Если не научить уму-разуму, то хотя бы вбить почтение к моему положению. Пусть вовнутрь не попадет, так хоть в ушах пошумит и на выходе застрянет!

Нет, куда катится этот мир? Уже молодянок вперед батьки в пекло лезет! Это я им когда каникулы обещал? Вчера?.. Как обещал, так и передумал!

Напоследок особо рьяных в набеге демонят я отправил посольством вместе с письменными извинениями. И предупредил: не приведи тьма, еще раз у дроу кого застукаю — того подарю темным эльфам на опыты!

И наконец-то смог спокойно поспать пару деньков.

Время пролетело, словно на крыльях... Я с удивлением заметил: за те несколько дней, пока Эрики не было, со мной происходило что-то странное — меня начало потихоньку ломать и выкручивать. Не понимаю... Мы же не бодем. Да что такое со мной творится?

И лишь спустя какое-то время понял: я попал! Крупно, очень крупно попал! Подсел на ее энергию, как пьяница на стакан. Она стала моим наркотиком. Я вдруг осознал, что завишу от ее света. Быть не может! Я — Повелитель демонов, а кто она?! Эльфичка всего-навсего. Так почему это произошло? Что в ее ауре такого, держащего меня, словно на привязи? Что?

Я решил похитить ее из дворца немедленно. Она нужна мне, а я как-то не привык отказывать себе в исполнении потребностей. Пребывая в счастливой иллюзии, я набрал отряд быстрого реагирования и только собрался отдать приказ о доставке в мою крепость живого товара в лице отдельно взятой эльфы, как...

Стоя у зеркала, огреб та-акую зуботычину, что от удара едва не вывихнулась челюсть. Удивленно созерцая полученный из пустоты фингал, отхватил еще одну, не менее выдающуюся плюху. Отпрыгнув, я зарычал, собираясь ответить невидимому врагу смертельным ударом. Но остыл, когда понял, от кого ее получил.

Из зеркала вышагнул призрачный боец с вышитым символом на груди. Проклятый, один из преданных воинов свиты бога смерти, его вечный раб. Воин, будучи живым, полностью посвятил себя смерти и умер, навсегда оставшись в ближнем кругу Смертельной Битвы. Тот, у кого нет своей жизни, но осталась возможность служить.

— Зачем ты ударил меня, раб?! — гневно спросил я его, потирая распухшую рожу.

Именно этот воин, Кхалех, был мне отлично знаком. При жизни он совершил предательство и, не имея возможности уже ничего исправить, отдал свою душу и жизнь взамен чужой утраченной. Выбрал вечное рабство. Что для меня, демона, абсолютно неприемлемый выбор.

— Это послание, — холодно отчеканил воин смерти, — маленькое предупреждение от нашего бога. Он велел передать: «Не смей трогать жену правителя дроу — она священна! Если попробуешь похитить или сделать что-либо против ее воли...»

— То? — попробовал из последних сил хорохориться я.

— «Пополнишь ряды моих слуг», — бесстрастно дополнил воин и вернулся обратно в зеркальную гладь. В комнате запахло горьковатым дымком ладана, словно на похоронах.

Я отпустил своих демонов и в тоске обхватил голову руками.

Рика пришла через день после моего убийственного открытия — чистая, светлая, радостная. Я дорвался до ее энергии: пил и пьянел.

Удивительная, необычная девочка с золотой душой, подружка каргаала и демона. Кто

прислал тебя сюда на мою погибель? А потом она снова исчезла, и я начал беситься.

Для меня невыносимо зависеть от ее графика! Хочу, чтобы она была рядом всегда! Хочу владеть ее энергией единолично, полностью, безраздельно! Рассуждал логически: она не носит браслеты, — значит, у них первичный брак. Если увезу Эрику и стану мужем вместо дроу, ничего страшного не случится. Богиня не должна сильно разгневаться.

Дроу не рассказал ей, что я мужчина. Она все еще обращается со мной словно с конем. Можно попробовать обернуться и поговорить. Но если испугается?.. Ерунда! Не испугалась же она демона, почему должна пугаться нормального мужчину? Решено!

Я ждал в засаде очень долго. Уже начал потихоньку звереть от жгучего голода. Ничьей энергии мне больше не хотелось, никакой другой свет, принадлежащий эльфам, феям или другим, не манил и не подходил.

Но все же Эрика пришла! Тоненькая эльфочка приобняла меня за шею и дала такой желанный покой и насыщение. Потом она каталась на спине жеребца, весело хохоча, и я забыл обо всем на свете.

Вспомнил только тогда, когда она в своих тряпочках барахталась в озере, а рядом со мной тщательно прицеливался по тоненькой фигурке длинноухий эльф ее же породы...

Что-о-о?! Я успел заметить высоко на деревьях добрый десяток темных идиотов, которые прошляпили убийцу под самым носом!

Недоумки! Из-за них я не мог принять истинный облик, чтобы не пугать резким перевоплощением их госпожу.

Эх-х, пришлось по старинке...

Это был самый гадкий на вкус эльф за последние пять тысяч лет! Мало того, глотать приходилось быстро, не жуя, чтобы она не застала сей «праздник желудка» и не испугалась. Мерзость какая! Вообще-то обычно я куда более разборчив в еде. А если учесть, что я сожрал его быстрее, чем некоторые успеют сказать «мама!», то изжога мучила меня потом целую неделю. Особенно долго икались отравленные наконечники стрел. Надеюсь, его душу будут вечно грызть демоны подземного царства! А если нет, то, когда буду в гостях, специально укажу им этого мерзавца! Буде позволят завсегда, то и покормлю собственноручно... теми самыми наконечниками. Чтоб знал, сволочь длинноухая, толк в гастрономии!

Переполошенные егеря-дроу окружили свою Повелительницу и утащили во внутренние покои. Облом! Ничего, я демон терпеливый, пару дней обожду...

Я вспомнил кое-что и решил подстраховаться, чтобы моя девочка наверняка дожила до своего счастливого часа во дворце демонов. По этому случаю я уселся и начал строчить письмо Повелителю дроу Дарниэлю.

«Многоуважаемый...» Так много я его не уважаю. Не годится. Начну заново.

«Уважаемый Повелитель Дарниэль...» Тьфу, какой он уважаемый! Индюк-переросток! Ума с гулькин нос, а гонору — с целую гору! Я разорвал черновик.

Хех... «Повелитель...» Не-а, какой он, к синявкам, Повелитель! Я как его вспоминаю, у меня из ноздрей пар валит! Это ж надо было послать охранять любимую женщину кучу тупиц, которые у мамки сиську в пазухе не найдут! И сам среди них такой же, недоросль ушастый.

Опять порвал. Хм... а как же этикет, будь он неладен?!

Ладно, тогда пусть будет аноним. Я подумал, взял пергамент, кисточку, золотые чернила и начал: «Дроу, проснись, а то штаны проспшишь...» Дальше сообщение покатило легко и с душой. Если этот кусок идиота и после моего письма не предпримет надлежащие меры по ее безопасности, то я ихнего повелителя тоже съем. Из принципа, даже если заработаю потом язвенный гастрит. Чтоб такие кретины не размножились!

Я отправил с надежным посыльным и остался вполне доволен собой, еще не

догадываясь, какая беда меня ожидает.

Ненавижу дроу!

Она исчезла. Я не мог дерзко вломиться во дворец любимчиков богини, иначе получил бы наказание ЛИЧНО, но... возможно, лучше бы Пресветлая меня наказала так, чем иначе.

Я ждал Эрику возле лесного озера целую вечность. Неузнанный, ходил-бродил вокруг замка, глядя на дворец. Так умирающий от жажды алчно смотрит на далекий ручей, до которого никак не пробраться сквозь толстую железную решетку.

Изменив себе, я наводнил здешние леса и городки шпионами. Даже вампиров подкупил, и одно время они приносили мне важные сведения. Ни шатко ни валко я готовил похищение эльфиечки, и плевать на дроу. Плевать на всех богов, темных и светлых. Я хочу есть. Если меня регулярно не кормить, я сойду с ума от пронизывающего, выгрызающего кишки энергетического голода.

Слухи были весьма противоречивы. Согласно некоторым сведениям девушка сошла с ума. Раз так — мне конец, у безумной не может быть в ауре света. По другим слухам, девушка больна. Ее лечат. Если так, мне лучше обождать. Нельзя тянуть духовную силу из больной девушки, я нечаянно убью малышку, не сумев вовремя остановиться.

И все же я не отступался. Оставалось только ждать и надеяться, что мой донор, моя девочка, живой и здоровой вернется поиграть с любимой лошадкой. Тогда я обязан с ней поговорить, спросить — согласна ли она дарить демону-мужчине свой волшебный свет? Ведь нельзя брать чужой свет насильно. Разве только первый и последний раз, убивая носителя дара. Я этого не хочу. Поэтому буду грызть зубами толстые ветки в бессильной муке и ждать. Она придет... не может не прийти. Нужно только дождаться, слышишь?!

И наконец настал мой час, муки неизвестности кончились. Огорченная, она прибежала в лес, открываясь для меня. Принесла океан светоносной силы, одаряющей меня бодростью и дающий жизнь. Она гладила меня по конской шее, напитывая каждую волосинку гривы. Я почувствовал себя на добрую тысячу лет моложе. И хоть я мог бесконечно наслаждаться ее милостью, время не ждет.

Я приготовился предстать перед нею в истинном облике, в глубине демонической души громко радуясь. Можно сказать, почти торжествуя.

И за секунду до того, как хотел обернуться, чтобы начать разговор, увидел ее запястья. То пришла моя погибель! Ты обошел меня, дроу: тебе, а не мне отдала богиня это сокровище! Никогда не владеть демонскому отродью безграничной энергией и чистой душой!

Я проиграл эту игру, признал свое бессилие... и сбежал. Ушел, оставив Эрику в слезах. Мне необходимо было учиться жить заново. Без нее. С тоской о ней, ее свете, душе. Получив несколько глотков, чтобы палачески-жуткие столетия помнить вкус божественного эликсира.

Сколько я выдержу, богиня? Ты хорошо посмеялась надо мной!

Дома я рухнул в пропасть отчаяния. Старался как можно чаще спать, впадая почти в летаргию, чтобы растянуть подольше оставшиеся крохи волшебства. Почти два года... не жизнь, а тусклое существование.

Затем я сломался. Махнул на все правила рукой. Она замужем? Пускай! Бесчестным воришкой стану красть ее силу, обманывать и воровать энергию исподтишка!

Знаю, я дурак и кретин, потому что постоянно надеюсь и жду. Жду, что ты появишься, маленькая девочка с зелеными глазами и золотой аурой. Ты придешь и протянешь мне руки. Я верю в это, хочу надеяться. Вера — все, что мне осталось.

И вдруг в один из дней я почувствовал бешеный выброс силы. Эрика! Мне показалось: ей очень плохо! Нет, точно! Невозможно спутать — знакомые эманации. Сладчайший вкус ауры! Я прекрасно отличаю, ошибки быть не может. Рванув на столь желанный свет, увидел двоих големов в серых плащах, без особой деликатности несущих завернутое в

одеяло тело.

Это же Эрика, королева дреу! Что происходит? Ее похитили у мужа? Милая, почему тебя куда-то несут? До меня донесся тихий стон.

Ярость застила глаза. Никто не смеет причинять ей боль! Перевоплотившись в демона, я нагнал похитителей. Это так просто — убивать. Всего лишь несколько взмахов рук...

Присев на корточки, я развернул одеяло и принялся тормошить эльфийку:

— Что с тобой, девочка? Ты спишь?

Она лежала неподвижно и не просыпалась. Откинув волосы и всмотревшись в ее лицо, я осознал, в чем дело, и закричал от бессилия:

— Не-эт!!! Так не должно быть! Нет!

«Каменный Сон»! Кто-то опоил ее «Каменным Сном», ядом, от которого нет противоядия! От которого каменеют мышцы и тяжелеет тело. От которого засыпают беспробудным сном, уходя навсегда на Каменные Равнины смерти. Я стоял перед ней на коленях, скорбел и думал: «Слишком явная печать яда на твоём лице... заострились черты, кожа приняла серый оттенок. Смерть уже кружит над тобой, касается тебя, зовет. Нет, Костлявый, мы еще с тобой поиграем! Я успею! Должен успеть! — Взял Эрику на руки и открыл телепорт. — Потерпи, малыш!»

От этого яда есть только одно лекарство: «Слеза Забвения». Средство, способное победить любой яд, исцелить любую рану, даже смертельную. Но им практически не пользуются. Почему? Из-за одного крайне неприятного свойства: после приема лекарства больной забывает себя, память полностью стирается. Невозможно помнить, кто ты, кем был, кого любил, а кого — ненавидел... Эффект длится около пяти лет на каплю, и при пробуждении рядом должен быть кто-то, способный привязать к себе, — иначе полное, необратимое сумасшествие.

Я стоял над эльфийкой с флаконом и бокалом, размышляя: «Вправе ли я распорядиться ее судьбой? А есть ли у меня выбор? Конечно, есть: дать ей умереть. Неправильный выбор. Я его отменяю. Ты будешь жить!».

Молочно-белая капля волшебства богов упала в бокал с кристально чистой водой. Я поднес его к губам девчонки, заставляя глотнуть. Один глоток, другой... Ну вот и все. «Молодец, малыш, ты выживешь! Я обыграл тебя, бог смерти!»

Покрутил в руках хрустальный флакон, хранившийся у меня уже тьма знает сколько лет, и вспомнил...

~~~

Тысяча лет назад

Звуки вальса плыли над паркетным залом. Существа разных рас пришли сюда встретить начало нового тысячелетия и отметить день рождения молодого Повелителя демонов.

— Хорошо выглядишь! — Обольстительная красавица в полумаске зазывно улыбалась, поблескивая увлажненными изумрудными глазами.

Я чуть не сбился с шага в танце:

— Это... ты?..

— Конечно, я, а кто, по-твоему? — фыркнула кокетка. — Или ты ждал другую?

У меня затряслись руки, словно у влюбленного мальчишки.

— Я ждал тебя, столько времени ждал! Скажи мне, кто ты, позволь ухаживать за тобой... Я... лю...

Девушка возмущенно перебила:

— Эй, мы так не договаривались! Это запретные слова. За тобой фант. За это ты выполнишь одно мое желание!

— Ты играешь мной? — застыл в непонимании.

Незнакомка провела розовым язычком по губам.

— Да! Зато ка-ак!.. — Она засмеялась негромким сексуальным смехом. Проворковала: — Я устала танцевать! Проводи меня в сад.

Сопровождаемый великосветскими пересудами, я провел ее к выходу. Рука, которой держал ее пальцы, дрожала. Мы зашла в темень неосвященного сада.

Не владея собой, упал на колени, обнимая ее ножки:

— Не играйся мной, пожалуйста! Я ничем не оскорблю тебя, никогда не обижу! Не уходи, дай поговорить! Скажи, как тебя зовут?

Девушка сняла маску, раздраженно постукивая ею по шелковой юбке.

— Я не затем позвала тебя сюда, чтобы выслушивать эти глупости! — Она достала из-за корсажа небольшой флакон и протянула его незадачливому влюбленному. — Бери! Это «Слеза Забвения». Храни его пуще глаза, единственное противоядие от «Каменного Сна».

Я резко вскочил:

— Зачем оно мне? Я умираю без тебя. Пощади! Если я тебе не нужен, лучше дай мне «Каменный Сон»! — физически чувствуя, как рушатся мечты, погребая под обломками мою душу.

Жестокая кокетка гневно топнула ножкой.

— Не зазнавайся, демон! Я вне твоей власти! Не хочешь по-хорошему — пусть так! Ты будешь помнить обо мне — и забудешь. Будешь искать меня, а найдя — полюбишь другую. А в наказание за дерзость у тебя впереди годы и годы жажды по моей силе. Теперь... — ее голос властно проник в душу, — ты меня забудешь и сможешь соединить туманные обрывки тех свиданий лишь тогда, когда встретишь мою дочь!

Возмущенная богиня развернула серебряные крылья и улетела, оставляя молодого правителя с остекленевшим взглядом и флаконом «Слезы Забвения» в руке.

~~~

Значит, ты ее дочь... Что ж, мне повезло вдвойне: досталась уйма безграничной энергии и появилась возможность отыгаться...

Склонившись над Эрикой, защелкнул у нее на запястьях свои брачные браслеты — они скроют татуировки. Если уж мне выпал редкий шанс, то упустить его верх глупости. И я не собираюсь приводить сюда дроу и отдавать ему девчонку, обрекая себя на ломку и мучительную смерть. Она останется тут. Авось за пять лет привыкнет.

Больше капель давать я побоялся. Говорят, те, кто пробовал больше одной, становятся живыми мертвецами. Не знаю точно, но рисковать не стал. Сел в кресло и приготовился ждать пробуждения эльфийки. Впереди у меня пять лет счастья. Надеюсь на то...

Спи, девочка с золотой душой, я буду рядом, когда ты проснешься...

Глава 28

Где счастье? — В будущем оно есть! Как и было всегда...

Дарниэль, Повелитель дроу

Эрика рожала тяжело, с криками и болью. Когда дитя, хвала богам, увидело свет, мы неимоверно устали и вымотались. Я уж и не чаял дожидаться первого крика моего ребенка. У нас сын! Мое солнышко даровала стране дроу первенца.

Время нашего супружества было самым замечательным периодом за всю мою долгую жизнь. Два солнечных года радости и счастья рядом с Эрикой, любимой.

Начался ритуал признания наследника. Трогательная процедура: отец отдает свою рубашку первенцу и нарекает избранным именем. Я насухо обтер пеленкой симпатичного малыша и завернул кроху в свою рубашку. В конце имяположения сказал заключительную фразу:

— Я, Дарниэль, Повелитель дроу, признаю ребенка своим сыном и нарекаю его именем Атониэль! — Необычное для Повелителей, но мне нравится. Эрика выбрала.

Он смотрел на меня крошечными глазенками внимательно и строго, совсем как взрослый. Не мяукал, не крутился, не чмокал жадно маленькими губами, а рассудительно наблюдал, словно хотел сказать: «Это папа? Посмотрим...»

Любимая утомилась и впервые за два дня смогла задремать. Поцеловав сонную жену, я вышел, забрав сына и Манвэлиэль. Решил отправить сына с ней и Айлонором в охотничий домик, там намного спокойней и безопаснее. Вместе с ними снарядил семь стражей и толпу нянек с кормилицей. Когда Рика отдохнет, перевезу ее туда же. А пока мне предстояло решить кое-какие государственные дела, не терпящие отлагательства.

Проводив дитя с мамками-няньками, на подгибающихся ногах ввалился к себе в кабинет. С удивлением заметил, как трясутся руки. Нет, так не годится! Сейчас придет с бумагами начальник службы безопасности, я должен хорошо выглядеть! Я налил себе бокал вина, сделал несколько глотков и... не помню. Провал. Когда очнулся, мне показалось — прошло всего несколько минут. Видимо, устал и заснул ненадолго. Неужели старею?

Удивила странная, неестественная тишь. Умолкли даже птицы, привычно распевające за окнами на ветвях старых деревьев. Не ржали лошади на заднем дворе, не лаяли собаки, не перекрикивались садовники и лакеи. Я невольно встревожился. Годы войны приучили различать первые признаки опасности.

Я поспешил в коридор... Возле двери лежал паж, обнимая бутылку сбитня, которую я ранее велел мне доставить. Наклонившись, потрогал мальчишку за ухом — жив. Просто спит мертвым сном. Почти бегом я проследовал дальше. Что же вижу? Посреди коридора, перегородив проход, неизящно развалился спящий Валеритэль, мой глава СБ. Задрых внаглую и даже похрапывает. Его трогать я не стал, чтобы не тратить лишнего времени.

Испугавшись не на шутку, я мчался в комнату жены, молясь про себя богу и богине, чтобы я ошибся.

На пороге спальни, перед дверью, в живописных позах раскинулись восемь моих лучших людей во главе со знахарем-шаманом. Дверь открыта настежь. У меня подкосились ноги. Неверной походкой, уже догадываясь, что увижу, попытался пройти вперед. От слабости закружилась голова. Сердце глухими ударами бухало в грудной клетке. Я остановился на пороге, подпирая косяк. В ужасе едва не закрыл глаза, опасаясь увидеть в полутемной комнате кровь на простынях и безжизненное тело любимой женщины. Сцепив зубы, все же взял себя в руки и переступил порог спальни... Смятая постель пуста, никаких следов кровавой резни. Я перевел дыхание. Слава богине!

Вышел наружу и гаркнул изо всех сил:

— Подъем!

С трудом, еле-еле продрал глаза после навейного дурмана, виновные стражи и маг вернулись в действительность.

Я до крови вонзил ногти в ладони, чтобы не обезглавить их тут же, своей рукой. Умом понимал — они не виновны. Если таинственный сон поразил целый дворец, включая собак, лошадей и птиц, даже устойчивых к чужому воздействию магов, то у воинов возможности сопротивляться волшебной дреме просто не было. Но ум и эмоции — суть вещи разные. А меня душили страх и гнев. Огненная ярость дроу требовала кровавого выхода.

Стражи и маг, упустившие мою жену, стояли на коленях, держа оголенные сабли в руках и не пытаясь оттянуть неизбежное. В их глазах им оправданий не было. Я открыл было рот для приговора, но, передумав, сказал воинам совсем другое:

— Малик, Рель, Орвис, знахарь — за мной. Остальным собрать тут в коридоре дворцовых магов. Халь, позови псарей. Никаких самоубийств. Кто попробует — казню семью. Пока не отыщем Эрику, вы нужны мне живыми, слышите! И попробуйте до того часа не дожидать, сволочи!

Они склонили головы в знак согласия и молча вскочили, задвигая сабли и мечи в ножны. Горе в их глазах было лишь осколочным отражением моего.

Четверка отошла в сторону, чтобы не мешать мне уловить нить связи с Эрикой. Я закрыл глаза, кружась в поиске. Вот она! Красивая, золотистая, тугая... Я последовал за нею, срываясь на бег. Мы пробежали в сад, миновали изгородь и... Я остановился, протирая глаза. Нить изогнулась. Такое впечатление, будто дальше она упирается в небо. Как такое может быть?

По моему знаку подвели псарей. Собаки легко встали на след. Гончие, захлебываясь лаем, погнались на запах. Он привел их до лесной прогалины. Собаки закрутились, забегали туда-сюда, потом уселись и дружно завyli. Я оторопел.

Призвали магов. Дальше одного и того же места никто не привел. Тупик. Она жива! Знаю, верю, чувствую — она жива! В таком состоянии Эрика не могла никуда уйти сама! Ее похитили. Где же она?

Войдя в храм вместе с четверкой воинов и магом, я принялся срочно готовиться к обряду призыва, с трудом соображая и лихорадочно вспоминая последовательность действий. Когда все было готово, полоснул себя по запястью, нагнувшись над ритуальной чашей и одновременно произнося заклинание. Кровь вскипела, смешиваясь с магической жидкостью. Внутри чаши забурлило, но поверхность оставалась мутной. Повторные попытки меня вконец обескровили, но результата не дали. Вот уж не знаю, чем прогневили мы богиню, только разговаривать с нами она не пожелала...

Вконец опустошенные и растерянные, мы вернулись во дворец. Я не мог представить себе, как поступить дальше. В нашем мире народу дроу всегда покровительствовала богиня, мы ее дети. Если она отказалась дать совет правителю, пусть даже в частном вопросе... то следует смириться и принять ее решение (на что я никогда не пойду!) или сменить правителя (ради Эрики согласен и на это!).

Придя домой, рухнул на постель и долго лежал без движения. Мрачные стражи уселись на полу вокруг кровати. Но заснуть не смог. Провалившись некоторое время в тяжких раздумьях, я объявил:

— Богиня не хочет помочь. Я не вижу другого выхода, кроме как...

Рель поднял на меня глаза:

— Интифадер?

~~~

Я согласился:

— Да. Нечего время зря тратить. Идти с собой не заставляю. Кто хочет — вперед, только примите омовение. Остальные ждут меня здесь.

Стражи вместе с шаманом наотрез отказались покинуть меня в отчаянном начинании.

Мы провели в храме сутки. Пытались добиться ответа от богини всеми способами: молились, просили, порезали руки у всех. Богиня молчала. Она как будто забыла о нас. Ни единого знака, ни малейшего намека. Тишина...

На исходе вторых суток, когда в сердцах многих стала гаснуть надежда, поднялся Малик и, глядя на статую богини сухими, воспаленными глазами, начал раздеваться со словами:

— Не хочешь крови, возьми в жертву меня, богиня...

Мы оцепенели... Такого никто не ожидал. Парень покачивался в ритуальном танце, сбрасывая с себя одежду и напевая под нос молитву.

На смуглой коже танцевали отблески жертвенного огня, оттеняя стройную фигуру. Перекатывались налитые силой мышцы. Обнаженный дроу сейчас был подобен богу, да простят они меня за подобную дерзость.

Вдруг в круг вышел Рель, присоединяясь к добровольной жертве.

— Ты куда? — вырвалось у меня.

Он на мгновение обернулся, посмотрел на меня затуманенными глазами и сказал, просто и честно:

— Я виноват и с таким грузом жить не хочу.

И в танце уже сплетались двое.

Четкие, выверенные движения завораживали, песня звала, манила за собой. И вот к их танцу присоединился третий. Незаметно для себя мы все вступили на этот путь, приняв участие в танце, приводящем танцующего к смерти, если будет принята его жертва.

— Это что вы тут устроили?! — раздался разгневанный голос богини, снизошедшей до нас. Окутанная золотистым светом прозрачная женская фигурка возникла на алтаре и... оперев руки в бока, завопила: — Еще раз спрашиваю, что вы тут устроили?!

Мы преклонили колени перед величием богини, и я ответил:

— Мы пришли к тебе с просьбой, богиня...

— Голыми?! — перебила она меня, притопнув ножкой.

— Ну да, — не нашлось у меня другого ответа. — Прими нашу жертву...

— Чего? — не поняла она. — Какую жертву? Где она?

— Нас... всех, — отозвался я, склоняя голову и со смирением ожидая ответа.

— Зачем мне столько голых мужиков? — оторопело пробормотала Йаола на грани слышимости. — Что мне с ними делать?

Несмотря на трагичность момента, мои губы тронула улыбка, так смешно выглядела растерянность божества.

— Возьми наши жизни, только спаси и верни... — начал объяснять я, но тут рядом с Йаолой возник мужчина.

Он грозно осмотрел место действий, оценил обстановку и, повернувшись к жене, проревел:

— И как это называется?! А?!

— Жертва?.. — неуверенно подсказала мужу богиня.

— Разврат! — припечатал он, с отвращением разглядывая нас.

— Но, дорогой, — кокетливо заворковала Йаола, — мальчики хотели как лучше, им нужна информация о...

— Знаю я, чего им нужно! — оборвал бог смерти. — А еще лучше знаю, что нужно тебе! Марш домой!

— Как скажешь, любимый, — немедленно согласилась она. Уже исчезая, добавила: — Не обижай мальчиков, они старались...

— Оголялись! — язвительно закончил бог. — Иди-иди! Сам разберусь!

Дождавшись ухода жены, Йолар повернулся к нам, выдержал минуту молчания и рявкнул, багровея:

— Встречаемся в моем главном храме! Извращенцы! И чтоб все были одеты, а не то покараю!

И тоже пропал...

Грянул громкий смех. Мы стояли обнаженными и, глядя друг на друга, со слезами на глазах покатывались от хохота.

— Голые... — повторяли мы и не могли остановиться. Видимо, накрыла реакция на предыдущие события.

Веселье оборвал шаман. Он справедливо заметил:

— Лучше уйти. Если Йолар внезапно вернется, а мы все еще раздетые, то на этот раз нам уйти от наказания за оскорбление божества не удастся.

— Кто знает, где главный храм бога смерти? — спросил я.

Миртель вздохнул.

— Его еще называют «ласточкиным гнездом». Он далеко в горах. Ехать туда три-четыре дня, не меньше. Если взять ночь на отдых и на сборы, завтра утром как раз сможем отправиться, — уважительно сообщил знахарь.

Мы бесславно бежали. Дома нас ждали обеспокоенные слуги, горячая пища, крепкое вино и... тоска. Черная, выматывающая душу, заставляющая выть... Скорбь, сплотившая нас в горе и разъединяющая в чувстве вины. Печаль по маленькой хрупкой эльфийке, умевшей смешить и смеяться.

Отправив гонца с распоряжением о подставных лошадях на всем пути нашего следования, я упал в черный провал вместо сна. Наутро, еще до восхода солнца, мы выехали из замка и поехали на восток. Три дня сломя голову неслись по дорогам, останавливаясь только на путевых станциях — передохнуть и сменить перекладных лошадей.

На рассвете четвертого дня на взмыленных конях подъехали к горному храму. Я велел остаться Малику, которого дома ждала семья, с лошадьми. Он поник головой, но возразить не посмел.

Одинокий и холодный, нависал главный храм бога утлым гнездовьем на отвесной круче. Хлипкие деревянные лесенки без перил взбирались ввысь, являя головокружительное зрелище. Один за одним, шатаясь на гнилых досках, поднимались мы к храму. Отворились резные деревянные створки, застонал под нашими ногами пол...

Мы отлично знали, за чем шли. И прекрасно помнили, чем за милость бога битв и смерти придется платить.

Такого бога нельзя подкупить золотом или мехами, драгоценными камнями или ладаном. Его милости не достичь одними лишь дарами или самоотверженным молитвенным поклонением. В смертельном танце придется сойтись лучшим из лучших. Если повезет, из моих спутников вернется половина. Если нет — живым отсюда не выйдет никто.

Знахарь достал священный бубен. Бойцы сняли камзолы и разделлись до рубашек,

поделившись на пары. Каждый взял любимое оружие. Рель захватил боевой шест, Халид — парные сабли, Сунно — хлыст и длинные кинжалы, Арт достал укороченный тяжелый меч и круглый щит.

Парни шутили, хотя волнение и тревога оставили печать на их лицах. Кожа обтянула скулы, под глазами легли тени.

Наступил решающий момент. Один на один кружились две пары, выплясывая на прогибающихся досках пола над пропастью. Как только звуки боя стали громче, мои стражи начали танцевать, не столько прилагая силы, чтобы немедленно убить друг друга, сколько на первых порах демонстрируя свое мастерство, чтобы привлечь бога войны.

И он пришел. Уселся, донельзя довольный, на троне из черепов и пожелтевших костей и стал ласково поглаживать еще один, окровавленный череп, взятый с амвона.

Моим воинам хватило мужества не озираться. Они продолжили сражаться, раз за разом все ожесточеннее нападая друг на друга. Постепенно из мелких порезов заструилась кровь. Они не останавливались. Знали: чем дольше, красивее и кровавее получится сражение, тем больше шансов на милость жестокого божества. Смысл существования воина — жить и умереть в бою. Семейных среди друи не осталось, поэтому они выкладывались по полной. Бойцы не рассчитывали покинуть это место, надеялись лишь обелить в смертельном поединке свое имя от несмываемого позора.

А звук бубна становился все тревожнее, пронзительнее... Мы настолько увлеклись жестоким зрелищем, что не сразу услышали легкие шаги.

— Так-так-так... — раздался мелодичный женский голос. — Мальчиков нельзя оставлять одних? Сразу за режущие предметы хватаются?

— Что ты здесь делаешь, дорогая? — смутился бог, ненароком пихая за кресло окровавленный череп, который до того машинально крутил в руках.

— Интересуюсь... — с широкой ласковой улыбкой ответила богиня, вступая в храм. Слепив верующих золотистым светом, Жизнь дающая потом чуть приглушила сияние нимба и заорала: — А ну положить всем оружие, пока не порезались!

Сражающиеся застыли в самых неожиданных позах, не смея пошевелиться и нарушить приказ. Кого слушаться?

Йаола нахмурила брови и громко возвестила:

— Меня плохо поняли? Я пока добрая, но могу и злобной стать! И тогда попрыгушки с железом покажутся всем детским лепетом!

— Хватит! Довольно, — величественно махнув рукой, поддержал ее требование муж. Бог сполз с трона, горько жалуясь: — Все седалище себе на этих костях отсидел... до мозолей... Антураж, мать его... Церемонии, чтоб их через колено... Этикет, будь он неладен... Как же я все это ненавижу!

У меня вообще все мысли разом сдуло. И это боги нашего мира? Они же ведут себя словно простые смертные! Ругаются, жалуется, выясняют отношения...

— Любимый, — заявила богиня, приближаясь к мужу и массируя тому поясницу, — нужно больше следить за здоровьем и не расслаиваться на сквозняках...

Йолар поморщился, кинул на паству извиняющийся взгляд и сказал:

— Солнышко, прошу — не позорь перед верующими. Иди домой, сами разберемся.

— Я вижу, как вы тут разбираетесь! — не уступила жена. — Как что, так сразу за ножи хватаетесь...

— Все лучше, чем танцы голых мужиков рассматривать, — огрызнулся бог.

— Разве плохо вышло? — удивленно подняла брови красавица. — Завидуешь? Тоже

хочешь на такой посмотреть?

— Да ни за какие коврижки! — открестился муж, отшатываясь. — Насмотрелся уже! Хватит! И вообще, у тебя молоко убежало!

— Ой! — прижала ладошку ко рту богиня. — И вправду! — Но тут же посмотрела на невозмутимого мужа, подозрительно внимательно изучающего потолок, и вызверилась, уперев руки в бока: — Молоко убежало?! Молоко?! Ты кого учишь хозяйничать? Меня?!

И кого это мне сильно напоминает?..

Йаола, не теряя ни минуты даром, развернулась к нам и заголосила, будто деревенская баба в споре со своим благоверным:

— Смотрите, люди добрые, что делается! Мужик бабу учит щи варить!

Кажется, по воинскому кодексу считается позором упасть в обморок. Но, может, ну его к демонам, этот кодекс? Я лучше без сознания полежу, чем буду развенчивать свои представления о богах...

— Все! — вдруг перестала ломать комедию богиня, резко оборвав типичные сельские причитания на полуслове. — Поиграли, и будет. Вы, — обратилась она к нам, — еще помните, зачем сюда пришли?

Мы все как один склонили головы.

— Хорошо, — одобрила она наше единодушие. — Я пошла очаг отмывать от «убежавшего молока», а вы тут беседуйте... И смотрите у меня! Без шалостей! — строго посмотрела в сторону мужа.

Бог помахал ей на прощанье рукой и облегченно вздохнул:

— Пронесло... — Кивнул бойцам. — Одевайтесь! Я из-за вас еще один втык получать от супруги не намерен. Очень уж она трясется над своим избранным народом, тьфу!

Склонясь как можно ниже, я подошел к подножию трона и встал на колени перед костяным тронном бога. Тот поднял на меня черные провалы глаз:

— Ну и нахал! Совсем страх потерял! Чего надо?

— Если хочешь, возьми наши души себе, великий бог, но прошу — спаси Эрику!

Бог задумчиво почесал кончик носа.

— Зачем мне ваши души? — Повел рукой в сторону фресок, изображающих эпохальные битвы и муки пекла. — Мне что, по-вашему, своих мало? И тут вам я ничем помочь не могу! Она уже вне моей власти! Могу только умертвить ее. Хочешь?

Я молча осел, упираясь лбом в пол.

— Ну что еще ты от меня требуешь? — раздраженно рыкнул бог. — Не могу! И не проси! Она находится между этим миром и тем. Жива и не жива одновременно, словно думающее растение.

Я не поднимал головы, оставаясь в той же позе. Ко мне подползли остальные воины и тоже приняли позу крайнего подчинения, заведя руки в замке над головой.

— Глупец! Не трогай ее ради нее самой. — Бог сплюнул на пол и поднялся: — НЕ ВЕРИШЬ?! Гляди сам!

По взмаху его руки перед нами соткалось огромное зеркало. Я увидел жену. Ее несли двое в серых плащах. Невозможно определить расу, все скрыто материей.

— Где это? Кто они? Куда ее несут?

Внезапно появившийся демон разорвал похитителей и клонился над Эрикой. Я поймал себя на том, что бешено, неистово ревную, вместо того чтобы сердечно благодарить за

спасение любимой. Но все лишние, пустые обрывки мыслей исчезли, как только демон открыл ее лицо. Подкосившиеся ноги отказывались держать. Я устоял, схватившись за край ритуальной чаши, но не сумел удержать крик:

— Нет!!!

Мне казалось — знаю, что такое боль, но я ошибался. Настоящая боль пришла сейчас, когда перед моими глазами было лицо Эрики, медленно уходящей в мир иной от «Каменного Сна». Невозможность помочь железными когтями терзала душу и сердце, сжигала мозг.

— Почему, боги?

Тут демон взял ее на руки и открыл телепорт.

Я прохрипел:

— Что он задумал? Отчего не принес сюда, ко мне?

Ответ оказался слишком прост. У него в замке была «Слеза Забвения». Единственное средство, способное вытащить Рику с Каменных Равнин. Она останется жива, но забудет. Меня, сына, прежнюю жизнь — все! Для нее предмет привязки — первый, кого она увидит, просыпаясь... демон.

— О боги, как больно! — У меня словно вырезали часть сердца. Я одернул себя — зато она будет жить! Воскликнул: — Что же ты медлишь, демон?! Еще чуть-чуть — и будет поздно: она не сможет вернуться! Спаси ее, демон! Спаси — и проси о чем хочешь!

С волнением наблюдал, как демон наклонял флакон над бокалом, будто услышав мою мольбу. От количества капель зависела и моя жизнь тоже. Одинокая, беспросветная, полная ожидания... Демон воистину пожалел меня: лишь одна молочно-белая капля упала в бокал, и он поднес лекарство к губам моей жены, заставляя выпить. Пусть покарают меня боги, но я испытал облегчение, когда Эрика выпила лекарство.

— Пять лет без тебя, зато ты будешь жить, любимая! Ты будешь жить...

Демон склонился над ней, защелкивая на тонких руках брачные браслеты с демонской символикой. Свои брачные оковы.

Скрипя зубами, я выкрикнул в отчаянии:

— Не надейся, я не отдам ее тебе!

Дальше смотреть не было сил: как пережить то, что она назовет другого мужем?

Бог с жестокими словами: «Я свое дело сделал», — покинул храм.

Я остался со своей болью, взывая к божественной сути. Долго бился головой о притолоку, пытаясь осознать случившееся и понять: почему? за что? Не выдержав, подошел к статуе богини, опустился на колени и заговорил, срываясь на крик, требуя объяснить и умоляя одновременно:

— Почему ты допустила это?! Зачем ты забрала ее?! Как мне жить дальше, зная, что она не помнит меня?! Я люблю ее!!! Она весь мир для меня!!! Она моя жизнь!!! Я мертв без нее, умер сегодня!!! Что мне осталось?!

Сжал голову руками и завыл от переполнявшей меня боли. Впереди пять лет ада. У меня сын и... маленькая надежда.

Эпилог

— Кричи, дроу, кричи! Ты еще не знаешь, какая судьба ей предназначена и выбрана дорога. Я вижу, как рвется твое сердце, и чувствую твою боль! Но у каждого из нас свои пути в жизни и свои долги, которые следует отдавать. Я и так дала тебе больше, чем другим на ее пути. Дала тебе любовь к ней, привязала ее к тебе накрепко, потому что только ты способен пройти с ней этот путь до конца. Только ты смог выбрать ее жизнь и отдать другому мужчине, и только ты будешь любить ее, пока жива твоя душа. Она вернется к тебе, если ты сможешь дождаться, и лишь ты сможешь разбудить ее сердце, когда отдашь свое взамен. Кричи, дроу, кричи! Ты достоин моей дочери... — шептала удивительно красивая женщина, вперившись неподвижным взором в помутневшее стекло.

— Теперь ты довольна? — раздался сзади голос мужа.

— Не знаю, — протянула богиня, не отрывая глаз от коленопреклоненного дроу.

— Все вы, женщины, такие, — начал заводиться Йолар, — сначала кашу заварите, а потом не знаете, что с ней делать... Смотри, до чего несчастного зятя довела!

— Планида у него такая, — хмыкнув, философски отозвалась красавица. — Все тещи не сахар! Пускай привыкает, ему еще много чего в его жизни предстоит... И хватит об этом! — Богиня подчеркнуто аккуратно поправила тонкие браслеты на руках и, громко цокая каблучками, вышла.

— Фу-ты ну-ты, опять бабские козни! — негромко заметил бог войны. — Ладно, придется за этим приглядывать повнимательнее... Жизнь предполагает, а смерть располагает. — Еще раз сочувственно окинул взглядом дроу и добавил: — В конце концов, мужскую солидарность никто не отменял!

Примечания

1

Дьявол! (*темноэльф.*)

2

Халур — местный аналог нечисти. Мелкие твари, покрытые лиловой шерстью. Полуразумны и имеют средний магический потенциал. Используют магию огня.

3

Грызомла — местная разновидность гепарда-самки.

4

Загрэнзац — мелкий хищник, питающийся падалью. Предпочитает внутренности.

5

Единица магической напряженности.

6

Чтоб тебя! (*темноэльф.*)

7

Слова Т. Коршиловой.

8

Эмпатия — способность вхождения в эмоциональное состояние другого человека через глубокое сопереживание. Способность быть эмпатом дает возможность точно проникать в чужой глубинный мир эмоций и переживаний, отображая их через свои эмоции и переживания. При зеркальном эмпатическом отображении причины переживаний тоже полностью отзеркаливаются. Одно условие: для сохранения своей психики эмпат должен четко дистанцировать чужие чувства и постоянно напоминать себе о стороннем источнике этих чувств.

9

Йолар — бог войны и смерти.

10

Раб битвы — существо, добровольно посвятившее себя служению богу смерти. Находится между жизнью и смертью. Умереть может только с позволения хозяина. Используется как военная сила и порученец.

В. С. Высоцкий. «Диалог у телевизора».

Каргаал — хищный зверь из семейства кошачьих. Обладает ядовитыми когтями и зубами. Крупнее льва. Окрас шерсти варьируется от белого до бежевого. Устойчивы к магии.

БАТ — биологически активная точка.

«Витязь в тигровой шкуре». (Перевод Н. А. Заболоцкого.)

Темноэльфийское ругательство. Нецензурное.

Довид Кнут. «Восточный танец».

Дж. Г. Байрон. «Отчаяние». (Перевод А. Н. Плещеева.)

Темноэльфийское ругательство. Нецензурное.

Темноэльфийское ругательство. Нецензурное.

Темноэльфийское ругательство. Нецензурное.

Темноэльфийское ругательство. Нецензурное.

«Киндер, кюхе, кирхе» («Дети, кухня, церковь»), или три «К» — немецкий лозунг, определяющий роль идеальной женщины в Германии.

Перефразированное выражение из мультфильма «Волшебное кольцо».

Темноэльфийское ругательство. Примерный перевод: «Пропади все пропадом!»

Фраза из стихотворения Сергея Михалкова «А что у вас?».

Примерный перевод: «За что мне это?!»

Стишки начала XX века.

Станислав Ежи Лец «Непричесанные мысли».

В. Шекспир «Ромео и Джульетта» (*Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.*)

«Романс Дианы» из кинофильма «Собака на сене», слова М. Донского.

Черная арша — самая ядовитая змея континента. Яд этого земноводного убивает мгновенно. Противоядия не существует.

Знаменитая фраза Беатриче из пьесы В. Шекспира «Много шума из ничего». (Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.)

Местный аналог гусей. Отличаются лишь цветом оперения (зеленое) и наличием мелких, но острых зубов в клюве. Лопают все подряд.

36

Мультфильм «38 попугаев».

37

Екк. (1, 18).

Черт (*темноэльф.*)

Зверьки, выпускающие секрет при опасности. Местный аналог скунса.

Интифадер — одна из форм своеобразной забастовки, вынуждающей бога дать просителю желаемое.